

Цитаты номера

Уже само по себе то, что в Соединенных Штатах всерьез обсуждается возможность создания новых термоядерных боезарядов для обновления арсенала без проведения ядерных испытаний, является значимым событием. Хотя речь идет об изменении в научно-технических подходах к сопровождению ядерного арсенала США, это, безусловно, затронет интересы всех ядерных государств.

России во всех отношениях выгодно сотрудничать с США. И наоборот. Эта выгода заключается в том, что возможности наших стран для достижения собственных интересов в этом случае складываются. Разрыв же с мировым лидером означает для России прекращение модернизации. Сегодня модно рассуждать о самобытности российского пути: видимо, для того, чтобы на эту самобытность списывать трудности и недостатки. Пути модернизации во многом универсальны.

Россия впервые с Петра Великого практически не имеет влияния на европейскую политику. Россия может что-то говорить европейцам, но они уже не утруждают себя имитированием внимания к тому, что говорится из Москвы, и оживляются только тогда, когда Россия начинает очередной раунд газовой дипломатии.

Европа, США, Китай, Индия и другие страны предлагают центральноазиатским государствам новые маршруты экспорта углеводородов. Хотя пока эти планы выглядят сложными для осуществления, обилие новых вариантов ведет к усилению роли производителей, которые начинают диктовать свои условия импортерам. Разговоры о новом *Шелковом пути* выгодны в первую очередь странам Центральной Азии.

Интегрированные системы вооружений на основе высокоточных технологий и спутниковых группировок вскоре станут главным оружием, способным обеспечить глобальное превосходство за счет сочетания информационных и ударных характеристик. Однако космические системы также несут в себе потенциал сотрудничества, который, если направить его в нужное русло, может обеспечить глобальную безопасность.

Юрий Юдин

Михаил Маргелов

Дмитрий Евстафьев

Татьяна Митрова

Василий Лата,
Владимир Мальцев

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 3, 2007

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№3 (83) 2007

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Андрей Денисов

СНГ – ЭТО ОТНЮДЬ *НЕ УМЕРШАЯ* ОРГАНИЗАЦИЯ

Михаил Маргелов

РОССИЯ И США: КАК ЗАКЛЮЧИТЬ *БРАК ПО РАСЧЕТУ*

Вадим Козюлин

РОССИЙСКОЕ ОРУЖИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Круглый стол

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И *ЮЖНОЕ ПОДБРЮШЬЕ*: УЯЗВИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ

Владимир Верховцев

ГЛАВНОЕ ЯДЕРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Анастасия Понамарева

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ: ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ
ФАКТОР СТРАХА

Журнал ПИР-Центра

ТЕХСНАБЭКСПОРТ ОТКРЫТ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Наша цель – быть одним из ведущих поставщиков на мировой рынок товаров и услуг ядерно-топливного цикла, производимых отечественной атомной промышленностью.

Основные отечественные партнеры ОАО «Техснабэкспорт»:

- Уральский Электрохимический Комбинат (ФГУП «УЭХ»), г. Новоуральск
- Электрохимический завод (ФГУП «ПО «ЭХЗ»), г. Зеленогорск
- Сибирский Химический Комбинат (ФГУП «СХК»), г. Соверск
- Ангарский Электролизный Химический Комбинат (ФГУП «АЭХК»), г. Ангарск
- «Производственное объединение «МАЯК» (ФГУП «ПО «МАЯК»), г. Озерск
- Горно-Химический Комбинат (ФГУП «ГХК»), г. Железногорск

РАДИОАКТИВНЫЕ, СТАБИЛЬНЫЕ ИЗОТОПЫ И ИХ СОЕДИНЕНИЯ
 ИСТОЧНИКИ ИОНИЗИРУЮЩЕГО ИЗЛУЧЕНИЯ, МЕЧЕННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ
 УСЛУГИ ПО КОНВЕРСИИ УРАНА
 ОБОГАЩЕННЫЙ УРАН
 УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА
 УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ РЕГЕНЕРИРОВАННОГО УРАНА
 ЭЛЕКТРОННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ
 УСЛУГИ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТРАБОТАВШИМ ЯДЕРНЫМ ТОПЛИВОМ

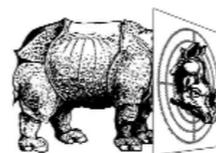

БОЛЕЕ 40 ЛЕТ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

www.tenex.ru

ОАО «ТЕХСНАБЭКСПОРТ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОСТАВЩИК ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ, УСЛУГ И ОБОРУДОВАНИЯ

О ГЕОГРАФИИ

Балтийское море, похожее на женщину, склоненную в молитве, хрупкое равновесие двух Америк, замерших на трапеции, Австралия, как Африка в младенчестве, положенная на бочок.

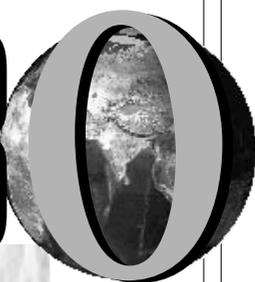
Владимир Набоков

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

БЕЗ ПАСНОСТИ

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 3 (83), Том 13
Зима 2007

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир Э. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин П. Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском языке (в феврале, мае, августе и ноябре) и четыре раза в год на английском языке (в марте, июне, сентябре и декабре). Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Екатерина А. Вотановская, координатор Образовательных проектов
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульхарнеев, стажер
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям
Ирина А. Котова, помощник президента
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Павел А. Мансуров, выпускающий редактор журнала *Индекс Безопасности*
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Никита В. Перфильев, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*, редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Екатерина М. Рыжованова, координатор Информационных проектов
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению периодических изданий
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета Центра
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернет-представительствами
Антон В. Хлопков, исполнительный директор Центра, директор Образовательных проектов
Елена А. Черепнина, стажер
Софья Н. Шкунова, секретарь
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 3 (83), Том 13
Зима 2007

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Никита В. Перфильев, заместитель главного редактора [perfiliev@pircenter.org]
Павел А. Мансуров, выпускающий редактор
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Евгения А. Бакаева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Юлия Г. Иванова, секретарь
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала:

Алжир: Сергей Г. Мурсанков
Баку: Джангир Арасли
Бамако: Андрей В. Гребенщиков
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Веллингтон: Михаил Н. Лысенко
Вена: Надежда Б. Теллер
Дели: Ирина В. Козырева
Киев: Сергей П. Галака
Лондон: Юрий Е. Федоров
Монтерей: Кристина Чуен
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Нью-Йорк: Инна В. Баранова
Стокгольм: Екатерина А. Степанова
Токио: Таисукэ Абиру
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Юридическая поддержка:

CAF Russia
Secretan Troyanov Avocats (Genève)

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –

Centre russe d'études politiques – из Женева: www.crep.ch

International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –

Centre russe d'études politiques: www.crep.ch

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Форда, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», посольства Швейцарии в Российской Федерации и др.
- При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. №367-рп

Тираж 2400 экз. Подписано в печать 30 ноября 2007 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2007

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Требуется: архитектор.** – «Новый этап развития России дает возможность прибавить к имеющимся национальным проектам новые, более масштабные. Ключевым среди них может стать проект по восстановлению связи с соседями России по бывшему общему дому – Советскому Союзу», – считает главный редактор *Индекса Безопасности* **Владимир Орлов.**

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О свойствах характера**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 15 **Андрей Денисов: «СНГ – отнюдь не умершая организация, и вопрос о роспуске Содружества не стоит»** – В интервью главному редактору *Индекса Безопасности* Владимиру Орлову первый заместитель министра иностранных дел России Андрей Денисов высказывается по поводу перспектив интеграционных проектов на постсоветском пространстве, сотрудничества России с Китаем, роли международных организаций. Отдельный горячий вопрос интервью: статус Косово.
- 21 **Михаил Маргелов: «России и США нужен брак по расчету»** – Председатель Комитета Совета Федерации по международным делам делится своим видением российско-американских отношений, обозначает ключевые точки соприкосновения и расхождения интересов двух стран.

А Н А Л И З

- 25 **Юрий Юдин. Каким будет ядерный арсенал США?** – Американская программа по созданию надежных замещающих боеприпасов вызывает неоднозначные оценки как в США, так и за рубежом. Однако уже сейчас ясно, что в случае ее реализации окажутся затронутыми интересы всех ядерных государств. Речь идет не просто о производстве технологически новых бое-

зарядов. По мнению эксперта из Сарова, эта программа повлияет на всю систему стратегической стабильности.

- 41 **Вадим Козюлин. Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией.** – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан... Сегодня здесь сталкиваются интересы основных центров силы. У России благодаря историческим связям и наличию институционализированных каналов сотрудничества пока не упущена возможность занять лидирующее положение на рынке вооружений государств Центральной Азии.
- 61 **Анастасия Понамарева. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха.** – Определение стратегии развития ЕС невозможно без переосмысления *внутреннего* европейского ислама и определения путей интеграции мусульман в социально-экономические системы Европы. Кто такие мусульмане Европы? Что несут дети и внуки мусульман, прибывших в Старый свет несколько десятилетий назад? Готовы ли они и другие граждане Европы жить вместе в мультикультурном обществе? Ответы на эти вопросы, а также свое видение интеграции мусульман в европейские общественные системы предлагает автор.
- 81 **Грэм Херд, Гагик Саргсян. Споры о российской демографической безопасности: существующие тенденции и грядущие пути развития.** – Демографический кризис в России несет политические, экономические, социальные вызовы и вызовы военной безопасности страны. Какое влияние окажет снижение численности населения, учитывая, что этот кризис протекает неравномерно и сочетает прирост численности *нерусского* населения и уменьшение населения на Дальнем Востоке? Авторы исследуют эту проблему и связанные с ней страхи, отмечая, что, в отличие от широко распространенного мнения, китайская иммиграция не представляет собой значительную проблему. Они также анализируют то, как демографическая карта может быть разыграна во время следующей предвыборной кампании.
- 101 **Василий Лата, Владимир Мальцев. Система систем: информационно-ударное оружие.** – Интегрированные системы вооружений на основе высокоточных технологий и спутниковых группировок вскоре станут главным оружием, способным обеспечить глобальное превосходство за счет сочетания информационных и ударных характеристик. Однако космические системы также несут в себе потенциал сотрудничества, который, если направить его в нужное русло, может обеспечить глобальную безопасность.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 121 **Джаваншир Ахундов, Павел Баев, Геннадий Евстафьев, Татьяна Митрова, Азер Мурсалиев, Андрей Мухин, Никита Перфильев, Олег Пилипец, Андрей Синев. Энергетическая политика России в Центральной Азии и на Каспии.** – В рамках расширения проблематики журнала и направлений деятельности ПИР-Центра в наших проектах все большее место уделяется проблемам энергетической безопасности и роли России на постсоветском пространстве. В материалах круглого стола нашло отражение мнение экспертов о целях энергетической по-

литики России, основных противоречиях и возможном сотрудничестве в нефтегазовом секторе региона.

КОММЕНТАРИЙ

- 135 **Линтон Брукс. Надежные замещающие боеприпасы и как они помогут делу нераспространения.** – В заочной полемике посол и бывший руководитель Национальной администрации по ядерной безопасности США Линтон Брукс акцентирует внимание на преимуществах программы создания надежных замещающих боеприпасов. По мнению автора, она несет значительные выгоды режиму нераспространения за счет возможности отказаться от ядерных испытаний и уменьшить ядерный арсенал США.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ: МАЙ – ОКТЯБРЬ 2007

- 139 **Показатели Индекса *iSi* – универсального Индекса международной безопасности.** – Лето и осень 2007 г. продемонстрировали состояние тревожной неопределенности в области глобальной безопасности, что находит непосредственное отражение в колебаниях Индекса *iSi*. Куда сдвинется равновесие? Члены Международной экспертной группы ПИР-Центра Мариан **Абишева**, Андрей **Кортунов**, Рама **Мани**, Уильям **Поттер**, Абдулазиз **Сагер**, Евгений **Сатановский**, Чжие **Цзи**, Константин **Эгергерт** дают свои оценки и прогнозы.
- 141 **Юрий Федоров. Глазами либерала: «Анархия господствует над миром».** – «Глобальная неопределенность увеличивается, а способность *управлять* процессами, происходящими на мировой арене, уменьшается. И международное сообщество как таковое, и наиболее мощные, ведущие державы оказываются не в состоянии остановить накопление негативных тенденций».
- 155 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Суверенная демократия – глобальный контекст.** – «В мире есть настораживающее ощущение, если не *дежавю*, чего-то очень знакомого. Система международных отношений находится на стадии активной перестройки, а основные игроки на мировой арене в ожидании нового контекста решают преимущественно тактические задачи».

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 171 **Владимир Верховцев. О главном ядерном управлении.** – В 2007 г. военные 12-го Главного управления министерства обороны России отмечают 60-ю годовщину своего создания. Об истории главного ядерного управления, его задачах и роли в обеспечении безопасности России рассказывает его нынешний руководитель.

БИБЛИОТЕКА

- 179 **Геннадий Евстафьев. ООО «Вооруженные силы».** – Книга пакистанской исследовательницы Айеши Сиддики о возрастающем участии вооруженных сил в деловой и экономической жизни от-

дельных стран основана на богатом фактическом материале, прежде всего о ее родном Пакистане. Эффективность осуществляемых военными коммерческих операций вызывает большие сомнения, и зачастую они накладывают тяжелое бремя как на военный, так и на общенациональный бюджет.

- 185 **Михаил Агапов. Политика между небом и землей.** – Книга Мадлен Олбрайт – это, пожалуй, единственный на сегодняшний день пример столь прямого обращения к проблеме религии в современных международных отношениях политика такого высокого ранга. Автор призывает отказаться от широких терминов, обозначающих врагов США, таких как *приверженцы политического ислама, исламофашисты*, поскольку «чем более широкое мы дадим толкование того, кого считаем своим противником, тем больше наживем себе врагов».

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 193 **Альберт Зульхарнеев, Павел Мансуров, Никита Перфильев, Роман Устинов** – Сотрудники и стажеры ПИР-Центра готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 197 **Узи Рубин.** От сдерживания к доминированию.
199 **Максим Страчак.** Индекс безопасности: реальность или психология.
201 **Сергей Приходько.** Экспертная опора.

S U M M A R Y

О Б А В Т О Р А Х

Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ь Т А Т И В Н Ы Й С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А

Обл. III К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

О географии

ТРЕБУЕТСЯ: АРХИТЕКТОР

Итоги парламентских выборов 2 декабря 2007 г. ставят логическую точку на переходном периоде современной истории России. Всё, процесс смут, поисков и шараханий окончательно завершён. Россия вступает в новый период: период последовательной реализации своего потенциала как политически устойчивого и экономически успешного государства. Общественная жизнь, пока еще сонная, заторможенная, находящаяся *под паром*, как раз и сможет постепенно пробудиться, воспрянуть от оцепенения в условиях такого стабильного развития.

Внешняя политика должна, прежде всего, выступать инструментом, обеспечивающим динамику этого внутреннего развития и устойчивость России. Среди нынешних национальных проектов нет ни одного, напрямую связанного с решением задач вне российских пределов. Действительно, Россия сосредоточилась: сосредоточилась на себе.

Прагматизм во внешней политике – дело доброе. Однако новый этап развития России дает возможность выдвинуть на первый план и новые проекты, уже более масштабные. Ключевым среди них может стать проект по **восстановлению связи** с соседями России по бывшему общему дому – Советскому Союзу (вынесем здесь за скобки три прибалтийские страны). Именно *восстановлению* – потому что сегодня, несмотря на многократное декларирование внешнеполитической *приоритетности* отношений России с государствами СНГ, эти отношения подвержены все той же эрозии, которая начала разрушать их на рубеже 1980–1990-х гг. Со стороны России сделано досадно мало для того, чтобы эта связь восстановила бы свои взаимности, смысл и звучание; и досадно много, чтобы сегодня задача восстановления такой связи многим стала казаться не просто нереалистичной, но чуть ли не самоубийственной.

Фраза о том, что взаимоотношения России с каждым из государств бывшего СССР имеют свою специфику, стала бы банальностью. Конечно, каждая ситуация уникальна. Где-то интеграционные тенденции по-прежнему сильны, где-то возможности оказались упущены по вине России, где-то – взаимный интерес просматривается едва-едва, на грани угасания...

Однако именно сегодня, с ее окрепшим голосом, Россия может позволить себе роскошь говорить об интеграции... тихо. Потому что об этом не надо кричать: лозунгов уже было предостаточно. Именно тихо, без агитации, спокойно и уверенно, – вот как должна говорить Россия; достоинство в этом, а не в криках и не в размахивании кулаками.

Продолжение на стр. 11

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОДХОДИТ ВРЕМЯ ПОДПИСКИ-2008!

Начиная с 2008 г., журнал *Индекс Безопасности* переходит в формат ежеквартального издания. Для получения журнала в новом году необходимо оформить платную подписку на его российское (на русском языке) и/или международное (на английском языке) издания.

Подписаться на журнал в настоящее время можно:

А. Через Агентство «Роспечать» (только на российское издание)

Информация о подписке на российское издание (на русском языке) в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать». Подписка открыта на второе полугодие 2008 г. Стоимость подписки на два номера журнала составит **1500 рублей, включая их доставку** по указанному Вами адресу в пределах России. Индекс издания – **80666**.

Вы можете использовать подписной купон, который размещен на стр. 239 этого номера. Подписку можно оформить через любое почтовое отделение России и стран СНГ.

В. Став членом Международного клуба Триалог (Москва),

Вы или ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания *Индекса Безопасности* – а помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и семинары, конференции и другие мероприятия, организовываемые ПИР-Центром. Для вас открыто индивидуальное или корпоративное членство. Последняя опция особенно удобна для организаций, желающих обеспечить нескольких своих сотрудников журналом и дополнительными эксклюзивными материалами по проблематике международной безопасности. Эта опция также идеальна для всех лиц, работающих в Москве, но желающих читать журнал по-английски. Действуют скидки для представителей СМИ!

Подробную информацию о Международном клубе Триалог вы можете получить у Ирины Котовой по тел.: +7 (985) 764-9896, e-mail: trialogue@pircenter.org, а также в разделе «Клуб» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/club>

C. Став членом *Centre russe d'études politiques (Genève)*,

Вы будете получать международное или российское издание журнала, по вашему выбору. Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто не является резидентом России и СНГ и, соответственно, не может воспользоваться опциями А и В. Для оформления подписки вам следует заполнить *онлайн* форму вступления, размещенную на сайте *Centre russe d'études politiques (Genève)* по адресу <http://crep.ch/fr/application.html>. Оплатив годичный членский взнос (предлагаются три гибких варианта: корпоративный, индивидуальный или студенческий), вы становитесь полноправным членом Центра, получая дополнительные льготы на услуги *Centre russe d'études politiques (Genève)*.

Дополнительную информацию о *Centre russe d'études politiques (Genève)* можно получить по телефону в Женеве +41-79-736-9034 или же по электронной почте info@crep.ch

D. Приобрести в редакции

Для тех, кто по тем или иным причинам не осуществил подписку на журнал в 2008 г., но, тем не менее, хотел бы его прочитать, предусмотрена возможность приобретения отдельных номеров в редакции *Индекса Безопасности* за наличный расчет.

Перед приездом в редакцию следует уточнять наличие экземпляров. Редакция журнала расположена по адресу: г. Москва, Трехпрудный пер. 11/13, стр. 1, офис 025.

Подробная информация обо всех способах подписки на журнал размещена в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: <http://si.pircenter.org>.

Дополнительную информацию о подписке, а также о размещении рекламы в нашем журнале Вы можете получить у заместителя главного редактора
Никиты Перфильева

тел.: +7 (495) 234-0525

e-mail: perfilyev@pircenter.org

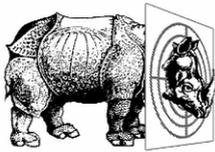
PIR CENTER

Center for Policy Studies (Russia)

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований России

В ДЕСЯТКУ: О СВОЙСТВАХ ХАРАКТЕРА

Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии. ...Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума.

...Невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели...

В.О. Ключевский
«Курс русской истории»

Вот только к экономической уверенности следует добавить пару *мелочей*. Первая такая *мелочь*: требуется **чертеж**. Звучит почти занудно, как-то по-немецки, что ли. Но нужна не широкая эмоциональная и при этом пустоватая концепция или стратегия, а именно – *чертеж*. Скрупулезный план действий по восстановлению связи.

А вторая *мелочь*: требуется **архитектор**. Ни у СНГ, ни у ЕврАзЭС никогда не было лидера. Были *крестные отцы*, были исполнительные секретари... А требуется – архитектор-лидер, которого признали бы не только (и, может быть, не столько) высокие чиновники в столицах, сколько простые люди на тех просторах, что ныне невнятно именуются *постсоветским пространством*.

Перед президентом Путиным, завершающим свою службу в Кремле, открываются несколько дорог. Одна из них – дорога национального лидера России. Эту роль он может реализовывать или изнутри власти (скажем, через парламент, в потенциальные возможности которого он, судя по всему, в отличие от многих скептиков весьма верит), или же на некотором (псевдо) удалении от нее – развывая опыт Дэн Сяопина или аятоллы Хаменеи.

Но есть и другая дорога – дорога восстановителя разрушенной связи на пространствах бывшего СССР. Она – куда более тревожная и тернистая первая. Путин последние семь лет только тем и занимался, что восстанавливал покосившийся дом. Казалось бы, теперь приходит время заняться усовершенствованиями внутри этого восстановленного дома, пожиная плоды успеха, а не отправляться в новое странствие – причем в ту немногую область, где ему в предыдущие годы лавров стяжать не удалось. Однако авторитет архитектора дает Путину редкостную возможность: вдохнуть вторую жизнь в тот организм, который сейчас называется «СНГ» и который в этом своем теле, вероятно, доживает последние дни. Это стало бы для Путина его новым архитектурным проектом на ближайшие годы под названием «Путинский дом-2».

Правда, в том интервью, которое дал мне для этого номера журнала первый заместитель министра иностранных дел России Андрей **Денисов**, дипломат говорит о том, что СНГ – «отнюдь не умершая организация» и что «вопрос о роспуске Содружества не стоит». Вместо этого, по словам Денисова, речь идет о «реформировании Содружества», в ходе которого «все то лучшее, полезное, что наработано в рамках СНГ, будет сохраняться и преумножаться». Экономическая интеграция – «не что иное, как общий рынок» – будет осуществляться через ЕврАзЭС, а интеграция в области безопасности через ОДКБ. При этом, и в области экономики, и в области безопасности все большую значимость начинает играть ШОС – посол Денисов называет страны, входящие в эту организацию, *шосовской семьей*.

То есть речь по-прежнему идет о многослойной, разновременной интеграции. Это понятно специалистам, но вряд ли ощущается простыми людьми государств бывшего СССР. Без лидера-архитектора, держащего в руках понятный чертеж-план, реформы Содружества, создание общего рынка и сама попытка повторить путь ЕС, – все это окажется в лучшем случае вялотекущим бюрократическим процессом, в худшем – будет похоронено центробежными тенденциями.

«Ядерные намерения и возможности Ирана». Под таким заголовком в начале декабря 2007 г. появился хит зимнего сезона. У этого хита коллективный автор: разведсообщество Соединенных Штатов. Вывод сформулирован по-военному четко: «С высокой степенью уверенности можно говорить о том, что с осени 2003 г. Иран не ведет военных работ в ядерной области».

Что теперь? Несмотря на сохраняющуюся жесткую риторику президента Буша, вероятность того, что США нанесут военный удар по Ирану, сводится к минимуму. А вот удастся ли превратить вялые переговоры с Тегераном в конструктивный диалог и нащупать взаимоприемлемые развязки?

Наши эксперты отвечают на вопрос *что делать с Ираном?* с диаметрально противоположных позиций. Так, Юрий **Федоров** считает, что «упорное стремление иранского режима приобрести ядерное оружие и неспособность международного сообщества остановить Тегеран политическими и экономическими мерами, в том числе ввести эффективные санкции, все яснее обозначает исключительно тяжелую дилемму: либо военное решение этой проблемы... либо смириться с тем, что экстремистский агрессивный режим будет располагать ядерным оружием. Последнее может оказаться еще более опасным, чем упреждающая атака против Ирана». Дмитрий **Евстафьев**, в свою очередь, замечает, что не так уж и важно, будет ли вооруженная акция или нет, потому что «ожидание столкновения (США с Ираном) управляет ценами на нефть и газ, транспортными потоками, инвестициями, контрактами...». Мысль о нефтегазовых потоках по-своему развивает Азер **Мурсалиев**: «Россия пытается заткнуть кавказский коридор грузинской пробкой, и тогда... Западу придется вместо коридора пробивать ворота – Иран. Запад, в свою очередь, пытается столкнуть лбами в Центральной Азии Россию и Китай... Иран же, понимая цену вопроса для всех игроков, *идет ва-банк*».

Какой бы из сценариев ни возобладал, иранская тема останется доминирующей в мировых политических новостях надолго. Не на месяцы – на годы. Потому что Иран – это именно тот ключевой игрок в нынешней системе международных отношений, от *окраски* которого в значительной степени будет зависеть не только региональная, но и глобальная расстановка сил. Кто будет контролировать Иран – будет способен контролировать многие важнейшие мировые процессы: такой вот *новый хартленд*. Или же Иран по-прежнему останется вне контроля, неким *свободным радикалом*.

Нравится это кому-то или нет, но нынешний Иран решительно входит в XXI в. со своей весомой заявкой на роль региональной сверхдержавы. На его стороне – не только огромные запасы нефти и еще более колоссальные запасы природного газа, но только уникальное геополитическое расположение *контролера* стратегически важного Ормузского пролива. Но его стороне – и относительная открытость общества, и его высокая динамичность, особенно среди молодежи. Это общество в целом образованное, общество, внутренне подготовленное к переменам, к рывку, больше того, этого рывка жаждущее. Наконец, это общество, предрасположенное к развитию высоких технологий и уже имеющее для этого серьезную базу (атомная энергетика, которая у всех на слуху, – наиболее впечатляющий, но не единственный показатель высокого технологического уровня).

Размышляя об Иране, не стоит заикливаться на фигуре его президента. И даже не потому, что вообще-то он – лишь второе лицо в государстве, куда ниже по рангу духовного лидера аятоллы Хаменеи. Действительно, он не подарок – ни для тех мировых лидеров, которые искренне хотели бы видеть Иран сильным и самостоятельным игроком в международных делах, ни для самих иранцев. Пример Ахмадинежада лишний раз показывает, что порой у демократии бывают серьезные издержки, ведь он – всенародно избранный лидер (а, к слову, много ли других всенародно избранных лидеров насчитывается в том же регионе?). И главная его проблема даже не в подчас неуместной внешнеполитической риторике, но в неспособности стать главным менеджером Ирана, – а именно этого Ирану, в предвкушении экономического и технологического рывка, сейчас остро не хватает. Своим неумением управлять страной Ахмадинежад наносит экономике Ирана вред куда больший, чем все международные санкции,

вместе взятые. Но, в конце концов, ахмадинежады приходят и уходят. Стратегический курс Ирана от таких перестановок радикально не изменится.

А этот стратегический курс направлен как раз на сохранение суверенитета, независимости своей страны в международных делах. И атомная программа Ирана – лишь один из элементов, подпирающих этот курс. Довести свою мирную атомную программу до такой степени продвинутой, что ее можно будет в любой момент за считанные месяцы – при наличии политического решения! – переключить на военные рельсы... А можно и не переключить... То есть – *японский сценарий*: Япония имеет сегодня настолько продвинутой мирную ядерную программу, что способна переключить ее *на войну* и достичь серийного производства ядерных боеприпасов за пару месяцев. Вот на это и делает ставку Тегеран: оставить себе свободу маневра. Никому не позволить ограничивать его прав на развитие.

Понимая глобальную роль Ирана, президент России Владимир Путин просто не мог не поехать в Тегеран в октябре 2007 г., каким бы жесточайшим не было на него давление прямо накануне этого визита. А через полтора месяца он принял иранскую делегацию ядерных переговорщиков. Иран для России – серьезный стратегический партнер, пусть и партнер очень трудный. Поэтому Россия не может себе позволить бойкотировать, игнорировать Иран. Наоборот – будет стараться его активно вовлекать: и в орбиту двусторонних отношений, и в региональные проекты, и, со временем, в глобальные. И при этом, будучи одним из стражей духа и буквы Договора о нераспространении ядерного оружия, Россия не может допустить, чтобы кто-то этот Договор раскачивал, пусть и косвенно, – а иранские партнеры, мягко говоря, не всегда тут были честны и прозрачны, отчасти поэтому и нынешнюю позицию Ирана приходится подвергать *удвоенному сомнению*.

В этом номере я собрал несколько перекликающихся между собой статей.

Председатель комитета по международным делам Совета Федерации Михаил **Маргелов** размышляет о необходимости *брака по расчету* между Россией и США: «Тратить силы на противоборство непрактично», считает он. Между тем, военные эксперты Василий **Лата** и Владимир **Мальцев** рассказывают в своей статье «Система систем: информационно-ударное оружие» о гонке вооружений, которая уже всю разворачивается в космическом пространстве.

Один из главных знатоков американского ядерного арсенала посол Линтон **Брукс** решительно утверждает, что надежные замещающие ядерные боеприпасы (*RRW*) не только не способствуют новой гонке вооружений, наоборот, «они позволят в дальнейшем значительно сократить размер ядерного арсенала США». Он призывает сообщество экспертов в области нераспространения отбросить «необоснованные страхи» и выйти с плакатами в поддержку программы *RRW*. А вот Юрий **Юдин** из Российского научного центра ВНИИЭФ в Сарове, судя по выводам в его статье «Каким будет ядерный арсенал США?», с плакатами в поддержку программы *RRW* пока что выходить не готов. В свою очередь, начальник 12-го Главного управления Министерства обороны России Владимир **Верховцев** рассказывает о безопасности ядерного арсенала России.

Вы наверняка обратите внимание на то, что сразу в нескольких материалах главное или заметное место уделено региону Центральной Азии: и в статье Вадима **Козюлина** о военно-техническом сотрудничестве с государствами региона, и в круглом столе, проведенном в ПИР-Центре по куда более мирной, хотя не менее взрывоопасной, теме – энергетической политике России. К слову, особый интерес нашего журнала к проблемам энергетики – как атомной, так и традиционной – проявится сразу в нескольких статьях, которые я собираю для ближайших но-

меров журнала. Поэтому мне уже сейчас было бы очень кстати узнать ваше мнение по поводу дискуссий, которые развернулись за круглым столом об энергетической политике России в Центральной Азии и регионе Каспия.

Раз уж я заговорил о планах на будущее, то сразу и задам вопрос: а вы подписались на *Индекс Безопасности*? Если еще нет – сейчас еще не поздно это сделать!

Номер, который вы держите сейчас в руках – последний, который мы имеем возможность широко распространить по бесплатной рассылке. В наступающем 2008 г. журнал будет распространяться по платной подписке, а свободный доступ к полной электронной версии журнала на сайте ПИР-Центра будет закрыт. Подробная информация об оформлении подписки находится на стр.8–9 этого номера. Для жителей России наиболее удобным вариантом является оформление подписки на первое и второе полугодия 2008 г. в любом почтовом отделении через каталог «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» (индекс журнала – **80666**).

Или, может быть, вы хотите регулярно встречаться за чашкой чая с нашими самыми именитыми авторами? Тогда направьте заявку на вступление в Международный клуб *Триалог* по адресу trialogue@pircenter.org.

До новых встреч – за чашкой ли чая, на страницах ли журнала, – и с Новогодними праздниками! 🍵

Владимир Орлов

Андрей Денисов

«СНГ – ЭТО ОТНЮДЬ НЕ УМЕРШАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ,
И ВОПРОС О РОСПУСКЕ СОДРУЖЕСТВА НЕ СТОИТ»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с первым заместителем министра иностранных дел России Андреем Денисовым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В Концепции внешней политики Российской Федерации деятельность на территории Содружества независимых государств объявлена региональным приоритетом внешней политики России с акцентом на *разноуровневую* и *разноскоростную* интеграцию. И уже в 2007 г. в качестве ядра интеграции в мидовском Обзоре внешней политики обозначено Евразийское экономическое сообщество – ЕврАзЭС. Однако, помимо, назовем их, *российских* проектов, существуют и конкурирующие, тот же ГУАМ, к примеру. Какова вероятность превращения ЕврАзЭС в лидирующее интеграционное объединение на постсоветском пространстве? Сможет ли оно *подобрать, переманить* к себе оставшиеся за бортом этого объединения государства бывшего СССР? Вероятно ли превращение ЕврАзЭС в действенный Союз наподобие Европейского?

ДЕНИСОВ: Хотел бы в первую очередь подчеркнуть, что в цели ЕврАзЭС не входит *подбирать* или *переманивать* к себе постсоветские государства. Задача Сообщества – создавать благоприятные условия для интеграционных процессов, в первую очередь в экономической сфере. Я имею в виду, прежде всего, эффективное использование энергетических ресурсов, создание транспортного союза, включая развитие транспортных коридоров и транспортной системы в целом, и многое другое. От того, насколько этот процесс будет поступательным и результативным, и будет зависеть лидирующая роль ЕврАзЭС как интегрирующего объединения.

На данный момент привлекательность ЕврАзЭС для наших партнеров очевидна. Например, в прошлом году к Сообществу в качестве полноправного члена присоединился Узбекистан. Рассматривает такую возможность и Армения. В рамках ЕврАзЭС формируется еще более интегрированное объединение – таможенный союз между Россией, Казахстаном и Белоруссией. Другие государства Сообщества смогут присоединиться к нему по мере готовности. В настоящее время уже подготовлен пакет необходимых проектов документов для создания нормативно-правовой базы и начала практической деятельности таможенного союза государств-членов ЕврАзЭС.

При этом Сообщество не намерено останавливаться в развитии интеграции. В планах ЕврАзЭС создание единого экономического пространства, а это не что иное, как *общий рынок*. Таким образом, ведущаяся на сегодняшний день работа не является завершающим этапом интеграции наших стран в рамках ЕврАзЭС.

Ю
Б
Р
Е
Н
Н

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: ЕврАзЭС объединяет государства экономически. В плане же обеспечения безопасности наиболее действующим механизмом служит Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая, по сути, совпадает географически по странам. Возможно ли впоследствии некоторое *слияние* двух организаций в одну? Обеспечивает ли ОДКБ в полной мере потребности своих членов в военной безопасности и военно-техническом сотрудничестве? Какие из государств Вы хотели бы увидеть в рядах ОДКБ и ЕврАзЭС?

ДЕНИСОВ: ЕврАзЭС и ОДКБ – интенсивно развивающиеся объединения. Каждое из них самодостаточно в своей роли. На данном этапе вопрос о *слиянии* организаций не рассматривается. В то же время прорабатываются пути эффективного взаимодействия между ними – Протокол о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и Интеграционным комитетом ЕврАзЭС от 25 октября 2004 г. предусматривает, что они дополняют, но не дублируют деятельность друг друга.

То есть речь идет о своего рода *разделении труда*. Если ЕврАзЭС специализируется на экономических и социальных вопросах, то стержнем деятельности ОДКБ является военно-политическая составляющая, которая включает внешнеполитическую координацию, военное, военно-техническое и военно-экономическое сотрудничество, взаимодействие в подготовке кадров и т.д.

О заинтересованности и готовности государств-членов ОДКБ к углублению такого сотрудничества свидетельствуют решения Минской сессии Совета (23 июня 2006 г.), в частности, принятая государствами-членами Организации Декларация о дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности деятельности ОДКБ.

ОДКБ постепенно трансформируется из военно-политического союза в механизм комплексного противодействия современным вызовам и угрозам безопасности государств-членов. Это – новый, принципиально важный элемент в деятельности Организации, охватывающий такие направления, как совместная борьба с терроризмом, наркоугрозой, незаконной миграцией, предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и др.

ОДКБ – молодая международная структура: в этом году исполнилось 15 лет со дня подписания Договора о коллективной безопасности и пять лет со дня принятия решения о создании ОДКБ. Но она развивается и становится серьезным фактором региональной безопасности и стабильности. Это способствует росту ее международного авторитета. С декабря 2004 г. ОДКБ имеет статус наблюдателя в Генеральной ассамблее ООН, установлены и поддерживаются регулярные рабочие контакты между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом ООН, с Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Управлением ООН по борьбе с наркотиками и преступностью. В ближайшей перспективе будет подписан протокол о сотрудничестве между Исполкомом ШОС и Секретариатом ОДКБ.

Организация готова тесно взаимодействовать с другими международными структурами, включая НАТО, в том числе на афганском направлении.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Уже привычным стало суждение о СНГ как о форме *цивилизованного развода* бывших советских республик. В чем же состоит тогда смысл содержания того же бюрократического аппарата уже умершей организации? Не стоит ли просто распустил организацию?

ДЕНИСОВ: Представлением о СНГ как форме *цивилизованного развода* значение Содружества, конечно, не исчерпывается. Вряд ли стоит повторять известные факты о многогранной деятельности Содружества. В настоящее время решается задача его реформирования. Руководителями государств-участников СНГ поставлена задача разработки Концепции дальнейшего развития Содружества. Проект такого документа разрабатывается. В нем намечены пути и методы эволюции СНГ, адаптации его работы к требованиям сегодняшнего дня во всех сферах жизнедеятельности.

Концепция будет воплощена в жизнь на основе Плана реализации, который разработан для представления на одобрение глав государств СНГ вместе с Концепцией на очередном саммите СНГ в Душанбе в октябре 2007 г. Ключевым направлением сотрудничества остается экономическая сфера.

Не менее актуально наращивание взаимодействия в вопросах миграции, совместных действий по борьбе с новыми угрозами, в том числе терроризмом, обеспечения безопасности путей поставок в международной и взаимной торговле. Особое внимание мы уделяем гуманитарному сотрудничеству, которое рассматриваем в качестве одного из важнейших факторов укрепления Содружества, сближения народов.

В целом, в ходе реформирования Содружества все то лучшее, полезное, что наработано в рамках СНГ, будет сохраняться и приумножаться. Так что СНГ – это отнюдь не умершая организация, как видится некоторым, и вопрос о роспуске Содружества не стоит.

В общих интересах стран-участниц сделать пространство СНГ зоной мира, добрососедства и процветания. 15-летний опыт функционирования Содружества, при всей его сложности и неоднозначности, свидетельствует о том, что разумной альтернативы коллективному взаимодействию в решении этой задачи не существует.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Большинство новых организаций на территории бывшего СССР редко включают в себя внешние для этого региона государства. Исключений мало. Одним из таких, где, помимо России, участвует один из вероятных лидеров XXI в., Китай, – это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Некоторые понимают ШОС как «Китай в Центральной Азии». Какого рода конкуренция существует между Россией и Китаем в ШОС, если существует вообще? Или намеки на конкуренцию еще не проявились? Ведь если опять-таки вспомнить ЕС, то там мы зачастую видим столкновение ведущих государств Союза.

ДЕНИСОВ: ШОС сформировалась как объединение, нацеленное не против кого-либо, а на реализацию общих целей государств-членов. Последовательная приверженность принципам взаимного уважения и равноправия завоевывает ШОС все более весомый международный авторитет.

В Организации все решения принимаются на базе консенсуса. Разумеется, это порой не ускоряет процесс согласования, но зато делает принятые решения реальными и осуществимыми, учитывающими позиции всех партнеров. Иными словами, сама система функционирования ШОС исключает возможность превалирования одних государств-членов над другими.

Конечно, все участники имеют собственные устремления, цели и задачи. Это естественно и понятно. Вместе с тем опыт показывает, что мы умеем приходить к единому мнению, отвечающему интересам всех народов, входящих в *ШОСовскую семью*.

Наверное, кое-кому хотелось бы поспекулировать на *внутренних противоречиях* в рамках Организации. Ничем не могу их порадовать – страны ШОС работали и будут впредь работать совместно на общее благо. Россия и Китай тесно взаимодействуют как друг с другом, так и с другими партнерами, придерживаясь *шанхайского духа* и руководствуясь своим стратегическим партнерством на международной и региональной арене.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вернемся к экономическим отношениям. В мае 2007 г. было подписано трехстороннее соглашение между Казахстаном, Россией и Туркменистаном, согласно которому туркменский газ через территорию Казахстана будет *впадать* в российскую газотранспортную систему. Таким образом, Россия подтвердила свой статус страны, через которую идет максимум центрально-азиатского газа. Сможет ли такое соглашение оказать негативное влияние на российско-китайские отношения, ведь Китай очень внимательно присматривается к углеводородам Центральной Азии? И возможна ли на основе этого договора дальнейшая институализация отношений

в нефтегазовой сфере со странами-экспортерами углеводородов постсоветского пространства под главенством России? Или может состояться дальнейшее объединение стран-экспортеров газа в своеобразный *ОПЕК*, о чем так упорно пишут СМИ?

ДЕНИСОВ: В ходе рабочего визита президента России В.В. Путина в Туркменистан 12 мая 2007 г. достигнуты договоренности президентов трех государств – России, Туркменистана и Казахстана – о подготовке и подписании соглашения о строительстве Прикаспийского газопровода. Речь идет о воплощении в жизнь планов партнеров, накопивших большой опыт сотрудничества в топливно-энергетической сфере.

Никакой политической подоплеки здесь нет. Возрастающие объемы добычи углеводородов центральноазиатских стран требуют выхода на внешний рынок, а реализация вышеупомянутого проекта будет способствовать развитию весьма перспективного и экономически рентабельного маршрута.

Опасения насчет того, что эти планы могут каким-либо образом негативно сказаться на российско-китайских отношениях, на наш взгляд, абсолютно необоснованны. Уже сегодня мы имеем долгосрочные контракты на поставку центральноазиатского газа. Наше взаимодействие базируется на общепринятых принципах взаимной выгоды, прагматизма и открытости. Уверены, что сооружение новой ветки газопровода не должно повлиять каким-либо образом на отношения с Китаем.

Никакой конкуренции с Китаем в этой области нет. Тем более что Китай сам успешно сотрудничает с центральноазиатскими странами в нефтегазовой сфере.

Что касается *газовой ОПЕК*, то, действительно, эта тема в последнее время очень активно обсуждается, хотя, как мне кажется, далеко не все понимают суть вопроса. Речь, видимо, идет о форуме стран-экспортеров газа, который, подобно *настоящей ОПЕК*, проводит свои встречи на уровне министров. Следующая, кстати, должна пройти в мае 2008 г. в Москве. Россия – единственная из стран СНГ, которая принимает участие в работе форума.

В этой связи хочу подчеркнуть, что форум стран-экспортеров газа не имеет ни секретариата, ни устава. В его рамках не предусмотрены какие-либо инструменты для квотирования экспорта. Да и с учетом того, что основой газовых рынков являются долгосрочные контракты, любое квотирование подразумевало бы нарушение контрактных обязательств, а на это ни один поставщик не пойдет. Поэтому создание *газовой ОПЕК* в ближайшие годы не просто нецелесообразно, но и вряд ли технически возможно.

В то же время осуществляемые в рамках форума контакты с ведущими экспортерами природного газа считаем полезными – они способствуют обмену информацией о состоянии и перспективах развития газовых рынков, координации долгосрочных газовых стратегий. Думаю, что аналогичные подходы применимы и к развитию взаимодействия с нашими центральноазиатскими партнерами по СНГ, в том числе с учетом перспектив расширения нефтегазовой инфраструктуры региона в целом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Распад Советского Союза прошел, конечно, не так болезненно, как распад Югославии, но и здесь мы до сих наблюдаем опасные очаги напряженности в виде *замороженных* конфликтов в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье... Такого рода конфликты показали со всей остротой, ценой в тысячи человеческих жизней, противоречие права на самоопределение народов и территориальной целостности государств. Как может повлиять то или иное решение статуса Косово на урегулирование конфликтов в *горячих точках* СНГ? Ждет нас новый виток противостояния или решение косовской проблемы станет *ключом* к разрешению вышеупомянутой коллизии?

ДЕНИСОВ: Наша позиция по проблеме статуса Косово хорошо известна и неоднократно во всех деталях доводилась до сведения всех наших партнеров. Один из ее стержневых элементов – прецедентность косовского статусного урегулирования применитель-

но к другим подобным конфликтам. Если Косово имеет право на независимость, то как можно отказывать в этом праве народам Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья? Одностороннее провозглашение независимости Приштиной неизбежно вызовет цепную реакцию в мире, приведет к хаосу в международных отношениях.

Россия – за переговорное решение по Косово в рамках международного права. Только такая развязка может быть поддержана Советом Безопасности ООН и не создаст негативных прецедентов. Во многом благодаря нашим усилиям удалось возобновить переговорный процесс между Белградом и Приштиной. Будем в нем активно участвовать в рамках *тройки* посредников Россия–ЕС–США, добиваясь сбалансированного подхода, скрупулезного учета резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН, позиций сторон. При этом мы принципиально против предопределения итогов переговоров и их ограничения по времени.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В ежегодном Послании Федеральному собранию в 2007 г. президент России В.В. Путин объявил курс на укрепление «общего гуманитарного пространства в рамках СНГ, повышение эффективности работы с соотечественниками за рубежом, широкое использование хорошо зарекомендовавших себя форм сотрудничества по линии гражданских обществ». Что это за зарекомендовавшие себя формы сотрудничества? И каким образом повышается эффективность работы с соотечественниками? Есть ли какие-либо проблемы в странах СНГ наподобие тех, которые уже *традиционно* всплывают в отношениях с нашими прибалтийскими соседями?

ДЕНИСОВ: На состоявшемся в октябре 2006 г. в Санкт-Петербурге Всемирном конгрессе соотечественников взаимодействие с диаспорой, поддержка и защита прав соотечественников были названы президентом Российской Федерации В.В. Путиным одним из национальных приоритетов России.

Реализацией поставленных президентом задач занимается Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), возглавляемая министром иностранных дел С.В. Лавровым. Особое внимание уделяется координации деятельности заинтересованных министерств и ведомств, российских регионов, общественных организаций, ответственных за связи с соотечественниками.

Начал практическую работу созданный по решению Конгресса Координационный совет российских соотечественников, первое заседание которого состоялось в Москве в марте этого года. Координационный совет становится центральным органом, консолидирующим и представляющим интересы российских соотечественников, он обеспечивает от их лица постоянный диалог с ПКДСР, заинтересованными органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов, общественными, религиозными и иными неправительственными организациями России и зарубежья. В его составе есть представители и Европейского Русского альянса, и Международного совета российских соотечественников, и Всемирного конгресса татар. О желании взаимодействовать с Советом уже заявили и другие организации, например, Всемирный конгресс русскоязычного еврейства.

Между руководством Координационного совета и Общественной палатой Российской Федерации достигнута договоренность о создании совместной рабочей группы с целью координации усилий и проектов, направленных на оказание правовой поддержки соотечественникам в странах их проживания. Еще одна задача группы – формирование механизма общественного контроля со стороны институтов гражданского общества над реализацией «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

На передний план сегодня выдвигается задача консолидации соотечественников на базе выработанных общих позиций по защите собственных этнокультурных прав и интересов в странах проживания. Этому способствуют проводимые в 2007 г. 60 страновых и 7 региональных конференций соотечественников по всему миру. Входят в практику

встречи представителей российского руководства с лидерами организаций соотечественников в ходе зарубежных визитов.

Стратегическая цель взаимовыгодного, партнерского сотрудничества с соотечественниками состоит в том, чтобы, оставаясь полноправными гражданами своих стран, они сохраняли и укрепляли связи с Россией.

Положение российских соотечественников в каждой из стран СНГ имеет свою специфику. Но есть и общие проблемы, характерные для русскоязычной диаспоры. Это статус русского языка: от *государственного языка*, как в Белоруссии, до *языка межнационального общения и языка национального меньшинства* в других странах. Сюда же можно отнести сокращение числа школ и вузов с преподаванием на русском языке, русскоязычных изданий и ограничение вещания российских телеканалов. Исправлению такого положения призвана служить реализация Федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 гг.)». В некоторых странах имеются проблемы социального характера, связанные, например, с уровнем безработицы среди соотечественников, их материальным положением. Существенные различия наблюдаются в таком вопросе, как степень представленности в местных органах законодательной и исполнительной власти. Что же касается проблем, существующих в отношениях, скажем, с прибалтийскими соседями, то в странах СНГ с этим, к счастью, сталкиваться не приходится. 🐜

Примечание

¹ Беседа В.А. Орлова с А.И. Денисовым состоялась 10 августа 2007 г.

Михаил Маргелов

«РОССИИ И США НУЖЕН БРАК ПО РАСЧЕТУ»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с председателем Комитета Совета Федерации по международным делам Михаилом Маргеловым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Михаил Витальевич, как бы Вы охарактеризовали нынешний этап российско-американских отношений? Действительно ли все настолько *плохо* и мы движемся к конфронтации с американцами?

МАРГЕЛОВ: Прошло время, когда политики и эксперты называли российско-американские отношения *стратегическим партнерством*. Сегодня звучат другие определения – *выборочное сотрудничество, низшая точка отношений* за последние 20 лет, *возврат к политике сдерживания* и даже – к холодной войне. Что и говорить, наши отношения однозначной оценке не поддаются. Если брать во внимание риторику с обеих сторон, то их охлаждение – несомненно. С другой стороны, мир таков, что это охлаждение выглядит неестественным. Будто обе стороны нарочно ослабляют себя в борьбе, как сказали бы в нашем МИДе, с новыми вызовами и угрозами. Добавлю, что и старые вызовы и угрозы еще не побеждены. Тратить силы на противоборство в этих обстоятельствах непрактично.

По здравому смыслу, США и Россия должны бы дружно работать по всем направлениям мировой политики. И могли бы обратить свои отношения к обоюдной выгоде. Понятно, для этого нужен систематический диалог с соблюдением законов этого жанра. То есть необходимо терпеливо *довольствоваться тем, что нас уже объединяет, и уважать то, что пока разъединяет*. Принцип реальной политики плохо совместим с переговорами. Между тем только в постоянном диалоге и можно выяснить, какой характер отношений нам по силам – стратегическое партнерство, выборочное сотрудничество или что-нибудь еще. Известно, что характер этот колеблется от союзнического до враждебного. И пока что окончательных концепций по отношению друг к другу стороны не выработали. Препятствие, наверное, не одно. Но я отметил бы среди прочих наследие прошлого, остаточные явления ядерного противостояния. В них источник многих наших недовольств и несогласий.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На каких направлениях должны в первую очередь сосредоточиться наши страны? Где нам найти точки соприкосновения для сотрудничества?

МАРГЕЛОВ: Отношения таких стран, как Россия и США, с необходимостью должны охватывать самые важные глобальные и региональные проблемы. Все, вокруг чего сегодня сосредоточена мировая политика. Это, кстати, те самые области, в которых наши

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

страны друг другу нужны. Конечно, с этими проблемами не справиться и вдвоем. Сотрудничество даст эффект, если совместные инициативы поддержат и другие страны.

После 11 сентября 2001 г. одной из таких проблем стала борьба с терроризмом. К этому надо добавить ядерную область, энергетику, противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), борьбу с массовыми заболеваниями. Эти области сопрягаются с совместной работой по умиротворению конфликтов.

Общего внимания США и России требуют, прежде всего, вопросы безопасности. США хотят отвечать за весь мир, в том числе – за стабильность в Евразии. Но в Евразии нет страны, с которой Россия не была бы связана исторически или не взаимодействовала бы по широкому кругу вопросов в данный момент. Россия озбочена безопасностью континента не менее США, и интересы сторон здесь совпадают. При этом американцам следует считаться с особенностями постсоветского пространства. С особым влиянием, которое Россия на него оказывает. Ведь она – потенциальное ядро этого пространства. У России здесь самые мощные экономика и армия.

России во всех отношениях выгодно сотрудничать с США. И наоборот. Эта выгода заключается в том, что возможности наших стран для достижения собственных интересов в этом случае складываются. Разрыв же с мировым лидером означает для России прекращение модернизации. Сегодня модно рассуждать о самобытности российского пути, видимо, для того, чтобы на эту самобытность списывать трудности и недостатки. Пути, модернизации во многом универсальны. Большинство общественно-политических и экономических инноваций в Россию пришло не с Востока, а с Запада. И сейчас, при известных издержках, российская модернизация – это усвоение европейского опыта и стандартов. Россия – член Совета Европы и в целом выполняет регламент этой организации. В манере же ведения дел нашим бизнесом есть и элементы американской культуры предпринимательства.

Недавно Россия показала, что готова к широкому партнерству с США. Президент Путин предложил президенту Бушу совместно работать над системой противоракетной обороны (ПРО). Легко вообразить все перспективы такой работы. Это и большая открытость, и признание общих противников, и технико-экономическое сотрудничество и т.д. Иначе говоря, мы в рабочем порядке пришли бы к тому, что *авансировали* в свое время как стратегическое партнерство.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А где, по Вашему мнению, сосредоточены основные противоречия между российской и американской внешней политикой?

МАРГЕЛОВ: У наших стран есть расхождения в нескольких достаточно важных направлениях. Например, и Россия, и США равно заинтересованы в мирном урегулировании на Ближнем Востоке. Россия полагает, что для пользы дела стоит собрать большую конференцию по Ближнему Востоку. В ней могли бы участвовать, помимо членов квартета, другие страны региона и различные политические группы – наподобие Мадридской конференции 1991 г. США же проявляют чрезмерную щепетильность, не считая эти страны и группы *договороспособными*.

Далее, Россия не полагается на санкции как на единственно эффективные меры против тех, кто нарушает международные договоренности. США, наоборот, налагают их налево и направо, будь то страны, фирмы или частные лица. По мнению России, распространение демократии в исламском мире с помощью оружия только умножает экстремизм. Тому много примеров и сегодня, и в недавнем прошлом. Будто к странам *оси зла* другие методы модернизации неприменимы. Я недавно разговаривал с иранским дипломатом, и он сказал мне: пока есть международные посредники на Каймановых островах, никакие санкции нас не волнуют.

Применительно к исламскому миру существуют и другие механизмы модернизации, кроме демократии. Сегодня наиболее динамичными странами являются небольшие монархии в районе Персидского залива. И если, скажем, в Бахрейне, где большинство населе-

ния – шииты, провести демократические выборы, и шииты придут на смену правящей династии, страна превратится в сателлит Ирана. И кому это выгодно?

Россия хочет вести политику согласия, чтобы значимые решения принимались консенсусом. Известна российская позиция по Косову. США – за план фактической независимости края от Сербии. Россия за то, чтобы статус этой территории был согласован с Белградом. Навязанное решение усилит конфликтность на Балканах. Косовары сегодня попросту шантажируют Запад, грозя, по сути, войной. Это опасный прецедент, прежде всего для постсоветского пространства. Здесь есть самоопределившиеся, но не признанные мировым сообществом государства.

Российские и американские интересы часто пересекаются. И создается впечатление их постоянного противостояния – войны интересов. Однако соперничество – не война. Здесь возможны компромиссы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Михаил Витальевич, а не считаете ли Вы, что в принципе трудности в отношениях России и Запада во многом надуманы? И поиск компромиссов не так труден, если мы отбросим стереотипы и мифы, которыми оперируют в своей риторике политические деятели с обеих сторон?

МАРГЕЛОВ: Как-то в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) весьма опытный английский депутат спросил меня, а «может ли в России вообще быть демократия?». Это показательный вопрос, который на Западе задают даже образованные политики, журналисты, министры и члены парламентов. То есть стереотипное отношение к России присуще и тем кругам, которые должны бы разбираться в демократических институтах и процедурах.

Запад часто судит о России предвзято. Например, гражданам России приписывают наследственный антидемократизм. Приписка становится стереотипом. А из него легко выйти и на заведомые следствия. Если народу демократия чужда, то власть, по определению, авторитарна. У такой власти, кроме имперского, никакого иного мышления быть не может. А *православная солидарность* будто придает русским неистребимую временем вражду к Западу. В свою очередь, часть российского населения считает Запад неискренним и эгоистичным. Некоторые наши граждане уверены, что Запад хочет развалить страну, лелеет против России чудовищные замыслы, что люди на Западе лишены духовности, ненавидят нас и творят нам пакости. Так что западные стереотипы по отношению к России подкрепляются российскими стереотипами по отношению к Западу.

Можно ли преодолеть стереотипы? Разумеется, можно, поскольку они ничего общего с действительностью не имеют. В России минимум две трети ВВП приходится на долю частного бизнеса. В России коммунисты набирают меньше 10% голосов. В России после последних выборов Дума обновилась наполовину. В США, как правило, теряют свои места гораздо меньше депутатов. В России количество частных газет, телестудий, радиостанций сегодня в три раза больше, чем в 1990-х гг. И несопоставимо больше в сравнении с любым самым либеральным периодом ее истории. В России шесть-семь миллионов граждан ежегодно обращаются в суды, в том числе в Европейский суд по правам человека, где выигрывают иски против властей. И так далее. Смею думать, что стереотипы сегодня, на самом деле, изживаются, становятся чисто пропагандистской категорией. О них вспоминают, как только доходит до рабочего столкновения интересов.

В Москве накануне саммита президентов Джорджа Буша-мл. и В.В. Путина в Кеннебанкпорте в июле 2007 г. встретила рабочая группа «Совет Федерации – Сенат Конгресса США». Ни один из участников стереотипами не пользовался. Мы беседовали о вещах, достойных представителей наших стран. Получили в очередной раз заверение, что поправку Джексона-Вэника до президентских выборов планируют отменить. Наша встреча не первая. И тон дискуссий внушает оптимизм. У нас большой потенциал сотрудничества, если угодно, по необходимости. Не говорю даже о каких-то новых совместных институтах. Я имею в виду только большую активность в уже построенных.

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Скажем, работу в рамках созданного почти десять лет назад Центра обмена данными о пусках ракет. Или укрепление режима контроля над ракетными технологиями. США и России по силам установить международные стандарты по обращению с ядерными материалами. Обе страны равно ответственны за режим нераспространения ОМУ – его давно надо ужесточить. У нас есть возможности не соперничать, а сотрудничать на постсоветском пространстве, в той же Центральной Азии. Здесь общие угрозы – наркотрафик, терроризм, исламский экстремизм.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Важной составляющей, базой крепких двусторонних отношений между государствами является экономическое сотрудничество. Как в этой сфере, по-Вашему, идут дела между США и Россией?

МАРГЕЛОВ: Прямые американские инвестиции в экономику России составляют 11 млрд долл. В свою очередь, российские инвестиции в США достигли сопоставимого уровня. Экспорт США в Россию последние три года растет с ежегодным темпом в 20%. С 2005 по 2006 г. товарооборот между нашими странами увеличился на 40% и превысил 15 млрд долл. США. Но ведь это – всего три процента в общем товарообороте России. А мы во внешней торговле США *весим* менее процента.

На недавнем Международном экономическом форуме в Петербурге общая сумма сделок составила 13,5 млрд долл. США. Из них 3,5 – это сделка с компанией *Boeing*, которая планирует продать два десятка самолетов *Аэрофлоту*. У *Боинга* несколько совместных проектов с российской авиакосмической промышленностью. В России работают *Ford* и *General Motors*, *Coca-Cola* и *Johnson&Johnson*, *Mary Kay*, *William Wrigley*... И это не все. Так что возможности расширения наших экономических связей есть.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: И напоследок, какими должны быть российско-американские отношения в будущем? По какому пути они должны развиваться?

МАРГЕЛОВ: Годы лидерства, вернее, попыток гегемонии США не улучшили управляемость международными процессами. Основные режимы ослабли. Разговоры о необходимости реформы ООН стали общим местом. Конфликтность в мире возросла. В самих США считают, что бремя глобальной ответственности оказалось для страны непосильным. Ирак называют стратегической ошибкой. Указывают на военные трудности в Афганистане – инкубатора демократии для исламского мира в Афганистане не получилось, *CNN* называет то, что там происходит, военными затруднениями, американские коллеги называют это кошмаром. Эксперты высказывают мнение, что однополярный мир дал трещину. О подробностях нового миропорядка судить никто не берется. Сходятся лишь во мнении, что вполне вероятен общий хаос. На фоне такого будущего конфронтация между Россией и США представляет глобальную угрозу.

Нужен практический подход к нашим отношениям, без чрезмерных уверений в дружбе. Есть такое верное наблюдение – чтобы идти одной дорогой, не обязательно идти в обнимку. Для России и США отсутствие партнерства – уже конфронтация. Нам нужен практический подход. Нам нужен брак по расчету.

Примечание

¹ В основу интервью положено выступление председателя Комитета Совета Федерации по международным делам М.В. Маргелова на заседании Международного клуба *Триалог*, организованном ПИР-Центром 10 июля 2007 г.

Юрий Юдин

КАКИМ БУДЕТ ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ США?

В 2005 г. Конгресс США одобрил финансирование новой программы в ядерной оружейной области, которая, судя по ее названию, ставит своей целью создание «надежных замещающих боеприпасов» (*Reliable Replacement Warhead – RRW*). Эта программа Министерства энергетики США не похожа на другие программы, осуществляемые Соединенными Штатами в целях сопровождения своего ядерного арсенала после окончания холодной войны, то есть с начала 1990-х гг. Новая программа предполагает возможность разработки, а в перспективе и постановки на вооружение новых термоядерных боезарядов в условиях отсутствия ядерных испытаний. Необычным в ней является то, что речь идет не о *косметических* изменениях, вносимых в конструкцию ранее созданных и испытанных ядерных боезарядов, а об изменениях, которые могут непосредственно затрагивать *физический пакет*¹ боезарядов, то есть фактически речь может идти о разработке и взятии на вооружение новых образцов ядерного оружия.

СОХРАНЕНИЕ АРСЕНАЛОВ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Во времена холодной войны не подвергалось сомнению, что изменения, вносимые в *физический пакет* ядерного боезаряда, должны быть аттестованы в натуральных ядерных испытаниях. С 1945 по 1996 гг. пять официальных ядерных государств провели 2 047 ядерных испытаний, в которых было взорвано 2 396 ядерных устройств². В этих экспериментах были испытаны сотни различных конструкций ядерных и термоядерных боезарядов.

Однако в первой половине 1990-х гг. члены *ядерного клуба* – Россия, Великобритания, Соединенные Штаты, Франция и Китай – взяли на себя обязательства не проводить ядерных испытаний. Вначале речь шла о добровольных мораториях, а в 1996 г. эти страны подписали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). После этого программы сопровождения ядерных арсеналов, оставшихся у членов *ядерного клуба* в качестве наследства после окончания холодной войны, были нацелены, прежде всего, на обеспечение гарантий сохранения на неопределенный срок ядерных боезарядов, составляющих эти арсеналы, путем поддержания их эффективности, надежности, безопасности и физической защищенности. На решение задач сопровождения ядерных арсеналов были направлены программы развития экспериментальной и вычислительной базы в национальных ядерных оружейных лабораториях. Эти программы должны были гарантировать, что такие процессы, как неизбежные технологические изменения производственной базы, старение материалов, возможные изменения условий эксплуатации и т.п., не повлияют на *физический пакет* ядерных боезарядов, то есть на характеристики их работы, проверенные в прошлых ядерных испытаниях. Такой подход до сих пор являлся краеугольным камнем в поддержании ар-

А
Н
А
Л
И
З

сеналов государств, обладающих ядерным оружием, а *физический пакет* ранее испытанных ядерных боезарядов считался неприкосновенной *священной коровой*.

В Соединенных Штатах этот подход реализуется через программу сопровождения ядерного арсенала (*Stockpile Stewardship Program – SSP*), действующую с 1994 г. Составной частью этой программы является программа продления срока службы (*Life Extension Program – LEP*), в рамках которой требующие замены компоненты *физического пакета* ядерных боеприпасов воспроизводятся таким образом, чтобы как можно ближе соответствовать первоначальным техническим характеристикам и спецификациям³.

Программа *SSP* ставит своей целью усовершенствовать теоретические представления о научных принципах, лежащих в основе работы ядерного оружия. Для этого используется информация, полученная в прошлых испытаниях ядерного оружия, в мелкомасштабных лабораторных экспериментах, при работе на экспериментальных установках, в процессе обследования боезарядов и т.п. В свою очередь, полученные знания используются для совершенствования компьютерных программ, моделирующих различные аспекты, связанные с работой ядерных боезарядов, выявляя особенности этой работы и заполняя пробелы в знаниях ядерных оружейных специалистов. Подобное движение вперед позволяет ученым анализировать данные прошлых испытаний ядерного оружия более тщательно, глубже изучать их и извлекать дополнительную информацию. Теория, моделирование и экспериментальные данные дополняют друг друга: теория повышает качество моделирования, моделирование содействует проверке теории, теория и моделирование заставляют исследователей искать определенные данные, а данные помогают проверять результаты моделирования и теорию.

Главной задачей оружейного комплекса США является проверка боезарядов на наличие признаков фактической или предполагаемой деградации. Эта работа выполняется с помощью программы, в рамках которой ведется регулярное наблюдение за боезарядами в арсенале путем тщательного ежегодного обследования 11 боезарядов каждого типа в поисках коррозии и других признаков деградации. Из 11 боезарядов один полностью разбирают для проведения разрушающего контроля, а другие 10 подвергаются неразрушающему контролю и возвращаются в арсенал⁴.

Если в результате регулярного наблюдения выявляются проблемы с боезарядом, оружейный комплекс использует данные, полученные с помощью программы *SSP*, для устранения этих проблем в рамках программы *LEP*. Задачей является «продлить продолжительность существования в арсенале боезаряда или компонентов боезаряда как минимум на 20 лет с конечной целью на 30 лет»⁵ в дополнение к первоначальному предполагаемому сроку службы.

Основанием для успешной реализации программ *SSP* и *LEP* является, прежде всего, колоссальный опыт, накопленный Соединенными Штатами в процессе разработки и испытаний ядерного оружия. В период с июля 1945 г. по сентябрь 1992 г. США провели 1 030 ядерных испытаний различных типов, в которых было взорвано не менее 1 125 ядерных устройств⁶. В этот период были разработаны десятки различных ядерных боеприпасов для оснащения самых разных носителей. Многие из этих боеприпасов производились сериями из нескольких сотен или тысяч единиц. Поэтому можно предположить, что в Соединенных Штатах должны были быть решены многие вопросы, связанные с созданием и развитием *физических пакетов* ядерных боезарядов. С этим вполне согласовывалась и та энергичная поддержка, которую в начале 1990-х гг. администрация США оказала процессу подготовки и подписания ДВЗЯИ, по условиям которого «каждое государство-участник обязуется не производить любой испытательный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв».

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДА К СОХРАНЕНИЮ ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА

Однако постепенно американская политика в этой области начала меняться. В 1999 г. Сенат США отказался ратифицировать ДВЗЯИ. Все настойчивее стали звучать

голоса, утверждающие, что ядерный арсенал времен холодной войны устарел, что он не отвечает реалиям настоящего времени и возможным будущим угрозам. Стали говорить о необходимости создания новых ядерных боеприпасов, например, для уничтожения укрепленных заглубленных объектов. Национальное управление по ядерной безопасности (*National Nuclear Security Administration – NNSA*⁷) выступило с инициативой двух новых ядерных оружейных программ.

Одна из этих программ ставила задачу создать так называемый прочный ядерный боеприпас заглубляющегося типа (*Robust Nuclear Earth Penetrator – RNEP*). Речь шла об исследовании, которое должно было определить, можно ли модифицировать существующие ядерные боеприпасы таким образом, чтобы увеличить их эффективность против укрепленных заглубленных целей. При этом не предполагалось модифицировать сами ядерные боезаряды, входящие в состав этих боеприпасов. Вторая называлась Инициатива по изучению перспективных концепций ядерного оружия (*Advanced Concepts Initiative – ACI*) и представляла собой программу исследования новых ядерных оружейных технологий. Конгресс США отверг обе эти программы, но вместо них появилась программа *RRW*.

В обоснованиях бюджета *NNSA* на военные ядерные программы говорится, что *RRW* предназначена для «определения более совершенных конструкций надежных ядерных боеприпасов, способных поддерживать длительное время уверенность в высокой степени сохранности, безопасности, надежности всего обновленного ядерного арсенала». Вместо того чтобы самому описывать содержание этой программы, приведу несколько цитат из отчета Исследовательской службы Конгресса США:

«Ядерные боеприпасы необходимо поддерживать таким образом, чтобы Соединенные Штаты, их друзья и союзники, а также их противники были уверены в эффективности ядерных сил США. Однако боеприпасы сложно поддерживать в работоспособном состоянии не только из-за их деградации, но также из-за того, что они разрабатывались в строгом соответствии с рядом ограничений. Они должны были отвечать так называемым Военным требованиям, сформулированным Министерством обороны после консультаций с Министерством энергетики, которые определяли параметры надежности, массу, размер и мощность, а также внешние условия, с которыми может столкнуться боеприпас на протяжении своего срока службы, такие как температура и ускорение. Для того чтобы удовлетворить этим ограничениям, были приняты компромиссные конструкторские решения. [...] Проектные работы, как правило, выполнялись без должного внимания к вопросам простоты изготовления. Посол Линтон Брукс [Linton Brooks], руководитель *NNSA*, сказал, что для того, чтобы удовлетворить различным требованиям, в особенности увеличить до максимума мощность и минимизировать при этом размер и массу, «мы разработали эти системы таким образом, что они очень близки к критическим параметрам». Другими словами, конструкции приближались к такому состоянию, при котором боезаряды могли не сработать»⁸.

Программа *RRW* – это новая программа, одобренная Конгрессом. В рамках этой программы Национальное управление по ядерной безопасности проведет, начиная с 2005 финансового года, двухлетнее исследование, чтобы определить, сможет ли новая философия обновления боезарядов, учитывающая нынешние ограничения и возможности, привести к процессу производства боезарядов и аттестации их характеристик. Следовательно, прямой задачей этого процесса является изготовление в течение следующего десятилетия конструктивно новых компонентов замещающих боезарядов, используя лучшие современные производственные технологии, что придаст будущим разработчикам и изготовителям ядерного оружия больше уверенности в возможности поддерживать характеристики боезарядов на протяжении длительного времени без проведения ядерных испытаний. К другим задачам относятся повышение простоты изготовления и аттестации (сертификации), повышение способности реагировать на будущие военные требования, снижение стоимости жизненного цикла, уменьшение вероятности возобновления ядерных испытаний, обеспечение более высокой физической защищенности и безопасности оружия и повышенная способность к реагированию на проблемы, связанные с окружающей средой, безопасностью и здоровьем людей.

Для выполнения этих задач программа *RRW* пойдет на ряд ключевых уступок, жертвуя (исходя из предполагаемого согласия Министерства обороны) такими характеристиками боезарядов, как масса, размер, мощность и эффективность, которые играли важную роль в период холодной войны, но менее существенны сегодня.

Главное различие между программой *RRW* и современным подходом к поддержанию боезапаса, Программой продления срока службы (*LEP*), обусловлено различием лежащих в их основе философий. В соответствии с программой *RRW* Национальное управление по ядерной безопасности будет вносить изменения в компоненты боезарядов, в том числе в компоненты, входящие в состав *физического пакета* ядерного заряда, для достижения вышеназванных целей. В рамках программы *LEP* Национальное управление по ядерной безопасности вносит изменения, чтобы, главным образом, сохранять боезаряды, и в частности минимизирует изменения *физического пакета* ядерного заряда. Большую часть изменений по программе *RRW*, наверное, можно сделать в рамках программы *LEP*. Однако это не всегда возможно, так как *LEP* старается свести изменения к минимуму.

Сторонники программы *RRW* надеются, что она предложит путь решения двух больших задач: замена большого арсенала ядерного оружия на меньшее количество более надежных боезарядов и реструктуризация ядерного оружейного комплекса в более компактный, безопасный, эффективный, гибко реагирующий и менее дорогостоящий комплекс. Скептики сомневаются, достижимы ли некоторые цели, необходимы и оправданы ли потенциальные затраты и риски⁹.

Итак, в результате реализации программы *RRW* могут появиться новые термоядерные боезаряды, у которых будет ниже отношение мощности к массе, то есть, проще говоря, они будут *больше и тяжелее* ныне существующих, либо же они будут менее мощными, либо и то, и другое вместе, но при этом они должны обладать более высокими запасами по рабочим характеристикам, должны быть более надежными в долгосрочной перспективе, должны включать усовершенствованные средства безопасности и физической защищенности, должны быть простыми в изготовлении и так далее.

ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ЦЕЛИ ПРОГРАММЫ *RRW*

Сторонники программы *RRW* признают, что программа *LEP* хорошо работает, и соглашаются с тем, что она, вероятно, обеспечит поддержание существующих боезарядов в краткосрочной перспективе. Их заботит обеспечение долгосрочной надежности боезарядов. Они утверждают, что программа *LEP* не подходит для выполнения этой задачи по той причине, что со временем будет все труднее работать в рамках этой программы по мере того, как технологии, по которым создавались существующие боезаряды, будут устаревать, а материалы, оборудование, технологические процессы и навыки, использовавшиеся для их производства, будут утрачиваться. Они считают, что если лаборатории не будут уверены в том, что смогут воспроизвести компоненты *физического пакета* ядерных зарядов согласно исходным конструкциям с использованием исходных материалов и технологических процессов, то Соединенные Штаты, в конце концов, встанут перед выбором: либо возобновить проведение ядерных испытаний, либо смириться со снижением уверенности в надежности боезапаса.

Далее сторонники программы *RRW* отмечают, что существующий ядерный арсенал, большая часть которого была произведена в период между 1979 и 1989 гг., был предназначен для сдерживания, а в случае необходимости для нанесения ядерного удара по Советскому Союзу. Однако в настоящее время изменились угрозы, стратегия и задачи. Ядерный арсенал Соединенных Штатов перестал соответствовать современной действительности. Эти боезаряды не были рассчитаны на длительный срок службы или на минимизацию затрат, и, возможно, они не соответствуют современным военным задачам, поскольку имеют слишком большую мощность и не способствуют уменьшению побочного ущерба. Вследствие этого они не подходят для ограниченного применения ядерного оружия в рамках таких конфликтов, в которых ядерное оружие могло бы играть вспомогательную роль. Кроме того, в силу большой мощности и высокого побочного эффекта они не обладают потенциалом эффективного локального применения против заглубленных целей или биологических и химических боеприпасов. Критики программы *LEP* также полагают, что современный ядерный арсенал слишком велик, поскольку из-за неадекватного состояния существующей ядерной инфраструктуры приходится сохранять большое количество *резервных* боезарядов в качестве страховки на случай непредвиденных технических проблем с арсеналом.

И, наконец, сторонники программы *RRW* полагают, что современный ядерный арсенал не отвечает всем современным требованиям, предъявляемым к средствам физической защиты. Существующие ядерные боеприпасы оснащены кодовыми устройствами предотвращения несанкционированного использования (так называемые *PALs* – *permissive action links*), однако официальные лица из Министерства энергетики США говорят о необходимости увеличения степеней защиты. Посол Брукс сказал, что использование современных технологий может позволить создать значительно более эффективные средства защиты по сравнению с *PALs*. Это, например, могут быть устройства, которые позволят дистанционно привести ядерный боеприпас в недееспособное состояние в том случае, если контроль над ним будет по каким-либо причинам потерян¹⁰.

Если суммировать все, что заявляют сторонники *RRW*, то можно следующим образом определить основные цели этой программы:

- обеспечение гарантированной надежности и безопасности ядерного арсенала без проведения ядерных испытаний. Иными словами, изменение стратегии сопровождения ядерного арсенала с *сопровождает то, что имеем* на *имеем то, что способны сопровождать*;
- создание ядерных боеприпасов с увеличенным сроком службы, усовершенствованными системами безопасности и физической защищенности;
- создание гибкой производственной инфраструктуры, способной быстро реагировать на возможные технические проблемы с арсеналом и возможные геополитические изменения в мире;
- уменьшение затрат министерства обороны и министерства энергетики на содержание ядерных вооружений за счет снижения стоимости сертификации, воспроизводства, обновления, разборки и обеспечения физической защиты ядерных боеприпасов;
- обеспечение разнообразия боезарядов как неотъемлемой черты всего ядерного арсенала;
- сокращение размера ядерного арсенала за счет уменьшения количества боезарядов, находящихся в резерве и служащих в настоящее время страховкой на случай непредвиденных будущих технических проблем с арсеналом;
- создание ядерного арсенала, предоставляющего набор потенциальных возможностей, чтобы гибко противостоять непредвиденным угрозам и возможным геополитическим изменениям в будущем;
- предоставление ядерным оружейным специалистам возможности использовать и совершенствовать все их знания и умения, чего они не могут делать при существующем подходе к сопровождению ядерного арсенала, когда отсутствует разработка новых ядерных боеприпасов;
- подготовка научных и инженерных кадров, умеющих не только поддерживать существующий арсенал, но и способных создавать новые ядерные боезаряды.

По замыслу ее создателей, программа *RRW* должна стать основным рычагом в процессе широкого преобразования всего ядерно-оружейного комплекса США. Вот что сказал об этом в 2005 г. бывший руководитель *NNSA* Линтон Брукс:

«Разрешите мне вкратце описать широкий концептуальный подход к ядерному арсеналу и трансформации инфраструктуры. *Инструментом реализации* такой трансформации, по нашему мнению, является программа *RRW*. Для того чтобы убедиться в реалистичности этой программы, мы будем использовать средства, выделенные Конгрессом, чтобы начать концептуальные исследования и технико-экономические обоснования по замещающим боезарядам или компонентам боезарядов, которые обладают тем же или сравнимым военным потенциалом, что и существую-

щие боезаряды в арсенале. Если в результате этих исследований станет ясно, что концепция программы *RRW* технически осуществима, и если, как я того ожидаю, министерство обороны сделает свой заказ, мы должны быть способны разработать и произвести к 2012–2015 г. небольшую серию боезарядов, чтобы продемонстрировать, что система *RRW* может быть произведена и сертифицирована без ядерных испытаний.

Как только эта возможность будет продемонстрирована, Соединенные Штаты смогут поступить следующим образом:

- урезать или прекратить некоторые из существующих программ по продлению срока службы арсенала, доставшегося нам в наследство;
- использовать средства, сэкономленные от сокращения программ по продлению срока службы, для того, чтобы начать трансформировать ядерный арсенал таким образом, чтобы он включал значительную часть боезарядов *RRW*, которые гораздо легче и дешевле произвести и аттестовать (сертифицировать), и
- использовать преобразования ядерного арсенала для стимулирования процесса консолидации с целью создания инфраструктуры, обладающей способностью к более гибкому реагированию»¹¹.

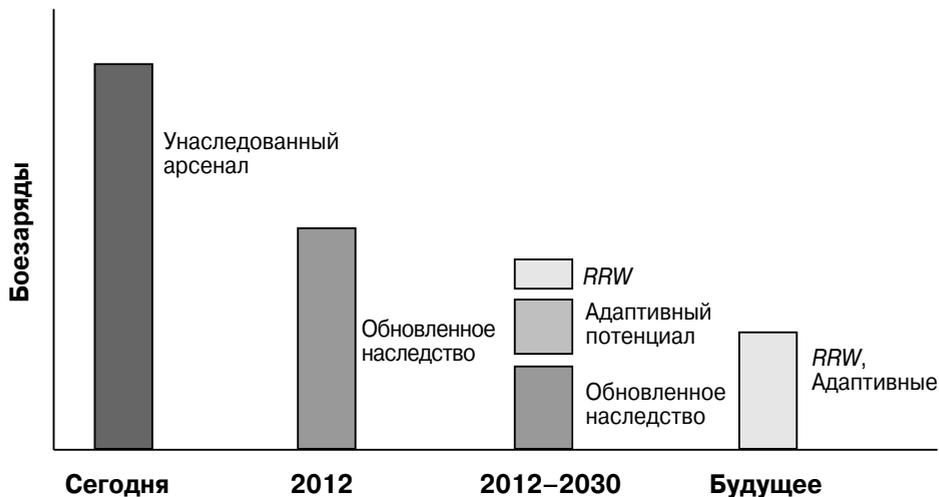
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА США

Соединенные Штаты не производили новых ядерных боезарядов с 1989 г. Производством плутониевых компонентов для американского ядерного арсенала занимался завод *Роки Флэтс* в штате Колорадо. Однако в 1989 г. его деятельность была временно приостановлена из-за проблем с радиационной и экологической безопасностью, а впоследствии он был окончательно закрыт. С 1989 г. США не производили плутониевых компонентов, которые были бы аттестованы для использования в боеприпасах, находящихся в арсенале. Мелкосерийное производство плутониевых компонентов для боезарядов *W88* было налажено в начале нынешнего десятилетия в Лос-Аламосской национальной лаборатории, однако процесс аттестации этих узлов еще только должен быть завершен к концу этого года, и по самым оптимистичным оценкам мощность этого объекта не позволит производить плутониевые компоненты для более чем 30–40 боезарядов в год. Для сравнения завод *Роки Флэтс* в конце 1950-х гг. ежедневно выпускал плутониевые компоненты для 10 боезарядов.

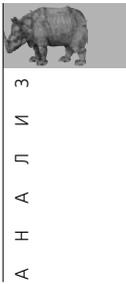
Следует отметить, что дискуссия о надежности имеющегося американского ядерного арсенала и необходимости разработки новых замещающих боезарядов была во многом инициирована проблемой *старения* плутониевых компонентов ядерных боезарядов. Старение узлов с делящимися материалами, главным образом плутониевых компонентов, считается одним из критических факторов, ограничивающих гарантийные сроки ядерных боезарядов¹². Изотопы плутония со временем претерпевают радиоактивное превращение путем α - и β -распадов, переходя в другие долгоживущие актиноиды, которые постепенно накапливаются в плутониевом материале. Кроме того, в процессе α -распада в кристаллической структуре плутония накапливается гелий. Эти процессы приводят к определенным возмущениям в микроструктуре материала и его *старению*¹³. Однако недавние исследования, проведенные в Лос-Аламосской и Ливерморской национальных лабораториях, свидетельствуют, что плутоний, входящий в состав американского ядерного арсенала, сохраняет свои качества в течение значительно более длительного времени, чем это считалось ранее. В начале 2007 г. был опубликован доклад независимой экспертной группы *JASON*. Входящие в эту группу эксперты рассмотрели представленные национальными лабораториями данные и пришли к выводу, что американские ядерно-оружейные лаборатории существенно продвинулись в научном понимании процессов *старения* плутония и что полученные результаты позволяют заключить, что *время жизни* плутония в американском ядерном арсенале составляет не менее 100 лет¹⁴. Противники *RRW* считают выводы группы *JASON* важным аргументом против необходимости разработки новых ядерных боезарядов.

Существующие сегодня планы предусматривают замену заметного количества существующих боезарядов в арсенале на новые боезаряды *RRW* к 2030 г. Для этого необходимо наладить устойчивое производство надежных боезарядов для замены после 2022 г. Проблему с производством плутониевых компонентов должен решить новый консолидированный плутониевый центр. Он должен стать местом, где будут на основе современных технологий осуществляться производство плутониевых компонентов для ядерно-оружейного комплекса, их инспекция и разборка, а также проводиться необходимые научно-исследовательские работы. Место нахождения нового центра пока еще не определено. В настоящее время в качестве потенциальных кандидатов рассматриваются Лос-Аламосская лаборатория, Невадский испытательный полигон, завод *Пантекс* в Техасе, комплекс *Саванна Ривер Сайт* в Южной Каролине или завод *У-12* в Теннесси. Консолидированный плутониевый центр должен обеспечить ежегодное производство плутониевых компонентов для 125 ядерных боезарядов¹⁵. Начало работы консолидированного плутониевого центра планируется на 2020 г., а в 2022 г. он должен выйти на проектную мощность¹⁶.

Рисунок 1. Видение преобразования ядерного арсенала США руководством NNSA¹⁷

Приведенный рисунок носит, конечно, иллюстративный характер, однако он отражает основные этапы преобразования американского ядерного арсенала, как их видит в настоящее время Министерство энергетики США. К 2012 г. ядерный арсенал США будет состоять из боезарядов, доставшихся в наследство после окончания холодной войны, но обновленных в рамках программы продления срока службы. При этом размер арсенала должен уменьшиться. В мае 2004 г. президент США Джордж Буш-мл. подписал директиву в области национальной безопасности *NSPD 34*, которая определяет план сокращения ядерного арсенала США до 2012 г. Хотя цифры, содержащиеся в этой директиве, являются закрытыми, бывший руководитель *NNSA* Линтон Брукс заявил, что размер арсенала в 2012 г. составит четверть от его размера в конце холодной войны и половину от его размера в 2001 г. По оценкам независимых экспертов, размер американского ядерного арсенала в 2012 г. может составить от 5 000 до 6 000 боезарядов^{18,19}, при этом число оперативно развернутых стратегических боезарядов не должно превысить 2 200 единиц согласно условиям российско-американского Договора о стратегических наступательных потенциалах (СНП). Более 90% ядерных боезарядов, которые останутся в арсенале США в 2012 г., будут предназначены для стратегических носителей: межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков. Следует отметить, что планируемое сокращение размера ядерного арсенала США к 2012 г. не связано напрямую с программой *RRW*.

По состоянию на январь 2007 г. в состав ядерного арсенала США входили почти 10 000 ядерных боезарядов, из которых более 5 500 находились в активном арсенале²⁰.

К 2030 г. в арсенале должны появиться первые боезаряды *RRW*, которые заменят часть боезарядов из *обновленного наследства*. Кроме того, Министерство энергетики США, по-видимому, планирует появление в арсенале ядерных боезарядов, *адаптивных* к новым угрозам и более приспособленных к решению новых военных задач. Ввиду нехватки информации трудно судить о том, что могут представлять собой эти *адаптивные* боезаряды. После 2030 г. боезаряды из *обновленного наследства* будут постепенно сниматься с вооружения, и в будущем американский ядерный арсенал должен будет состоять из боезарядов *RRW* и *адаптивных* боезарядов. Таково, по крайней мере, нынешнее видение руководства *NNSA*. При этом, согласно *Рисунку 1*, размер арсенала будет постепенно уменьшаться. Сторонники программы *RRW* заявляют, что повышенная надежность и увеличенные гарантийные сроки новых боезарядов снизят потребность в резерве на случай непредвиденных обстоятельств, что приведет к сокращению арсенала. Однако точные количественные параметры и график таких сокращений пока не определены.

Министерство обороны, которое является заказчиком и потенциальным *пользователем* ядерного оружия, устанавливает требования к типам и характеристикам ядерного оружия. Очевидно, что для успешной реализации программы *RRW* необходима поддержка Министерства обороны США, и многие высокопоставленные военные и чиновники Пентагона уже высказались в поддержку новой программы. Вот что сказал Стив Генри, заместитель министра обороны по ядерным вопросам:

Президент Буш сказал: «Я хочу добиться надежного уровня ядерного сдерживания при наличии как можно меньшего количества ядерных боеприпасов, отвечающего нуждам нашей национальной безопасности, а также нашим обязательствам перед союзниками. Моя задача состоит в том, чтобы быстро двигаться к сокращению ядерных сил». Для выполнения этой цели мы должны быть уверены в безопасности, физической защищенности и надежности нашего оружия не только сегодня, но и на длительную перспективу, а также ставить задачу свести к минимуму вероятность возобновления ядерных испытаний.

Путь, по которому мы движемся сегодня, не совсем соответствует президентской директиве. Ныне существующий ядерный арсенал был создан в 1980-х гг. Это оружие было оптимизировано с точки зрения соотношения между мощностью и массой, и предполагалось, что оно будет оставаться в арсенале лишь около 20 лет. В процессе реализации текущей программы по продлению срока службы эти боеприпасы будут модернизированы с продлением их срока службы более чем на 30 лет сверх первоначального срока. Хотя каждое изменение, вносимое в компоненты ядерного боезаряда, подвергается тщательному исследованию, остается неуверенность в потенциальных последствиях этих накапливающихся изменений. По существу, программа продления срока службы продлит зависимость от конструкций, доставшихся в наследство от холодной войны, в которых используются токсичные и опасные материалы, и обеспечит лишь ограниченные возможности для повышения безопасности и физической защищенности оружия с помощью технологий XXI в. Кроме того, в некоторых случаях программа по продлению срока службы потребует восстановления дорогостоящих производственных процессов, которые были остановлены более десяти лет назад. Следуя нынешнему пути, Министерство обороны будет продолжать зависеть от неразвернутых боеприпасов, страдая тем самым от технических проблем и геополитических изменений.

В интересах США следовать альтернативным путем. По своей концепции Программа создания надежных замещающих боезарядов (*RRW*) способна обеспечить такой путь. В идеальном варианте программа *RRW* будет сохранять боевые возможности существующего арсенала, однако может допустить смягчение некоторых требований по конструкциям времен холодной войны с тем, чтобы можно было применять компоненты, предназначенные для замены. Эти компоненты будут проектироваться таким образом, чтобы увеличить запасы, обеспечить простоту производства и сертификации, и они понизят вероятность того, что боезаряд не сработает из-за конструктивных или производственных упущений или проблем, связанных со старением материалов. Такие характеристики этих замещающих боезарядов повысят нашу уверенность в долгосрочной надежности ядерного арсенала и снизят вероятность возобновления ядерных испытаний, тем самым потенциально сократив количество ядерных боеприпасов в резерве, которые играют роль страховки от технических сюрпризов. В рамках концепции *RRW* станет реальным применение современных средств обеспечения безопасности и физической защиты. Программа может стать инструментом реализации перехода к эффективной, гибко реагирующей инфраструктуре, с помощью которой можно будет сократить число боезарядов в резерве, необходимых для противостояния возможным геополитичес-

ким изменениям. Примером того, как эта программа может упростить производство при повышении уровня безопасности в ядерном оружейном комплексе, является то, что может отпасть необходимость в использовании многих экзотических и опасных неядерных материалов.

Программа *RRW* по своей концепции способна обеспечить и другие преимущества, например, возможность использовать и передавать опыт. Однако если мы хотим отказаться от того пути, по которому идем сейчас, и перейти к программе *RRW*, то должны это делать скорее, поскольку опытные разработчики ядерного оружия, имеющие опыт ядерных испытаний, быстро уходят на пенсию»²¹.

НОВЫЕ ЯДЕРНЫЕ ЗАРЯДЫ И ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ США

Считается, что первый разработанный в рамках программы *RRW* боезаряд будет использован для оснащения боеголовок баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) *Трайидент II*. Не исключается, что этот же боезаряд можно будет использовать и для оснащения межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования.

В качестве первого кандидата для замены рассматривается боеприпас *W76*, являющийся важной компонентой стратегических ядерных сил США. Этот боеприпас с энерговыделением около 100 кт был разработан в 1970-е гг. Лос-Аламосской национальной лабораторией для оснащения БРПЛ *Трайидент I*, а затем этим боеприпасом стали оснащать пришедшие им на смену БРПЛ *Трайидент II*. Объем серийного производства этих боеприпасов в период с 1978 по 1987 гг. оценивается приблизительно в 3 000 единиц²². По существующим открытым данным *W76* представляет собой самый массовый тип стратегических ядерных боеприпасов США. В настоящее время в ядерном арсенале США находятся 3 030 боеприпасов *W76*, из которых 1 712 единиц находятся в так называемом активном арсенале, а 1 318 – в неактивном резервном арсенале²³. Это составляет 34% от общего количества стратегических ядерных боеприпасов, которыми на сегодняшний день располагают Соединенные Штаты. Таким образом, новые боеприпасы, если они будут разработаны и произведены в рамках программы *RRW*, будут не каким-то второстепенным элементом системы ядерных вооружений США, а одним из основных компонентов их ядерного арсенала.

В этой связи интересно отметить, что в отношении надежности *W76* могут существовать некоторые проблемы. Так, несколько бывших сотрудников Лос-Аламосской национальной лаборатории утверждали, что *W76* имеет определенные недостатки конструкции, которые могут отрицательно сказаться на надежности этого боезаряда²⁴. При этом руководство лаборатории опровергает эти утверждения и заявляет, что оно уверено в надежности *W76*²⁵.

Первый надежный замещающий боезаряд, получивший предварительный индекс *RRW-1*, будет размещен в составе боеголовок *Mk5*, которая в настоящее время используется для заряда *W88*, которым также оснащаются БРПЛ *Трайидент II*. Сообщается, что мощность нового боезаряда *RRW-1* будет составлять не более 100 кт, что приблизительно соответствует мощности боезаряда *W76*. При этом установлены требования, что вес и центр тяжести нового заряда должны соответствовать параметрам боеголовок *Mk5*²⁶. Это, по-видимому, предоставляет разработчикам боезаряда *RRW-1* значительную гибкость в выборе параметров его конструкции, поскольку мощность *W88* существенно больше, чем мощность *W76*, и составляет 455 кт²⁷. Кроме того, точность боеголовок *Mk5* выше, чем боеголовок *Mk4*, что позволит компенсировать возможное снижение мощности *RRW-1* по сравнению с *W76*.

Более того, в Соединенных Штатах существуют планы существенного повышения боевой эффективности боеголовок БРПЛ *Трайидент II*. Боеголовки БРПЛ *Трайидент II* должны быть оснащены средствами наземного подрыва в дополнение к существующему в настоящее время воздушному подрыву. В дополнение к этому ВМФ США рассматривает возможность повысить точность и без того очень точных боеголовок этих ракет, уменьшив значение кругового вероятного отклонения (КВО)²⁸ с нынешних 90 до 12 м. Это предполагается осуществить путем оснащения боеголовок средствами маневрирования и датчика-

С материалами по проблеме нераспространения Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Нераспространение и Россия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/nonproliferation>

ми Системы глобального позиционирования²⁹. Поскольку в выражение для эффективности поражения отдельных прочных целей, каковыми, например, являются шахты МБР или центры командования и управления, входит отношение $E/(KBO)^3$, где E – мощность взрыва, то даже и не столь значительное повышение

точности боеголовок может позволить снизить их энерговыделение. Хотя Конгресс США и отказался выделить финансирование на реализацию программ повышения точности боеголовок БРПЛ *Трайидент II*, этот вопрос пока не снят с повестки дня.

ДВА ПОДХОДА

В то же время между целями программ *RRW* и *LEP* уже сегодня существуют определенные противоречия. В 2007 г. начинается реализация программы по продлению срока службы боезаряда *W76*. Предполагается проведение достаточно масштабных работ, в результате которых боезаряд получит новый индекс *W76-1*, а срок его службы будет продлен на 30 лет. В уже цитированном отчете Исследовательской службы Конгресса США сказано:

«Национальное управление по ядерной безопасности в своем бюджетном запросе на 2007 финансовый год дает следующее описание программы *LEP* для боеприпаса *W76* для баллистической ракеты морского базирования *Трайидент*:

Программа *LEP* для *W76* продлит срок службы боезарядов *W76* дополнительно на 30 лет, причем первый серийный образец планируется произвести в 2007 финансовом году. Работы включают в себя проектирование, квалификационный анализ, сертификацию, оценку рентабельности производственной базы и производство опытных образцов. На этапе подготовки производства будет обеспечено, что конструкция обновленных боезарядов отвечает всем требуемым военным характеристикам»³⁰.

Бывший руководитель *NNSA* Линтон Брукс, выступая в Конгрессе в апреле 2005 г., сказал:

«Сегодня программа сопровождения арсенала работает, и мы уверены, что арсенал безопасен и надежен и что на сегодняшний день нет нужды в ядерных испытаниях. В прошлом месяце министр энергетики и министр обороны вновь подтвердили это в своем докладе президенту США, сделанном в рамках девятой ежегодной оценки безопасности и надежности ядерного арсенала США. [...] Наши оценки основаны на десятилетнем опыте реализации программы научного сопровождения арсенала, на данных многочисленных широкомасштабных наблюдений, на данных экспериментов и расчетов, а также на мнении экспертов»³¹.

Все это говорит о том, что хотя программа *LEP* до сих пор успешно справлялась с научно-техническим сопровождением ядерного арсенала США в условиях ДВЗЯИ, ядерный комплекс Соединенных Штатов осознал и сформулировал в виде программы *RRW* некоторую долгосрочную альтернативу старому подходу. Судьба новой программы будет зависеть от ее конкретных результатов, от того, сможет ли она обеспечить беспрецедентный уровень уверенности в боезарядах, которые будут разработаны в рамках этой программы без проведения полномасштабных ядерных испытаний. В настоящее время она находится в самом начале пути, на самой ранней стадии выработки концепции. Можно сказать, что в настоящее время еще до конца не сформулированы ее цели и задачи, не определен масштаб будущих работ. Финансирование программы *RRW* находится пока на очень скромном уровне. В 2006 финансовом году на нее было выделено 25 млн долл., а в 2007 финансовом году – 27,7 млн долл. Конечно, это очень скромные цифры в сравнении с общим бюджетом *NNSA* на деятельность, связанную с ядерным оружием, который в 2006 финансовом году составил около 6,4 млрд долл. При этом затраты на прямые работы по поддержанию ядерного арсенала, куда входит программа *LEP*, составили около 1,4 млрд долл. Однако если программа *RRW* получит поддержку администрации, Конгресса и Министерства обороны США, то ее бюджет очень скоро может возрасти во много раз.

РАЗВИТИЕ ПРОГРАММЫ *RRW*

В рамках программы *RRW* в мае 2005 г. двум группам специалистов из трех ядерных оружейных лабораторий США³² было поручено провести на конкурентной основе предварительную разработку проектов термоядерных зарядов, которые бы отвечали целям и задачам программы *RRW*. Эти концептуальные проекты были в конце 2006 г. представлены на рассмотрение Совета по ядерным вооружениям (*Nuclear Weapons Council – NWC*)³³. Совет мог остановиться на одном из проектов, на комбинации двух проектов или потребовать продолжить исследования. Следует отметить, что две группы разработчиков пошли разными путями. В основу проекта Ливерморской национальной лаборатории была положена конструкция ядерного заряда, которая была создана известным американским специалистом в области разработки ядерных боезарядов Сеймуром Сакком и которая была успешно испытана на Невадском полигоне в 1980-х гг., но так и не была поставлена на вооружение. В противоположность этому в проекте Лос-Аламосской национальной лаборатории были использованы компоненты различных боезарядов, стоящих на вооружении. Эти компоненты были собраны в новую конструкцию, которая, однако, не проходила натуральных испытаний³⁴.

2 марта 2007 г. в своем официальном заявлении Национальное управление по ядерной безопасности США сообщило, что Совет по ядерным вооружениям США выбрал проект первого надежного замещающего боезаряда, получившего индекс *RRW-1*³⁵. Победителем стал проект Ливерморской национальной лаборатории. В качестве цели рассматривается возможность появления первого серийного образца ядерного боезаряда *RRW-1* к 2012–2014 гг.

Исполняющий обязанности руководителя Национального управления по ядерной безопасности Томас д'Агостино отметил, что обе группы разработчиков представили проекты, которые полностью удовлетворяют поставленной задаче. Он отметил, однако, что проект группы из Калифорнии был выбран потому, что существует более высокая уверенность в том, что эту конструкцию можно будет сертифицировать без проведения ядерных испытаний. Д'Агостино сказал, что эта конструкция сильнее привязана к результатам прошлых ядерных испытаний, что является особенно важным для обеспечения долговременной надежности ядерного арсенала.

В заявлении Национального управления по ядерной безопасности также отмечается, что впервые производственные предприятия ядерно-оружейного комплекса полноценно участвовали в процессе разработки проекта первого надежного боезаряда для замены. Их участие должно гарантировать, что компоненты и материалы зарядов *RRW* будут более безопасными, а процесс их производства и обслуживания упростится.

После того как Совет по ядерным вооружениям сделал свой выбор, проект разработки заряда *RRW-1* перешел во вторую фазу, в ходе которой ученые, конструкторы и инженеры из Калифорнии должны представить план-проект и технико-экономическое обоснование процессов разработки и производства *RRW-1*.

ПРОГРАММА *RRW* И КОНГРЕСС

Следует отметить, что программа *RRW* уже столкнулась с определенными трудностями после того, как в 2006 г. Демократическая партия получила большинство в нижней палате Конгресса. 5 февраля 2007 г. администрация США представила Конгрессу бюджетный запрос на 2008 финансовый год, который начинается 1 октября 2007 г. В бюджетном запросе Национальной администрации по ядерной безопасности отдельной строкой прописаны расходы на программу по созданию надежных замещающих боезарядов. На 2008 финансовый год администрация запросила у Конгресса финансирование на программу *RRW* в размере 88,77 млн долл. То есть в 2008 финансовом году администрация США хочет увеличить финансирование программы *RRW* в 3,2 раза по сравнению с 2007 годом. Это вызвало жаркие дебаты в Палате представителей и Сенате. В результате в конце июня 2007 г. Сенат рекомендовал сократить финанси-

рование программы на 22,77 млн долл. и одобрил выделение на нее 66 млн долл. Ранее Палата представителей полностью исключила из законопроекта о расходах на энергетику выделение средств на программу *RRW* в 2008 финансовом году. Конгрессмены считают, что Белый дом должен вначале разработать всеобъемлющую ядерную стратегию, которая отражала бы тот факт, что холодная война уже закончилась. Эта стратегия, по мнению конгрессменов, должна стать руководством для принятия будущих решений в ядерно-оружейной области³⁶, в том числе и по программе *RRW*. В ответ госсекретарь США Кондолиза Райс, министр обороны США Роберт Гейтс и министр энергетики США Сэмюэль Бодман выпустили совместное заявление для Конгресса³⁷, в котором они защищают программу *RRW*, настаивают на необходимости выделения запрошенного финансирования в полном объеме и утверждают, что затяжка с реализацией программы может привести к необходимости возобновления Соединенными Штатами ядерных испытаний. Таким образом, будущее программы *RRW* сейчас выглядит довольно неопределенным, и предстоит еще жаркая борьба в Конгрессе за выделение финансирования на нее на 2008 г.

Бюджетный запрос *NNSA* на 2008 финансовый год также включает в себя прогноз финансирования программы *RRW* на несколько последующих лет. В соответствии с этим прогнозом Министерство энергетики США хотело бы, чтобы финансирование программы *RRW* составило:

- в 2009 финансовом году – 99,8 млн долл.;
- в 2010 финансовом году – 109,2 млн долл.;
- в 2011 финансовом году – 167,4 млн долл.;
- в 2012 финансовом году – 179,9 млн долл.

В 2012 г., когда возможно появление первого серийного образца боезаряда *RRW-1*, финансирование программы должно вырасти в 6,5 раз по сравнению с 2007 г.

ВОПРОСЫ К ПРОГРАММЕ *RRW*

При рассмотрении концепции программы *RRW* возникает ряд вопросов.

Первое: Не приведет ли программа *RRW* к возобновлению ядерных испытаний? Что если новая программа не сможет обеспечить требуемого уровня уверенности в новых боезарядах, а финансирование старых программ будет сокращено, и они не обеспечат надежности существующего арсенала? Согласится ли Министерство обороны принять на вооружение новые боезаряды, не прошедшие через полномасштабные испытания? Учитывая негативное отношение Вашингтона к ДВЗЯИ, не могут ли боезаряды, созданные в рамках программы *RRW*, стать поводом и оправданием возобновления ядерных испытаний? Скорее всего, ни Министерство энергетики, ни Пентагон не смогли бы сейчас сказать, как будут происходить сертификация и принятие на вооружение этих новых боезарядов без проведения полномасштабных испытаний. Можно, однако, предположить, что это будет непростой задачей. Достаточно вспомнить, что процесс сертификации плутониевых компонентов для боезарядов *W88*, произведенных в Лос-Аламосской лаборатории, потребовал нескольких лет и сотен миллионов долларов, а вся проблема состояла в том, что технология, применяемая в Лос-Аламосской лаборатории, несколько отличается от технологии, которая использовалась для производства тех же самых компонентов на заводе *Роки Флэтс* в 1980-е гг.

Второе: Не приведет ли программа *RRW* к созданию ядерных боезарядов с новыми военными характеристиками? В настоящее время существуют определенные расхождения в том, как видят новую программу Конгресс США и Национальное управление по ядерной безопасности. Многие в Конгрессе считают, что программа *RRW*, прежде всего, должна быть направлена на модернизацию существующего ядерного арсенала.

Конгресс высказался против «новых видов оружия, предназначенных для любых военных задач, выходящих за рамки текущих требований [ядерного] сдерживания»³⁸. В противовес этому три американских оружейных лаборатории продолжают считать, что единственно верным способом достичь всех целей программы является разработка новых конструкций боезарядов для замены, которые, с одной стороны, отвечали бы критериям программы *RRW*, а с другой стороны, были бы свободны от ограничений времен холодной войны, присущих существующим ядерным боезарядам. Но новые конструкции могут обладать и новыми военными качествами. И даже если речь будет идти лишь о *переконструировании* существующих боезарядов, насколько далеко может зайти такое *переконструирование* и где будет находиться грань между модифицированной и новой конструкциями?

Третье: Будет ли реализация программы *RRW* действительно содействовать сокращению количества ядерных боеприпасов в арсенале? Сколько неразвернутых *резервных* боеприпасов может быть окончательно выведено из арсенала в случае осуществления программы *RRW*? Каким образом программа *RRW* позволила бы осуществить это сокращение? Каков график проведения этих сокращений?

Четвертое: Какое влияние может оказать программа *RRW* на международный режим ядерного нераспространения, особенно с учетом того, что США требуют от других стран отказа от ядерных амбиций, но при этом сами агрессивно реализуют программу по созданию новых ядерных боеприпасов? Как собирается американская администрация привести в соответствие свои планы широкой ядерной модернизации и обязательства США по статье VI ДНЯО? Согласно статье VI ДНЯО каждый участник договора «обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению [...]». Кроме того, есть заявление, сделанное совместно Великобританией, Китаем, Россией, США и Францией на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2000 г., в котором эти страны вновь заявили «о [...] твердой приверженности делу реализации конечных целей полной ликвидации ядерного оружия»³⁹. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО, проходившая в Нью-Йорке в мае 2005 г., зашла в тупик в том числе и потому, что многие страны критиковали Соединенные Штаты, хоть и не всегда напрямую, за программы по развитию ядерного оружия, которые, как они считают, противоречат обязательствам США по статье VI Договора.

ПРОГРАММА *RRW* И ПОЛИТИКА ВОЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Программа *RRW*, будучи составной частью политики военной и особенно ядерной *трансформации*, означает обновление и структурную перестройку ядерного арсенала для новых стратегических и геополитических условий, то есть превращение его в инструмент общей новой инфраструктуры сдерживания и реагирования на возникающие вызовы и угрозы. Конечно, трудно критиковать некоторые из целей новой программы, такие как повышение надежности, безопасности, физической защищенности ядерного арсенала и сокращение количества ядерных боеприпасов. С другой стороны, программа *RRW* является лишь небольшой частью общей американской политики военной модернизации, в том числе и в ядерно-оружейной области. Так, Министерством энергетики США принята программа «Комплекс 2030», предусматривающая глубокую модернизацию восьми ключевых объектов американского оружейного ядерного комплекса с целью создания «ядерного оружейного комплекса будущего, включающего в себя интегрированный набор лабораторий и производств, которые будут использовать самые современные достижения науки и техники для конструирования и производства ядерного оружия, а также будут обладать потенциалом реагировать на возможные технические проблемы»⁴⁰. Согласно замыслу и содержанию, новый ядерный оружейный комплекс должен будет обеспечить способность разрабатывать и производить ядерные боеприпасы быстро и в требуемых количествах.

Уже само по себе то, что в Соединенных Штатах всерьез обсуждается возможность создания новых термоядерных боезарядов для обновления арсенала без проведения ядерных испытаний, является значимым событием. Хотя речь идет об изменениях в научно-технических подходах к сопровождению ядерного арсенала США, это, безусловно, затронет интересы всех ядерных государств, которым придется определить свои позиции в этом вопросе. Все это не может не оказать определенного влияния как на стратегическую стабильность и безопасность в мире в целом, так и на существующий режим ядерного нераспространения. 🐼

Примечания

¹ *Физический пакет* (physics package) – это совокупность ядерных компонентов ядерного или термоядерного боезаряда, каждый из которых влияет на физические процессы, происходящие при ядерном взрыве.

² Ed. by Mikhailov V.N. *Catalog of Worldwide Nuclear Testing*. N. Y.: Begell-Atom, 1999. P. 90–93.

³ Medalia Jonathan. *Nuclear Weapons: The Reliable Replacement Warhead Program*. CRS Report RL32929, Congressional Research Service, Washington, D.C., Updated 9 March 2006. www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL32929.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

⁴ Ibid.

⁵ Department of Energy, FY2006 Congressional Budget Request/ February 2005. Vol. I. P. 75. www.mbe.doe.gov/budget/06budget/Content/Programs/Vol_1_NNSA_1.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

⁶ United States Nuclear Tests. July 1945 through September 1992. DOE/NV-209 (Rev. 15), U.S. Department of Energy, Nevada Operations Office, Las Vegas, Nevada, December 2000. www.nv.doe.gov/library/publications/historical/DOENV_209_REV15.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

⁷ Национальное управление по ядерной безопасности является полуавтономным ведомством в составе Министерства энергетики США (*Department of Energy – DOE*), ответственным за реализацию всех программ, связанных с разработкой, испытаниями, сертификацией и сопровождением ядерного арсенала.

⁸ Medalia Jonathan. *Nuclear Weapons: The Reliable Replacement Warhead Program*. CRS Report RL32929, Congressional Research Service, Washington, D.C., Updated 9 March 2006. P. 6–7. www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL32929.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

⁹ Ibid.

¹⁰ Pincus Walter. U.S. Prepares to Overhaul Arsenal of Nuclear Warheads. *The Washington Post*. 2006, April 15. Page A01. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/14/AR2006041401705.html> (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

¹¹ Brooks statement to Senate Armed Services Committee. April 4, 2005. P. 6.

¹² Бухарин Олег. Консолидация ядерных оружейных комплексов США и России после окончания холодной войны. *Ядерный Контроль*. 1999, № 5, сентябрь-октябрь. С. 43–56.

¹³ Хеккер Зигфрид С., Март Джозеф К. Старение плутония и его сплавов. В кн.: Б. А. Надыкто, Л. Ф. Тимофеева (ред.) *Плутоний. Фундаментальные проблемы*. Саров, 2003. С. 240–245.

¹⁴ Pit Lifetime. JASON Defense Advisory Panel Report. JSR-06-3335, January 11, 2007. www.fas.org/irp/agency/dod/jason/pit.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

¹⁵ Medalia Jonathan. *Nuclear Warheads: The Reliable Replacement Warhead Program and the Life Extension Program*. CRS Report RL33748, Congressional Research Service, Washington, D.C. 2006, December 13. P. 33.

¹⁶ Consolidated Plutonium Center. National Nuclear Security Administration, November 2006. www.complex2030peis.com/Consolidated%20Plutonium%20Center.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

¹⁷ Харви Джон. Презентация директора по планированию политики Национального управления по ядерной безопасности министерства энергетики США, Вашингтон, май 2006 г.

¹⁸ Norris Robert S., Kristensen Hans M. *Estimates of the U.S. Nuclear Weapons Stockpile (2007 and 2012)*. Natural Resources Defense Council and Federation of American Scientists. May 2007. <http://fas.org/blog/ssp/2007/USStockpile2007-2012.pdf> (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

- ¹⁹ Norris Robert S., Kristensen Hans M. U.S. Nuclear Reductions. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2004. Vol. 60, No. 5, September/October. P. 70–71.
- ²⁰ Kristensen Hans M., Norris Robert S. U.S. Nuclear Forces, 2007. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2007. Vol. 63, No. 1, January/February. P. 79–82.
- ²¹ Medalia Jonathan. Op. cit.
- ²² The W-76 Warhead. *The Nuclear Weapon Archive*. <http://nuclearweaponarchive.org/Usa/Weapons/W76.html> (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).
- ²³ Kristensen Hans M., Norris Robert S. Op. cit.
- ²⁴ Fleck John. Scientist Says Nuke Warhead Isn't Reliable; LANL-Livermore Rivalry Blamed. *Albuquerque Journal*. 2004, October 29. P. A1.
- ²⁵ Tollefson Jeff. Lab Denies Doubts about Nuke Warhead's Reliability. *The New Mexican*, 2004, July 27. <http://www.santafenewmexican.com/news/2336.html> (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).
- ²⁶ Medalia Jonathan. Op. cit.
- ²⁷ Kristensen Hans M., Norris Robert S. Op. cit.
- ²⁸ Круговое вероятное отклонение (КВО) – показатель точности попадания бомбы, ракеты, снаряда, применяющийся в качестве коэффициента при определении вероятности поражения цели. Выражается величиной радиуса круга, очерченного вокруг цели, в который предположительно должно попасть 50% боеприпасов.
- ²⁹ Lieber Keir A., Press Daryl G. The End of MAD? The Nuclear Dimension of U.S. Primacy. *International Security*. 2006. Vol. 30, No. 4, Spring. P. 7–44.
- ³⁰ Medalia Jonathan. Nuclear Warheads. Op. cit.
- ³¹ Ibid.
- ³² В одну группу входят сотрудники Лос-Аламосской национальной лаборатории и Сандийских национальных лабораторий (шт. Нью-Мексико), а в другую – сотрудники Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса и Сандийских национальных лабораторий (шт. Калифорния).
- ³³ Совет по ядерным вооружениям – это объединенная организация Министерства обороны (Department of Defense – DOD) и Министерства энергетики (Department of Energy – DOE), в которую входят высокопоставленные представители двух ведомств. Совет осуществляет надзор над всей ядерной оружейной деятельностью.
- ³⁴ Broad William J., Sanger David E., Shanker Tom. U.S. Selecting Hybrid Design for Warheads. *The New York Times*. 2007, January 7.
- ³⁵ Issue of NNSA News. March 2007. http://www.nnsa.doe.gov/docs/newsletters/2007/nl_2007Mar_NNSA_News.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).
- ³⁶ Matthews William. Lawmakers Resist White House Push for RRW. *Defense News*. 2007, June 8. <http://www.defensenews.com/story.php?F=2942426&C=america> (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).
- ³⁷ National Security and Nuclear Weapons: Maintaining Deterrence in the 21st Century. A Statement by the Secretary of Energy, Secretary of Defense and Secretary of State, July 2007. www.nnsa.doe.gov/docs/factsheets/2007/NA-07-FS-04.pdf (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).
- ³⁸ House Appropriations Committee. Energy and Water Development Appropriations Bill. 2006. P. 130.
- ³⁹ Заявление делегаций Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции, внесено в Заключительный документ Конференции 2000 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия договора, 1 мая 2000 г. <http://www.ceip.org/programs/npp/npt2000p5.htm> (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).
- ⁴⁰ Office of Defense Programs, National Nuclear Security Administration, U.S. Department of Energy. Report on the Plan for Transformation of the National Nuclear Security Administration Nuclear Weapons Complex. January 31, 2007. P. 3. [www.cdi.org/program/document.cfm? DocumentID=3829&](http://www.cdi.org/program/document.cfm?DocumentID=3829&) (последнее посещение – 18 сентября 2007 г.).

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ ИНДЕКСА БЕЗОПАСНОСТИ

В 2008 г. планируется публикация трех основных и одного тематического выпусков журнала.

В новых номерах журнала вас ждут новые интервью с высокопоставленными российскими и иностранными государственными деятелями:

- ❑ Глава федерального агентства по атомной энергии С.В. **Кириенко** о перспективах российской атомной энергетики;
- ❑ Высокий Представитель Генерального Секретаря ООН по вопросам разоружения Сержио **Дуарте** о контроле над вооружениями и разоружении на глобальной повестке дня;
- ❑ Генеральный прокурор кантона Женева Даниэл **Заппелли** о международном и российско-швейцарском сотрудничестве в борьбе с финансовыми преступлениями;
- ❑ Советник по национальной безопасности премьер-министра Индии Майанкоте Келат **Нараянан** о перспективах российско-индийских отношений;

В 2008 г. аналитические материалы *Индекса Безопасности* будут представлены не только традиционными темами ядерного нераспространения и будущего атомной энергетики. На страницах журнала вы сможете прочитать о демографических процессах в мире и России, о роли энергетического фактора в международной безопасности, о борьбе за водные ресурсы, о международном гуманитарном праве и урегулировании конфликтов, информационной безопасности и многом другом.

В ближайшем номере будет опубликован эксклюзивный отрывок из книги пакистанской исследовательницы Айеши Сиддики о роли военных в экономике развивающихся государств, рецензию на которую Вы можете прочитать уже в этом номере.

Вас также ждут комментарии *из первых рук* о наиболее актуальных событиях в области глобальной безопасности.

Ставшая уже традиционной рубрика «Полемика» пополнится дебатами о статусе Косово и влиянии проблемы на постсоветское пространство, а также о газовой дипломатии России и новой формуле отношений с нашими соседями.

Этот номер журнала является последним номером, который будет распространяться по бесплатной рассылке. Для получения журнала в 2008 г. необходимо оформить подписку. Подробнее см. на стр. 8–9.

Подписной купон расположен на стр. 215

Вадим Козюлин

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННО- ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ¹

После распада СССР ставшие независимыми республики Центрально-Азиатского региона (ЦАР)² очередной раз в своей истории очутились в поисках нового будущего, одновременно став объектом большой игры. В то время как три *супермагнита* – Россия, США и Китай (и на подступах – Индия) – меряются влиянием на политическом и экономическом полях, Иран и Саудовская Аравия распространяют свои притягательные лучи по полю духовному.

В результате государства ЦАР проходят испытание противоречивыми тенденциями: с одной стороны – исламизацией, с другой – стремлением трансформироваться в современные светские общества. Попытка совместить обе, приняв умеренную форму ислама и подавляя наиболее радикальные проявления экстремизма, даются нелегко, ибо центральноазиатские страны не только заряжены восточным авторитаризмом, но и поражены глубочайшей коррупцией.

Большая игра непредсказуема и чревата как внешними, так и внутренними угрозами, наподобие *оранжевых революций*. Чтобы уберечься, странам ЦАР необходимы надежные вооруженные силы, крепкие союзники и добрые отношения со всеми полюсами силы и влияния.

РЕГИОН И ОРУЖИЕ

Несколько лет назад руководителям новых независимых республик казалось, что союз с США способен обеспечить процветание. Еще в 2002 г., выступая в Вашингтоне на встрече с американскими бизнесменами, лидер Узбекистана И.А. Каримов заявлял: «Узбекистан сможет стать истинным другом, опорой Соединенных Штатов в Центральной Азии»³. *Цветные революции*, равно как и их неудавшиеся попытки не столько укрепили, сколько поколебали позиции Соединенных Штатов в регионе. В 2005 г. после событий в Андижане, выступая уже перед российской аудиторией, И.А. Каримов сказал: «Хотелось бы выразить благодарность России за те оценки и помощь, которые мы почувствовали. Есть такая российская поговорка «Друг познается в беде», – этим все сказано»⁴.

России исторически достался самый богатый инструментарий влияния в ЦАР: экономические и культурные связи (единое советское образование и не забытый центральноазиатской элитой русский язык), общность интересов безопасности. Но крепче прочего республики ЦАР связывает с Россией самое востребованное в беспокойные времена наследие СССР – советское оружие.

На долю стран ЦАР досталось мало новейших образцов вооружений. Советский Союз держал их поближе к НАТО – на Украине и в Белоруссии. Центральная Азия служила чем-

то вроде чулана, куда свозили и складывали на всякий случай старый хлам, который мог передвигаться и стрелять, а значит, сгодился бы в большой войне. В результате в регионе оказалось значительное (а местами – огромное) количество не нового, но надежного оружия. Именно таким – недорогим, простым в использовании – оружием, собственным, и ведутся локальные войны. В мире на него существует устойчивый спрос. Этот спрос позволил Узбекистану даже войти в круг ведущих экспортеров вооружений.

Таблица 1. Поставщики обычных вооружений в 2001–2005 гг.⁵ (объемы представлены тренд-индикаторами СИПРИ⁶, выраженными в млн долл. США)

Номер в порядке убывания по объему продаж вооружений	Поставщик	2001	2002	2003	2004	2005	2001–2005	
		2001–2005	2000–2004					
13	14	Узбекистан	–	73	340	170	–	583
32	29	Киргизия	–	–	92	–	–	92
47	41	Казахстан	9	–	–	5	–	14

Даже простое оружие требует обслуживания и ремонта, поставок запасных частей, боеприпасов. У любой техники, как у человека, есть отпущенный век, и век советских вооружений на исходе. Для примера, вертолету отпущено производителями 25 лет. Это значит, что вертолеты, сделанные в начале 1980-х гг., должны готовиться в утиль. Неисчислимому, как казалось, советскому военному наследству приходит конец.

За исключением Казахстана и Туркменистана, центральноазиатские республики восполняют свои арсеналы мизерными приобретениями. Частично обороноспособность стран поднимают военные подарки из России, США, Китая, Турции. Информация о военных закупках и военных расходах вообще зачастую бывает противоречива. Вот как ее представляет СИПРИ.

Таблица 2. Получатели обычных вооружений в 2001–2005 гг.⁷ (объемы представлены тренд-индикаторами СИПРИ, выраженными в млн долл. США)

Номер в порядке убывания по объему продаж вооружений	Поставщик	2001	2002	2003	2004	2005	2001–2005	
		2001–2005	2000–2004					
51	49	Казахстан	31	83	62	46	68	290
96	97	Туркменистан	–	–	20	10	–	30
107	110	Киргизия	–	–	9	5	3	17
111	113	Узбекистан	5	5	–	–	–	10

Сегодняшние вооруженные силы государств ЦАР можно признать слабыми, оснащенными преимущественно советским изношенным либо подаренным подержанным ору-

жием. Относительно сильные вооруженные силы получились у Узбекистана, Туркмении и Казахстана, но последнему досталось очень много небоеспособного оружия, которое было вывезено из Европы и оставлено на базах хранения. У Киргизии и Таджикистана армии чисто символические.

Таблица 3. Вооруженные силы государств ЦАР⁸

Вооруженные силы (ВС) республик ЦАР	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Численность ВС (тыс.)	66	13	8 (+ 8 РФ)	26	55
Военизированные формирования (тыс.)	35	5	5	0	36
Боевые самолеты	164	72 МиГ-21 (+10 РФ)	нет (+10 РФ)	92	136
Вертолеты	125	32 (+ 20 РФ)	18 (+10 РФ)	18	110
Средства ПВО	147 ПУ С-75, С-125, С-200, С-300П	36 ПУ С-125, С-75, Круг 48 ЗУ	20 ПУ С-75, С-125	50 ПУ С-75, С-125, С-200, 48 ЗУ	45 ПУ С-75, С-125, С-200
Танки	930 танков (280 Т-62 и 650 Т-72)	215 Т-72	44 Т-72, Т-62 (+ 128 РФ)	702 Т-72	340 Т-62, Т-64, Т-72
ББМ	1278	480	63 (+314 РФ)	1929	842
Артиллерия	986	246	31 (+180 РФ)	488	487
Флот	10	Нет	Нет	8 кораблей и катеров	

Оценки военных расходов государств ЦАР противоречивы. Достаточно сравнить данные, содержащиеся в Таблицах 4 и 5.

Таблица 4. Военные расходы стран ЦАР в 1996–2005 гг. (млн долл. США)⁹ по данным СИПРИ

Страна	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Казахстан	205	191	190	159	166	245	268	318	363	469
Киргизия	39,8	44,1	38,1	40,2	48,3	42,0	48,7	55,1	56,7	
Таджикистан	10,7	15,4	17,6	14,7	12,7	12,6	26,9	34,8	40,9	
Туркменистан	112	169	143	155						
Узбекистан	98,0	114		172		91,9		71,5		

Таблица 5. Военные расходы стран ЦАР в 2002–2004 гг. (млн долл. США) по данным Международного института стратегических исследований¹⁰

	Млн долл. США			Долл. на душу населения			% к ВВП		
	2002	2003	2004	2002	2003	2004	2002	2003	2004
Казахстан	1 500	1 500	1 680	99	99	111	1,8	1,5	1,5
Киргизия	200	220	255	40	44	50	2,6	2,6	2,6
Таджикистан	140	150	160	21	22	23	2,3	2,1	2,1
Туркменистан	350	350	415	75	73	85	1,4	1,2	1,2
Узбекистан	2 100	2 200	2 400	82	85	91	5,1	5,0	4,9

Содержание вооруженных сил большим бременем ложится на слабые экономики центральноазиатских республик. Ни одно из государств так и не смогло позволить себе коренного перевооружения войск. Однако есть и перемены: хотя основу их военной мощи по-прежнему составляет советское оружие, в армиях постсоветских стран появились собственные национальные кадры, а также оружие стран НАТО и Китая. Страны ЦАР в последние 15 лет приобретают мало новых вооружений, полагаются на военную помощь извне и привыкли к благотворительности соседей. В отсутствие финансовых ресурсов и политической воли к наращиванию боевой мощи *палочкой-выручалочкой* для вооруженных сил республик становится военно-техническое сотрудничество (ВТС) с Россией в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В РАМКАХ ОДКБ

Со всеми пятью центральноазиатскими республиками Россию связывают двусторонние соглашения о ВТС. Четыре из пяти республик (за исключением Туркмении, имеющей статус нейтрального государства) входят в ОДКБ. Хотя ВТС с каждым из них имеет свои особенности, существует общая специфика:

- В рамках ОДКБ сохраняется ориентация на российские стандарты и вооружения, и даже на структуру вооруженных сил.
- Страны обязуются оказывать друг другу военно-техническую помощь. В соответствии со статьей 4 Договора о коллективной безопасности в случае агрессии против любого из государств-участников все остальные участники предоставляют ему необходимую помощь, включая военную. Договор создает нормативно-правовую основу для оперативного снабжения войск боеприпасами, топливом, запчастями, обеспечения срочного ремонта техники и подготовки специалистов для работы в чрезвычайных ситуациях.
- Участники стремятся проводить совместные работы по производству, модернизации и ремонту вооружения и техники, создавать совместные предприятия.
- Обучение военнослужащих из этих стран в российских военных вузах осуществляется на льготных условиях. С 2005 г. военнослужащие из союзных стран обучаются в вузах Минобороны России на безвозмездной основе¹¹. Так, в 2005 г. Россия выделила из федерального бюджета 15 млн долл. США на эти цели. Для сравнения: Соединенные Штаты тратят на обучение военных из стран СНГ примерно 11,5 млн долл. в год¹². Сейчас в военных вузах России обучается почти две с половиной тысячи офицеров и курсантов из стран-участниц ОДКБ¹³.

- Для партнеров по ОДКБ создаются наиболее благоприятные условия закупок российской военной техники. Правда, с одной существенной оговоркой: приобретаемая военная техника должна поступать на вооружение национальных воинских формирований, включенных в состав коллективных сил быстрого развертывания. Только в этом случае экспортная стоимость продукции будет соответствовать закупочной цене для российской армии.

Низкая стоимость вооружений – возможно, одна из наиболее привлекательных привилегий, получаемых с членством в клубе ОДКБ. Россия предлагает участникам *полный опцион*: платежи союзников за оружие не облагаются налогом на добавленную стоимость, его доставка осуществляется по внутренним российским тарифам.

Правда, существует другая важная оговорка: при выходе из договора льготы ликвидируются, а разница между экспортными и договорными ценами переоформляется в государственный долг.

Несмотря на довольно большое число оборонных предприятий в Центральной Азии, ни одна республика не имеет возможности производить вооружения самостоятельно. Без России оборонной промышленности стран ЦАР не существует. В рамках ОДКБ намечено осуществить пакет интеграционных мер в военно-технической области по созданию совместных предприятий (СП), корпораций и финансово-промышленных групп для разработок и производства вооружений и военной техники. Также государства ОДКБ будут совместно заниматься модернизацией, ремонтом, эксплуатацией и утилизацией уже существующих систем вооружений и военной техники.

В то время как на пространстве СНГ наблюдаются дезинтеграция и разобщение вооруженных сил различных республик (многие переходят на стандарты НАТО), ОДКБ восстанавливает существовавшее при СССР единство и единообразие, создавая объединенные военные системы: боевой готовности, оперативного планирования, управления, информационно-разведывательной, противовоздушной обороны (ПВО), тылового и технического обеспечения и других.

ПВО составляет самую большую статью расходов среди объединенных оборонных программ на пространстве СНГ. 70% всех расходов Совета министров обороны стран СНГ направляется на совершенствование и развитие объединенной системы ПВО. При этом если некоторые страны СНГ согласились лишь на обмен информацией в рамках системы ПВО СНГ, то система ПВО стран ОДКБ управляется из единого центра, а также позволяет участникам действовать в общем воздушном пространстве. То есть национальные средства ПВО, входящие в систему, смогут действовать в границах этого пространства независимо от их государственной принадлежности. Штаб Центральноазиатской региональной группировки ПВО размещается в Астане. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан осуществляют совместное боевое дежурство сил ПВО.

Если объединенная система ПВО ОДКБ лишь восстанавливает единую структуру защиты неба, существовавшую при СССР, прообразом будущей объединенной армии в ОДКБ следует признать Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР).

КОЛЛЕКТИВНЫМИ СИЛАМИ

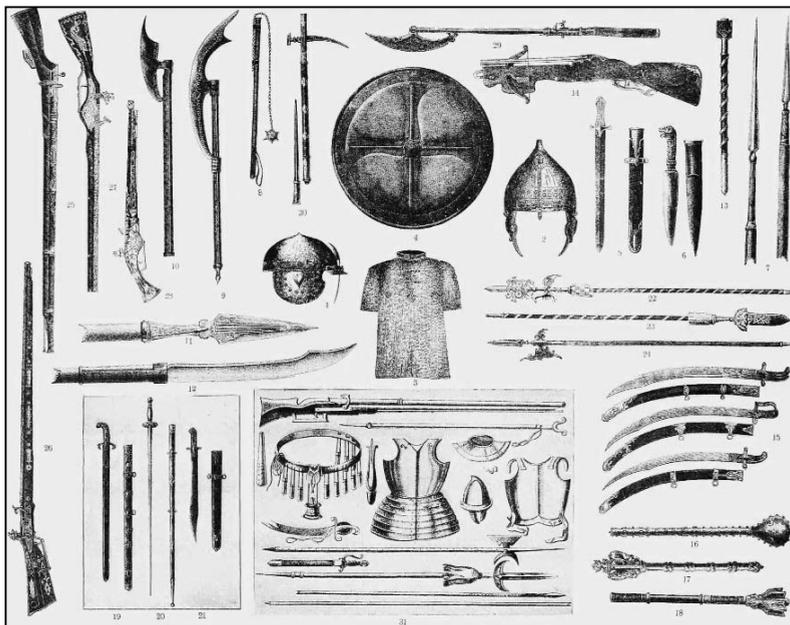
КСБР ОДКБ были созданы 25 мая 2001 г. по решению глав четырех стран ОДКБ – России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана – в связи с усложнившейся в регионе ситуацией. Их задачей было остановить экстремистов в случае эскалации напряженности и возникновения вооруженных конфликтов на южных границах СНГ.

КСБР ЦАР состоят из 10 батальонов: по три от России и Таджикистана, по два – от Казахстана и Киргизии. Общая численность личного состава коллективных сил – около 4 тыс. человек. Авиационная составляющая (10 самолетов и 14 вертолетов) находится на российской авиабазе Кант в Киргизии. В столице Киргизии размещается посто-

янная оперативная группа штаба КСБР. Ее возглавляет представитель вооруженных сил Киргизии.

Рисунок 1. Русское оружие до начала XVIII в.

Источник: Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.

<http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/075175068.htm>

Именно для их оснащения Россия готова поставлять оружие на льготных условиях, чтобы сделать КСБР образцовыми войсками, элитой, визитной карточкой ОДКБ.

Эти силы должны быть оснащены однотипными образцами вооружения и военной техники¹⁴. Финансирование КСБР ведется по долевым взносам: 50% – Россия, 30% – Казахстан, по 10% – Таджикистан и Киргизия¹⁵.

Специалисты отмечают значительный рост количества взаимных заявок на поставку продукции военного назначения.

Планируется, что к 2010 г. на основе КСБР будет создана Объединенная группировка сил коллективной безопасности ЦАР¹⁶. Это должна быть группировка, способная противостоять не только вылазкам террористов, но и «крупному вооруженному конфликту», грозящему государствам-членам ОДКБ. На Объединенную группировку предлагается возложить задачи по локализации и прекращению возможных приграничных конфликтов на внешних границах, нанесению поражения группировкам войск агрессора и созданию условий для прекращения военных действий на выгодных для членов ОДКБ условиях. Структуру, состав и численность собственно группировки в мирное и военное время должны утверждать президенты Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана.

КСБР – не просто сводное боевое соединение, созданное для отражения текущих угроз. Это прообраз союзнической армии, которая в будущем сможет решать как малые (борьба с последствиями стихийных бедствий), так и большие (региональный военный конфликт) задачи.

Оснастить эту перспективную боевую группировку современным оружием – дело первостепенной важности для всех государств-участников. Вокруг КСБР складывается новая

модель взаимоотношений союзников и формируются программы взаимодействия в сфере военно-технического сотрудничества, оказания экстренной военно-технической помощи, алгоритмы строительства национальных вооруженных сил, механизмы взаимодействия оборонно-промышленных предприятий.

Рассмотрим теперь подробнее ситуацию в отдельных государствах региона.

КАЗАХСТАН

Обладая достаточно крупной для ЦАР армией, Казахстан проводит независимую политику, во многом согласованную с Россией. 15 лет назад Казахстан располагал пятью тысячами танков и тысячей самолетов. Большую часть техники пришлось утилизировать по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Тогда у властей не нашлось средств разрезать бронированные корпуса. Танки залили цементом. Они и сегодня стоят в степи, как музей военной мощи Советского Союза.

В советское время многие предприятия Казахстана производили военную продукцию. По иронии, глубококонтинентальному Казахстану пришлось снабжать оружием советский флот. Сегодня большая часть предприятий перешла на выпуск мирной продукции, в основном – для нефтегазовой промышленности. На сохранившихся оборонных мощностях казахстанские предприятия ремонтируют и комплектуют запасными частями используемую российским флотом боевую технику: донные, противодесантные и самоходные мины, несколько видов морских и авиационных торпед, минные тралы.

После обретения независимости на предприятиях Казахстана наладили выпуск пограничных катеров и патрульных кораблей, пригодных для охраны морских границ и борьбы с браконьерством в Северном Каспии: пограничные катера *Сункар* и *Сапсан*, корабли *Буркит*, морской патрульный корабль *Барс*.

Сотрудничество с Казахстаном в защите неба – важнейшая составляющая ВТС России с этой республикой. С советских времен на вооружении армии Казахстана находятся самолеты *МиГ-31* и зенитные ракетные комплексы (ЗРК) *С-75* и *С-125*. Группировка ПВО Казахстана также оснащена зенитными ракетными системами ряда *С-300П*, обеспечивающими необходимый уровень защиты от потенциальных угроз. Эти ЗРК были переданы Казахстану в счет компенсации за военное имущество, вывезенное с его территории после распада СССР. Только к 2000 г. было передано три комплекса в дополнение к восьми самолетам *Су-27* и двум самолетам *Су-27УБ*.

Долгое время после распада СССР военные ведомства России и Казахстана сохраняли старые связи. Это помогало им поддерживать технику в боевой готовности: казахстанские военные получали комплектующие от российских коллег, а Минобороны России нередко отправляло системы ПВО для ремонта на казахстанский завод *Гранит*.

Казалось бы, налаженные с советских времен условия для военно-технического сотрудничества двух государств были идеальны. Но камнем преткновения стала стоимость российских вооружений: казахстанские военные прекрасно знали российский рынок вооружений с его умеренными ценами, а государственные посредники России стремились зафиксировать на экспортируемое вооружение *мировые* цены.

Одно время за использование космодрома Байконур Россия поставляла в Казахстан разнообразную, в том числе военную, технику. Более половины ежегодной арендной платы за аренду Байконура в сумме 115 млн долл. США Россия погашала поставками оружия. Поставками вооружений и военной техники также оплачивалась аренда военно-испытательных полигонов Сары-Шаган, Эмба, объектов и боевых полей 4-го государственного испытательного полигона и 929-го государственного лётно-испытательного центра, расположенных на территории республики¹⁷.

Так случилось, что для разрешения возникавших всякий раз конфликтов по поводу стоимости техники однажды потребовалось вмешательство президентов. Сегодня Россия платит за Байконур *живыми* деньгами.

Многokrатно обещанные еще лично первым российским президентом Б.Н. Ельциным продажи вооружений Казахстану по внутренним российским ценам долго тонули в пучине бюрократии и волокиты. Перемены произошли лишь четыре года назад: с 2003 г. ремонт казахской техники на российских заводах и поставка запчастей ведутся по сниженным ценам. Однако фактически договоренности о льготных поставках российских вооружений странам-участницам ОДКБ начали выполняться только в 2004 г. ВТС двух стран, до этого умиравшее на стадии переговоров, сразу сдвинулось с мертвой точки: в 2005–2006 гг. Казахстан приобрел 80 бронемашин *БТР-80А*¹⁸. Сегодня российская самолетостроительная корпорация *МИГ* ведет переговоры с Казахстаном о замене *МиГ-25* на самолеты *МиГ-31* по формуле *трейд-ин*¹⁹.

Казахстан – страна с малым населением и огромными пространствами. Территорию страны в 2 717 300 км² населяют 15 233 244 граждан, а национальные границы протяженностью 12 012 км защищают вооруженные силы численностью менее 100 тыс. человек²⁰. Для сравнения – территорию Евросоюза в 4 325 675 км² с населением 496 198 605 человек²¹ обороняют 1 606 050 военных²². Для защиты гигантских казахстанских рубежей сравнительно немногочисленными вооруженными силами требуются высокая мобильность, современные средства слежения, связи. Не приходится сомневаться, что в ближайшее время Казахстану потребуется перевооружить, а вернее создать аэромобильные войска. Это означает покупку транспортных и учебно-тренировочных самолетов, вертолетов. Ремонту будут подлежать все без исключения самолеты. Возможно, производители самолетов и отдельных самолетных агрегатов подпишут с Вооруженными силами Казахстана договоры о гарантийном обслуживании военных машин. Ремонт и модернизация понадобятся всей бронетехнике и ракетному вооружению. По признанию инспектора военной инспекции Министерства обороны Казахстана генерал-лейтенанта Б.Е. Ертаева, качественной и исправной боевой техники в вооруженных силах Казахстана сегодня примерно 20%²³. Катастрофически сокращается кадровый офицерский состав: в 2002 г. из вооруженных сил уволились 650 офицеров, в 2004 г. – уже 1 134.

В мае 2006 г. Казанский вертолетный завод и ОАО НК «Казахстан Инжиниринг» подписали соглашение, которое предусматривает организацию в Казахстане совместного предприятия. На первом этапе оно будет выпускать вертолеты *Ми-17* и *Ансаты*, а в дальнейшем – всю линию вертолетов *КВЗ*²⁴.

Вступивший в январе 2007 г. в должность министра обороны Д.К. Ахметов получил от президента Казахстана карт-бланш на глубокую модернизацию армии: в 2007 г. оборонный бюджет страны удвоился, превысив 1 млрд долл. США, ассигнования на военные закупки также выросли в два раза. Казахстан планирует интенсивное перевооружение армии, создание флота на Каспии²⁵.

На прошедшей в апреле 2007 г. встрече министры обороны Казахстана и России рассмотрели номенклатуру вооружений, которые намерен закупить Казахстан, и достигли договоренности о поставках новейшей военной техники в среднесрочной перспективе²⁶. «Казахстан в настоящее время проводит модернизацию своих вооруженных сил и поэтому нуждается в поставках современной военной техники. Для реализации наших планов будут созданы рабочие группы, которые в течение короткого времени внесут свои предложения по этому вопросу», – отметил Д.К. Ахметов²⁷. В российских экспортеров вооружений это вселило оптимизм.

Новый министр *запрягал* недолго и поручил своим специалистам совместно с российскими коллегами разработать программу по реорганизации вооруженных сил республики. «Срок разработки программы – месяц. Это позволит нам к 2015 г. существенным образом изменить образ вооруженных сил», – сказал министр. В первую очередь изме-

нения коснутся военно-воздушных сил: пилоты пройдут обучение и получают новую технику²⁸.

7 апреля 2007 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев утвердил новую военную доктрину. В соответствии с ней вооруженные силы Казахстана должны быть обеспечены высокотехнологичными образцами вооружений и военной техники, соответствующими «угрозам, специфическим для Казахстана и новой международной ситуации». В документе подчеркивается, что приоритетными направлениями являются «углубление стратегического партнерства с Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой на основе общих военно-политических интересов в регионе»²⁹.

Возможно, военные Казахстана раньше российских коллег увидят в действии новейшую систему ПВО *Триумф*, ведь для ее испытания годится только казахстанский полигон.

Имеются планы развития сотрудничества оборонных предприятий: российские специалисты неоднократно посещали предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Казахстана, без которых России непросто поддерживать в боевой готовности свой флот. Тон в сфере совместного оборонного производства задает мирное исследование и освоение космического пространства, обеспечивающее личное внимание руководителей двух стран и сопутствующее государственное финансирование. Между тем помогать в военном строительстве Казахстану готовы и партнеры из НАТО. Спецпредставитель НАТО по странам Центральной Азии и Кавказу Роберт Симмонс подчеркнул: «Мы хотим оказывать вам всеобъемлющую помощь в реформе ваших вооруженных сил и разработке новой военной доктрины, чтобы вы лучше могли ответить на современные угрозы и вызовы»³⁰.

Военную доктрину Казахстан действительно разрабатывал с помощью специалистов НАТО. А ведь в конце XX в. консультировать казахстанское военное руководство по вопросам оборонного строительства приглашали российских военных.

Казахстан поддерживает широкие военные контакты: с США, Великобританией, Китаем, Турцией, Украиной. Порой это вызывает нервную реакцию в Москве.

НАТО уже оказывает республике помощь, которая направлена на «развитие и приведение в соответствие натовским стандартам мобильных сил, в частности “Казбата”, переименованного недавно в “Казбриг”»³¹. США передали Казахстану несколько пограничных катеров, внедорожники, снаряжение для горных егерей. В рамках военного сотрудничества с вооруженными силами США за четыре года было обучено более 160 профессиональных сержантов вооруженных сил³². В 2004 г. Вашингтон выделил Астане 5 млн долл. на помощь в создании средств современной береговой охраны и флота для защиты морских сооружений, а также прекращения морской транспортировки наркотиков и другой контрабанды. В 2005 г. Вашингтон оказал Астане военную помощь на сумму 30 млн долл.³³. В декабре 2006 г. МВД Казахстана впервые приобрели для воздушной поддержки работы полиции иностранный вертолет *R44 Рэйвен II*³⁴, хотя до этого обходились советскими. Такие факты дают россиянам повод волноваться за перспективу ВТС России с Казахстаном.

Два года назад пресса даже обсуждала возможность развертывания в Казахстане натовской системы ПВО. Назывались возможные поставщики радаров и другой военной техники – британская *BAE Systems* и концерн *EADS*. Казахстанские военные провели ряд консультаций с британскими специалистами, чем изрядно взбудоражили военное руководство России.

Теоретически возможно поменять российские системы ПВО на западные. Но принятие на вооружение сложных западных систем потребует гигантских финансовых затрат, переобучения военных ПВО – интеллектуальной элиты любых вооруженных сил. И главное: для этого нужен радикальный политический повод, поворот во внешней политике. Казахстан же традиционно демонстрирует политическую умеренность и стабильность. Если не принимать в расчет подаренные Соединенными Штатами катера и джипы *Хам-*

мер, нет причин ожидать, что казахстанские военачальники захотят переориентироваться на стандарты НАТО.

УЗБЕКИСТАН

Узбекистан – нация прирожденных торговцев. Возможно, по этой причине, согласно данным СИПРИ, узбекские военные добиваются стабильного увеличения объема экспорта поставок по основным видам обычных вооружений. В 2003 г. Узбекистан занимал 7-е место в мире (510 млн долл. США) по продаже оружия³⁵.

Однако и для вооруженных сил Узбекистана настало время широкомасштабного перевооружения. В модернизации нуждается бронетехника, авиатехника, средства ПВО. И хотя среди центральноазиатских республик Узбекистан занимает 1-е место по закупкам российских вооружений (с объемом в несколько десятков миллионов долларов), в скором будущем эти размеры должны вырасти в разы. Условия созданы: подписанное Узбекистаном с Россией соглашение о военном сотрудничестве предусматривает обучение узбекских военнослужащих в России, разрешение доступа на российские испытательные полигоны и возможность ремонта военной техники в России на льготных условиях³⁶.

С 2000 г. Узбекистан ежегодно резервирует до 250 тыс. т хлопкового волокна для обмена на военно-техническую продукцию из России (около четверти всего производимого в стране хлопка). В зачет за поставки оружия идет и транзит туркменского газа через узбекскую территорию.

В 1999 и 2000 гг., когда исламисты пытались вторгнуться в Узбекистан, Россия поставила 50 единиц *БТР-80* для нужд МВД Узбекистана и 80 единиц *БТР-80* для нужд Минобороны Узбекистана, около 100 минометов различного калибра и боеприпасы к ним, пулеметы *Утес*, гранатометы, снайперские винтовки, средства связи³⁷, вертолеты *Ми-8* и боеприпасы на сумму около 30 млн долл. США³⁸, противораковые снаряды *Алазань*³⁹.

На протяжении ряда лет стороны прорабатывают совместную вертолетную программу: содействие российских специалистов в организации ремонта вертолетов *Ми-8* и *Ми-24* на Чирчикском авиаремонтном заводе, обучение авиатехников и летчиков-испытателей, поставку запчастей и модернизацию вертолетов *Ми-24П* до *Ми-24ПК2*.

Согласно регистру ООН в 2005 г. Россия поставила в Узбекистан 10 неназванных ракет⁴⁰. Регулярно закупаются небольшие партии запчастей для самолетов и бронетехники, артиллерийские боеприпасы.

Сегодня основные заказы – стрелковое оружие и боеприпасы, спецсредства для Службы национальной безопасности и МВД, полицейское снаряжение и средства контроля скопления народа: слезоточивый газ, дубинки. В 2007 г. Узбекистан потратит на военные нужды около миллиарда долларов⁴¹.

В ближайшие годы по техническому календарю узбекским ВВС предстоит ремонт всего парка самолетов. Переговоры об этом давно ведутся с российскими производителями. В отдаленной перспективе Узбекистан проявляет интерес к приобретению вертолетов *Ка-50*, самолетов *МиГ-29*, ЗРК *С-300*.

Полны драматизма российско-узбекские отношения вокруг самолета *Ил-76*: расположенное в Ташкенте авиапредприятие *ТАПОиЧ* собирает самолет из российских комплектующих. Не раз разгоралась нешуточная борьба за право продажи конечного продукта в третьи страны и за долю прибыли от сделок: трех самолетов с комплексом радиолокационной разведки *А-50* для Индии, 30 транспортных *Ил-76М* и восьми заправщиков *Ил-78М* для Китая (стоимостью, по разным оценкам, от 800 млн до 1,5 млрд долл. США), двух *Ил-76МФ* для Иордании. Прошедшие глубокую модернизацию *Ил-*

76МФ и сегодня являются предметом большого торга: на них ожидают больших заказов от российской (более 100 самолетов) и ряда зарубежных армий. Казалось, стороны договорились о том, что *ТАПОиЧ* войдет в состав создаваемой в России Объединенной авиастроительной корпорации⁴². Однако узбекская сторона отвергла предложение, и тогда главком ВВС РФ В.С. Михайлов сообщил о переводе производства военно-транспортных самолетов *Ил-76МФ* из Ташкента в Ульяновск⁴³. Для безопасности России крайне важно контролировать процесс создания тяжелых транспортных самолетов. «Вопрос острый и непростой, так как потом придется загружать завод и дать гарантии, что будут заказы. Мы договорились в этом направлении поработать в ближайшее время», – пояснил тогда премьер-министр России М.Е. Фрадков⁴⁴. Будущее *ТАПОиЧ*, вероятно, будет связано с пассажирским *Ил-114*.

Российский бизнес, за которым просматривается государственная опора, может принять участие в приватизации целого ряда крупных узбекских предприятий. Среди них, помимо горно-обогатительных и металлургических комбинатов, называют авиационный и автомобильный заводы⁴⁵. Перечень российско-узбекских инвестиционных проектов насчитывает 37 позиций общей стоимостью 2,09 млрд долл. США⁴⁶. Создание СП по ремонту вертолетной техники *УзРосАвиа* – среди них.

В военных учебных заведениях России обучается свыше 100 курсантов и слушателей из Узбекистана, причем значительная часть бесплатно⁴⁷.

Военное сотрудничество с Узбекистаном также расширяется: с 2005 г. ежегодно проводятся совместные антитеррористические учения. В рамках ОДКБ принято политическое решение о создании крупной группировки войск в ЦАР. Для юридического оформления восстановления членства Узбекистана в ОДКБ Ташкенту необходимо присоединиться почти к 70 международным договорам и соглашениям, что по плану должно завершиться к 1 января 2008 г.⁴⁸. В начале апреля 2007 г. представители Узбекистана впервые приняли участие в проводившихся в Таджикистане на полигоне Ляур учениях КСБР стран-членов ОДКБ «Рубеж-2007» – пока только в качестве наблюдателей⁴⁹. Без сомнения, вовлеченность Узбекистана в военное сотрудничество с Россией и ОДКБ будет только возрастать: альтернативы этому союзничеству просто нет.

Значительная в прошлом военная помощь Запада для Узбекистана закончилась после событий в Андижане и закрытия американских военных баз в Ханабаде и Коканде. США и страны ЕС сохраняют в силе запрет на поставки в Узбекистан «оружия, военной и полицейской техники, а также техники двойного назначения»⁵⁰. Активность на рынке Узбекистана сохраняют украинские оборонщики: они ремонтируют танки и системы ПВО, поставляют запчасти для самолетов и вертолетов, производят для узбекских пограничников патрульные катера *Гюрза*⁵¹. Однако теперь для Украины это коммерческие, а не политические проекты.

КИРГИЗИЯ

Киргизия обладает малыми военными ресурсами и, будучи расположенной между мощными соседями в нестабильном регионе, проводит политику активного использования чужих интересов для собственной пользы.

Политическое и военное руководство страны научилось извлекать выгоды из широких международных контактов. В рамках ОДКБ руководство Киргизии согласилось на размещение на территории аэродрома Кант российской военной базы. Авиабаза предназначена в первую очередь для обеспечения совместной безопасности России и Киргизии. Руководство Киргизии стремится активно пользоваться преимуществами ОДКБ, в частности в целях получения вооружений на безвозмездной основе либо по внутренним ценам. Для этих целей, а также для развития промышленной кооперации в Бишкеке действует представительство ФГУП *Рособоронэкспорт*.

Вооруженные силы страны испытывают потребность в получении средств связи, боеприпасов, вертолетных двигателей и обмундирования. Как правило, Киргизия не имеет средств для покупки и в качестве платежа предлагает не взимать арендную плату с российских воинских частей, находящихся в Чуйской и Иссык-Кульской областях республики. Как по-военному просто разъяснил участник одной российской делегации: «Россия поставляет военное имущество Киргизии в счет оплаты за аренду четырех военных объектов на киргизской территории, в том числе авиабазы в Канте. Сумма арендной платы составляет 4,5 млн долл. США в год. Киргизская сторона в рамках взаимозачетов двух государств расходует 2 млн долл. США на обучение своих военнослужащих в российских военных вузах». С его слов в 2006 г. разница, погашенная передачей Киргизии российского имущества, составила 2,5 млн долл. США и включала 10 грузовиков КАМАЗ, а также запчасти к бронетанковой и автомобильной технике⁵².

С 1998 по 2003 г. Минобороны РФ предоставляло киргизской стороне различного оборудования и техники для сил ПВО в среднем на 3 млн руб. в год. В 2002 г. Россия безвозмездно поставила для ПВО Киргизии различного оборудования на 4,1 млн руб., а в 2003 г. на 3,5 млн руб.: стрелковое оружие, предметы экипировки и обмундирования, средства радиосвязи. Также в 2003 г. Россия поставила Киргизии партию радиолокационных станций на 20 млн руб. и отремонтировала вертолет *Ми-8*. В 2005 г. Россия снова поставила Киргизии оружие и военную технику на сумму 3 млн долл. США. В настоящее время Россия рассматривает вопрос о предоставлении Киргизии нескольких ЗРК *С-300*. Хотя российские поставки безвозмездны, именно Киргизия определяет, какие вооружения ей необходимы.

Подарки не покрывают всех нужд киргизской армии. По словам министра обороны Киргизии, в новый бюджет «закладывается определенная сумма для закупки техники и вооружений из России»⁵³. Сохраняется надежда и на *внебюджетное финансирование*: для этого Минобороны Киргизии нужно реализовать излишки самолетов и бронетехники.

Россия готовит офицеров для ВС Киргизии: из 13 тыс. киргизских военных с 1992 по 2005 гг. подготовку в российских военных вузах прошли свыше тысячи прапорщиков и офицеров⁵⁴. В настоящее время в вузах Минобороны России обучаются около 100 киргизских военнослужащих⁵⁵.

В июне 2002 г. Минатом России и Минобороны Киргизии заключили соглашение о сотрудничестве в области технического переоборудования и модернизации технических средств охраны и связи государственной границы Киргизии.

Киргизия заинтересована в тесной промышленной интеграции с Россией, рассматривая сотрудничество как способ загрузить свои предприятия заказами и обеспечить занятость в городах. Развитие оборонно-промышленного сотрудничества также отвечает интересам России, ибо позволяет восстановить нарушенную с распадом СССР кооперацию, а также создать условия для самостоятельного производства Киргизией военной техники, средств связи, боеприпасов и обмундирования.

Правительство Киргизии выражает готовность передать в счет госдолга (который составляет 150 млн долл. США) в собственность России 23 своих предприятия: завод *Айнур*, Бишкекский машиностроительный завод, ТНК *Дастан* и других с последующим созданием на их базе киргизско-российских предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) по производству технических средств охраны границы. Среди предприятий ВПК Киргизии для России наиболее важен завод *Дастан* в Бишкеке, производящий высокоскоростные торпеды *ВА-111 Шквал*.

Киргизия является важным партнером России в ОДКБ. Здесь на аэродроме Кант размещается российская авиабаза, задача которой – поддержка с воздуха действий воинских подразделений КСБР.

Если другие страны ЦАР снижают свои оборонные расходы за счет ВТС с Россией, то Киргизия научилась получать от ВТС прямую прибыль. В октябре 2001 г. Киргизия согласилась на временное базирование подразделений боевой авиации США. За использование аэродрома Киргизия получила безвозмездную помощь в размере 3,5 млн долл. США. Год назад эта сумма трансформировалась в ежегодные 150 млн долл. США – плату США за базирование на киргизской земле.

С 1991 по 2005 г. Соединенные Штаты предоставили стране различную поддержку на 750 млн долл. США. Американская военная помощь оценивается в 4–11 млн долл. США ежегодно: на приобретение запчастей и ремонт вертолетов *Ми-24* и учебно-тренировочных самолетов *L-39*. США передают силовым структурам Киргизии горное снаряжение и оборудование, необходимое для проведения спасательных работ.

Китай урегулировал территориальные вопросы с Киргизией и сегодня оказывает республике помощь для отражения угроз со стороны сепаратистов и исламских фундаменталистов. Военные поставки из Китая невелики и составляют примерно 1 млн долл. США в год; в основном поставляется обмундирование, технические средства и оборудование. Китай озабочен нестабильностью ситуации вдоль границ Киргизии, которая может распространиться на уйгурские районы Китая.

Турция начала оказывать военно-техническую помощь киргизской армии в 1999 г. Ежегодный объем военно-технической помощи вооруженным силам Киргизии оценивается в сумму чуть более 1 млн долл. США. Турция поставляет в Киргизию средства связи и обмундирование для военнослужащих.

Получать прибыль из ВТС с Киргизией пытается Украина. В начале 2003 г. две страны договорились возобновить ВТС и создали комиссию по ВТС. Основное направление сотрудничества – ремонт специального оборудования и военной техники.

Минск рассматривает Киргизию как потенциальный рынок для своих вооружений. Белоруссия рассчитывает поставлять специальное оборудование, электронные охраняемые системы, приборы контроля и наблюдения в обмен на киргизский хлопок.

Небогатая ресурсами маленькая Киргизия попала в перекрестье больших интересов и учится извлекать из этого выгоды.

ТАДЖИКИСТАН

Вооруженные силы Таджикистана – самые слабые в ЦАР. Маленького оборонного бюджета едва хватает на выплату скромного жалования военнослужащим. Денег на военные закупки нет вовсе, оборонная промышленность отсутствует. В такой ситуации ВТС с Россией приобретает исключительную важность для таджикских вооруженных сил.

Сотрудничество закладывалось в 1990-е гг., когда Россия приняла решительные меры для прекращения гражданской войны в республике. В те годы Москва поставляла молодому государству все: от военного снаряжения до продовольствия. Президент Э.Ш. Рахмонов объединил Таджикистан на российской броне. К 2000 г. России постепенно удалось перевести взаимодействие из чисто военной области в сферу борьбы с терроризмом и преступностью.

Таджикистан занимает не последнее место в военных планах России: здесь располагается переданный в собственность России оптико-электронный узел *Нурек (Окно)* системы контроля космического пространства. Этот объект важен для национальной безопасности России и ее союзников⁵⁶.

Российская 201-я мотострелковая дивизия (8 тыс. человек) дислоцируется в Душанбе, Кулябе и Курган-Тюбе и имеет 128 танков *T-72*, 314 боевых машин пехоты (БМП) и бронетранспортеров, 120 самоходных артиллерийских установок (САУ) и собственные

средства ПВО. На аэродроме Айни в 10 км от Душанбе размещается авиационная составляющая российской базы: до 10 самолетов Су-25 и Су-27⁵⁷, а также не менее 10 боевых вертолетов⁵⁸. Российская дивизия заметно превосходит армию Таджикистана по боевой мощи.

При этом Россия готова идти на беспрецедентные поступки: посещая Душанбе, глава оборонного ведомства России заявил, что в 2008 г. боевая техника и вооружения 201-й базы будут переданы в распоряжение властей Республики Таджикистан: «В следующем году мы планируем полностью завершить эту передачу. Сама же 201-я база будет полностью перевооружена и оснащена новыми образцами вооружения и техники». Перечень передаваемых российских вооружений еще не опубликован, но военные аналитики оценивают его приблизительно в 1 млрд долл., что равно почти половине валового национального продукта Таджикистана⁵⁹. В новейшей истории Россия позволяла себе подобную щедрость только один раз: в 1994–1996 гг. Армения получила российское тяжелое вооружение на 1 млрд долл. США. С учетом глубокого переоснащения 201-й базы Таджикистан по боевому потенциалу присутствующих на его территории воинских подразделений может догнать своих соседей.

Помимо этого, при Минобороны Таджикистана на основе межправительственных соглашений между Россией и Таджикистаном сформирован аппарат Главного военного советника. Российские советники, а также выпускники российских военных вузов (в России ежегодно обучаются до 300 курсантов из Таджикистана) формируют облик таджикских вооруженных сил.

Ремонт, поставка запасных частей, модернизация вооружений и обучение будущих офицеров Россия осуществляет почти безвозмездно. Наибольшие расходы связаны с ремонтом и модернизацией таджикской противовоздушной обороны.

Поддержку армии Таджикистана оказывают также США, Китай и Иран. США платят за размещение своих подразделений на аэродромах Душанбе и Куляба. Китай выделяет Таджикистану на материально-техническое оснащение по 1 млн долл. в год⁶⁰. Иран содействует Таджикистану в подготовке военных кадров, в том числе – пограничников⁶¹. Военная помощь этих трех держав сводится к предоставлению финансовой поддержки и обучению специалистов для охраны границы.

ТУРКМЕНИСТАН

Будучи нейтральной страной, Туркменистан располагает достаточно большим количеством современных вооружений, доставшихся ему от Туркестанского военного округа. Если верить официальным цифрам, Туркмения меньше всех соседей тратится на оборону: военные расходы страны составляют, по разным оценкам, от 0,5 до 1,4% расходной части бюджета. Собственное производство вооружений отсутствует. Тем не менее, темпы перевооружения страны так высоки, что даже дали повод Азербайджану говорить о гонке вооружений и грозить Ашхабаду обращением в ООН с просьбой лишить Туркмению статуса нейтрального государства.

Туркменистан получает современные вооружения в основном не за деньги, а в обмен на газ. Газ избавляет туркменский режим от многих проблем, которые остаются неразрешимыми для менее везучих соседей: в счет покрытия 340-миллионного газового долга Грузия отремонтировала Туркмении 43 штурмовика Су-25, а также шесть вертолетов Ми-24 и Ми-8⁶²; газовый долг Украины перед Туркменией (400 млн долл.) также обработали украинские оружейники.

Для Украины ВТС с Туркменистаном стало важнейшей национальной программой. Голубое топливо даже дало жизнь новому виду украинского оборонного сервиса – комплексной организации системы ПВО заказчика. В 2003 г. Туркмения вошла в список приоритетных партнеров Украины по ВТС: Ашхабад закупил в Киеве военной техники на сумму более 200 млн долл. США (две станции пассивной радиоэлектронной развед-

ки *Кольчуга*, катера *Калкан-М* для погранслужбы, осуществлен капитальный ремонт 12 истребителей *МиГ-29*; в 2004 г. – на 80 млн долл. США⁶³ (катера *Гриф*, артиллерийско-зенитное вооружение и снаряды)⁶⁴. В будущем украинские оборонщики рассчитывают на строительство завода по ремонту и модернизации бронетанковой и другой специальной техники в Туркменистане⁶⁵. Есть перспектива украинско-туркменского сотрудничества в создании технической базы Туркменистана для обслуживания истребителей *МиГ-29*, поставки новых авиационных тренажеров, а также продления ресурса авиаракет класса *воздух-воздух*⁶⁶.

Хотя первый президент Туркменистана С.А. Ниязов подчеркивал, что «в сфере оснащения вооруженных сил современной техникой будет и дальше неуклонно расширяться межгосударственное сотрудничество»⁶⁷, речь явно идет не о сотрудничестве с Россией.

История ВТС России и Туркмении – это история ухода российских войск с туркменской земли. Его этапы: роспуск объединенного командования в январе 1994 г.; прекращение договора о совместной охране государственной границы Туркменистана в мае 1999 г.; полный вывод российских пограничников с территории республики к декабрю 1999 г.

С февраля 1995 г. Туркменистан формально состоит в Объединенной системе ПВО государств СНГ. Участие туркменских военных сводится к отправке наблюдателей на учения и стрельбы.

Отказывается Туркменистан и от совместных мер по контролю над вооружениями: Ашхабад был единственным членом СНГ, не согласившимся на взаимное уведомление о перемещении ПЗРК⁶⁸.

В сфере ВТС Туркменистан демонстрирует независимость от России и если выходит на редкие деловые контакты, то не с государственным посредником, а напрямую – с производителями. Так, Уральский оптико-механический завод подписал соглашение о сотрудничестве с Минобороны Туркмении о проведении сервисного обслуживания бортовой электроники туркменских ВВС⁶⁹.

Отказ от военного сотрудничества можно объяснять разными подходами России и Туркмении к разделу ресурсов Каспийского моря, а может быть – личными амбициями туркменского руководства.

Тем не менее, эта страна на деле является одним из наиболее нейтральных государств на пространстве бывшего СССР. России не приходится ожидать прорыва в военно-техническом сотрудничестве с этой республикой, зато Ашхабад фактически не входит в проблемную зону ЦАР, за которой необходимо присматривать российским военным. Туркмения не желает поддерживать ОДКБ, но также она никогда не входила в ГУ(У)АМ⁷⁰. Даже в период самых жестоких боев в Афганистане С.А. Ниязов умудрялся поддерживать ровные отношения и с *Северным альянсом*, и с *талибами*, а с началом военной операции в Афганистане, ссылаясь на нейтральный статус Туркменистана, отказался предоставить свои аэропорты для дислокации сил антитеррористической коалиции.

Оборонная политика Ашхабада последовательна и предсказуема: в военной области он готов к контактам с самыми разными государствами. Туркмения получала в дар патрульные суда и от США, и от Ирана. Офицерский состав туркменской армии готовят на Украине (200 человек), Турции (200 человек), в России, Пакистане и странах НАТО (до двух десятков человек).

После смерти С.А. Ниязова в декабре 2006 г. перспективы нового внешнеполитического курса страны остаются слабо очерченными, и многие правительства попытаются использовать смену власти в Туркменистане для установления более тесных отношений с богатой углеводородами страной. Первыми почтение новому лидеру засвидетельствовали президенты Украины и Грузии (задрагивали и ВТС), чуть позже *широкий круг вопросов* обсудил с новым президентом Туркменистана Г.М. Бердымухаммедовым М.Е. Фрадков.

Новый президент сохранил на посту министра обороны Агагельды Мамедгельдыева, которого за глаза называют хранителем покоя туркменской *газократии*. Можно предположить, что новый лидер также сохранит преемственность и в вопросах оборонной политики. Для России это будет означать участие представителей Туркмении в качестве наблюдателей на всех учениях и встречах ОДКБ и в системе ПВО СНГ, эпизодические контракты на поставку запасных частей к бывшей советской технике с небольшой надеждой на расширение сотрудничества в сфере борьбы с наркотрафиком и международным терроризмом. Нейтральный статус Туркменистана оправдал себя на протяжении десятилетия, и новая власть едва ли имеет причины отказаться от того, что принято мировым сообществом и проверено временем.

ЧТОБЫ СОЛНЦЕ ВЗОШЛО НА ВОСТОКЕ...

В ЦАР накопился большой клубок проблем, разрешить которые самостоятельно не под силу ни одному государству региона. Широкое распространение ислама охватило все слои, в том числе и наиболее просвещенные. Если еще 10 лет назад изучение ислама рассматривалось молодежью как нечто архаичное, идущее вразрез со светской жизнью общества, то сегодня все больше людей проникается идеями ислама, которые подаются как возвращение к национальным корням и культуре. Так, в Киргизии в мечетях молодежи стало в три раза больше старых прихожан. Число молодежи доходит до 60% среди прихожан большинства мечетей южных регионов⁷¹. Если в 1991 г. в Киргизии насчитывалось 39 мечетей, а в 1997 г. – 160, то в 2000 г. уже было зарегистрировано 857 мечетей, а в 2001 г. число мечетей составило 1 395. По данным Госкомиссии по делам религии Кыргызской Республики, на 2005 г. в республике действовали свыше 2 500 мечетей, тогда как по данным муфтията их около 3000⁷².

В Узбекистане за 10 лет независимости было построено 5 000 мечетей⁷³. В Таджикистане против строительства мечетей был вынужден выступить президент. «Я вам неоднократно говорю, хватит строить мечети! Вкладывайте свободные деньги в новые предприятия или школы», – неоднократно призывал Э.Ш. Рахмонов, обращаясь к крупным бизнесменам. За последние 10 лет в стране на частные средства было создано несколько тысяч больших и малых мечетей, в то время как ввод новых школ или медицинских учреждений ограничивается одним десятком⁷⁴.

Получившие образование за рубежом муфтии возвращают народам ЦАР традиционные мусульманские ценности, но также нередко пропагандируют экстремизм. Радикальные идеи находят приверженцев как среди беднейших верующих, так и в среде мусульман с высшим образованием.

Наркотрафик из ЦАР долларами выстилает дорогу в Европу, развращая народ и власть. По данным ООН, в 2006 г. в Афганистане собран рекордный урожай опия, который позволит произвести более 600 т героина⁷⁵. (Рекордным показателем при талибах считались 4 600 т в 1999 г.). Около трети афганских наркотиков поставляются на Запад через Таджикистан и Казахстан⁷⁶. После пересечения границы стоимость наркотиков в таджикском кишлаке в зависимости от чистоты героина колеблется от 2 до 3 тыс. долл. США за килограмм. Уже в столице Таджикистана стоимость вырастает в пять раз, в Москве килограмм героина можно купить за сумму от 50 до 200 тыс., а в Лондоне – 300 тыс.⁷⁷.

Бедность, коррупция и непростые межэтнические отношения осложняют взаимопонимание соседствующих стран. Не урегулированы территориальные споры Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, сохраняются территориальные претензии Узбекистана к Казахстану. Не находит решения проблема использования водных ресурсов в регионе и, как следствие этого, проблема миграции. Накапливающееся недовольство населения подает надежду на возможный успех экстремистам и радикальным исламистам, получающим идеологическую подпитку из-за рубежа.

Сегодня центральноазиатские республики бывшего СССР вполне сознают, что богатое военное наследие Советского Союза, долгое время позволявшее армиям стран ЦАР

испытывать иллюзию самодостаточности, а то и избыточности в боевом отношении, иссякает.

В этот период именно Россия с ее историческим опытом и авторитетом должна – и способна – стать объединяющим центром. Сегодня у России в отношении государств ЦАР имеются и осознанная политика, и ресурсы для воссоздания союзнических отношений. Важно, что Россия готова нести значительную часть бремени по формированию нового военного союза. ВТС в Центральной Азии становится залогом мира и стабильности в этом регионе.

С материалами по безопасности в Центральной Азии Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Центральная Азия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/centralasia>

Сегодня сложились предпосылки для значительного расширения ВТС: поставок российских вооружений по льготным ценам, восстановления старых и создания новых оборонно-промышленных связей, совместной разработки перспективных образцов вооружений.

Более того, Россия готова к безвозмездным военным поставкам. «Что касается ОДКБ, помимо вопросов военного и военно-технического сотрудничества, мы рассматриваем новое направление – это военно-техническая помощь. Этот механизм успешно работает в течение последних двух лет. Речь, прежде всего, идет об оказании Россией военно-технической помощи нуждающимся членам ОДКБ в виде как прямых поставок вооружения и военной техники, так и обучения военных кадров этих стран в вузах Минобороны РФ на бесплатной основе», – сообщил первый заместитель председателя правительства России С.Б. Иванов⁷⁸.

Все шире раскрывается потенциал военного сотрудничества республик. В этом смысле общие проблемы безопасности, несомненно, – главный объединительный стимул для стран региона. Недаром борьба с исламистами, захватившими власть и стремящимися к созданию халифата, отработка контртеррористических операций – основные сюжеты проводимых совместных учений ОДКБ.

30 марта 2007 г. в Санкт-Петербурге первое пленарное заседание провела парламентская ассамблея ОДКБ. Официально новая структура призвана гармонизировать законодательства стран-участниц договора. Однако вполне заметно желание придать ей и функции органа, где происходит согласование действий государств-участников во внешней политике.

У военного союза прорисовываются и новые возможности для экономического сотрудничества. Большие планы страны ЦАР связывают со становлением Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)⁷⁹. Если ЕврАзЭС сумеет значительно оживить торгово-экономическое взаимодействие между нашими странами, то ОДКБ обретет форму охраны общих политических и социально-экономических интересов, реализуемых в рамках ЕврАзЭС.

Примечания

¹ Работа над статьей завершена в июле 2007 г.

² Под Центральной Азией понимаются страны, включенные в данный регион в соответствии с географическим делением, принятым на курсах иностранных слушателей Академии Генерального штаба ВС РФ. Из бывших советских республик в него входят Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

³ Речь президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на встрече с предпринимателями США, 12 марта 2002 г., http://2004.press-service.uz/rus/knigi/vizit_usa/v_usa_6.htm (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).

⁴ События в Андижане были срежиссированы. *Дни.Ру*. 2005, 19 июня, <http://www.dni.ru/news/polit/2005/6/29/65670.html> (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).

- ⁵ SIPRI Yearbook 2006. Armaments, disarmament, and international security. NY: Oxford University Press, 2006. P. 481
- ⁶ Для оценки экспорта вооружений Стокгольмский международный институт проблем мира (СИПРИ) используется так называемый «тренд-индикатор», оценивающий физические объемы перемещенных вооружений на основании единой ценовой корзины, разработанной специалистами СИПРИ. Тренд-индикатор может быть далек от реальной стоимости контрактов. Однако эта методика оценки торговли оружием позволяет определить тенденции, проследить изменения в потоках вооружений и проиллюстрировать их географическое распределение.
- ⁷ SIPRI Yearbook 2006. P. 477.
- ⁸ Таблица составлена на основе оценок автора, взятых из различных опубликованных данных.
- ⁹ SIPRI Yearbook 2006. Armaments, disarmament, and international security. NY: Oxford University Press, 2006. P. 339
- ¹⁰ The Military Balance 2006. The International Institute for Strategic Studies. London: Routledge, 2006. 447 p.
- ¹¹ Литовкин Дмитрий. Сергей Иванов: «Мы помогли продвижению вперед нашего ВТС». *Известия*. 2005, 1 ноября.
- ¹² Хорунжий Николай. Российские ВиВТ будут поставляться странам ОДКБ на льготных основах. *Известия*. 2005, 15 марта.
- ¹³ Литовкин Виктор. Офицеры ОДКБ говорят на одном языке. *РИА Новости*. 2006, 7 февраля.
- ¹⁴ План унификации вооружений Коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ. *АРМС-ТАСС*. 2006, 1 марта.
- ¹⁵ Страны ОДКБ согласовали проекты документов по финобеспечению. *АРМС-ТАСС*. 2005, 30 августа.
- ¹⁶ Пермяков Сергей. Узбекистан намерен вернуться в ОДКБ. *Военно-промышленный Курьер*. 2006, 8–14 февраля.
- ¹⁷ Россия готова к совместному с Казахстаном применению войск. *АРМС-ТАСС*. 2004, 16 января.
- ¹⁸ Данные об экспорте российских ВиВТ за 2005 год. *АРМС-ТАСС*. 2006, 22 июня.
- ¹⁹ *АРМС-ТАСС*. 2006, 15–21 июля.
- ²⁰ The CIA World Factbook online, <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/kz.html> (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).
- ²¹ Kazakhstan. Wikipedia, The Free Encyclopedia. http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_the_European_Union (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).
- ²² The Military Balance 2002/2003. The International Institute for Strategic Studies. London: Oxford University Press, 2002. 352 p.
- ²³ Медведева Ольга. Генерал-лейтенант Ертаев: МО не должно быть ТОО. *Новое Поколение*. 2007, 6 февраля.
- ²⁴ Беляков Евгений. Россия и Казахстан возобновляют ВТС. *Газета*. 2006, 26 октября.
- ²⁵ Матвеев Алексей. Страны СНГ увеличили военные расходы. *Военно-промышленный Курьер*. 2007, 24–30 января.
- ²⁶ Что купит Казахстан: ОДКБ по-русски, <http://sngnews.ru/articles/22/73436.html> (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Казахстан и Россия разработают программу по реорганизации ВС республики. *АРМС-ТАСС*. 2007, 22 февраля.
- ²⁹ Казахстан принял новую военную доктрину оборонительной направленности. *ПРАЙМ-ТАСС*. 2007, 9 апреля, <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=676500&ct=news> (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).
- ³⁰ НАТО предлагает Казахстану «всеобъемлющую помощь» в реформировании ВС. *АРМС-ТАСС*. 2007, 7 февраля.
- ³¹ Там же.
- ³² Завершили работу очередные курсы подготовки профессионального сержантского состава ВС Казахстана. *ИА Тренд*. 2006, 29 августа.
- ³³ Евсеев Владимир. Все ли безоблачно в российско-казахских отношениях? *АПН*. 2006, 2 октября. <http://www.apn.kz/publications/article6158.htm> (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).

- ³⁴ МВД Казахстана получило вертолет R44. АРМС-ТАСС. 2007, 22 января.
- ³⁵ Мировые расходы на военные нужды значительно выросли. АРМС-ТАСС. 2005, 25 мая.
- ³⁶ Состояние ВС центральноазиатских стран. Военный баланс 2001-2002 г. СИПРИ, Jane's Defence Weekly. 2002, 16 октября.
- ³⁷ Бадрак Валентин. Украина-Узбекистан: сложный путь к стратегическому партнеру. *Зеркало Недели*. 2001, 13–19 октября.
- ³⁸ Козырев Михаил. Россия продаст Узбекистану оружие. *Ведомости*. 2000, 30 августа.
- ³⁹ На Чебоксарском производственном объединении имени Чапаева разрабатывается новое поколение противорадиационных реактивных снарядов «Алазань». *АВН*. 2000, 3 ноября.
- ⁴⁰ АРМС-ТАСС. 2006, 22 июня.
- ⁴¹ Матвеев Алексей. Страны СНГ увеличили военные расходы. *Военно-промышленный Курьер*. 2007, 24–30 января.
- ⁴² Матвеев Алексей. Узбекитанский ТАПОиЧ войдет в ОАК. *Военно-промышленный Курьер*. 2005, 23–29 ноября.
- ⁴³ Корбут Андрей. Производство ВТС Ил-76МФ переносится в Ульяновск. *Военно-промышленный Курьер*. 2006, 23–29 августа.
- ⁴⁴ Обсуждается вопрос о вхождении ТАПОиЧ в ОАК. АРМС-ТАСС. 2007, 7 марта.
- ⁴⁵ Капустин Глеб. Москва ищет экономические рычаги для Центральной Азии. *Независимая Газета*. 2005, 20 декабря.
- ⁴⁶ Матвеев Алексей. Узбекитанский ТАПОиЧ войдет в ОАК. *Военно-промышленный Курьер*. 2005, 23–29 ноября.
- ⁴⁷ Россия будет оказывать Узбекистану регулярную военно-техническую помощь. АРМС-ТАСС. 2006, 22 сентября.
- ⁴⁸ Узбекистану для возвращения в ОДКБ предстоит подписать почти 70 соглашений. АНН. <http://annnews.ru/news/detail.php?ID=13057>. 2006, 17 августа. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁴⁹ В Таджикистане прошел заключительный этап учений сил ОДКБ. РИА Новости. 2007, 6 апреля. http://www.rian.ru/defense_safety/military_exerc/20070406/63218641.html (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁵⁰ ЕС оставил в силе запрет на поставки ВиВТ в Узбекистан. АРМС-ТАСС. 2006, 13 ноября.
- ⁵¹ Долинчук Светлана. Украинская «оборонка»: требуются успешные лоббисты. *Главред*. 2006, 12 апреля.
- ⁵² Россия продолжит оказывать военно-техническую помощь Киргизии. АРМС-ТАСС. 2006, 4 октября.
- ⁵³ Министерство обороны Киргизии будет покупать вооружение в России. ИА REGNUM. 2006, 13 июля.
- ⁵⁴ АРМС-ТАСС. 2005, 21 сентября.
- ⁵⁵ Россия продолжит оказывать военно-техническую помощь Киргизии. АРМС-ТАСС. 2006, 4 октября.
- ⁵⁶ Таджикистан передал России комплекс оптико-электронной разведки «Нурек». АРМС-ТАСС «Авиация, космос, вооружения». 2005, 6 апреля.
- ⁵⁷ Россия вложит средства в оснащение военного аэродрома «Айни». SNGnews.ru. 2006, 24 января. <http://www.sngnews.ru/archive/2006/01/24/57018.html>. (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).
- ⁵⁸ Местом постоянной дислокации российской авиагруппы в Таджикистане станет аэродром Айни. АРМС-ТАСС. 2005, 14 октября.
- ⁵⁹ Таджикистан: Российское оружие сделает режим Рахмона более дееспособным. Владимир Георгиев, Фергана.Ру. 2007, 11 октября. <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5396> (последнее посещение – 6 ноября 2007 г.).
- ⁶⁰ Китай профинансировал оснащение ВС Таджикистана. Defense-ua.com. 2005, 2 сентября.
- ⁶¹ Иран и Таджикистан подписали меморандум о развитии военного сотрудничества. АРМС-ТАСС «Авиация, космос, вооружения». 2005, 24 апреля.
- ⁶² Вигнанский Михаил. Грузия продала Туркмении модернизированный штурмовик Су-25. *Время Новостей*. 2004, 27 октября.

- ⁶³ Туркмения закупила в 2003 году ВиВТ на сумму 200 млн долл. *АРМС-ТАСС* «Авиация, космос, вооружения». 2004, 13 января.
- ⁶⁴ ВС Туркмении будут оснащены современными ВиВТ. *АРМС-ТАСС* «Авиация, космос, вооружения». 2005, 6 мая.
- ⁶⁵ Александров Сергей. Бронетанковая отрасль Украины на внешнем рынке. *Военно-промышленный Курьер*. 2005, 30 ноября – 6 декабря.
- ⁶⁶ Долг за туркменский газ Украине придется покрывать поставками вооружений. *Defense-ua.com*. 2005, 21 июня.
- ⁶⁷ Президент Туркменистана выразил удовлетворение уровнем оснащения ВС страны. *АРМС-ТАСС* «Авиация, космос, вооружения». 2004, 12 ноября.
- ⁶⁸ *АРМС-ТАСС* «Авиация, космос, вооружения». 2005, 24 февраля.
- ⁶⁹ УОМЗ договорился об обслуживании самолетов ВВС Туркменистана и Перу. *АРМС-ТАСС*. 2006, 15 – 21 июля.
- ⁷⁰ ГУ(У)АМ – межгосударственная организация, созданная в октябре 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией (с 1999 по 2005 г. в организацию также входил Узбекистан).
- ⁷¹ Жоробекова Э. Возможен ли религиозный ренессанс в республиках ЦА. *Центральная Азия и Культура Мира*. Бишкек, 2002. №№ 1–2. С. 55.
- ⁷² Каниметов Эмиль. Политизация ислама в Киргизии. <http://www.apn.kz/publications/print201.htm> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).
- ⁷³ Волков Валерий, Хорунжий Николай. Россия сохраняет свое присутствие в Центральной Азии. *Известия*. 2002, 5 декабря.
- ⁷⁴ Рахмонов: «Хватит строить мечети!»: Таджикистан за неделю. *ИА Regnum*. 2007, 13 марта. <http://www.regnum.ru/news/795381.html> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁷⁵ Романова Светлана. Героин на лопате. Наркотики везли в Россию бульдозерами. <http://www.mkset.ru/news/patriot/6231> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).
- ⁷⁶ Афганистан: во дворе трава... Интернет-газета *Зона*. <http://zonakz.net/articles/?artid=8293> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).
- ⁷⁷ <http://www.press-uz.info/ru/content.scm?topicId=2803&contentId=24820>
- ⁷⁸ Россия намерена продолжить поставки оружия странам ОДКБ. *АРМС-ТАСС*. 2006, 23 ноября.
- ⁷⁹ Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – международная экономическая организация, наделенная функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее стран (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка.

Анастасия Понамарева

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ: ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ ФАКТОР СТРАХА

В свое время страны Европы предприняли попытку решить проблему нехватки рабочих рук, возникшую после Второй мировой войны, за счет привлечения мигрантов преимущественно из невоеванных стран и собственных колоний. Таким образом Великобритания стала прибежищем выходцев из Индии и Пакистана; во Франции значительно увеличилось представительство алжирцев и марокканцев; Германия пополнилась мигрантами из Турции, с которой страну связывали союзнические отношения в период Первой мировой войны¹ и нейтрально-доброжелательные практически до конца Второй мировой.

При наличии политического решения прибегнуть к иностранной рабочей силе последовательная политика *интеграции* мигрантов в принимающее сообщество на условиях усвоения его основополагающих норм и ценностей отсутствовала. Переселенческая политика как комплекс взаимосвязанных мер в европейских странах не проводилась, и *официально* они не считались странами иммиграции. Не случайно в их законодательствах понятие «иммигрант» заменялось понятием «иностранец».

Расчет властей на временный² характер въезда *гастарбайтеров* себя не оправдал. Из 20 млн рекрутированных иностранцев домой вернулась только половина. «Мы хотели рабочих, а получили людей», – охарактеризовал итоги миграционной политики 1960-х гг. швейцарский писатель Макс Фриш³. После нефтяного кризиса 1973 г., приведшего к резкому сокращению числа рабочих мест, миграция из решения вопроса нехватки рабочих рук превратилась в проблему. Необдуманные действия властей, попытки урегулировать ситуацию в духе *держать и не пущать* дали обратный эффект. Из опасения навсегда потерять возможность вернуться на территории Европы остались *временные* трудовые мигранты преимущественно из мусульманских стран Азии и Африки. С воссоединением семей мигрантов начался процесс формирования анклавов компактного проживания мусульманских общин в Европе. Нет ни одной европейской страны, где бы не действовали или не объединились исламские организации. К настоящему времени, основываясь на одних только количественных показателях (см. *Таблицу 1*), мы можем смело утверждать, что ислам стал составной частью европейского культурного ландшафта.

Однако в свете терактов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне, волнений из-за борьбы с хиджабами во Франции, погромов там же осенью 2005 г. и нарастающей *исламофобии* возникает вопрос, что несут Европе дети и внуки мусульман, составивших большую часть потока трудовых мигрантов 60-х гг. XX в.?

А
Н
А
Л
И
З

Таблица 1. Количество мусульман в Европе⁴

Страна	Общее население	Мусульмане	Процент мусульман по отношению к общему населению
Австрия	8 102 600	300 000	3,7
Бельгия	10 192 240	370 000	3,6
Великобритания	55 000 000	1 406 000	2,6
Германия	82 000 000	3 040 000	3,7
Греция	10 000 000	370 000	3,7
Дания	5 330 020	150 000	2,8
Испания	40 202 160	300 000–400 000	0,7–1
Италия	56 778 031	700 000	1,2
Нидерланды	15 760 225	695 600	4,4
Португалия	9 853 000	30 000–38 000	0,3–0,4
Франция	56 000 000	4 000 000–5 000 000	7,1–8,9
Швеция	8 876 611	250 000–300 000	2,8

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ – ТРИ МЕНТАЛИТЕТА

Вплоть до последнего десятилетия политика европейских стран в отношении мусульманских общин ограничивалась признанием ислама на конституционном уровне и обеспечением условий финансовой и политической независимости их членов. Подобное решение проблемы социокультурной адаптации иноэтничного населения с позиции *laisser faire* обернулось сознательной сегрегацией мусульман Европы. Более того, в процессе своего количественного роста мусульманские общины перешли от стратегии пассивной автаркии к автаркии активной. На современном этапе представляется возможным говорить о трех поколениях мусульман Европы, и лишь старшее демонстрирует достаточную лояльность по отношению к принимающей стороне.

К первому поколению относятся экономические мигранты, прибывшие в 60-е гг. XX в. на волне деколонизации. На сегодняшний день их возраст составляет около 60 лет. Полностью пройдя U-образную кривую адаптации⁵, они благополучно преодолели первые симптомы культурного шока в силу того, что сам переезд в другую страну воспринимался ими как способ изменения собственного статуса к лучшему. Показательно, что волнения осени 2005 г. в пригородах Парижа не перекинулись на такие страны *новой* иммиграции, как Испания или Италия. Проживающие на их территории молодые выходцы из Марокко не предприняли никаких активных действий в связи с французскими событиями во многом благодаря тому, что являются относительно *новой* иммигрантской группой и как первое поколение иммиграции не претендуют на те блага, которые европейские государства предоставляют своим *коренным* жителям.

Второе поколение мусульман Европы составляют дети первых трудовых мигрантов, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в европейских странах. Им сегодня порядка 30–40 лет. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками.

К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Европе, являющиеся гражданами европейских государств. Пройдя европейские образовательные учреждения, ежедневно подвергаясь

воздействию европейских СМИ, они должны были бы проникнуться духом секулярной христианско-иудейской цивилизации Запада. Однако исследования констатируют обратное: склонность к радикальному экстремизму, обостренное восприятие принадлежности к умме⁶.

Несмотря на все усилия таких институтов социализации, как школа, средства массовой информации и т.д., говорить о совпадении культурного кода у представителей западного общества и мусульманских общин очевидно преждевременно. При этом ожидания второго и третьего поколения иммигрантов значительно превышают их реальные возможности самореализации, что обуславливает общую агрессивность *молодых* мусульман и препятствует их полноценной интеграции. Растущую радикализацию приверженцев ислама в возрасте 16–24 лет – по сравнению с их родителями – выявило исследование, проведенное аналитическим агентством *Populus* по заказу общественной организации *Policy Exchange*, близкой к Консервативной партии Британии. Почти треть из 320 тыс. молодых мусульман считает необходимым введение на Британских островах законов шариата. Подобных взглядов в возрастной группе после 55 лет придерживаются около 17%. При этом 84% респондентов заявили, что с ними в Великобритании *обращаются сносно*. Мусульманин, перешедший в другую религию, должен *караться смертью*, заявили 36% опрошенных молодых людей. Мусульман старшего возраста, разделяющих столь радикальные взгляды, существенно меньше – 19%. Наиболее наглядно различие во взглядах детей и родителей проявилось, по мнению авторов доклада, в отношении к хиджабу. 74% молодых приверженцев ислама считают предпочтительным ношение женщинами хиджаба. Среди представителей старшего поколения такой точки зрения придерживаются 28%. 13% мусульманской молодежи заявили, что восхищаются такими организациями, как *Аль-Каида*, – по сравнению с 3% в возрастной группе старше 55 лет. 58% всех опрошенных считают, что многие мировые проблемы являются результатом «наглой западной политики». При этом осведомленность респондентов о происходящем в мире оставляет желать лучшего: лишь один из пяти знает, что Махмуд Аббас является президентом Палестинской автономии. Результаты опроса 1003 представителей мусульманской общины позволили исследователям констатировать «наличие конфликта в британском исламе – между умеренным большинством, которое приемлет нормы западной демократии, и растущим меньшинством с противоположными воззрениями»⁷.

Внутреннее расслоение мусульманских общин по возрастным и этническим показателям не позволяет свести сложившуюся на современном этапе ситуацию к примитивной формуле **мусульмане Европы = насилие + отказ от интеграции**. В глазах *коренного* населения все они, вне зависимости от страны этногенеза, воспринимаются как *мусульмане вообще*. И действительно, в качестве иммигрантов представители афро-азиатских общин образуют квазиэтническую группу, стержнем которой является ислам. Но в рамках диаспоры этническая и земляческая принадлежность оказывается более значимой, нежели конфессиональная. Исследование мусульманских общин с точки зрения потенциала к интеграции требует анализа истории и современного политического контекста взаимодействия каждой общины с принимающим сообществом, с тем пониманием, что *единый мир ислама*, как и *единая Европа*, есть не более чем фигуры речи. Как отметил член верхней палаты парламента Египта (Шуры), старший руководитель политического секретариата правящей Национальной демократической партии Мохаммед Камал в интервью газете *International Herald Tribune*: «Вы не можете говорить о едином мусульманском мире – в силу различий в доходах, уровнях развития. Вы не можете даже сказать, что мусульманский мир в целом находится на задворках цивилизации, эксплуатируется или отстает в развитии»⁸.

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ – НАЙДИТЕ ДЕСЯТЬ ОТЛИЧИЙ...

Бельгия

Первым европейским государством, признавшим ислам в качестве одной из официальных религий, стало Королевство Бельгии (1974 г.). В двух шагах от здания Совета Европы был построен Исламский центр, в стенах которого функционирует мусульманская школа, финансируемая Министерством просвещения. Преподавание основ ислама внесено в школьную программу для мусульман, обучающихся в государственных учебных заведениях. Тем не менее имамы, в отличие от священнослужителей других признанных религиозных конфессий, до сих пор не могут рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. В январе 2005 г. власти Фландрии издали распоряжение, в соответствии с которым право на общественное финансирование имеют лишь те мечети, чья деятельность отвечает целому ряду критериев, включая обязательное использование голландского языка вне рамок службы, терпимость к женщинам и гомосексуалистам, отсутствие призывов к экстремизму.

Несмотря на то что в Бельгии действует более 350 мечетей, в институтах гражданского общества мусульмане практически не представлены, они также не имеют собственных правозащитных организаций. Первые выборы в представительный орган – Высший совет мусульман Бельгии состоялись лишь в декабре 1998 г. В последнее десятилетие определенный прогресс был достигнут в области политического представительства мусульман: по итогам выборов 2003 г. шестеро вошли в состав национального парламента, один присоединился к Европейскому парламенту. Они присутствуют во всех министерствах, муниципалитетах и законодательных собраниях страны. Однако считать данных представителей исламского мира выразителями общего мнения мусульман Бельгии нельзя в силу разобщенности последних. «Баунти – черные снаружи, белые внутри»⁹ – так радикально настроенные адепты ислама отзываются о своих более успешных и умеренных в политическом плане собратьях.

Подавляющее большинство мусульман Бельгии – марокканского или турецкого происхождения. Стране принадлежит сомнительный рекорд по наибольшему количеству новообращенных мусульман среди всех государств Европы. В 2006 г. после того, как этническая бельгийка Мэриал Дикук, принявшая ислам, стала первой представительницей Старого Континента, совершившей акт самопожертвования в Ираке, подорвав несколько американских военнослужащих, проблема противодействия исламистской пропаганде вошла в список наиболее актуальных тем бельгийских СМИ¹⁰.

Наличие нескольких официальных языков, недопущение расселения мусульман по принципу *гетто* с образованием закрытых кварталов способствуют интеграции мусульманских общин в бельгийское общество. Тем не менее общий уровень нетерпимости к иноэтничному населению остается достаточно высоким. По данным бельгийского неправительственного Центра предоставления равных возможностей и борьбы против расизма, за 2003 г. к ним поступило более 2,5 тыс. жалоб на случаи расовой дискриминации. Отметим также, что в практическом регулировании вопросов гражданства законодательство Бельгии ориентируется на право крови – *jus sanguinis*, согласно которому основанием для предоставления гражданства служит происхождение.

Германия

Одной из наиболее замкнутых в Европе считается турецкая община Германии. Частично это объясняется историческими причинами: Турция никогда не принадлежала к числу германских колоний, а потому большинство турецких иммигрантов не могут похвастаться хорошим знанием языка принимающей стороны, что, в свою очередь, снижает вероятность их успешной интеграции.

Принимая иммигрантов в годы послевоенного бума, власти Германии рассматривали их как временных рабочих и высказывали твердое намерение производить замену *гастарбайтеров* каждые шесть лет. От дорогостоящей идеи *ротации кадров* руководству страны пришлось отказаться, *гостевым рабочим* было разрешено привозить за собой свои семьи. Однако вплоть до последнего времени официальные отношения с мигрантами строились в соответствии с тезисом, выдвинутым канцлером Гельмутом Колем: «Германия никого не интегрирует»¹¹.

Подобное равнодушие со стороны государства привело к тому, что в решении проблем изучения языка, поиска стабильного заработка, приспособления к чужой культуре и т.д., выходцы из Турции начали действовать сообща, образуя иммигрантские ассоциации, преимущественно на религиозной основе. Организации, подобные сообществу «Милли Герюш», служат не только адаптации, но также консолидации турецкой общины и лоббированию интересов Турции в отношениях с ЕС, в частности, в области ее притязаний на членство в Евросоюзе.

Деятельность такого рода ассоциаций нельзя оценить однозначно. С одной стороны, они способствуют более активному вовлечению мусульман в общественную жизнь, повышению образовательного и экономического уровней, то есть содействуют интеграции. С другой, навязывают своим членам некую *промежуточную идентичность* немецко-турка, представителя организации, построенной по этническому принципу.

1 января 2000 г. по настоянию канцлера Герхарда Шредера в Германии вступил в силу новый кодекс национальности. С этого времени она может определяться также правом почвы – *jus soli* – по месту рождения. Получить общеевропейский паспорт можно, сдав экзамен на знание немецкого языка и отказавшись от прежнего гражданства. Но к этому готовы далеко не все. В турецкой прессе одновременно ведется кампания за вступление Турции в ЕС – и против замены турецких паспортов на европейские. Парадоксально, но по последнему вопросу радикалы с обеих сторон выступают единым фронтом. Исламисты – обвиняя своих единоверцев в отступлении от Корана. Неонацисты – пытаются защитить *Дойчланд* от *исламизации*.

Франция

Иные проблемы связаны с алжирской общиной Франции. Среди западноевропейских стран Франция наиболее тесно связана с миром ислама. В 732 г. Карл Мартел сумел остановить продвижение арабов под Пуатье, что не предотвратило расселение мавров вдоль средиземноморского побережья в течение VIII–IX вв. В XI–XIII вв. Франция стояла на главе крестовых походов европейских монархов, а с XV по XVIII столетие с переменным успехом вела борьбу за контроль над Средиземноморьем. Затем последовали: египетский поход Наполеона Бонапарта (1798 г.), захват Алжира (1830 г.), установление протектората над Тунисом (1883 г.), над Марокко (1912 г.) и окончательная колонизация Северной Африки. Накануне Первой мировой войны во Франции проживало около 30 тыс. североафриканцев. Война привела к массовому использованию африканских мусульман на фронте и в тылу (свыше 300 тыс. человек). Вырванные из привычной социокультурной среды, мусульманские иммигранты не отличались строгим соблюдением собственных религиозных обычаев. Достаточно отметить, что первые молельные помещения для мусульман открывались по инициативе нанимателей-хозяев – для поддержания должного *нравственного климата* на предприятиях. В 1917 г. правительство приняло постановление, запрещающее продажу спиртных напитков *колонияльным рабочим*, а в 1918 г. владельцам питейных заведений и вовсе запретили обслуживать выходцев из Северной Африки. Для спасения морали и нравственности в страну были приглашены имамы и талаба (духовные наставники) различных суфийских братств, в железнодорожных депо и в больницах появились мусульманские молельные помещения; были созданы первые крупные мусульманские кладбища. После Второй мировой войны реконструкция и промышленный рост способствовали трудовой иммиграции мусульман. Мусульманское население метрополии пополнялось преимущественно за счет алжир-

ских иммигрантов. Завоевание Алжиром независимости не отразилось на трудовой миграции алжирцев в бывшую метрополию: Эвианские соглашения 1962 г. гарантировали свободное передвижение граждан между Францией и Алжиром¹². События политической истории Алжира явились причиной формирования холодно-равнодушного отношения мигрантов к своей стране, а потому степень их участия в различного рода ассоциациях значительно ниже, чем у выходцев из Турции.

Исламизации Франции способствовало ее либеральное законодательство: до 1993 г. дети иммигрантов, рожденные во Франции, могли автоматически претендовать на гражданство. В 1993 г. закон был ужесточен. Именно на примере этой наиболее мусульманской страны Европы особенно ярко проявляется высокая степень влияния внешнеполитического контекста на ход адаптации мигрантов. Начиная с 70-х гг. XX в., в развитии мусульманских общин Франции можно выделить шесть этапов, совпадающих с изменением климата на международной арене.

Первый этап охватывает период с начала и до середины 1970-х гг., когда исламские объединения совершали только первые свои шаги. Проживающие в стране мусульмане не проявляли стремления к религиозному самоутверждению. *Экономические* мигранты – в силу того, что осознавали временность своего пребывания в стране; *французско-мусульмане* – поскольку видели в отказе от исламской идентичности залог успешной интеграции в принимающее общество. На внешнеполитической арене также не происходило заметных событий: *политический ислам* еще не вступил в стадию подъема, а в странах Востока социальный протест находил выражение в марксизме и светском национализме.

Второй этап начинается с экономического кризиса 1973 г. Последовавший за ним спад производства вынудил правительство принять решение о прекращении ввоза иностранной рабочей силы во Францию. Намерение властей остановить поток экономической иммиграции привело к обратному результату: численность мигрантов (в том числе мусульман) возросла примерно в полтора раза. Опасаясь навсегда потерять возможность вернуться, в стране остались находившиеся там временные работники. Это породило проблему воссоединения иммигрантов со своими семьями. Отказ французского правительства предоставить им такую возможность вызвал протест со стороны ряда влиятельных организаций, и в 1976 г. власти были вынуждены пойти на уступки. Во второй половине 1970-х гг. воссоединение семей мигрантов обрело массовый характер, а ощущение принадлежности к исламу стало для мигрантов более важным, нежели осознание *исходной* национальной принадлежности, социального статуса и т.д. Повышение интереса к исламской религиозной практике выразилось в стихийном оборудовании молельных помещений в общежитиях, на предприятиях (в частности, на автозаводах *Renault*), а затем и в пригородных рабочих кварталах. При этом администрация нередко оказывала содействие мусульманским активистам, видя в исламе противовес влиянию на рабочих левой агитации.

На рубеже 1970–1980-х гг. – *третий этап* – мусульманский вопрос становится внутренним делом Европы. По итогам Исламской революции 1979 г. в Иране мусульмане Европы попали под *облучение* радикального исламизма как в его суннитском варианте (*Братья-мусульмане* и близкие к ним группы), так и в форме хомейнистского революционаризма. В 1982 г. среди обучающихся в Париже иранских, иракских и ливанских студентов-шиитов возникли два соперничающих течения: одни утверждали общеисламский характер иранской революции, другие воспевали ее как сугубо шиитскую. Группы концентрировались вокруг Иранского культурного центра на улице Жан-Барт, коллективные моления заканчивались жестокими драками между сторонниками и противниками режима Хомейни. Внешнеполитический фон – война в Ливане, захват заложников среди французских граждан – также способствовали формированию негативного стереотипа восприятия ислама как угрозы существованию французского общества. В данном контексте резко возросла популярность правых партий.

Четвертый этап – 1980-е гг. – может быть назван периодом прогрессирующего *офранцуживания* ислама. О себе как о мусульманах все чаще заявляли потомки *харки* и *беры* – родившиеся во Франции дети магрибских иммигрантов, многим из которых *возврат к исламу* компенсировал неспособность интегрироваться во французское общество. Благодаря проповедям *Джамаат ат-таблиг* по меньшей мере 30 тыс. коренных французов приняли ислам. Сочетая приверженность мусульманской религии с высокой социальной активностью, они, в отличие от иммигрантов, не имеющих французского гражданства, располагали большими возможностями лоббирования собственных религиозных интересов, в том числе за счет создания избирательных блоков.

В конце 1980-х гг. – *пятый этап* – произошло превращение ислама во *вторую* религию Франции. В стране была сформирована развитая *исламская инфраструктура* в виде мечетей, религиозных ассоциаций, исламских мясных лавок и книжных магазинов, мусульманских кладбищ и т.п. Одновременно среди французских мусульман произошел всплеск исламского фундаментализма, спровоцированный военным переворотом в Алжире и запретом *Фронта исламского спасения*. Перед Францией остро встал вопрос о статусе ислама в государстве, приверженном традициям секуляризма. СМИ бурно обсуждали *дело о платке* (инцидент с недопущением к занятиям двух учениц государственной школы, пришедших на уроки в мусульманских платках) и издание аятоллой Хомейни известной фетвы против британского писателя Салмана Рушди, автора нашумевшей книги «Сатанинские стихи»¹³.

С середины 1990-х гг. начинается современный *шестой этап*, связанный с возрастанием проявлений религиозного экстремизма. В 1994–1996 гг. во Франции произошел ряд терактов, организованных исламскими радикалами. Возросла враждебность французского общественного мнения по отношению к исламу. Стремясь снизить накал страстей, ректор мечети на площади Сталинград в Париже Ларби Кешат в феврале 1997 г. обратился к мусульманам и французам с призывом к взаимопониманию, но это привело только к бомбистской атаке его храма.

Как отмечает известный французский исламовед Оливье Руа, социологический портрет исполнителей подобных терактов однотипен. Террористы – потомки мусульманских иммигрантов во втором поколении, выросшие в неблагополучных районах, франкоговорящие, получившие слабое религиозное образование, окончившие школу, но не сделавшие профессиональной карьеры. Этническое происхождение для них менее значимо, нежели ощущение собственной социальной маргинальности. *Вернувшись к исламу*, они не имеют опыта религиозной практики и сколько-нибудь серьезных познаний в области религии. Соответственно, популярное утверждение об изначальной агрессии, заложенной в ислам, представляется, по меньшей мере, сомнительным. На террористические акты идут отнюдь не практикующие прихожане.

На современном этапе разрозненные общины мусульман Франции концентрируются вокруг следующих организаций: *Соборной парижской мечети*, *Национальной Федерации мусульман Франции*, *Федерации исламских организаций*, центра связей *Ислам – Запад*, отделения *Мирового исламского единства*, отделения *Исламской помощи*, *Союза исламских организаций Франции*.

История первых трех из вышеприведенного списка иллюстрирует три наиболее популярных варианта диалога Европы с *внутренним* исламом.

Соборная парижская мечеть, построенная по инициативе и на средства французского правительства в качестве жеста благодарности солдатам-мусульманам, воевавшим на стороне Франции в Первой мировой, была призвана символизировать открытость Третьей Республики, содействуя укреплению лояльности мусульман. Однако попытка через соглашение с представителями элит прийти к контролю над всеми мусульманами страны успехом не увенчалась. В начале 1980-х гг. после продолжительной юридической борьбы за владение мечетью, развернувшейся между Алжиром (выступающим в союзе с Тунисом и Марокко) и французским правительством, она была передана под контроль Алжира.

Создание *Федерации исламских организаций* было проспонсировано Саудовской Аравией. В настоящий момент она объединяет около 150 преимущественно фундаменталистских организаций, а на организуемых ею ежегодных международных конференциях исламские богословы и ученые открыто проповедуют превосходство законов шариата над светским законодательством.

Инициатором создания *Национальной федерация мусульман Франции (НФМФ)* и вовсе был этнический француз – Даниэль Юсуф-Леклерк – интеллектуал, ставший убежденным мусульманином под влиянием проповедей *Джамаат ат-таблиг*. До своего избрания на пост главы *НФМФ*, объединившей на федеративных началах часть исламских ассоциаций, он возглавлял ассоциацию *Тайибат (Благие вещи)*, получившую от *Лиги исламского мира* монопольное право на присвоение категории *халяль* производимым во Франции мясным продуктам, предназначенным к употреблению в мусульманских странах. Пятеро из руководителей *Федерации* являются французами по происхождению. В настоящее время в *Федерацию* входит до ста сорока мусульманских организаций. В апреле 1992 г. в Париже состоялся съезд *Федерации* под лозунгом «Мусульмане и ЕС». В работе съезда приняло участие 23 тыс. представителей от 190 исламских обществ Англии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Германии, Голландии, Ирландии. Участники съезда отметили, что мусульмане Европы являются неотъемлемой частью Европейского Союза, и заявили о том, что терпимость и уважительное отношение к различным религиям помогут сохранению социального мира в Европе. Съезд потребовал возвращения покрывающих голову девушек во французские школы, призвал другие европейские государства признать исламскую религию.

Однако по причине отсутствия какой-либо единой структуры у мусульманских организаций Франции ни одна из них (в том числе и *НФМФ*) не имеет возможности говорить от имени всей общины, а значит, служить посредником между ней и государством. Это во многом объясняет неуспех адаптации мигрантов по французской модели, ориентированной на *групповую* адаптацию.

На современном этапе главной задачей государственной политики Франции в отношении *внутреннего* ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя. Но общий международный фон не благоприятствует ее успешному решению. По мнению Катрин де Ванден, специалиста по иммиграции и директора по научной работе Центра международных исследований (Париж): «Мусульмане ощущают себя обесщеченными, в первую очередь, в контексте войны в Персидском заливе. Негативные коннотации, закрепившиеся сегодня за исламом, воспринимаются ими как дополнительное унижение вдобавок к бедности и дискриминации, с которыми многие сталкиваются в повседневной жизни. Отдельные мусульманские страны активно играют на этом, используя факт оккупации Ирака как способ отвлечь внимание от того, насколько плохо обстоит дело с их собственной системой управления. Другой не менее важный фактор – это СМИ. Телевизионные каналы, подобные *Аль Джазире*, для которой характерны сильная мусульманская идентификация и преимущественная концентрация на конфликтах из серии иракского или палестино-израильского, обладают огромным влиянием на восприятие мусульман, что способствует поляризации мнений. Большая часть мусульман придерживается умеренных взглядов, но радикализация среди маргиналов присутствует, и именно она приковывает к себе внимание»¹⁴.

Великобритания

Вплоть до взрывов в Лондоне 7 июля 2005 г. одной из наиболее благонадежных считалась мусульманская община Великобритании. История присутствия мусульман на Британских островах насчитывает три столетия и самым тесным образом связана с деятельностью Ост-Индской компании. С середины XIX в., особенно после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, мусульмане, в основном судовладельцы и торговцы из арабских стран (Йемен и Сомали) и Британской Индии, начали компактно селиться на побе-

режье – в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и Кардиффе. Тогда же в Англии появились первые мусульманские мистические и суфийские движения. Но усиленная мусульманская миграция в метрополию началась уже после Второй мировой войны: сначала из Индии, затем из отделившихся от нее Западного и Восточного (нынешний Бангладеш) Пакистана. В 1960-е гг. исламская иммиграция в Британию достигла своего пика и потребовала от правительства принятия трех актов об иммиграции, ограничивавших въезд в страну. В 1970–1980-е гг. численность выходцев с мусульманского Востока в Великобритании росла уже в основном за счет высокой рождаемости мигрантов первого поколения. На современном этапе в Бирмингеме, Манчестере, Ноттингеме, Ливерпуле, Кардиффе существуют целые мусульманские кварталы. В большинстве своем их жители работают мусорщиками, грузчиками, мелкими служащими и торговцами.

По данным специальной Комиссии по расовому равноправию, на протяжении 28 лет осуществлявшей мониторинг политики работодателей в отношении этнических меньшинств, за последние годы разрыв между оплатой их труда по сравнению с *коренными* британцами был значительно сокращен¹⁵. Однако дискриминация при найме на работу осталась на прежнем уровне. Для *белого* выпускника университета вероятность получения места в крупной английской компании в три раза выше, чем для представителя диаспоры. Британцы афро-карибского происхождения в четыре раза чаще своих *белых* сограждан той же квалификации не проходят собеседование при приеме на работу¹⁶. При этом закон предоставляет право обжаловать дискриминационное отношение к себе только тем, кто уже получил место. Для мигрантов-мусульман ситуация представляется даже более сложной. Показателен следующий случай. Вскоре после событий 1990–1991-х гг. в зоне Персидского залива одна британская компания в Шеффилде при наборе персонала объявила, что принимать мусульман на работу не будет. Начатый против этой компании судебный процесс по обвинению ее в нарушении закона 1968 г. о *равенстве рас* ничего не дал, поскольку мусульмане не являются особой расой¹⁷. Предложенные Комиссией по расовому равноправию меры – поощрение работодателей, ориентирующихся на многонациональный состав сотрудников, вкупе с квотированием рабочих мест по национальному признаку – неприемлемы для английского общества, отличающегося консерватизмом и жесткой стратификацией. Критики системы квот указывают на то, что она противоречит фундаментальным основам западного общества – *свободной конкуренции* – и приводит к появлению группового фильтра с обратным знаком.

Между тем, по данным последней британской переписи населения¹⁸, количество представителей этнических меньшинств, не достигших двадцатипятилетнего возраста, составляет 45%, в то время как аналогичный показатель среди *белого* населения не превышает 35%¹⁹. Можно предположить, что при сохранении существующих тенденций – сокращении *белого* населения трудоспособного возраста на фоне *омоложения* диаспор – работодатели будут вынуждены отказаться от этнических и конфессиональных предрассудков хотя бы по соображениям экономической целесообразности. Но более вероятным выглядит воспроизводство прежней системы скрытого неравенства на новом уровне по правилам «Скотного двора» Джорджа Оруэлла: все равны, но некоторые равнее прочих.

Пока же представители общин все более активно осваивают область малого и среднего бизнеса. По данным международных исследований, этническая экономика Великобритании – это около 250 тыс. фирм и 13 млрд долл. США в казну ежегодно²⁰. В начале 2006 г. наследник британской короны принц Чарльз подписал *меморандум о взаимопонимании* между Исламским банком развития (ИБР) и собственной благотворительной организацией *Международный молодежный бизнес*. На проходившей в Лондоне конференции по случаю тридцатилетия ИБР он выразил уверенность в том, что «при поддержке Исламского банка развития наши благотворительные организации смогут умножить усилия по разрешению проблем, с которыми мы сталкиваемся в городах Британии, и предоставить помощь молодым мусульманам, не располагающим достаточной поддержкой со стороны общества, для того чтобы на равных участвовать в жизни страны, содействуя укреплению солидарности и развитию совместной предпринимательс-

кой деятельности»²¹. Создавая фонды, подобные *Международному молодежному бизнесу*, деятельность которого не ограничивается одной лишь Великобританией, но распространяется на Марокко, Египет и Иорданию, власть стремится наладить каналы опосредованного влияния на представителей общин с тем, чтобы в дальнейшем более успешно контролировать их деятельность. Основная трудность при установлении диалога с мусульманскими общинами заключается в том, что умеренных мусульман Великобритании не отличает высокая степень организованности.

Между тем радикально настроенные адепты ислама не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере поддерживают различные про-исламские общественные организации, в частности, *Исламский культурный центр*, ассоциацию *Мусульманская помощь* в Лондоне, объединение *Исламская помощь* в Бирмингеме. Возглавляет последнюю Гани Аль-Бани, отец которого был казнен за участие в покушении на президента Египта Гамалю Абделя Насера. По сообщениям СМИ, *Исламская помощь* контролируется и финансируется спецслужбами Великобритании и Саудовской Аравии, а Аль-Бани в сентябре 1997 г. нелегально выезжал в Чечню и встречался там с Асланом Масхадовым.

Еще более активно действуют по всем направлениям: *Федерация студенческих исламских обществ*, *Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы*, *Исламский совет Европы*, *Союз исламской прессы*, *Организация молодых мусульман Соединенного Королевства* и, наконец, *Исламская миссия Соединенного Королевства*. Созданная в 1962 г. под сильным влиянием *Джамаат-и Ислами*, *Исламская миссия* ставит своей целью распространение ислама через налаживание дружеских отношений между мусульманами и немусульманами. Ее центры при крупных мечетях проводят активную политику прозелетизма среди молодежи, распространяя газету *Молодой мусульманин*.

Для координации действий всех вышперечисленных организаций в 1990 г. было создано *Исламское общество Великобритании*, имеющее свои отделения по всей стране. Около десятка мечетей Великобритании контролируются движением *Ахль-и Хадис*, поддерживающим тесные, в том числе финансовые связи с мусульманами Южной Африки. Позицию ливийской ассоциации *Исламский призыв* выражают относительно маловлиятельные, но все же постоянно действующие в стране отделения *Лиги исламского мира*. Уже упоминавшаяся *Джамаат-и Ислами* предпочитает действовать экономически и идеологически через *Исламский фонд*: в сфере просвещения – через *Мусульманский трест образования*, в сфере пропаганды ислама – через организацию *Даават-уль-Ислам*.

Наличие значительного числа хорошо организованных радикально настроенных мусульманских групп не может не оказывать влияния на внутреннюю политику Великобритании, в особенности в свете того, что сами мусульмане на рубеже 1980–1990-х гг. предприняли шаги сугубо политического характера. В июле 1989 г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах ими была создана *Исламская партия Британии* (ИПБ – *Islamic Party of Britain*). В 1990 и 1992 гг. усилия партии не увенчались успехом, однако позже они завоевали один мандат. К 2001 г. в английском парламенте было уже четыре мусульманина: три члена Палаты лордов и один – Палаты общин. По заявлению лорда-мусульманина Назира Ахмада, на февраль 2001 г. в местных парламентских структурах Великобритании работали 160 мусульман²². Тем не менее до тех пор, пока в основе системы парламентских выборов в Великобритании лежит мажоритарный принцип, мусульмане не будут иметь шансов на соответствующее их амбициям представительство в парламенте. Ни в одном из избирательных округов они не образуют большинства; к тому же их симпатии делятся примерно поровну между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции. Также маловероятно, чтобы программный лозунг с официального сайта ИПБ – «К лучшему будущему с исламом» – привлек на сторону партии *коренных британцев*²³.

Несомненным достоинством британской концепции адаптации было и остается внимание к индивиду, умение отстраниться от его групповой принадлежности. Последовательно претворяя в жизнь традиционный принцип *разделяй и властвуй*, британцы демонстрацией внимания к индивиду отрывают его от группы, разрушая последнюю изнутри. В 1997 г. после прихода лейбористов к власти политика взаимоотношений с этническими меньшинствами строилась в духе концепции мультикультурализма. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр принимал участие в церемониях открытия мечетей, религиозных школ, буддистских храмов и т.д.

Однако в свете событий последних лет настроения в обществе и политических кругах изменились. Все больше людей высказываются против разделения страны по религиозному или этническому принципу. *Британство* как альтернатива центробежному этноцентризму представителей диаспор – новая концепция властей. Практическая ценность данной концепции может быть поставлена под сомнение в силу разногласий, существующих между самими *коренными* британцами – шотландцами, валлийцами, жителями Ольстера и англичанами.

Тем не менее не стоит сбрасывать со счетов уже неоднократно оправдывавший себя принцип – *против кого дружим?* Если до 7 июля 2005 г. террор на Британских островах ассоциировался с одной организацией – Ирландской республиканской армией (ИРА), то взрывы в лондонском метро и автобусе, ставшие продолжением терактов, совершенных радикальными исламистами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 11 марта 2004 г. в Мадриде, заставили наиболее непримиримых *европейских террористов* официально сложить оружие. Курс на отказ от террористической деятельности был взят ИРА еще несколько лет тому назад, но взрывы 7 июля позволили лидерам организации сказать *прощай, оружие* открыто, не потеряв при этом лицо. 28 июля 2005 г. ИРА объявила о полном прекращении боевых действий против Великобритании и предложила властям использовать их опыт, оружие и знания в борьбе с исламской угрозой. С учетом того что многие из них проходили практику в подпольных ячейках *Аль-Каиды*, структуру и методы действия исламистов они представляют себе наилучшим образом. *A propos*, одновременно с разоружением ИРА в Великобритании в Испании власти приступили к переговорам с руководителями запрещенной в стране баскской партии *Батасуна*. Во Франции активизировался процесс мирного урегулирования с корсиканскими сепаратистами.

СТРАХИ ЕВРОПЫ: ОТ ПРОПАГАНДЫ ХИДЖАБОВ К ПРОПАГАНДЕ ТЕРРОРА

Европейцев одинаковостораживают как закрытость этнических анклавов мусульман, так и политическая активность представителей диаспор. Мусульманские общины Европы воспринимаются автохтонным населением как *троянский конь* исламского мира, дополнительный козырь в оказании политического давления на европейские государства.

Невозможность попасть в высшие эшелоны власти приводит активных мусульман второго и третьего поколения к формированию альтернативных объединений, в которых тесно переплетаются религиозная и политическая составляющие. Деятельность ассоциаций, подобных *Исламской миссии Соединенного Королевства*, *Исламскому Совету Европы* (Великобритания), *Союзу исламских организаций Европы* (Германия), *Федерации исламских организаций* (Франция), не ограничивается выполнением культурно-просветительских и гуманитарных функций. Хорошей иллюстрацией того, как декларируемая гражданским обществом Европы свобода слова может быть использована для пропаганды совершенно иных ценностей, служит деятельность *Европейской арабской лиги* (ЕАЛ) в Бельгии.

Организация требует превращения арабов в «равноценный всем остальным самостоятельный этнос»²⁴. Члены ЕАЛ выступают за арабский язык в качестве государственного, ислам в роли официальной религии, квоты для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях, и главное, официальное прекращение политики интеграции

иммигрантов-мусульман в жизнь Европы. При этом лидер организации Абу Яя призывает своих сторонников к открытой политической конфронтации с официальными властями во имя демократических идеалов.

12 января 2004 г. ЕАЛ заявила, что запрет на ношение мусульманских платков в публичных школах Бельгии является нарушением права на свободу религии, которое гарантирует 18-я статья Всеобщей декларации прав человека. По утверждению ЕАЛ, платки-хиджабы не представляют собой религиозный символ, а лишь являются «частью религиозной практики».

В ответ на публикацию карикатур на пророка Мухаммеда датским изданием *Ютланд-Постен (Jyllands Posten)* ЕАЛ вывесила на своем сайте карикатуры антисемитского толка. Одна из картинок изображала Анну Франк, лежащую в постели с Адольфом Гитлером. Другой рисунок ставил под вопрос факт Холокоста: были изображены двое людей, один ворошит кучу костей и говорит: «Сомневаюсь, что это евреи»; на что второй отвечает: «Нужно как-то получить цифру шесть миллионов»²⁵. В пояснении говорилось, что карикатуры опубликованы с учетом свободы слова в Европе. Этим же ранее объяснялось размещение в газетах карикатур на пророка Мухаммеда. Остается отметить, что вскоре после ответного демарша представителей ЕАЛ сайт организации стал недоступен.

На пресс-конференции, собранной после того, как в СМИ появились выдержки из исследования Марион Ван Сан, рассматривавшей связь между преступностью и этническими происхождением, Абу Яя потребовал отставки министра юстиции Бельгии Марка Фервилгена, по инициативе которого была начата данная работа. Он также предложил фламандским политикам «не рассматривать все через призму таких ошибок природы, как Фламандский Блок». «Хватит занудства об интеграции, – заявил г-н Яя, – давайте рассуждать и мыслить в терминах гражданской позиции: мы требуем обращения как с равными, уважения и практического соблюдения нашего права на труд, на образование и на крышу над головой, непредвзятого применения ко всем одних и тех же законов, не считаясь с расой, религией или культурой. Если мы не будем соблюдать эти права, то бомба замедленного действия в виде 16–17-летних мигрантов, которые не получают никаких дипломов, никакой работы и не имеют никакого будущего, с которыми не обращаются как с равноправными людьми, в один день непременно взорвется»²⁶.

Пример ЕАЛ, активно вербующей сторонников, в том числе и в молодежной среде Бельгии, говорит нам об опасности развития ситуации по сценарию, предусматривающему временное объединение арабской и европейской молодежи на почве одинаково сильного желания заявить о себе и сломать геронтократическую структуру современной Европы. При том, что стратегические интересы двух данных групп различны, глубокий антагонизм по отношению к системе и правящей верхушке может заставить их воспользоваться одними и теми же методами для реализации своих сугубо тактических целей. По мнению Эммануэля Тодда, ученого, предсказавшего развал Советского Союза задолго до событий августа 1991 г., подобное временное объединение различных в силу исторических и культурных причин, но сходных по социально-экономическим параметрам сил мы и наблюдали во время французских *бунтов на окраинах* 2005 г. «Я считаю достаточно глупым со стороны Николя Саркози настаивать на иностранном происхождении молодых людей, вовлеченных в конфликт, – заметил г-н Тодд в одном из своих интервью. – Я убежден в обратном: это типично французский феномен. Расово смешанные группы молодых людей из Seine Saint-Denis действуют в соответствии с типично французской традицией неожиданного социального взлета. Акты насилия с их стороны свидетельствуют о дезинтеграции африканских семей, обусловленной контактами с французскими ценностями равенства, в частности равенства для женщин. Несмотря на неизбежные проблемы на старте, второе и третье поколение иммигрантов относительно хорошо интегрируются в среду народных масс Франции, а некоторые даже присоединяются к среднему или высшему классу»²⁷.

Однако пока факты опровергают оптимистичные выводы г-на Тодда об успешности интеграции второго и третьего поколения мусульман. Большинство участников террористических атак 11 сентября 2001 г. – эмигранты из арабских стран, прожившие немало лет в Европе. Подлинным шоком для жителей Германии стал тот факт, что следы террористов, совершивших самоубийственное нападение на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне, вели в Гамбург, Франкфурт и другие немецкие города. Большинство обвиняемых в совершении террористических актов 11 марта 2004 г. в Мадриде – молодые мусульмане, принадлежащие далеко не к первому поколению иммигрантов. Теракты, совершенные 7 июля 2005 г. в Лондоне, также были осуществлены молодыми мусульманами, родившимися в Великобритании и являющимися британскими подданными.

До недавнего времени в Лондоне беспрепятственно функционировал британский филиал организации Усамы бен Ладена, а сам ее лидер, прикрываясь суданским паспортом, не раз навещался в британскую столицу и принимал участие в подготовке терактов на территории Египта. При этом британская разведка Ми-5 дважды предотвращала объединение находящихся в подполье сторонников бен Ладена с другими официально действующими исламскими организациями, такими как *Верховный совет исламской революции* в Ираке, *Алжирская исламская священная партия*, а также запрещенными группировками типа ХАМАС²⁸. С бен Ладеном был связан Абу Хамза аль-Масри, то есть скрывавшийся под этим именем 43-летний уроженец Александрии Мустафа Камель, получивший британское подданство, женившись на англичанке. Связанный одновременно с афганскими моджахедами и группировкой *Аль-джихад аль-ислами*, Абу Хамза вернулся в 1994 г. в Лондон (избегав выдачи правительству Египта) из Афганистана через Пакистан и стал издавать бюллетень *Аль-Ансар* от имени алжирской террористической *Вооруженной исламской группировки (ВИГ)*. Проповедуя в одной из мечетей Лондона, он всячески оправдывал массовые расправы *ВИГ* над мирным населением. Тогда же он создал на деньги бен Ладена организацию *Ансар Ашшариа* (Приверженцы шариата) и стал поддерживать исламо-экстремистскую *Армию Адена* в Йемене, куда он отправил своего сына и нескольких арабов – граждан Великобритании и Франции. Когда они были арестованы, Абу Хамза организовал ряд взрывов, от которых погибло 6 йеменцев. Самопровозглашенный *главный английский муфтий* Абу Хамза после начала военных действий в Чечне объявил России джихад и открыто заявил, что готовит добровольцев на отправку в Чечню, Иран, Пакистан и Афганистан. В сентябре 1999 г., выступая в мечети, он оправдал взрывы в Москве – но только 6 лет спустя британцы окончательно осознали последствия политики *двойных стандартов*.

Еще в 1998 г. в результате инспекции, проведенной датским Министерством образования, было выявлено пять мусульманских школ, замешанных в перекачивании государственных образовательных субсидий на счета *Ассоциации исламских благотворительных проектов (The Association of Islamic Charitable Projects – A.I.C.P)* в Ливане. В 2001 г. британский специалист по борьбе с терроризмом Рохан Гунарата и его датский коллега Ларс Эрслев Андерсен открыто заявили, что в Дании есть как отдельные личности, так и организации, оказывающие денежную и иную поддержку международным террористам²⁹. Несмотря на то, что впоследствии эти сведения подтвердились, российские публикации на эту тему власти Дании расценили как намеренный информационный выброс, спровоцированный отказом выдать Ахмеда Закаева³⁰.

В 2005 г. по подозрению в подготовке терактов был арестован один из деятелей голландского отделения ЕАЛ – Самир Аззуз (*Samir Azzouz*)³¹. Впервые власти сделали попытку привлечь Аззуза к ответственности в 2004 г., обнаружив в его доме планы нидерландского парламента, амстердамского международного аэропорта «Схипхол» (*Schiphol*), атомной электростанции «Борсселе» (*Borssele*), а также здания нидерландской Общей службы разведки и безопасности с пометками, касающимися охраны этих объектов и возможных путей отхода. При обыске также были найдены: оружие, химикаты, используемые для приготовления взрывчатки, печатные материалы экстремистского содержания, инструкции по совершению терактов и съемке убийств на видео. Однако суд, сочтя предоставленные доказательства недостаточными, вынес оправдательный

приговор Аззузу. Вторая попытка ареста оказалась более успешной. В октябре 2006 г. у обвинения появился свидетель, готовый подтвердить связь Аззуза с террористической группой «Хофстад» (*Hofstad*), девять членов которой в марте 2006 г. были приговорены к лишению свободы сроком до 15 лет за принадлежность к террористической организации. Им стал 28-летний житель Гааги Л.Б., имя которого не разглашается по понятным причинам. Долгое время он входил в круг близких к главному обвиняемому лиц. Л.Б. рассказал, что регулярно ездил с обвиняемыми в Брюссель, где на его имя была снята квартира. По его словам, члены группы хотели вербовать там мусульман для участия в джихаде. Как заявляет Л.Б., группа Аззуза активно приобретала оружие и собиралась изготовить *пояса шахидов*, доставив необходимые для этого материалы из Германии.

По данным Федерального ведомства по охране конституции, в Германии число активистов исламистских организаций составляет около 30 тыс. человек, то есть менее 1% общего числа немецких мусульман. По оценкам других немецких аналитиков, в ФРГ, где проживает порядка двух миллионов турецких мусульман, более секуляризованных, чем арабы, число готовых к насилию радикалов, тем не менее, достигает трех тысяч человек. В июне 2000 г. немецкая разведка БНД обратила внимание руководства страны на наличие филиалов международных террористических групп в ряде городов ФРГ. Подпольная штаб-квартира исламистов находилась во Франкфурте-на-Майне, одно из конспиративных отделений располагалось в Берлине. К концу 2000 г. они планировали взрыв в Страсбурге (вероятнее всего – здания Европейского парламента). В декабре немецкие спецслужбы обезвредили склад с взрывчаткой и арестовали группу террористов. А в мае 2001 г. г-н Эрнст Урлау, координатор деятельности спецслужб в правительстве Герхарда Шредера, заявил, что Германия имеет дело с терроризмом на религиозной основе.

В свою очередь, французские спецслужбы вывели формулу определения численности радикалов в той или иной мусульманской общине. Согласно ей, практически в любой исламской общности носителей экстремистской идеологии насчитывается до пяти процентов. Из их числа примерно три процента готовы к участию в терактах. Это означает, что во Франции проживают примерно 300 тыс. экстремистов и порядка 9 тыс. потенциальных террористов³².

У исламского терроризма существует и другая сторона – это связь с наркомафией и незаконной миграцией. По данным БНД, ежегодная нелегальная иммиграция в ЕС составляет от 200 до 300 тыс. человек, из которых примерно 50 тыс. иммигрантов-мусульман вовлечены в незаконную транспортировку наркотиков³³.

РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ ИСЛАМИЗМА – ОСОЗНАНИЕ ЗАДАЧ

В конце 1990-х гг. усилиями Центрального разведывательного управления США, израильской внешней разведки Моссад, германской, британской, французской и итальянской спецслужб были обезврежены террористические группы в Албании (1998, 1999 гг.), Великобритании (1998 г.), Германии (1998, 2000, 2001 гг.), Франции (1999 г.), Турции (1999 г.), Италии (2001 г.) и Испании (2001 г.). Однако актуальность проблемы противодействия исламскому экстремизму возрастает с каждым годом, а говорить о выработке единого комплекса совместных мер пока не представляется возможным.

Многочисленные исследования подтвердили, что носителями идей джихада и радикального ислама выступают преимущественно европейские мусульмане, то есть получившие образование, выросшие или даже родившиеся в странах ЕС. Этим феноменом особенно активно занимаются американские политологи (и спецслужбы), озабоченные безопасностью не столько Европы, сколько Америки. Так, согласно данным Центра Никсона, проводившего наблюдение за *моджахедами* в ЕС и США, из 400 обследованных исламистов большинство составляют французские граждане, которых было даже больше, чем саудовцев; число исламистов с британскими паспортами превысило количест-

во граждан других проблемных стран – Судана, Йемена, ОАЭ, Ливана и Ливии вместе взятых. Четверть джихадистов являлись гражданами европейских стран, то есть имели право безвизового въезда в США. Именно последний факт заставляет тревожиться американцев, считающих, что европейцы слишком легкомысленно относятся к существованию неконтролируемых и закрытых мусульманских общин, наделяя их в то же время правами, социальными пособиями и гражданством, то есть проводя политику мультикультурализма³⁴.

ПОЧЕМУ ВОЛКИ НЕ СОБАКИ?

Тот факт, что в Европе сложились столь благоприятные условия для свободной деятельности радикальных исламистов и просто откровенных террористов, во многом объясняется либеральным отношением западных властей. В страхе перед *красной угрозой* Запад десятилетиями взращивал исламистов с тем, чтобы в дальнейшем использовать их против СССР, готовил албанских боевиков против Белграда.

Другой причиной является влияние политических событий в тех странах, из которых прибыли мусульманские эмигранты. Вспышкам исламизма в Европе способствовали военные перевороты (Турция, Алжир), запреты исламистских партий (Египет), обострение ситуации на Ближнем Востоке и т.д.

Немаловажное значение имела целенаправленная деятельность самих исламских организаций, которые в 1980–1990-е гг. стремились сделать религию и религиозно ориентированное восприятие мира привлекательным для мусульманской молодежи в Европе.

Сыграла свою роль и политика *двойных стандартов*. Ряд государств поддерживали или поощряли в своих узко политических целях террористическую деятельность. В разное время к ним относились США со своей слепой поддержкой Израиля; Саудовская Аравия в отношении исламистов; Англия, помогавшая ультрапротестантам в Ольстере; Франция, манипулировавшая баскскими националистами, Пакистан с его поддержкой талибов, кашмирских, сикхских и мусульманских сепаратистов; Индия с ее тамилами и т.д.

Противодействие *недемократичному* режиму Милошевича вылилось в бомбардировки мирных городов и попустительское разнузданное этническое чисткам сербского населения уже со стороны косовских сепаратистов албанцев-мусульман. Почти десять лет назад *Newsweek* с грустью констатировал, что США, Израиль, Великобритания, Франция, Саудовская Аравия, Кувейт имеют долгую историю непростых отношений с исламскими группами, рассматриваемыми как *террористические* на современном этапе, и «западные народы ничего не имели против экстремизма, покуда он действовал в правильном направлении»³⁵.

ОЖИДАЕМЫЕ КОНФЛИКТЫ – КАТАЛИЗАТОРЫ ЦЕПНОЙ РЕАКЦИИ

Отсутствие активного диалога сторон и провал попыток интеграции мусульман обуславливают взрывоопасность сложившейся ситуации. Налицо несовпадение декларируемых ценностей и реальной стратегии поведения населения принимающей стороны. По данным социологических опросов, 75% европейцев приветствуют становление мультикультурного сообщества и 86% выступают против любой дискриминации по расовому, культурному или религиозному принципам. При этом треть европейцев признают наличие у себя определенных расовых предрассудков, а подавляющее большинство рассматривает *приезжих* как *паразитов* на теле социального государства и потенциальный источник нестабильности. 63% убеждены в том, что наличие меньшинств увеличивает безработицу. Но те же 63% полагают, что представители меньшинств соглашаются на те виды работ, которые отвергают все остальные. Согласно *Transatlantic Trends Report* за 2005 г., 51% европейцев утверждают, что лично столкнулись с негативными последствиями присутствия иммигрантов и беженцев³⁶.

Очевидно, что в ближайшие годы напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам, только усилится. Все большая часть мигрантов-мусульман будет отстаивать легитимность своего присутствия на континенте именно в качестве носителей исламской традиции. Ускорится формирование мигрантского социально-религиозного субстрата как самостоятельного субъекта политики. Приоритетной задачей исламских активистов станет укрепление связи с мусульманским зарубежьем, в том числе с мусульманскими радикальными движениями. Международные исламские организации, рассматривающие мигрантский мусульманский социум в качестве потенциального инструмента влияния на политику европейских стран, продолжат оказывать финансовую и социальную помощь наиболее перспективным в данном контексте представителям общин. С возрастанием понимания важности глобальных коммуникаций как фактора, содействующего укреплению ощущения принадлежности к единой исламской общности у приверженцев данной религии, количество бесплатных интернет-кафе, уже открываемых для прихожан европейских мечетей, заметно увеличится. Появится все больше оснований говорить о *дистанционном исламе* и *мусульманской диаспоре*.

Присоединение Турции к Европейскому Союзу откроет шлагбаум для новой волны мусульманской миграции в Германию, что ляжет тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков страны, обеспечивающей львиную долю поступлений в бюджет Евросоюза. С учетом того что концепция *четырёх общих пространств ЕС*, помимо экономического, включает в себя такие критерии, как внешняя безопасность, правосудие и образование, с вступлением в ЕС мусульманской страны неизбежно встанет проблема **принципиального** расхождения образовательных программ. Роль школы как важнейшего института социализации очевидна, как и то, что Турция не согласится на социализацию *по-европейски*. В особенности принимая во внимание отсутствие конкурентоспособной по отношению к национальным программы общеевропейского воспитания. Как отметил пресс-секретарь Еврокомиссии Фредерик Вэнсан: «В Европе нет механизма мониторинга детских и школьных образовательных программ, нет и единых норм в отношении преподавания религий»³⁷.

Жители Европы острее почувствуют свою связь с мусульманскими регионами Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Усилится раздражение в отношении исламского радикализма Афганистана и Центральной Азии, с которым Европа столкнулась, ввязавшись в возглавляемую США антитеррористическую операцию *Несгибаемая свобода*. В качестве обязательного условия приобщения Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана к Европе будет выдвинуто требование большей ответственности правящих кругов бывших советских республик за активность исламистов на подвластных им территориях³⁸.

Более явной станет уже обозначившаяся и общая для Западной Европы тенденция: возрастание популярности правых партий, призывающих к защите традиционных ценностей и противостоянию чужакам-мигрантам. Не случайно в Нидерландах *величайшим голландцем всех времен и народов* был признан Пим Фортейн, политик противоречивой репутации и ярый сторонник ограничения иммиграции и аккультурации представителей других стран в голландское общество. По результатам опроса он опередил *отца независимости Нидерландов* принца Вильгельма Оранского (XVII в.), а также выдающихся художников Рембрандта и Винсента ван Гога. Страх перед *исламской угрозой* оказался настолько велик, что в 2005 г. более пяти процентов евреев Антверпена проголосовали на выборах в парламент за расистскую ультраправую партию *Фламандский блок*, создатели которой сотрудничали с нацистами во время Второй мировой войны. Поводом стало обещание руководителей *Фламандского блока* бороться против наплыва арабов в Бельгию.

Вопрос отношения к проблемам иммиграции явился одним из главных на последних президентских выборах во Франции. Бывший министр внутренних дел (2005–2007, 2002–2004), правоцентрист Николя Саркози завоевал 53% голосов избирателей, оставив позади кандидатку от Социалистической партии Сеголен Руаяль, получившую 47%

голосов. При этом Саркози поддержало значительное большинство избирателей в возрасте 50 лет и старше, а также 63% пенсионеров. Он набрал 82% голосов среди городских рабочих и ремесленников, владельцев магазинов и бизнес-элиты. Социалистов традиционно поддержала молодежь: за Руаяль проголосовали 60% избирателей в возрасте между 18 и 24 годами и 51% – в возрасте между 35 и 49 годами³⁹. Окончательно точки над *i* расставили парламентские выборы, на которых правые партии, в частности, бывшая партия Саркози – *Союз за народное движение*, получили 314 из 577 мест. Подобные результаты можно смело расценивать как мандат на законодательные изменения, предоставленный новому президенту населением Франции. После победы Николя Саркози на президентских выборах во Франции и предшествовавшего тому избрания Ангелы Меркель канцлером Германии в 2005 г. ряд экспертов выразили уверенность в том, что *франко-германская ось*, лежащая в основе Евросоюза, проявит больше заинтересованности в осуществлении совместных с США проектов, в том числе и в области противодействия исламскому экстремизму.

На фоне происходящих изменений обострится внутриобщинный конфликт между сторонниками *евроислама* и охранительной политики: умеренные группы продолжат следовать курсу аккультурации, постепенного вхождения в принимающую среду при сохранении базовых ценностей ислама; молодые радикалы будут отстаивать свое право полного соблюдения религиозных поведенческих нормативов, использование религии как политического инструмента и возможности пропаганды ислама.

Пытаясь пусть формально, но вписать в *свой* круг мусульманские государства, европейцы должны осознать, что речь идет о странах, в которых «ни государственность, ни оформление механизмов и, тем самым, вся трансформация систем не могут обойтись без учета фактора ислама»⁴⁰. Кроме западной цивилизации, которая посредством секуляризации оторвалась от христианской Западной Европы эпохи средневековья, все остальные мировые цивилизации определяются через религию. И ренессанс хантингтоновской концепции *столкновения цивилизаций* спровоцирован увеличением количества конфликтов, вытекающих из политизации религии.

В контексте неизбежности мусульманского присутствия в Европе, близости границ с мусульманским миром и неясных перспектив борьбы с международным терроризмом важнейшей задачей, стоящей сегодня перед ЕС, является переосмысление *внутреннего* ислама в направлении восприятия его как потенциального партнера, в том числе по поддержанию стабильности на континенте. Требуется выработать единую концепцию взаимодействия с мусульманскими общинами, так как на современном этапе каждое государство в рамках ЕС действует, исходя из собственных национальных интересов, по не согласованному с другими плану. Получившиеся *ножницы* не оказывают благотворного влияния на происходящее, дополнительно ослабляя позиции *коренных* европейцев. Социальное государство в Европе возможно, пока существует достаточно молодых и работающих налогоплательщиков, отчисляющих значительные суммы в государственную казну. С этой точки зрения миграцию, как и высокую рождаемость в мусульманских общинах, можно только приветствовать. Однако для того чтобы молодые мусульмане работали на поддержание социально-экономической системы Западной Европы, необходима смена политического курса: переход к политике интеграции, подразумевающей соответствие экономического, культурного и политического уровней процесса встраивания индивида в среду принимающего сообщества.

Прогнозирование хода дальнейшей социальной эволюции Европы с необходимостью требует анализа мусульманской составляющей, в первую очередь, с учетом внешнеполитического контекста. Но пока мы не можем исключить повторения серьезных столкновений на религиозной почве в отдельных европейских странах, столкновений, интенсивность которых будет определяться существующим внешнеполитическим фоном, ходом борьбы Запада за нефтяные и прочие ресурсы Востока, уровнем консолидации мусульманского мира. 🐾

Примечания

- ¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву и И.С. Семененко за помощь, оказанную в работе над статьей.
- ² Гастарбайтеры привлекались в западноевропейские страны преимущественно на основе двусторонних межгосударственных соглашений и только на временную работу в определенной отрасли. По окончании контракта они были обязаны вернуться на родину.
- ³ Цит. по: Денисенко Михаил. Изменения в иммиграционной политике развитых стран. *Отечественные Записки*. 2004. №4. <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=915> (последнее посещение – 2 октября 2007 г.).
- ⁴ Составлено автором по: Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. EPC Working Paper. 2006, March. № 23. P. 52.
- ⁵ В теории социологии U-образная кривая адаптации обозначает следующий маршрут адаптации в новой культуре – оптимизм, враждебность (культурный шок), выздоровление (преодоление враждебности), завершенная адаптация.
- ⁶ Умма – арабское слово, означающее «сообщество» или «нация». В исламе слово «умма» обозначает сообщество верующих (уммат аль-му'минин), то есть весь исламский мир. Фраза «умма вахида» («одно сообщество») в Коране обозначает объединенный арабский мир. С другой стороны, в арабском языке слово «умма» также может использоваться в западном значении нации, например аль-умам аль-муттахида («объединенные нации»).
- ⁷ Цит. по: Британская оппозиция вступилась за мусульман. 2007, 28 января. http://www.mignews.com/news/politic/world/280107_135033_74873.html (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁸ 'Clash of civilizations': Who's to blame? *The International Herald Tribune*. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, Abeer Allam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebneem Arsu in Turkey.
- ⁹ Мусульмане Бельгии: взгляд изнутри. 2006, 29 августа. <http://www.islamnews.ru/news-print-6126.html>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ¹⁰ Бельгия – рекордсмен Европы по числу принявших ислам. *Мусульманский Узбекистан*. 2006, 2 марта. <http://muslimuzbekistan.net/ru/islam/maqola/article.php?ID=2976> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ¹¹ Цит. по: Козенко Андрей. Полумесяц над Европой. Веротерпимость как вызов экстремизму. *Российская Газета*. 2006, 1 марта.
- ¹² Ее масштабы больше беспокоили не Париж, а алжирские власти, создавшие специальный орган – ONAMO (Office National de Main d'Oeuvre), контролировавший выезд граждан во Францию.
- ¹³ Руа Оливье. Для Франции ислам не представляет какой-то особой проблемы... Перевод: Е. Клокова. *Иностранная литература*. 2006. №9.
- ¹⁴ 'Clash of civilizations': Who's to blame? *The International Herald Tribune*. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, Abeer Allam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebneem Arsu in Turkey.
- ¹⁵ Race discrimination. (Britain's ethnic minorities are paid as much as whites—when they can find jobs). *The Economist* (US). 2004, May 15.
- ¹⁶ Commission for Racial Equality 2004. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
- ¹⁷ Мусульмане на Западе. Сб. статей. Отв. ред. Р.Г. Ланда. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: 2002.
- ¹⁸ Последняя перепись населения прошла в Великобритании 29 апреля 2001 г.
- ¹⁹ Population Trends 105, London: Office of National Statistics, Autumn 2005. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.

- ²⁰ Speech by Nigel Griffiths, Small Firms Minister in November 2002. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
- ²¹ A speech by HRH The Prince of Wales at the Islamic Development Bank Conference, Landmark Hotel, Marylebone Road, London, 26 January 2006. Stats Pocket Handbook.
- ²² Тульский Михаил. Ислам в неисламском мире. *Независимая Газета*. 2001, 29 сентября.
- ²³ Официальный сайт Исламской партии Британии. <http://www.islamicparty.com>.
- ²⁴ Vision of the AEL. Arab-European League. <http://www.arabeuropean.org/vision.php>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁵ Центральный еврейский ресурс sem40.ru 2006, 5 февраля. <http://www.sem40.ru/lenta/news-dir/144768.html?print=1> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁶ Бельгия – самая расистская страна Европы. Текст пресс-конференции Европейской арабской лиги по поводу исследования Ван Сан. 2003. Независимый политический еженедельник. *Левт.ру/Левая Россия*. <http://left.ru/2003/10/text86.html> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁷ Jerome a Paris. Emmanuel Todd interview on the 'French riots' (full translation), 2005, 13 November. <http://www.dailykos.com/story/2005/11/13/143727/53>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁸ Добаев Игорь. Исламисты взрывают Европу изнутри. *Новая Политика*. 2005, 19 декабря.
- ²⁹ Джаниян Сергей. Датский след бен Ладена. *Московские Новости*. 2001. ДАТА <http://www.mn.ru/print.php?2001-39-45> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³⁰ Более подробно о разгоревшемся скандале см.: Джаниян Сергей. Дания признала, что на ее территории базируются террористы. *МН-СОБЫТИЯ*. 2003. № 48.
- ³¹ Поссакухин Андрей. Радикальные исламисты из группа Аззуза готовили теракты в Нидерландах. *РИА «Новости»*. 2006, 21 октября. http://www.rian.ru/defense_safety/terror/20061021/55003832.html (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³² Добаев Игорь. Терроризм в странах Западной Европы и на юге России: компаративистский анализ. Институт религии и политики. <http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3251.html>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³³ Хасанов Марат. Бродит по Европе призрак исламизма. *Континент*. 2002, №6(68), 20 марта – 2 апреля, <http://www.continent.kz/2002/06/14.html> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³⁴ Лейкен Роберт. Разгневанные мусульмане Европы. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, № 6. С. 91.
- ³⁵ Building an Enemy – America, Israel and Arab States Created the Islamic Militants They now Fear. *Newsweek*. 1993. February 15. P. 11.
- ³⁶ Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. *EPC Working Paper*. 2006, March, № 23. P. 17.
- ³⁷ Введенская Анна. Джихад Д'Артаньяна. *Независимая Газета*. 2006, 5 сентября.
- ³⁸ Малашенко Алексей. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. №7, 2002. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/workpapers/wp0702.pdf> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³⁹ Pfaff William. In Sarkolend. *The International Herald Tribune*. 2007, April 13. <http://www.nybooks.com/articles/20254> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁴⁰ Зайферт Арне К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в евроазиатском регионе. Центр стратегических и политических исследований, 2002. С. 25. http://www.core-hamburg.de/documents/37_WP4_russian.pdf (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансий стажера на период с **19 мая по 29 августа 2008 г.** и с **22 августа по 26 декабря 2008 г.**

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов.

Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах периодического издания ПИР-Центра *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к Интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

Для участия в конкурсе соискателю нужно прислать резюме на имя секретаря комиссии по рассмотрению заявок, исполнительного директора ПИР-Центра Антона Викторовича Хлопкова.

Заявки следует направлять **по факсу: +7 (495) 234–9558** или по электронной почте: zulkharneev@pircenter.org

*По всем вопросам, связанным со стажировками, следует обращаться к координатору образовательных проектов Альберту **Зульхарнееву** по тел.: +7 (495) 234–0525 или по электронной почте zulkharneev@pircenter.org*

В 2002–2007 гг. в ПИР-Центре прошли стажировку аспиранты и студенты Алтайского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Нижегородского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Уральского государственного университета и др.

СПОРЫ О РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ГРЯДУЩИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

В своем ежегодном послании к Федеральному Собранию в 2006 г. президент Российской Федерации В.В. Путин назвал демографию самой острой проблемой современной России¹. Он также призвал тогдашнего секретаря Совета безопасности И.С. Иванова сосредоточиться на трех главных угрозах, стоящих перед Россией: «Во-первых, это проблема технологической отсталости, угроза возможного технологического разрыва. Во-вторых, это опасность неблагоприятного развития ситуации в демографической сфере, и, в-третьих, – прямые угрозы национальной безопасности, особенно в сфере обороны»². Важность демографического вопроса и его приоритетное положение среди других федеральных проектов были подчеркнуты инициативой президента Путина по переименованию Совета по национальным проектам в Совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике³.

Другие представители политической элиты также отметили проблему демографического кризиса в свете национальной безопасности. К.Ш. Исхаков, полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе, заявил, что для успешной модернизации России «нужно остановить отток населения», учитывая, что за последние 15 лет население Дальнего Востока сократилось на 20% «за счет миграции и дисбаланса между рождаемостью и смертностью»⁴. Заместитель начальника Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации генерал-полковник В.В. Смирнов привлек внимание к неизбежным последствиям демографического кризиса для военного и оборонного сектора, учитывая, что призывной контингент в России ежегодно уменьшается более чем на 100 тыс. человек⁵.

Представители политических партий часто склонны, как, наверное, и присуще политикам, драматизировать демографический кризис, отзываясь о нем в апокалиптических тонах как о *чрезвычайном демографическом кризисе* и *демографической катастрофе*. Председатель Совета Федерации С.М. Миронов, являющийся также и председателем партии «Справедливая Россия» (в чью платформу входит вопрос разрешения демографического кризиса), отметил, что, если не будут приняты срочные меры, к 2080 г. в России может остаться лишь 52 млн человек. Лидер Коммунистической партии Российской Федерации Г.А. Зюганов высказал мнение, что «страна теряет свое население. За 15 лет она уже потеряла 10 млн человек, 9 млн из которых по национальности – русские. Сохранение народа является проблемой настолько неотложной, что ее нельзя обойти стороной»⁶. К тревожному хору голосов присоединился и Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, заявив: «Мы дожили до страшного времени, когда началось вымирание нашего народа»⁷.

В данной статье сначала анализируется связь между демографическим кризисом, связанными с ним изменениями в миграционных потоках и тем, как эти тенденции отражаются на стабильности российского государства. Далее мы определим возможное вли-

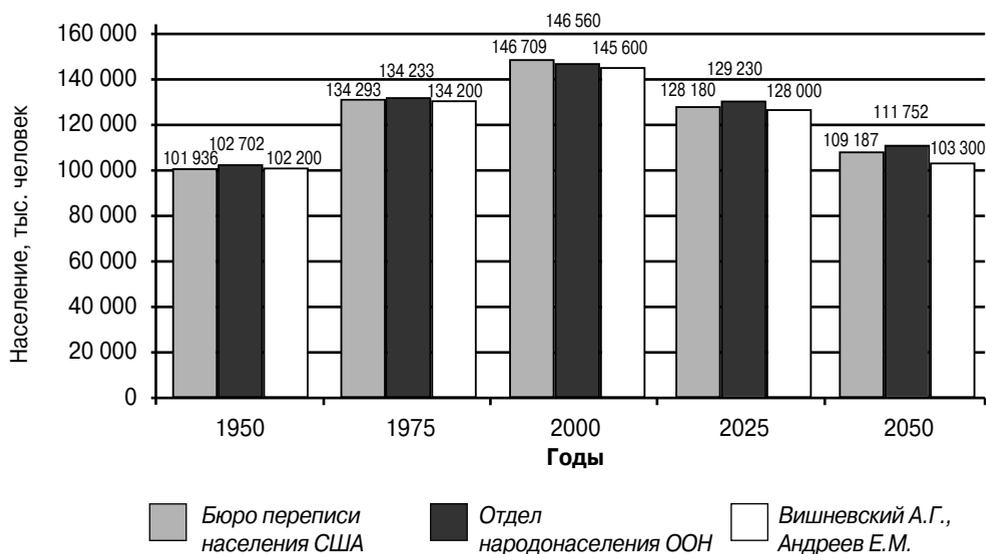

яние демографического кризиса на политические процессы и социально-экономическую ситуацию в России, а также то, чем такой кризис может быть чреват для безопасности государства. В заключение приводятся практические рекомендации для более эффективного предотвращения демографического спада, направленные в первую очередь на противодействие самым опасным потенциальным последствиям кризиса, которые затронут политическую, экономическую и общественную сферы государственной деятельности и неизбежно отразятся на безопасности страны.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

В одном из своих выступлений президент В.В. Путин отметил, что «глубокие исследования по демографической проблематике» в России пока еще не проводятся, несмотря на то, что «системная информация такого плана необходима»⁸. Всероссийская перепись населения 2002 г. подтвердила существование в стране тенденций, о которых говорили многие демографы. По данным Бюро переписи населения США, численность населения России будет уменьшаться ежегодно на 400 тыс. человек, а к 2025 г. страна недосчитается уже 10 млн своих жителей⁹. По расчетам Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), уже сегодня численность населения России уменьшается на 840 тыс. человек в год. К 2025 г. она снизится на 21 млн, а к 2050 г. уменьшится на четверть, или на 31 млн человек¹⁰. Между 1992 и 2002 гг. население России сократилось на 4 371 200 человек, и при этом естественная убыль населения составила 7 399 800 человек, что на 5% превышает данные переписи населения за 1989 г.¹¹. Население сокращается быстрыми темпами, предположительно на 700–750 тыс. человек в год. Например, между январем и июлем 2006 г. численность населения России уменьшилась более чем на 380 тыс. человек и достигла отметки в 142,4 млн¹². В прогнозе социально-экономического развития страны на 2006–2009 гг., представленном Министерством экономического развития России, утверждается, что к 2009 г. население России снизится до отметки в 140,4–140,7 млн¹³.

График 1. Прогноз роста населения с 1950 по 2050 гг.¹⁶

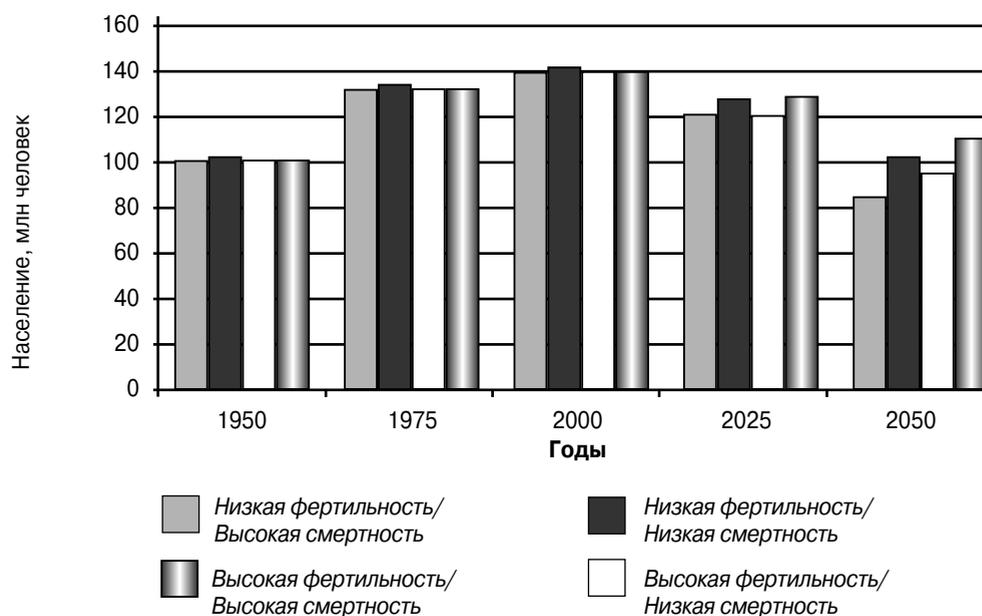
Прогнозируя динамику численности населения России между 1950 и 2050 гг. (см. График 1), интересно отметить, что хотя свои оценки ситуации дают и Бюро переписи населения США, и ПРООН, подобные данные за этот временной период не предоставляют

ся ни Федеральной службой государственной статистики (Росстат), ни, насколько нам известно, любым другим официальным российским источником. И все же российские специалисты провели несколько исследований в этом направлении (большинство из них затрагивает период до 2020 г.).

Исследователи Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.Г. Вишневский и Е.М. Андреев, например, произвели обзор ситуации и предоставили свой прогноз развития на период с 1950 по 2050 гг.¹⁴. В одном из своих расчетов они не принимают во внимание возможный рост миграционных потоков, позволяя, таким образом, четко отследить, как именно влияет миграция на демографические тенденции современной России. Окончательные расчеты А.Г. Вишневского и Е.М. Андреева оценивают потенциальную численность населения России к 2050 г. в 103,3 млн (беря за основу низкий коэффициент фертильности, снижающийся уровень смертности и полное отсутствие миграционных потоков), в то время как Бюро переписи населения США и ПРООН считают, что эта цифра должна быть примерно на 10 млн выше¹⁵.

Исследователи (см. *График 2*) уточняют, что только при условии роста коэффициента фертильности и снижения уровня смертности их собственный прогноз сможет приблизиться к оценке, предоставленной ООН и Бюро переписи населения США.

График 2. Прогноз роста населения при нулевом росте миграции¹⁷

По данным московского Центра демографии, в 2004 г. уровень смертности превысил уровень рождаемости на 793 тыс. человек. При этом уровень рождаемости составил в России в 2004 г. 132 живорожденных детей на 100 женщин детородного возраста (от 15 до 49 лет), что «само по себе недостаточно для простого воспроизводства населения»¹⁸. С 1986 по 1987 гг. коэффициент рождаемости составлял в среднем 2,19 ребенка на одну женщину, причем в 1999 г. он снизился до 1,17, а в 2006 г. несколько поднялся – до 1,34. И все же для обычного воспроизводства населения по-прежнему требуется как минимум 2,14 новорожденных на каждую женщину. В 2006 г. Е.Ф. Лахова, председатель комитета Госдумы по делам женщин, семьи и детей, сообщила, что почти половина рос-

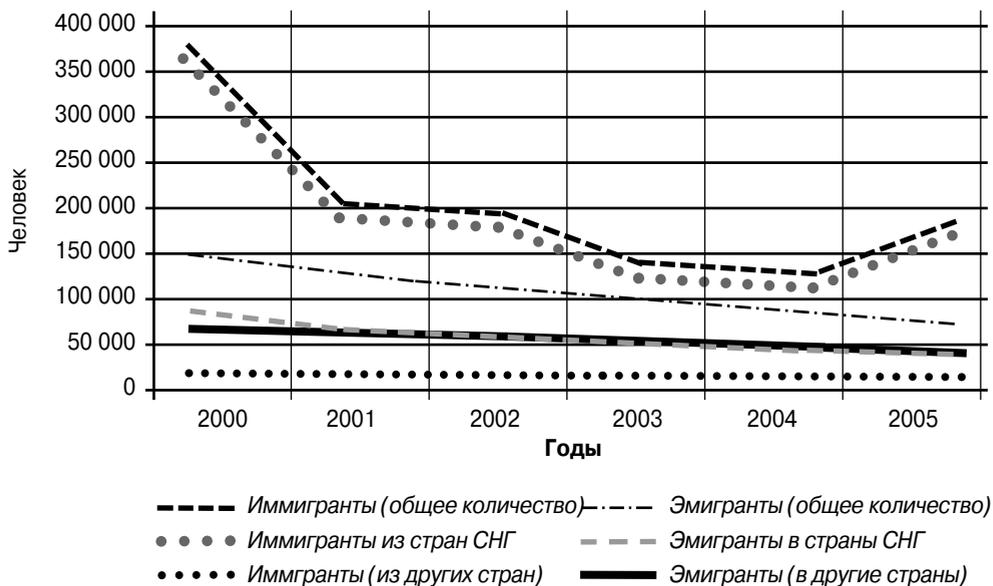

сийских семей бездетны: «На что похожи современные российские семьи? Главным образом, они бездетны. В России из 41 млн семей почти половина не имеет детей»¹⁹. В то время как уровень рождаемости в России вот уже в течение более 20 лет неуклонно падает, несколько факторов более долгосрочного характера, среди которых далеко не последнее место занимает плохое состояние здоровья населения, привели к росту уровня смертности. Между 1989 и 1994 гг. средняя продолжительность жизни российских мужчин упала более чем на шесть лет. Но самая поразительная деталь – это разница в продолжительности жизни между мужским и женским населением России: к 2006 г. женщины в России жили в среднем до 72 лет, тогда как мужчины – лишь до 59. Если эту тенденцию не изменить с помощью массовой иммиграции, к 2050 г. население России снизится еще на 50 млн и упадет ниже отметки в 100 млн человек²⁰.

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Возвращение в Россию русскоговорящего населения и *этнических русских*, проживающих в настоящее время за пределами Российской Федерации, не может компенсировать естественное сокращение населения, хотя специалисты и эксперты признают, что точных статистических данных по этому вопросу в их распоряжении нет²¹. Несмотря на их отсутствие, основные тенденции в этом направлении понятны. На *Графике 3* можно отметить четко выраженное снижение общего числа новоприбывших в Россию между 1994 г. – годом, на который пришелся пик иммиграции, – и 2004 г. с последующим ростом числа иммигрантов начиная с 2005 г. Этот недавний рост обусловлен почти полностью притоком мигрантов из стран бывшего Советского Союза. Что касается стран дальнего зарубежья, число прибывающих из них не только очень незначительно в количественном пересчете, но и продолжает падать.

*График 3. Уровень международной миграции в Российской Федерации с 2000 по 2005 гг.*²⁷

Специалисты обыкновенно называют внутреннюю миграцию в России *западным дрейфом*²². Эта метафора, характеризующая движение населения и его перераспределение, отражает собой очень важный феномен, а именно коренные изменения миграционных

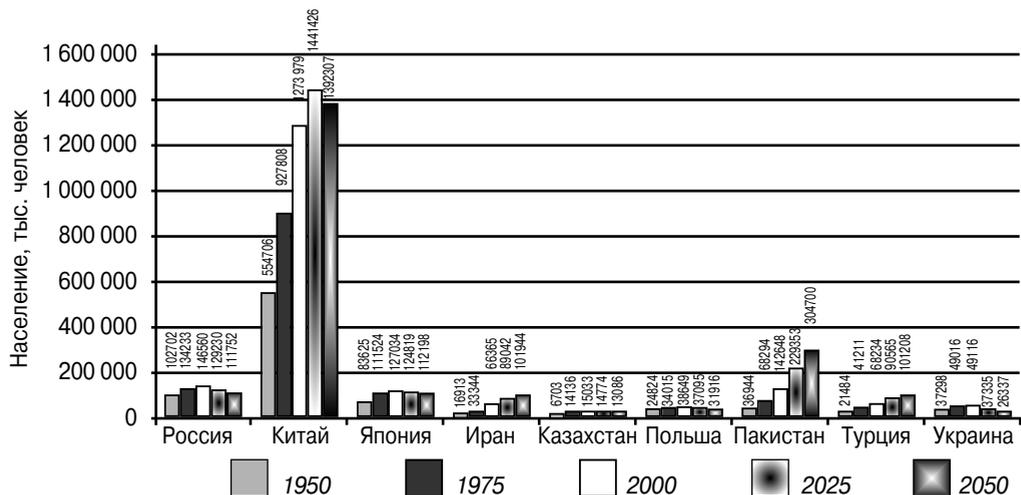

тенденций от движения населения с Запада на Восток в XX в. к его переселению с Востока на Запад в XXI в.²³. Один из крупнейших российских специалистов в области демографии Ж.А. Зайончковская отмечает: «Территориальные предпочтения населения поделили Россию на две контрастные зоны: юго-западную зону притока и северную и восточную зону оттока. Раздел лежит примерно по линии Санкт-Петербург – Москва – Казань»²⁴. Н.В. Мкртчян делится более подробным описанием внутренней миграции, полученным в ходе ее анализа на федеральном (в семи округах) и региональном уровнях. По его словам, с 1991 г. население России в основном перемещалось из Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в Центральный и Северо-западный округа Российской Федерации. В этом отношении президент Путин отметил: «[...] Доходы населения в постоянных ценах составляют 85% от среднероссийского уровня, а прожиточный минимум в [Сибирском федеральном. – Ред.] округе выше, чем в среднем по России [...]»²⁵. Российский Дальний Восток, территория которого занимает 41% от всей площади России, за 14 лет потерял около двух миллионов человек, и сегодня там проживает всего шесть процентов от общего населения России²⁶.

Научным кругам, занимающимся проблемами демографии, и политическим географам хорошо знакомы такие проблемы, как внутренние миграционные потоки из сельской местности в города, неравномерный уровень смертности и рождаемости у различных этнических и религиозных групп (не в самую последнюю очередь такие различия присутствуют между славянскими регионами и этнической родиной таких групп), стареющее население, меняющееся количественное соотношение полов и опустошение, вызванное ВИЧ/СПИД. Между 1989 и 2002 гг., например, только в 27 из 87 российских регионов (за исключением Чечни и Ингушетии) рождаемость превышала смертность. Большинство этих регионов находится на периферии российской территории, в частности, на Северном Кавказе и различных частях Сибири и Дальнего Востока²⁸. Учитывая, что Россия – страна чрезвычайно обширная и неоднородная, можно ожидать, что практически в любом политическом, социально-экономическом и военном вопросе будет присутствовать региональный аспект. Как отметил президент Путин, такие тенденции предполагают, что «дальнейшее сокращение населения Сибири и Дальнего Востока может привести на первом этапе к сужению государственного экономического пространства, на втором – к более активной этнической экспансии, а на третьем [этапе] – к значительной угрозе целостности государства»²⁹.

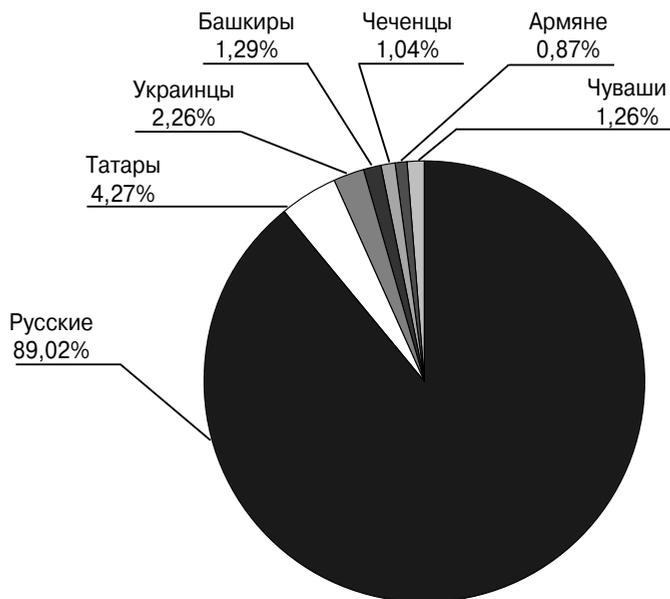
Также следует обратить внимание на прогнозы роста населения России в сравнении с другими странами, в первую очередь – с ее непосредственными соседями. На Гра-

График 4. Прогноз роста населения в ряде стран с 1950 по 2050 гг.³⁰

фиках 4 и 5 четко видна грядущая убыль населения в некоторых из этих стран, а именно в Украине, Японии, Китае и Польше, но именно в России этот спад идет самыми быстрыми темпами. Более того, большая часть соседей России – в частности, Иран, Пакистан, Турция – напротив, переживает резкий прирост населения, который в ближайшее время должен только усилиться. Особо выделяется Китай – хотя его население, по прогнозам, и должно сократиться к 2050 г., это снижение будет незначительным: с 1,44 млрд до 1,39 млрд человек.

График 5. Этнический состав населения по данным переписи населения 2002 г.³¹

СООБРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Демографический спад поднимает ряд вопросов, напрямую связанных с политической безопасностью и стабильностью федеральной системы России. Эти вопросы касаются не только возможных изменений в предпочтениях избирателей, политического влияния различных частей общества, а также жизнестойкости и устойчивого развития федеральной архитектуры, но также и усиления гендерного подхода в политике, и возможного приобретения исламом политического характера в России.

Вырисовываются вполне определенные черты *электоральной географии*. На явку избирателей на выборы и их настроения частичное влияние оказывает возрастной состав населения географических регионов. Например, в целом ряде регионов, протянувшихся от юго-западных до южных границ страны и практикующих скорее *левые* взгляды, большая часть населения – люди преклонного возраста (пенсионеры, явка которых на выборы обычно достаточно высока). На президентских выборах 2000 г. эти регионы голосовали за коммунистическую партию. Так же они поступили и в 2004 г., хотя и в несколько меньшем масштабе: «Путин получил больше 80% голосов в 16 регионах, каждый из которых считается этническим, в том числе в Чечне, Дагестане и Кабардино-Балкарии. В Ингушетии он вообще получил 98,18% голосов»³². Учитывая, что более 50%

всех зарегистрированных избирателей проживает в 20 самых густонаселенных регионах страны, резкие изменения политической географии, а также возможные политические последствия демографических перемен для России не так сильно отразятся на политической географии страны, как это может показаться на первый взгляд. С точки зрения центра, демографический спад действительно значительно повышает военно-политическую значимость отдаленных и малозаселенных приграничных регионов. Безусловно, роль и значение государственной границы возрастают пропорционально росту населения в мире и сокращению мировых запасов углеводородов, питьевой воды и сельскохозяйственных угодий.

На всем протяжении президентских сроков Б.Н. Ельцина и В.В. Путина Россия продвигала не этнический, а гражданский проект национального самосознания, стараясь создать прежде всего *россиян* (граждан России), а не *русских* (*этнических русских*). На самом деле, этнонациональную карту разыгрывали именно консерваторы (коммунисты, аграрии и члены Либерально-демократической партии России), а вовсе не получающие поддержку от бизнес-элит *правящие партии*. И все же не исключено, что демографический спад и постепенное укрепление позиций этнического русского населения в европейском ядре России, а также уменьшение доли этнических русских в республиках, где они не являются доминирующей национальной группой, особенно в тех, где основные национальные группы преимущественно практикуют ислам, могли бы оказать давление на рецентрализацию государственной власти, а также позволить *политике путинизма* еще более тесно ассоциироваться с российским этноцентризмом. Перепись населения 2002 г. продемонстрировала одну из ключевых тенденций в изменении этнического состава России: продолжающееся снижение числа этнических русских по отношению к гражданам других национальностей на целых три процента по сравнению с переписью населения, проведенной в 1989 г. *Графики 6 и 7* наглядно иллюстрируют абсолютное численное превосходство этнических русских над семью другими основными национальными группами в России. В то же время в процентном соотношении (по отношению к общей численности населения, а не только семи крупнейшим национальным группам) доля этнических русских резко сокращается, что будет более подробно отмечено ниже.

Следует также отметить, что с 1959 г. доля этнического русского населения в составе населения Федерации неуклонно уменьшается (см. *График 7*), в то время как коэффи-

А
Н
А
Л
И
З

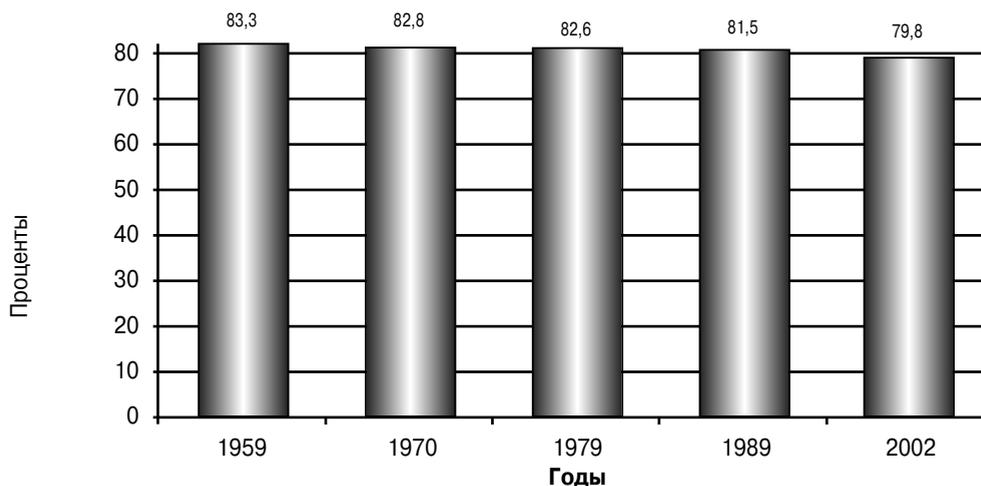
График 6. Рост численности населения семи крупнейших национальных групп по данным переписей населения за 1989 и 2002 гг.³³

циент фертильности шести крупнейших национальных групп в России (за исключением самих русских) значительно превышает эту цифру у русского населения.

Убыль славянского населения становится еще более заметной, если принять во внимание статистические данные, иллюстрирующие снижение численности еще двух крупных славянских народностей, проживающих на территории Российской Федерации: украинцев (их численность сократилась с 4 362,9 тыс. человек в 1989 г. до 2 943,5 тыс. человек в 2002 г.) и белорусов (с 1 206,2 тыс. человек в 1989 г. до 814,7 тыс. человек в 2002 г.)³⁵.

График 7. Процентное соотношение этнических русских по данным переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. ³⁴

Перепись населения 2002 г. показывает, что доля этнически русского населения в общей численности населения России сократилась с 81,3 до 79,8%, что является самым низким показателем за все время проведения переписей населения, начиная с 1926 г.³⁶. Начало второй чеченской войны, осознанная угроза *исламского терроризма* и уменьшение *суверенности* российских национальных республик создали условия, в которых рецентрализация государственной власти имеет под собой гораздо большую юридическую основу. Более того, принятие ряда конкретных директив, в частности, создание федеральных округов, слияние государства и православной церкви, а также воззвание президента Путина к принятию *национальной идеи*, основанной на *традиционных ценностях* россиян, таких как патриотизм, *государственничество* и соборность, прочно укрепили связь между *путинизмом* и этноцентризмом³⁷.

Здесь интересно привести мнение бывшего экономического советника В.В. Путина А.Н. Илларионова, который заявил, что последние инициативы президента, направленные на повышение рождаемости через экономические и финансовые меры, в случае их реализации лишь «завершат процесс распада Российской империи, потому что основную часть экономической помощи в рамках новой демографической стратегии получают жители национальных регионов, где уровень рождаемости и так высок». Если верить пессимистическому прогнозу Илларионова, «численность населения в этих регионах в результате вырастет настолько, что стимулирует процесс еще большего обособления от центра и в конечном счете выхода из состава страны»³⁸.

И хотя такие пессимистические прогнозы в какой-то степени преувеличены, пока не заметно, чтобы медленное, но верное снижение численности этнического русского населения в пользу народов других национальностей сменялось на противоположную тенденцию. Уменьшение численности этнических русских на фоне всеобщего демографического кризиса в России особенно тесно связано с проблемами миграционной политики. Большинство экспертов сходятся во мнении, что Россия не сумеет побороть демографический кризис без внедрения широкомасштабной иммиграционной политики³⁹. Данные некоторых источников указывают на то, что если уровень миграции останется на сегодняшнем уровне, к 2050 г. мигранты и их потомки будут представлять более половины всего населения Российской Федерации⁴⁰. Россия, таким образом, в самом ближайшем будущем столкнется с рядом серьезных вопросов. Какова будет российская национальная картина через несколько десятилетий? Останется ли Россия страной русских или хотя бы для русских, к чему призывают националистические движения? Как эти изменения отразятся на национальном самосознании россиян, на сущности Российского государства, на межнациональных отношениях в его пределах, а также на предвыборных кампаниях и результатах выборов? Сможет ли Россия успешно ассимилировать с культурной и политической точки зрения национальные меньшинства, проживающих на ее территории, а также новых мигрантов? Сможет ли она эффективно оказать противодействие взлету националистических и в некоторых случаях даже экстремистских движений, чтобы обеспечить устойчивую миграционную политику, жизненно необходимую для поддержания демографического баланса в стране?

Миграция населения из национальных республик на окраинах Российской Федерации в европейскую часть России, а также большие различия в уровнях смертности и рождаемости между мусульманским и немусульманским населением России могут создать, пусть и непреднамеренно, атмосферу угрозы среди преобладающих национальных групп. Как отмечает председатель Совета муфтиев России Р.И. Гайнутдин, «у мусульман обычно очень большие семьи, в них много детей, и они не бросают ни своих детей, ни родителей. Так что да, безусловно, мусульманское население России будет продолжать расти. Но не в ущерб русским»⁴¹. Следует отметить, что в перспективе возможен такой вариант развития событий, при котором государственная поддержка православия и политическая однородность, идущие сверху, совместно с растущим и идущим снизу натпором народов России, исповедующих ислам, могут усугубить политическую асимметрию между численностью мусульманского меньшинства в России и его представительством в национальной элите⁴².

СООБРАЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На экономическую безопасность оказывают влияние все возрастающие трудности в наращивании экономического потенциала, нехватка трудовых резервов, экономические издержки от распространения ВИЧ/СПИД и вытекающие из этого последствия для общественной безопасности. Российская концепция экономической безопасности была принята в 1996 г., но после переписи населения, проведенной в 2002 г., она попросту устарела, не сумев учесть влияние демографических изменений на экономику России. Хотя до сих пор полностью не ясно, как неравномерное распределение населения и общее сокращение его численности влияет на экономическую безопасность, президент Путин отметил, что ключевые факторы, оказывающие влияние на российскую экономику, а именно демографическая ситуация, незаконная миграция, таможенные и пограничные вопросы и угрозы энергетическим и транспортным системам, подверглись стремительным преобразованиям в наступившем новом столетии⁴³.

Специалисты уже привлекали внимание общественности к наблюдаемому влиянию демографического спада на расширение трудового потенциала среди рабочей силы (одним из примеров может служить повышение уже существующих навыков в целях увеличения производительности труда) при сокращении сбережений и уровня капиталовложений, что ускоряет снижение темпов экономического роста⁴⁴. Необходимость сохранения высокотехнологического потенциала российской рабочей силы была признана пра-

вительством президента Путина. Это нашло отражение в решении о создании технопарков, которые бы одновременно удерживали перспективных россиян в стране и привлекали на работу тех, кто уже эмигрировал⁴⁵. Главной целью программы является оказание поддержки в развитии предприятий в сфере высоких технологий. Затрагивая эту тему, бывший российский премьер-министр М.Е. Фрадков подчеркнул, что «само создание таких технопарков свидетельствует о том, что российская экономика пошла по инновационному пути развития»⁴⁶. В качестве стимула для компаний, которые переносят свою деятельность в такие технопарки, правительство предоставляет налоговые льготы и помощь в финансировании⁴⁷. В период с 2007 по 2010 гг. планируется открыть семь новых технопарков в Московской, Новосибирской, Нижегородской, Тюменской и Калужской областях, а также в Татарстане и Санкт-Петербурге, но прогнозировать, окажется ли эта инициатива успешной, пока еще слишком рано.

Несмотря на то что дальнейшая убыль населения прогнозируема и ее в некоторой мере можно учесть при долгосрочном экономическом планировании, оценить последствия сокращения сбережений и уровня капиталовложений и снижения темпов экономического роста для экономической безопасности России чрезвычайно сложно. В первую очередь потому, что природа естественной убыли населения – кто умирает и когда – непредсказуема и нелинейна и, следовательно, ведет к переменным экономическим издержкам.

Перед Россией стоит проблема бедности, широко распространенной среди старшего поколения. И пусть средняя продолжительность жизни российских мужчин, составляющая 58,8 года, избавила государство от выплаты солидной части своих пенсионных обязательств, система социального обеспечения все равно не в состоянии предоставить требуемую поддержку пенсионерам из-за хронической нехватки ресурсов. В целях решения кризиса пенсионной системы бывший премьер-министр М.М. Касьянов объявил в 2003 г. о запуске проекта пенсионной реформы, рассчитанной на 50 лет, которая примет во внимание как текущую, так и прогнозируемую демографическую и экономическую ситуацию в стране. Предложение рабочей силы, скорее всего, будет превышать спрос на нее и в будущем, а относительный показатель числа иждивенцев (другими словами – соотношение людей нетрудоспособного возраста, или *иждивенцев*, к трудоспособным работникам) даже уменьшится: приблизительно с 42 до 36% от общего населения страны. Это предоставит российскому правительству небольшое *окно возможностей* для реформирования пенсионной системы, учитывая, что молодое поколение, появившееся на свет во время резкого взлета рождаемости в 1980-х гг., полноценно вступит на рынок труда лишь через несколько лет, пополняя численность трудовых ресурсов страны на 1 млн человек. Цитируя прогнозы Федеральной службы государственной статистики, министр образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко заявил, что численность россиян в возрасте от 15 до 25 лет к 2015 г. сократится больше чем на треть и составит всего 18 млн человек. К 2016 г. «относительный показатель числа иждивенцев в пересчете на 1000 человек трудоспособного возраста увеличится на 20% по сравнению с 2005 г. и достигнет 709 человек»⁴⁸. В более долгосрочной перспективе соотношение иждивенцев к работоспособному населению, наоборот, сократится, но в период с 2007 по 2010 гг. государству потребуется выделять больше средств на нужды старшего поколения и сократить расходы на армию.

Кроме грядущего сокращения численности трудовых ресурсов, перед Россией стоит и другая проблема: сложная ситуация в плане экономической безопасности в некоторых частях Федерации. Председатель Совета Федерации С.М. Миронов подчеркивает критическое значение Азиатско-Тихоокеанского региона для экономического роста и модернизации России, объясняя это тем, что на счету этого региона стоит 55% мирового ВВП и 60% мирового рыночного оборота. Если экономика российского Дальнего Востока будет расти средними темпами, то по подсчетам это увеличит подвижность населения и позволит уехать в европейскую часть России потенциальным мигрантам, которые пока не сделали этого. Именно экономическая стагнация держит эмиграцию на ее сегодняшнем уровне, и только мощный рост экономической деятельности сможет вернуть стимул, субсидии и льготы работникам в этих периферийных регионах, что

в свою очередь приведет к увеличению миграции.

СООБРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На всем протяжении 1990-х гг. приток мигрантов играл ключевую роль в уравновешивании демографического спада в России. В период между двумя переписями населения – 1989-го и 2002-го гг. – Россия официально приняла 5,5 млн мигрантов⁴⁹. Тем не менее стабилизация экономической и политической ситуации во многих странах СНГ и Балтии привела к заметному снижению числа желающих уехать. По оценке Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики, для того чтобы сохранить численность населения России на отметке в 140 млн, необходимо ежегодно допускать в страну между 700 тыс. и 1 млн иммигрантов, тогда как в 2001 г. в Россию переехало всего лишь 380 тыс. человек⁵⁰. К 2003 г. «число мигрантов из Содружества независимых государств составляло лишь восьмую часть того количества, что проживало на территории России в 1992 г.». Численность населения национальных диаспор упала с 25,2 млн в 1989 г. до 18,2 млн, о чем свидетельствуют данные первых постсоветских переписей населения. Отчасти эти цифры отражают действительную убыль населения, а отчасти – отмечают снижение числа тех, кто считал себя *русскими*⁵¹.

В результате такой тенденции даже к концу 1990-х гг. миграционная политика, направленная на поддержание численности населения, несколько изменила свою направленность: от репатриации русской диаспоры из стран СНГ к принятию экономических мигрантов и беженцев из стран как ближнего, так и так называемого *дальнего зарубежья*. И все же из-за того, что *иностранная иммиграция* – феномен для России достаточно новый, простому населению и государственным властям сложно привыкнуть к нему.

В то время как большинство специалистов, изучающих проблему российского демографического кризиса, настаивают на необходимости увеличения иммиграционных квот для того, чтобы выйти из *демографической борьбы* победителями, *пьяная драка* на национальной почве в крошечном городке Кондопога, недалеко от Петрозаводска, столицы Карелии (Северно-Западный федеральный округ), привела к серьезному межнациональному конфликту, в который оказались вовлеченными и экстремистские организации. В конце августа 2006 г. потасовка между подвыпившими жителями города – барменом, азербайджанцем по национальности, и несколькими этническими русскими – разразилась массовыми столкновениями, в которых участвовали и вооруженные чеченцы, вступившиеся за этнических азербайджанцев. В результате столкновения погибло двое, несколько человек были тяжело ранены. Чтобы предотвратить новые погромы, из Кондопоги эвакуировали семьи этнических чеченцев.

Мэр города Петрозаводска В.Н. Масляков заявил, что члены экстремистских молодежных движений и организаций приехали из Москвы и Санкт-Петербурга, встретились в Петрозаводске и приняли участие в конфликте в Кондопоге, где выступили против мигрантов с Кавказа *в защиту этнических русских*. Масляков предупредил, что «некоторые пытаются представить Петрозаводск как картину всей Руси в целом»⁵². Как показало это происшествие, власти недооценили реальные и потенциальные сложности, которые представляет собой осуществление полноценной миграционной политики в современной России⁵³. Именно то, что в Кондопоге прошли массовые беспорядки в совокупности со взлетом экстремистских организаций, и даже не количество жертв, которые повлек за собой конфликт, является гораздо большим поводом для опасения для городов по всей стране, испытывающих сходные межэтнические трения, но имеющих гораздо большее население. Российский гротескист и председатель Объединенного гражданского фронта (ОГФ) Г.К. Каспаров заявил, что события в Кондопоге отразили «целый комплекс российских проблем»⁵⁴. А.Г. Дугин, философ и лидер политической партии «Евразия», в свою очередь написал: «События, вырвавшиеся на поверхность в этом малом микрокосме российского общества, отражают сегодняшнюю ситуацию в стране на этническом, профессиональном и психологическом уровнях. Возможно, Кондопога станет для всех нас новым путем в бездну, потому что путь межнациональной

А
Н
А
Л
И
З

розни не приведет ни к чему иному, как к развалу России, к развязке, в которой Россия потеряет свои ведущие позиции в мировой геополитике»⁵⁵. Опасения по поводу продолжающихся волнений между этническими русскими и *новоприбывшими* с Кавказа принудили российские власти ввести в город региональные силы ОМОНа, чтобы предотвратить массовые погромы⁵⁶.

Этот вопрос особенно актуален в контексте Дальнего Востока, где общая численность населения упала с приблизительно 8 млн человек в 1990 г. до 6,7 млн в 2002 г., тогда как в трех провинциях на севере Китая, граничащих с Россией (Хэйлунцзян, Гири и Внутренняя Монголия) общая численность населения превышает 100 млн чел. Все увеличивающийся разрыв в плотности населения между Россией и Китаем заметно повысил важность этого вопроса на международной повестке дня.

К 2050 г. доля иммигрантов в общей численности трудовых резервов страны достигнет по крайней мере 20%, а некоторые социологи предсказывают, что к тому времени в Российской Федерации будет проживать до 7–10 млн китайцев. Одним из таких специалистов является Ж.А. Зайончковская, руководитель лаборатории миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, которая высказала предположение, что к 2050 г. китайское население станет второй крупнейшей по численности этнической группой в России после самих этнических русских. Китайцы станут неотъемлемой частью российской рабочей силы, способной возродить такие государственные секторы, как сфера услуг, строительство, муниципальный транспорт и сельское хозяйство.

Растущее число документально зарегистрированных расистских нападений на лиц кавказской национальности и выходцев из Средней Азии, а также растущее значение, которое придают незаконной миграции официальные власти, служат убедительным доказательством растущего напряжения вокруг миграционных вопросов⁵⁷. Эксперты отмечают появление новых форм так называемой *мигрантофобии*, которая, как ни парадоксально это звучит, похоже, наиболее сильно проявляется у тех членов общества, чьи контакты с мигрантами минимальны. Все увеличивающееся напряжение в обществе и появление культурных стереотипов с подачи местных и региональных властей, стремящихся получить наибольшую политическую выгоду от шовинистических настроений народа, тоже в определенной мере виноваты в непоследовательном политическом курсе государства, который все больше склоняется к дискриминационному отношению к иммиграции.

Следует отметить, что такие оценки выглядят несколько преувеличенными. По самым правдоподобным подсчетам, в России находится не более чем 280–300 тыс. китайских мигрантов, и около 90% из них скорее всего являются временными мигрантами, пересекающими границу России на строго определенный срок⁵⁸. Помимо всего прочего, в данные о *китайской миграции* можно включить и северокорейских и вьетнамских рабочих. Идея о неоимпериальном проекте колонизации, созданном под контролем Пекина и управляемом официальными властями, – не более чем миф, маскирующий плохо организованные, созданные на локальном уровне и мелкомасштабные временные перемещения китайской рабочей силы на территорию Российской Федерации. По мнению части российских экспертов, «в России постоянно проживает, возможно, 250 тыс. китайцев, но уж точно не более 300 тыс. Так что в общем и целом эта проблема не так остра, как ее рисуют. Ситуация действительно далека от того, какой ее представляют. Но если говорить объективно, демографическая угроза китайской экспансии, конечно, существует. По-другому просто быть не может, если принимать во внимание то, что в трех северных провинциях Китая проживает 270 млн китайцев, а в Сибири и на Дальнем Востоке – всего 5 или 6 млн россиян. На данный момент у Пекина не существует четко распланированной систематической миграционной политики. Именно поэтому существует реальная необходимость в налаживании стратегических отношений между Пекином и Москвой»⁵⁹.

СООБРАЖЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На протяжении 1990-х гг. и в начале нового XXI в. российские вооруженные силы испытали значительное сокращение ресурсов и численности личного состава. Заметно снизился и их престиж. Заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковник В.В. Смирнов отмечает, что в России численность мужчин, пригодных к службе, ежегодно сокращается более чем на 100 тыс. человек: «Из-за сложной демографической ситуации призыв в будущем станет еще более ограниченным, чем сегодня. В 2005 г. у нас было зарегистрировано 1 200 000 человек, в этом – 1 100 000, а на следующий год прогнозы и того ниже». *Количество* призывников, несомненно, представляет собой серьезную проблему, но не меньшее беспокойство внушает и их *качество*: «В этом году у половины призывников выявились различные проблемы со здоровьем, делающие их службу в вооруженных силах невозможной»⁶⁰. Дважды в год, после очередного призыва, организационно-мобилизационное управление Генштаба Министерства обороны *традиционно* жалуется на качество и количество призывников⁶¹. Такие жалобы не только служат способом давления на Министерство финансов в целях получения более значительных средств на оборону, но и действительно отражают, причем все чаще и чаще, последовательно ухудшающуюся действительность.

Таким образом, демографические условия в большой степени повлияют на сущность, темпы и направление военных реформ в вооруженных силах Российской Федерации. Из-за демографических изменений российские вооруженные силы будут вынуждены радикально сократить свою численность. Это заставляет предположить, что со временем Россия откажется от всеобщей воинской повинности и ей не останется ничего другого, как перейти к созданию профессиональной армии и службы на контрактной основе, а также к увеличению своего технологического потенциала в целях замены количества личного состава его качеством. Это, безусловно, потребует более значительных финансовых вложений. Учитывая прогнозируемый после 2006–2010 гг. рост коэффициента зависимости между работоспособным и стареющим населением России, очевидно, что в финансовом и ресурсном плане это отразится на уровне ВВП и допустимых военных расходах России. Одним словом, чем больше ресурсов будет выделяться на нужды российских пенсионеров, тем их меньше останется для проведения преобразований в военном секторе.

Непреднамеренным результатом сокращения российских вооруженных сил является усиление тенденций внутренней миграции. Во многих регионах присутствие крупных воинских подразделений как магнитом притягивает другие структуры и сферы производства. Сокращение вооруженных сил, начавшееся еще 10 лет назад, было особенно значительным в Дальневосточном военном округе и способствовало существенному снижению численности населения и возможности трудоустройства в военном секторе. Между 1989 и 1997 гг. численность сухопутных войск снизилась с 24 до 10 бронетанковых и моторизованных дивизий, со 120 до 43 подводных лодок и с 77 до 45 надводных кораблей⁶².

Высказывались предположения, что сокращение вооруженных сил может в свою очередь привести к снижению численности населения в периферийных областях России до уровня, несовместимого с возможностью ее естественного поддержания. Увеличивается вероятность того, что с сокращением вооруженных сил все большая часть населения из приграничных районов пожелает перебраться в европейскую часть России. Это, в свою очередь, увеличивает необходимость в более многочисленном военном контингенте для защиты приграничных зон и других малонаселенных регионов и в то же время делает эту задачу во много раз сложнее. Один из специалистов, знакомых со значительной разницей в численности населения на российско-китайской границе (1:15–20), даже предположил следующее: «Низкая плотность населения на российском Дальнем Востоке может в ближайшие 10–20 лет привести к завалированным попыткам Китая воспользоваться этой ситуацией или даже к военному конфликту малой интенсивности. Тем не менее наличие российского ядерного арсенала, скорее всего, не позволит Китаю серьезно рассматривать возможность начала военной кампании в целях завоевания крупных регионов российской территории, основываясь на демографических показателях»⁶³.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА ДЛЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Население России стремительно падает, что уже успело привести к последовательной неустойчивости в политической, экономической и социальной сферах – проблеме, на которую государство все более интенсивно начинает искать ответ. Существующие на сегодняшний день в России формы миграции населения увеличили опасность сепаратизма национальных меньшинств, так как большинство европеизированного этнически русского населения все больше отдаляется от периферийных евразийских меньшинств, и этот *сепаратизм* выражается, прежде всего, в национальной принадлежности, возрастном статусе и достатке населения⁶⁴. Во внутренней миграции, как и в уменьшении численности населения, присутствуют атрибуты внешней политики и политики безопасности, и не последнее место среди них занимает двустороннее урегулирование соперничества между Россией, Украиной и Казахстаном за желанное, но все сокращающееся население диаспор. В этом контексте следует также отметить особое значение спада населения и вопросов гражданства в управлении непокорными сепаратистскими группами на границах России. Эти вопросы также переводят внимание на продолжающуюся устойчивость отношений России с Европейским Союзом и Китаем перед лицом *утечки мозгов*, на растущую закрытость шенгенских границ, а также на ощутимую угрозу колонизации российского Дальнего Востока населением Китая.

Демографический кризис и представляемая им угроза национальной безопасности заставили власти принять ряд инициатив, направленных на управление текущим демографическим спадом и на контроль над перераспределением населения по территории России. Эти меры включают в себя разработку миграционной политики, демографической концепции и политики, а также переформулировку политики гражданства. В ноябре 2003 г. было принято решение о внедрении более либерального закона о гражданстве, согласно которому все бывшие граждане СССР могут запросить российское гражданство. Это решение позволяет понять сущность сегодняшних приоритетов президента России, хотя нельзя исключить возможность того, что закон будет в будущем изменен в сторону ограничения права на гражданство (учитывая накал споров, очевидных уже на стадии разработки законопроекта).

Вследствие того что демографический кризис представляет собой многостороннюю и глубокую угрозу государственной безопасности, от первого срока президентских полномочий В.В. Путина вполне можно было бы ожидать более активного вмешательства правительства в борьбу с убылью населения, как путем поддержки естественного роста населения (направленной на увеличение уровня фертильности и снижение уровня смертности), так и через стимулирование миграции. В мае 2006 г. Путин выступил с предложением о десятилетней программе, призванной остановить резкое сокращение численности населения России, главным образом путем предоставления финансовых стимулов и субсидий, которые бы поощряли женщин иметь больше детей, а также с помощью внедрения мер по снижению уровня смертности и разработке эффективной миграционной политики. Законопроект, принятый в 2005–2006 гг., действительно указывает на последовательную стратегию *управляемой миграции*, которая стимулирует законную миграцию, делая Россию более привлекательной страной для мигрантов и четко обозначая простые и понятные процедуры въезда, регистрации и устройства на работу⁶⁵.

В этом смысле утверждение президентом Путиным в октябре 2007 г. широкомасштабной Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2025 г. является своего рода *дорожной картой* для правительства по преодолению ситуации. Концепция в частности предусматривает стабилизацию численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн человек, а впоследствии она должна создать условия для увеличения до 145 млн к 2025 г.

Тем не менее президенту Путину приходится поддерживать непростое равновесие в условиях, когда многочисленные препятствия и помехи ясно говорят о том, что достичь экономического роста за счет нарушения политической стабильности или социального самосознания невозможно, так как это непременно приведет к росту между-

циональной и религиозной розни на территории России. В настоящее время государству не хватает политической воли, чтобы выделить достаточные экономические ресурсы на противодействие снижению численности населения, в то время как региональная политическая элита и всемогущие бюрократические интересы, похоже, перехватывают вопросы миграционной и демографической политики для того, чтобы углубить собственную базу власти и основные интересы.

СОКРАЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ПОЛИТИКА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА

8 июля 2000 г. В.В. Путин в своем первом ежегодном обращении отметил, что демографический спад стал одной из важнейших проблем, стоящих перед современной Россией: если ситуация не изменится, «само выживание нации окажется под угрозой»⁶⁶. Шесть лет спустя, в мае 2006 г., во время своего ежегодного обращения он все еще продолжал отзываться о демографическом кризисе как о «самой острой проблеме современной России»⁶⁷. Какой же вывод можно сделать об эффективности ответных политических мер президента Путина в России? Изменилось ли положение в стране за это время?

В начале декабря 2006 г. М.Ю. Зурабов, тогда министр здравоохранения и социального развития России, доложил президенту Путину о том, что на конец 2006 г. демографическая ситуация в России была наилучшей за последнее время, начиная с 1999 г.⁶⁸. Он отметил целый ряд положительных изменений, а именно увеличение уровня рождаемости на один процент, снижение смертности на пять процентов, а также положительный рост уровня миграции. Тем не менее следует быть очень осторожными при оценке значения таких достижений ввиду их очень ограниченного масштаба, учитывая, что многие из них имели место зачастую только ближе к концу года. В.В. Путин интересовался у самого М.Ю. Зурабова, были ли эти улучшения долгосрочной тенденцией. М.Ю. Зурабов ответил достаточно уклончиво, заявив: «Да, мы склонны так считать»⁶⁹.

Получить очень точное представление о нынешнем состоянии дел достаточно сложно. С одной стороны, начиная с 2004 г., наблюдается незначительный рост уровня иммиграции, который с 1994 г., наоборот, падал. Кроме того, отмечается небольшой рост рождаемости и снижение смертности. И все же, несмотря на это, некоторые специалисты подчеркивают достаточно временный характер таких улучшений. Исследователь Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Е.М. Щербакова привлекла внимание к тому факту, что 65–70% всех случаев смерти, отображенных в статистической справке, приведенной Зурабовым, обычно приходится на лиц в возрасте 60 лет и старше. Если учесть, что довоенное поколение было намного многочисленнее поколения послевоенного, снижение общего числа умерших вовсе не обязательно указывает на структурные изменения в самом уровне смертности, который на данный момент остается достаточно высоким⁷⁰. Такую же закономерность, правда, с некоторыми оговорками, можно применить и по отношению к растущей рождаемости, если учесть, что поколение *демографического мини-взрыва* 1980-х гг. как раз достигло детородного возраста. Эта тенденция – так называемый *эффект Горбачева* – будет краткосрочной и повернется на 180 градусов, когда поколение демографического спада 1990-х гг. достигнет детородного возраста⁷¹.

Таким образом, оценивая *демографическое положение государства* в период с 2000 по 2006 гг., можно отметить, что в целом население сократилось, несмотря на небольшое увеличение уровня рождаемости (которому до 2003 г. сопутствовал рост смертности) и приток мигрантов. И хотя демографический проект стал крупнейшим из федеральных социальных проектов, а также проектом, в распоряжение которого были выделены самые большие финансовые ресурсы, специалисты и международные организации, похоже, солидарны во мнении, что население России продолжит сокращаться⁷².

На национальном уровне, особенно в преддверии президентских выборов в марте 2008 г., демографическая угроза может стать неотъемлемой частью предвыборных

кампаний, продвигаемых кругами элиты. В отличие от программы «кредиты в обмен на пакеты акций» [*loans for shares*] 1996 г., которая представляла собой буквально *фаустовский пакт*, или же начала второй чеченской кампании в 1999 г. в преддверии выборов 2000 г., март 2008 г. вполне может ознаменоваться созданием новой *супернациональной* российской идеи – объединяющей стратегической идеей наравне с идеологией *Третьего Рима* в период XV–XVI вв.

Такое рассуждение основывается на утверждении, что России угрожает целый сонм заклятых государственных, структурных и системных врагов, как внутренних, так и внешних. Среди потенциальных претендентов на эту роль – демографический кризис, Чечня и угроза распространения исламского фундаментализма на Кавказе, рост организованной преступности, окружение границ России странами, входящими в НАТО, американские военные базы, широко прорекламированные и получившие поддержку ЕС/ОБСЕ *цветные революции* (помощь которым оказывали ЦРУ и Джордж Сорос), а также все ухудшающееся бедственное положение *соотечественников*, проживающих на постсоветском пространстве. В совокупности они представляют собой целый спектр многочисленных угроз, идентифицировать которые вполне смогли бы партии оппозиции и потенциальные кандидаты в президенты, но отразить которые могут только уже стоящие у власти на сегодняшний момент. *Суверенная демократия* – термин, который заместитель руководителя администрации президента России В.Ю. Сурков испытывал ранее в 2005 г. и который он вновь повторяет сегодня, – станет лозунгом такой политики, ее *raison d'être* и залитыми солнцем горами, к которым только преемник В.В. Путина сможет привести российский народ. Под угрозой находится само существование Российского государства: его выживание может быть обеспечено исключительно преемственностью элитных кругов.

Если создание психологической среды, характерными чертами которой являются страх и ксенофобия (бессменные черты российской политической культуры), в целях потакания существующей власти – это и есть избранная кремлевскими политтехнологами предвыборная стратегия, то будет очень интересно посмотреть, как именно эти различные угрозы используются самым непосредственным способом в закреплении национальной политической власти, а также изучить роль, выделяемую демографическому спаду в этой полемике. Уже сегодня геополитическое мышление России включает в себя защиту прав своих сограждан на территории Грузии – в Абхазии и Южной Осетии, а также в Приднестровском регионе в современной Молдавии. При этом выселение грузинских мигрантов с территории России является побочным продуктом российско-грузинского кризиса, произошедшего в конце 2006 г. Долгосрочные стратегии в вопросах миграции и населения, над которыми работает Россия, могут быть с легкостью подорваны стремлением к быстрым результатам, поисками геополитической выгоды и необходимостью обеспечить преемственность укрепления позиций государства и элиты между сроками полномочий В.В. Путина и его будущего преемника. То, что человеческая и национальная безопасность, демографический спад и евразийские геополитические реалии все более тесно переплетаются между собой, делает эффективную разработку политического курса чрезвычайно сложной задачей. Россия должна с достоинством принять этот вызов, если она хочет реализовать свои амбиции. 🐾

Примечания

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Российская Газета*. 2006, 11 мая. С. 1–3.

² Putin Tells his Security Council to Focus on Three Key Threats to Russia. *ITAR-TASS*. 2006, 29 May.

³ Transcript of the Security Council Meeting Devoted to Measures to Implement the Annual Address to the Federal Assembly. President of Russia. Official Web Portal. 2006, 20 June. http://www.kremlin.ru/eng/text/speeches/2006/06/20/2149_type82913type82917_107479.shtml (последнее посещение – 19 ноября 2006 г.).

⁴ За последние 15 лет каждый пятый житель Дальнего Востока покинул округ. *Regions.ru*. 2006, 18 October, <http://www.regions.ru/news/2018489> (последнее посещение – 10 января 2007 г.).

- ⁵ В России ежегодно на 100 тысяч человек уменьшается призывной контингент. *Interfax-ABH Military News Agency*. 2006, 2 October.
- ⁶ Kupchinsky Roman. Russia: Tackling the Demographic Crisis. RFE/RL, PRAGUE. 2006, 19 May. <http://www.rferl.org/featuresarticle/2006/5/69F48503-828D-452D-88DB-A5EE3E437D33.html> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ⁷ Рожаяева Екатерина. Патриарх Алексий II: Началось вымирание нашего народа. *Московские Новости*. 2006, 29 сентября. <http://www.mn.ru/issue.php?2006-37-24> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ⁸ Putin Says Russian Demography is Crisis, Long-Term Policy Required. *ITAR-TASS*. 2006, 20 June.
- ⁹ Предварительные оценки и прогнозы, взятые из международной базы данных Бюро переписи населения США.
- ¹⁰ Heleniak Timothy. The 2002 Census in Russia: Preliminary Results. *Eurasian Geography and Economics*. 2003. Vol. 44. No. 6. P. 430 – 442; Russia's Population to Decline by a Quarter by 2050, Says the UN. Broadcast on NTV Mir, Moscow. 2005, 12 October.
- ¹¹ Heleniak Timothy. The 2002 Census in Russia: Preliminary Results. *Eurasian Geography and Economics*. 2003. Vol. 44. No. 6. P. 433.
- ¹² *ITAR-TASS News Agency*. 2006, 20 September.
- ¹³ Leonova Elena. Birth-rates and Migration Rates Remain Low. *Vremya Novostei*. 2006, 14 August. P. 3.
- ¹⁴ Вишневский Анатолий и Андреев Евгений. В ближайшие полвека население России может расти только за счет миграции. *Население и Общество*. 2001. № 54. June. <http://demoscope.ru/acrobat/ps54.pdf> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ¹⁵ Midyear Population Estimates and Average Annual Period Growth Rates: 1950 to 2050, International Data Base Summary Demographic Data for Russia. US Census Bureau, <http://www.census.gov/cgi-bin/ipc/idbsum.pl?cty=RS> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.); World Population Prospects: The 2004 Revision Population Database (Medium variant for Russia), United Nations Population Division, <http://esa.un.org/unpp> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ¹⁶ Источники: Демографические данные по России, международная база данных, Бюро переписи населения США; Отдел народонаселения ООН, исправленная и переработанная база данных по народонаселению за 2004 г.; Вишневский А.Г., Андреев Е.М., 2001.
- ¹⁷ Вишневский А.Г., Андреев Е.М., 2001.
- ¹⁸ Minister Bemoans Russia's Steadily Declining Population. *RIA news agency*. 2004, 18 October.
- ¹⁹ Half of Russian families childless – lawmaker. *RIA Novosti*. 2006, 20 April 20.
- ²⁰ Feshback Murray. Potential Social Disarray in Russia Due to Health Factors. *Problems of Post-Communism*. 2005. Vol. 52. No. 2. July/August. P. 22–27.
- ²¹ Rybakovsky Leonid and Ryazantsev Sergei. International Migration in the Russian Federation. Doc. Number UN/POP/MIG/2005/11. UN Populations Division. 2005, 5 July.
- ²² Мкртчян Никита. Миграция в России: Западный дрейф. *Население и Общество*. 2004, декабрь. No. 87. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps87.pdf> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ²³ Зайончковская Жанна. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации. *Мир России*. 1999. № 4.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Цитата из комментариев президента Путина на тему демографии и миграции населения из Сибири. Показано в программе “Новости”, Первый Канал. 2006, 26 апреля.
- ²⁶ Deputy Regional Development Minister Vladimir Dedyukhin has stated that 4.5 bn rubles will fund a programme to bridge the gap between the Russian Far East and European Russia. “Russia's Far East demographic crisis threatens national security”, *Prime-TASS Business news agency*. 2006, 3 October.
- ²⁷ Источник: Федеральная служба государственной статистики.
- ²⁸ Heleniak Timothy. Geographic Aspects of Population Aging in the Russian Federation. *Eurasian Geography and Economics*. 2003. Vol. 44, No. 5. 1 July 2003. P. 352.

- ²⁹ Цитата из комментариев президента Путина на тему демографии и миграции населения из Сибири. Показано в программе «Новости», Первый Канал. 2006, 26 апреля.
- ³⁰ Источник: Отдел народонаселения ООН, исправленная и переработанная база данных по народонаселению за 2004 г.
- ³¹ Источник: Федеральная служба государственной статистики.
- ³² Marsh Christopher, Ksaren Albert and Warhola James W. The Political Geography of Russia's 2004 Presidential Election. *Eurasian Geography and Economics*. 2004. Vol. 45, No. 4. pp. 267–268.
- ³³ Источник: Федеральная служба государственной статистики.
- ³⁴ Тишков Валерий, Степанов Валерий. Российская перепись в этническом измерении. *Население и Общество*. 2004. № 8. Сентябрь. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps81.pdf> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Доклад «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года», 21 мая 2004, <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=7&docid=10715289081450> (последнее посещение – 26 марта 2006 г.).
- ³⁷ Simonsen, Sven Gunnar. Putin's Leadership Style: Ethnocentric Patriotism. *Security Dialogue*. 2000. Vol. 31 (3). P. 378.
- ³⁸ Гоар Ананян. Демография от противного. *Известия*. 2006, 15 июня. (<http://izvestia.ru/russia/article3093761/> (последнее посещение – 20 декабря 2006 г.).
- ³⁹ Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы. <http://www.unesco.ru/files/docs/shs/ribakovskii.pdf>, (последнее посещение – 10 января 2007 г.).
- ⁴⁰ Вишневский Анатолий, Андреев Евгений. При миграции, способной стабилизировать численность населения, более половины россиян составят мигранты и их потомки. *Demoscope Weekly*. 2004. No. 151–152, <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/tema05.php> (последнее посещение – 25 марта 2007 г.).
- ⁴¹ Buckley Neil. Nation Needs More Immigrants. *Financial Times*. 2006, April 21. P. 3.
- ⁴² Gliński-Vassiliev Dmitri. Islam in Russian Society and Politics: Survival and Expansion. Programme on New Approaches to Russian Security (PONARS), Policy Memo Series, No. 198, Davis Centre, University of Harvard. http://www.csis.org/ruseura/ponars/policymemos/pm_0198.pdf (последнее посещение – 20 января 2006); Gliński. 'Russia and Its Muslims'. P. 71–83.
- ⁴³ Interfax news agency. Moscow, July 8, 2002.
- ⁴⁴ Harley Balzer. Human Capital and Russian Security in the 21st Century. In Andrew Kuchins (ed.) *Russia After the Fall*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 163–184.
- ⁴⁵ Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р, http://www.government.ru/archiv/data/structdoc.html-he_id_100_do_id_2135.htm (последнее посещение – 15 января 2007 г.).
- ⁴⁶ Семь регионов России получат собственные технопарки. *Независимая Газета*. 2006, 31 августа, <http://news.ng.ru/2006/08/31/1157025479.html>, (последнее посещение – 8 января 2007 г.).
- ⁴⁷ Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р, http://www.government.ru/archiv/data/structdoc.html-he_id_100_do_id_2135.htm (последнее посещение – 15 января 2007 г.).
- ⁴⁸ По данным Фурсенко, к молодежи сегодня причислены 39,4 миллиона граждан в возрасте от 14 до 30 лет, или более 27 процентов населения страны. *ИТАР-ТАСС*. 2006, 22 мая.
- ⁴⁹ Eberstadt Nicholas. The Russian Federation at the Dawn of the Twenty-First Century: Trapped in a Demographic straight Jacket. National Bureau of Asian Research (NBR) Analysis. 2004. Vol. 15, No. 2, September. P. 7.
- ⁵⁰ *Коммерсантъ*. 2001, 25 июля. С. 2.

- ⁵¹ Heleniak Timothy. Migration of the Russian Diaspora After the Breakup of the Soviet Union. *Journal of International Affairs*. 2004. Vol. 57, No. 2, Spring. P. 114.
- ⁵² Гордиенко Дмитрий. Карельской проблемой занялись в Петербурге и Москве. Фонтанка.ру. 2006, 6 сентября, <http://www.fontanka.ru/2006/09/06/173951/>, (последнее посещение – 16 января 2007 г.).
- ⁵³ Chechen Prime Minister Ramzan Kadyrov declared that “The brawl has evolved into an ethnically motivated conflict with a clearly anti-Chechen and anti-Caucasus bias.” *BBC News Europe*. 2006, September 4, 2006, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/5312078.stm>, (последнее посещение – 17 декабря 2006 г.).
- ⁵⁴ Каспаров считает погромы в Карелии отражением российских проблем. *Gazeta.ru*. 2006, 3 сентября, http://www.gazeta.ru/2006/09/03/box_5101.shtml, (последнее посещение – 8 января 2007 г.).
- ⁵⁵ Dugin Alexander. “Kondopoga: a warning bell,” *Russia on Global Affairs*, Vol. 4, No. 4, (December–October 2006). <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/17/1061.html> (последнее посещение – 10 января 2007 г.).
- ⁵⁶ «В Кондопоге толпа пыталась поджечь ресторан и торговый центр». *РИА Новости*. Москва, 2006, 3 сентября. <http://www.rian.ru/incidents/crime/20060903/53447134.html> (последнее посещение – 10 января 2007 г.).
- ⁵⁷ For a thorough examination of institutional as well as societal examples of racism in Россия, Moscow Helsinki Group (2002), Nationalism, Xenophobia and Intolerance in Contemporary Россия, available at <http://www.fsmonitor.com/stories/xenophobia.pdf>, last accessed January 20, 2007. См. также: Meredith L. Roman. Making Caucasians Black: Moscow Since the Fall of Communism and the Radicalization of Non-Russians. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, Vol. 18, No. 2 (June 2002). P. 1–27.
- ⁵⁸ См. Карлусов В., Кудин Ф. «Китайское приветствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ». Проблемы Дальнего Востока. Том. 5, С. 76–87 и Alexseev, Mikhail A. 'Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East,' *Post-Soviet Geography and Economics* 42, no. 2 (2001). P. 95–114.
- ⁵⁹ “Russia-India-China «Triangle» Under Discussion by Pundit, Broadcast on Radio Rusia”, *Radio Russia*, Moscow, March 30, 2006.
- ⁶⁰ «In spring of last year Russia registered 15,048 cases of evasion of military service, and this spring, 11,950. Only 186 men were convicted during the course of this year. So, the prosecutor’s office and military registration and enlistment offices will have plenty of work to do.” *Interfax-AVN military news agency*, Moscow. 2006, October 2.
- ⁶¹ Orr. M.J. “Manpower Problems of the Russian Armed Forces”. Conflict Studies Research Centre, 2002, February. P. 1.
- ⁶² Kontorovich Vladimir. Can Russia Resettle the Far East? *Post-Communist Economies*. 2002. Vol. 12. № 3. P. 368.
- ⁶³ Nichiporuk Brian, The Security Dynamics of Demographic Factors. P. 34.
- ⁶⁴ Vendina Olga. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow. *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. No. 3. P. 216–243.
- ⁶⁵ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию в 2006–2012 гг. (утверждена указом президента от 22 июня 2006 г.) и другие законодательные акты.
- ⁶⁶ Uzelac Anna. Demographers’ Conference Confirms Putin’s Warnings. *St. Petersburg Times*. 20006 14 July. <http://www.cdi.org/russia/johnson/4405.html##1> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).
- ⁶⁷ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Российская Газета*. 2006, 11 мая. С. 1–3.
- ⁶⁸ Зурабов доложил Путину, что демографические показатели России – лучшие за семь последних [лет]. *АМИ-ТАСС*. 2006, 4 декабря.
- ⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Щербакова Екатерина. Число умерших и общий коэффициент смертности снова снижаются. *Demoscope Weekly*. 2006, № 259–260, октябрь. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0259/barom01.php> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).

⁷¹ Коныгина Наталья, Тимофеева Ольга. Молодые. Семейные. Бездетные. Российская молодежь предпочитает вступать в брак и не иметь детей. Таковы результаты исследования пяти министерств. *Известия*. 2003, 17 декабря. <http://www.izvestia.ru/russia/article42241/> (последнее посещение – 14 марта 2007 г.).

⁷² См. World Population Prospects: The 2004 Revision Population Database. United Nations Population Division; Евгений Вишневский и Анатолий Андреев. 2001, декабрь.

Василий Лата

Владимир Мальцев

СИСТЕМА СИСТЕМ: ИНФОРМАЦИОННО-УДАРНОЕ ОРУЖИЕ

Человечество на рубеже тысячелетий одновременно с вступлением в эпоху новой информационно-космической цивилизации^{1,2} вступает в эпоху войн шестого поколения с широким задействованием в ходе их подготовки и ведения всего разнообразия космических средств.

Свидетельством тому является появление целого ряда теоретических разработок³, посвященных обоснованию концептуальных положений по подготовке и ведению асимметричных, бесконтактных, сетевых, нелетальных, *управляемых* информационных войн и войн в киберсфере.

В войнах нового поколения⁴ решающая роль будет отводиться уже не существующему стратегическому ядерному оружию, и даже не живой силе, а высокоточному оружию в *микроядерном (оружие империи XXI столетия!)* и обычном оснащении и оружию, построенному на новых физических принципах.

Политические перемены последнего времени оказали влияние на процессы сокращения наступательных и оборонительных вооружений, предопределили необходимость пересмотра основных военно-доктринальных установок и реформирования структур вооруженных сил ведущих государств мира. Причем вопрос в данном контексте с учетом рассматриваемых тенденций и особенностей развития человечества ставится следующим образом: обеспечить реализацию требуемых боевых возможностей вооруженных сил, соответствующих национальным интересам того или иного государства за счет меньшего количества войск, но лучшего качества оружия и лучшего качества личного состава.

ЗНАНИЕ – СИЛА

Необходимо учитывать, что одной из важнейших особенностей развития человеческой цивилизации в XXI в. является превращение наукоемкого продукта в определяющий фактор экономического развития и главный источник пополнения бюджета государств. Влияние этой особенности на область военной деятельности определяется начавшейся *новой революцией в военном деле*, основой которой станут научно-технические достижения, способные преобразить вооруженные силы развитых стран и способы ведения ими боевых действий, а также изменить соотношение сил в мире.

В условиях, когда во многих странах мира идет практически непрерывное развитие и переоснащение вооруженных сил, когда принимаются долгосрочные программы разработки и создания новых видов оружия и военной техники, значительную важность приобретают прогностические оценки характера вооруженной борьбы будущего.

А
Н
А
Л
И
З

При этом развитие военного дела на пороге третьего тысячелетия, как показал анализ, будет определяться рядом ведущих мировых тенденций, которые основываются на следующих четырех положениях⁵:

- Процесс интенсивного внедрения современных информационных технологий в военную сферу привел к существенному ускорению процесса перевооружения армий ведущих государств мира с ударных на информационно-ударные системы оружия.
- Наиболее интенсивно этот процесс происходит у государств, которые имеют хорошо развитую космическую инфраструктуру (США, Россия, Франция, Китай, Япония, Индия) и способны оперативно наращивать информационную мощь в космосе.
- Появляются и натурно отрабатываются новые оперативно-тактические концепции применения перспективных вооруженных сил, обеспечивающие посредством космоса, информации и оружия достижение глобального информационно-ударного превосходства.
- Происходит существенное возрастание зависимости эффективности военных действий в традиционных сферах – суша, воздух, море – от действий в космосе. Развивается процесс целенаправленного переноса потенциала угрозы в космос.

В ходе проведенных исследований было определено то общее и новое, что объединяет эти разноплановые тенденции – это превращение информации в новую составляющую вооруженной борьбы. Действие этого явления в военном деле проявляется в двух, как представляется, самостоятельных областях.

Первая – область информационного противоборства. Она охватывает вопросы поражения информационного ресурса противоборствующей стороны и защиты собственного информационного ресурса при помощи средств информационной борьбы. Действие процессов в этой области приводит к созданию систем информационного оружия.

Вторая область – информационно-интеграционная. Она охватывает вопросы сопряжения информационных разведывательных, связных, навигационных и других систем с существующими ударными средствами.

ИНФОРМАЦИОННО-УДАРНАЯ СИСТЕМА ОРУЖИЯ

Для характеристики систем оружия, создаваемых на основе интеграции информационных и ударных средств и отличающихся повышенными боевыми свойствами и возможностями, было обосновано и *введено новое собирательное понятие – информационно-ударная система оружия*⁶ (ИУСО).

На основе создания многослойных информационно-управляющих полей в указанных системах оружия достигаются заданные параметры слежение за объектами поражения с высокоточной выдачей целеуказаний и контролем результатов воздействия; формируется единая координатно-скоростная и временная основа для согласованного применения всех элементов ИУСО; реализуется непрерывный внутрисистемный обмен всеми видами информации и многоконтурное управление, обеспечивающее требуемую периодичность доведения данных при подготовке и нанесении ударов до пунктов управления, носителей средств поражения и ударных средств на всех участках полета к цели.

Это позволяет получить в ИУСО такое *новое качество наведения*, которое наряду с достижением массированности наносимых ударов *обеспечивает поражение целей (прежде всего мобильных) с первого выстрела или пуска с вероятностью не ниже 0,9*.

В свою очередь, реализация информационно-интеграционной идеи приводит к замене чисто ударных средств вооруженной борьбы на целый класс ИУСО тактического, оперативно-тактического, стратегического уровней и знаменует собой завершение этапа создания систем высокоточного оружия и переход к новому качественному этапу создания систем оружия *прецизионного наведения*.

При реализации этих систем оружия делается ставка на достижение возможности поражения не только стационарного защищенного, но и мобильного объекта, в том числе и на межконтинентальной дальности, с одного выстрела (пуска) за счет прямого попадания в цель⁷.

Представляется, что структура гипотетического состава разноуровневых ИУСО будет носить пирамидальный характер (Рисунок 1). Это обуславливает значительное увеличение типажа ИУСО при перемещении от вершины к основанию пирамиды (на оперативно-тактический и тактический уровни).

Рисунок 1. Структура разноуровневых ИУСО⁸

Для переноса этих идей с тактического на оперативный и стратегический уровни начался поиск универсальных информационных технологий и систем, обеспечивающих их реализацию. Такими системами оказались информационные космические системы (ИКС), но разрабатываемые уже не по существующим технологиям крупногабаритных космических аппаратов (КА), а по перспективным технологиям малогабаритных

КА и нанотехнологиям. Эти системы превращаются в умножитель возможностей ударных подсистем.

По мере интеграции ИКС в контур боевого управления ядерным оружием (ЯО) начинается неизбежно действующий этап вытеснения информацией из процесса вооруженной борьбы ЯО со значительными тротиловыми эквивалентами ($q=100\dots 600$ кт), приводя к его замене на микроядерное оружие реального применения ($q=0,01\dots 0,05$ кт).

В ходе практической реализации информационно-интеграционных мероприятий при создании ИУСО в общей классификации космических систем (КС) обозначился новый классификационный параметр – космические системы, включаемые в контур боевого управления (БУ) оружием (Рисунок 1). Одновременно пунктирно обозначились контуры совершенно нового явления – нарастающей степени интеграции разноплановых ИУСО по уровню решаемых задач и по функциональному предназначению в систему систем оружия. Именно подобные системы оружия способны существенно изменить облик вооруженных сил, всей военной организации государства и характер вооруженной борьбы, а также определить направления военной модернизации.

Анализируя указанные явления с позиций синергетики как науки об эволюции очень больших, сверхсложных систем, можно сделать вывод, что системообразующим, интегрирующим и системообразующим базисом при создании и насыщении войск перспективными системами оружия, вызывающими кардинальные изменения характера вооруженной борьбы, выступает совокупность разноплановых информационных (в том числе и космических) систем.

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ ВООРУЖЕНИЯ

Вместе с тем, чтобы перейти в новое качество и достичь готовности для включения ИКС разведки, связи и ретрансляции данных, навигации в контур боевого управления средствами поражения ИУСО различного уровня и функционального предназначения, должен быть выполнен ряд следующих требований:

1. Наличие применительно к каждой ИУСО как самостоятельного элемента оперативного построения или боевого порядка войск (независимо от уровня решаемых задач и предназначения) на постоянной основе средств наземного комплекса управления (НКУ) и наземного специального комплекса (НСК) для управления КА, получения и обработки космической информации, а также орбитальных группировок (ОГ) КА, не превышающих по численности некоторых пороговых значений количества объектов поражения ($N_{пор\ p\ i}$, $N_{пор\ c\ i}$, $N_{пор\ n\ i}$), определяющих нижний уровень реализации системой оружия системных свойств;
2. Обеспечение возможности оперативного наращивания состава ОГ каждой из ИУСО путем проведения запусков КА или передачи в оперативное подчинение такого количества орбитальных элементов, которое позволит превысить $N_{пор\ p\ i}$, $N_{пор\ c\ i}$, $N_{пор\ n\ i}$ и реализовать в ИУСО в полном объеме системные свойства;
3. Развертывание принципиально новых орбитальных группировок, которые применительно к каждой из ИКС разноплановых ИУСО должны строиться в соответствии с двумя закономерностями:
 - обеспечения двухкомпонентного состава ОГ с наличием дежурного орбитально-эшелона, развертываемого на основе крупногабаритных КА, и эшелона оперативного развертывания, создаваемого на базе малогабаритных КА;
 - ОГ каждой из ИКС должны быть многоспутниковыми, многоплоскостными и эшелонированными по высоте, увязанными в многофункциональную сеть разведки, связи и управления, интегрированную с системами оружия.

Помимо этого, необходимо учитывать, что ОГ каждой из ИКС, включаемых в контур БУ средствами поражения ИУСО, должны быть построены минимум в три эшелона и не случайно с учетом указанных особенностей в течение ближайших десяти лет предусматривается дополнительно развернуть более 1800 американских КА. Вместе с тем использование для этих целей только КА военного назначения может оказаться нецелесообразным по экономическим и международно-правовым причинам.

Поэтому в качестве другого, альтернативного подхода может быть использован подход, основанный на совместном применении ресурса ИКС военного (двойного), социально-экономического и коммерческого назначения. Возможность совместного использования указанных систем при значительном положительном эффекте была неоднократно продемонстрирована в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов конца XX и начала XXI вв.

КОСМОС ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ МИРНЫМ

Вследствие этого в число новых функциональных концепций применения космических сил США (Рисунок 2) наряду с такими концепциями, как *контроль космоса*, *глобальное применение силы*, *полная интеграция вооруженных сил*, была включена концепция *глобальное партнерство*⁹. Эта концепция предусматривает увеличение возможностей военного использования космоса путем объединения усилий гражданских, коммерческих, научных и международных КС.

Рисунок 2. Применение космических сил США¹⁰

Указанные факторы обусловили возрастание темпов процесса целенаправленного переноса потенциала угрозы в космос. Этот процесс реализуется по двум направлениям:

опосредованно за счет наращивания информационной мощи в космосе и включения основных КС разведки, связи и ретрансляции данных, навигации в контур боевого управления оружием и средствами поражения и непосредственно за счет развертывания в стратегической космической зоне (СКЗ) боевых космических средств (БКСр). Причем, возможности реализации второго из рассматриваемых направлений находятся в существенной зависимости от первого из направлений, являющегося базовым.

Сегодня все ведущие страны мира с учетом рассмотренных тенденций пришли к пониманию своих геополитических интересов в космосе и развернули широкомасштабную космическую деятельность. Без космической деятельности сейчас уже немыслимо экономическое и социальное развитие государств.

О масштабах развернувшегося процесса свидетельствует тот факт, что порядка 40 государств работают над программами по использованию результатов применения космических средств в системах оружия, около 30 имеют государственные космические программы, 19 стран обладают производственной и научной базой, позволяющей им разрабатывать и производить собственные КА¹¹. Однако развитой космической инфраструктурой, позволяющей самостоятельно решать сложные задачи освоения и практического использования космоса, наряду с Россией обладают лишь США, Франция, Китай, Япония и Индия.

Мировой спутниковый парк насчитывает более 700 КА при многомиллиардной стоимости. Значительная часть из общей численности орбитальных средств являются КА военного назначения. Более тысячи компаний мира напрямую связаны с космической индустрией.

К настоящему времени ассигнования на решение проблем военного использования космоса достигли очень высокого уровня. Общие ежегодные затраты США в этой области превышают 21 млрд долл. Причем около 20% из них приходится на спутниковые системы разведки.

Американские специалисты, оценивая общую картину запуска КА на околоземные орбиты, производят пересмотр прогнозов «Стратегического плана космических командований США до 2020 г.» и отмечают, что в ближайшем десятилетии (до 2010 г.) предстоит вывести в космос около 2200 полезных нагрузок, а не 1800, как планировалось ранее (на период до 2020 г.).

В связи с этим возникает вопрос: насколько соответствует развернувшийся процесс создания ИУСО с использованием космических средств интересам мирового сообщества? Видимо целесообразно, чтобы этот вопрос решался путем международно-правового регулирования.

Вместе с тем решение сформулированной проблемы на рубеже XX и XXI вв. будет связано со значительными трудностями. Они связаны с переходом к структуре *монополярного миропорядка*, снижению роли ООН и обеспечению решения стратегических задач США и их партнерами посредством экономической и военной мощи. Налицо стремление к пересмотру в одностороннем порядке важнейших международных договоров и переносу центра тяжести в развитии вооружений в область космоса, что может иметь катастрофические последствия для судеб мира.

В настоящее время начала вырисовываться перспективная структура ВС США, формируемая на основе сопряжения информационных и ударных сил применительно к различным сферам вооруженной борьбы с широким задействованием в их составе космических сил и средств. Это обусловило необходимость разработки в США новых концепций применения перспективных вооружений и взглядов на ведение войны на период вплоть до 2020 г., что нашло отражение в следующих основополагающих исследованиях и документах: «Космический прогноз-2020», «Единая перспектива-2010», «Стратегический план космических командований США до 2020 г.», директива МО США 3100.10 от 9 августа 1999 г., «Космическая политика», «Война в 2020 г.» и др.

Анализ содержания части указанных документов показывает, в общей своей совокупности они определяют направленность работ, проводимых в США по превращению околоземного космического пространства в новую сферу вооруженной борьбы и достижению всеохватывающего превосходства¹². Космос, по проводимым оценкам, стал национальной космической отраслью, которую необходимо защитить.

При этом:

- в «Космическом прогнозе-2020» определены технические аспекты реализации оперативно-стратегических концепций повышения эффективности стратегического использования вооруженных сил на основе достижения превосходства в космосе: глобальный размах, глобальное присутствие, глобальная мощь;
- в «Единой перспективе-2010» отражены новые оперативно-стратегические концепции достижения всеохватывающего превосходства на основе реализации концепций: превосходства в информационной сфере, господствующего маневра, высокоточного сражения (боя), всеобъемлющей защиты, целенаправленного тылового обеспечения;
- в «Стратегическом плане космических командований США до 2020 г.» приведены концепции достижения космического превосходства в XXI в.: контроль космоса, глобальное применение силы, полная интеграция вооруженных сил, глобальное партнерство, а также произведена их взаимосвязка с концепциями достижения всеохватывающего превосходства.

СИСТЕМА СИСТЕМ

Важнейшей особенностью изменения содержания вооруженной борьбы будет являться то, что в развитии средств ее ведения наступает эпоха новой техносферы – информационно-ударной. Материальным выражением этой техносферы является оружие межвидового уровня, создаваемое на основе комплексной интеграции средств разведки, связи и управления, навигации, радиоэлектронной борьбы и ударно-огневых средств в единые системы оружия стратегического, оперативного и тактического уровней.

С появлением технологии малогабаритных КА ярко выражена тенденция объединения разноуровневых ИУСО в *систему систем* оружия с присущими ей функциональными свойствами, такими как интеллект, организованность, управляемость, наблюдаемость, скрытность, боевая устойчивость, повышенные боевые возможности и др.

Система систем оружия обладает инвариантностью структуры по отношению к любому виду оружия за счет использования общей глобальной сети разведки, связи и управления, навигации, развертываемой в ближней и дальней стратегической космической зоне. Это придает системе свойства универсальности по отношению к масштабам применения, в том числе к объектам поражения различного базирования при скачкообразном повышении эффективности наносимых ударов.

Таким образом, теснейшая увязка информационных систем с ударными превращает их из средств опосредованного в средства непосредственного воздействия на объекты поражения. Указанная важнейшая особенность приводит к изменению метрики военных действий и окончательному формированию пятой – информационной составляющей вооруженной борьбы.

С созданием подобных систем оружия США приступили к реализации концепции сдерживания с применением неядерного оружия, обеспечивающей достижение целей войны без вторжения крупных группировок войск и захвата территории противника при минимальном экологическом ущербе.

Тем самым формируются условия по приданию неядерному оружию стратегической значимости и его превращению в эффективное средство ведения *противоскоростной* борьбы, нацеленной на гарантированное опережение противника во всех фазах вооруженного конфликта.

В связи с этим необходимо отметить, что в настоящее время в США осуществляется наращивание возможностей космических систем, реализующих информационную мощь в космосе и обеспечивающих проведение интегрирования в *систему систем* оружия теперь уже и БКСр. Это позволит напрямую сформировать потенциал угрозы в космосе и приступить к формированию принципиально новой всесферной системы оружия.

Данный процесс характеризуется рядом закономерностей:

- ускорение информатизации мирового сообщества посредством полного задействования ресурсов и возможностей космического пространства;
- возрастание лидирующего влияния космической техносферы на процесс превращения информации в новый предмет вооруженной борьбы;
- увеличение темпов реализуемости через космос разноуровневых информационно-ударных систем оружия с общими принципами построения.

Учет этих закономерностей, а также того, что космос является такой же средой, как суша, море или воздух, в которой будут осуществляться военные операции в интересах обеспечения национальной безопасности США, уже сейчас привел к формированию предпосылок к созданию пока еще не выделенного четвертого вида вооруженных сил США¹³.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Все это приводит к возникновению потенциально новых угроз национальной безопасности Российской Федерации в военной области, основными из которых являются:

- отставание в темпах сопряжения информационных космических и ударных средств;
- угроза навязывания неадекватных темпов сокращения ударных группировок стратегических сил сдерживания и увеличение отставания по качественным параметрам от подобной группировки противника;
- возникновение угрозы навязывания неприемлемых условий и темпов переоснащения ракет стратегических сил сдерживания на головных частях (боевых блоках) с пониженным тротиловым эквивалентом;
- угроза обеспечения через космос возможностей по слежению за степенью готовности группировок стратегических сил сдерживания к применению и достижения эффекта *остационаривания* мобильных носителей средств поражения;
- придание всем существующим стратегическим ядерным средствам противника возможностей по поражению стратегических мобильных объектов;
- реализация концепции сдерживания с применением неядерного оружия за счет придания ему стратегической значимости и превращения в эффективное средство ведения *противоскоростной* борьбы, нацеленной на гарантированное поражение противника во всех фазах вооруженного конфликта.

Анализ вариантов структур и способов применения интегрированных боевых систем различных уровней показывает, что в условиях сокращения ударного компонента толь-

ко за счет адекватного наращивания информационных возможностей космического компонента возможно решение задач сдерживания противника с заданным качеством.

Проведенный анализ позволяет выявить ряд факторов, влияющих на стратегическую стабильность:

- ❑ выделение из общего спектра КС ряда ИКС, которые по своим количественным и качественным параметрам превращаются в целостные функциональные подсистемы перспективных систем оружия;
- ❑ превышение пороговых значений количества КА в информационных ОГ КС разведки, связи и навигации, в том числе и однотипных коммерческих систем, включаемых в контур БУ оружием как по отдельности, так и совместно;
- ❑ превышение пороговых значений количества ударных средств различных сфер вооруженной борьбы, сопряженных с ИКС, обеспечивает скачкообразное приобретение той или иной стороной односторонних преимуществ и создание условий для решения стратегических задач без применения ЯО.

Это еще раз подтверждает тот факт, что космос и КС становятся не только важными и значимыми в ходе подготовки и ведения военных действий, но приобретают и выполняют важнейшую системообразующую роль, в том числе и при создании перспективных средств вооруженной борьбы.

Указанные особенности формирования потенциала угрозы в космическом пространстве позволяют сделать ряд выводов:

- ❑ Стремление к монопольному господству в космосе может составить один из основных аспектов реализации национальных военных стратегий отдельных государств. В результате в космическом пространстве может установиться национальный суверенитет, что не позволит другим странам осваивать и использовать преимущества этого пространства.
- ❑ Не исключается возможность создания ведущими странами мира новых систем космических вооружений.
- ❑ Для обеспечения военных действий на Земле расширяется использование коммерческих и гражданских спутниковых систем связи, телекоммуникации и дистанционного зондирования Земли, что приводит к объективной необходимости международно-правового регулирования этого процесса.
- ❑ Возникает опасность смещения центра тяжести в планировании использования космического пространства в интересах национальной безопасности с обеспечивающих (информационных) функций на чисто боевые.
- ❑ Без принятия дополнительных международно-правовых документов космическое пространство в перспективе может выделиться в самостоятельную сферу подготовки и ведения военных операций.

КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Изложенные тенденции с особой остротой ставят вопрос о регулировании использования космического пространства на базе норм международного права, в основу которого положен основной принцип – *что не запрещено, – то разрешено*. Учитывая это обстоятельство, военно-космическая деятельность была условно разделена на три категории: разрешенную (оговоренную), запрещенную и неоговоренную международным правом. В рассматриваемом контексте и в связи с особенностями формирования потенциала угрозы в космосе наибольшую сложность при решении проблемы международно-

правового регулирования представляют виды космической деятельности, которые не оговорены международным правом. К ним могут быть отнесены такие виды военно-космической деятельности, как проведение военно-прикладных космических экспериментов, в том числе связанных с отработкой технологии наведения средств поражения из космоса; создание и развертывание в космосе средств оптико-электронного и радиоэлектронного подавления; создание, испытание и развертывание ударных средств, которые могут поражать объекты в космосе и из космоса.

При решении проблем по ослаблению угроз национальной безопасности России в военной области необходимо учитывать возрастание лидирующего влияния результатов освоения космического пространства на превращение информации в новую составляющую вооруженной борьбы и, как следствие, – возможность создания перспективных систем оружия посредством сопряжения ИКС со всем существующим спектром средств поражения¹⁴.

Основой для таких преобразований является то, что ряд КС по своим качественным и количественным параметрам или уже достигли, или в ближайшее время достигнут готовности для включения в контур боевого управления оружием. Поэтому в общей классификации КС появляется новый классификационный параметр – ИКС как функциональные подсистемы перспективных систем оружия¹⁵. Значит, можно предположить, что фактически любое средство поражения, наводимое на объект через космос, получает способность решения стратегических задач. Таким образом, появляется возможность выборочного поражения элементов инфраструктуры противника без площадного поражения территории и массовой гибели населения. Процесс создания вышеуказанных систем оружия необходимо рассматривать в трех аспектах:

- ❑ Новое качество решения разведывательных задач из космоса начинает обеспечиваться при повышении количественных параметров ОГ КА определенного порогового значения. При увеличении количества КА в ОГ разведки до 100–150 КА и выше (*График 1*) данная КС приобретает свойства инвариантности по отношению к разведываемым объектам, обеспечивая псевдореальный режим слежения за мобильными целями¹⁶. При обеспечении превышения количественных характеристик ОГ КС связи и навигации соответствующих пороговых значений все три рассматриваемые ИКС автоматически превращаются в развернутые подсистемы ИУСО, что является серьезным дестабилизирующим фактором.
- ❑ При сопряжении ИКС со всем существующим спектром средств поражения на основе достижения ими готовности для включения в контур БУ оружием эти системы из средств опосредованного воздействия по объектам поражения превращаются в средства прямого воздействия на разнообразные цели.
- ❑ Развертывание космической информационной инфраструктуры обладает свойством инвариантности по отношению к разнотипным средствам поражения, а следовательно, создаются предпосылки для развертывания в СКЗ и боевых космических систем.

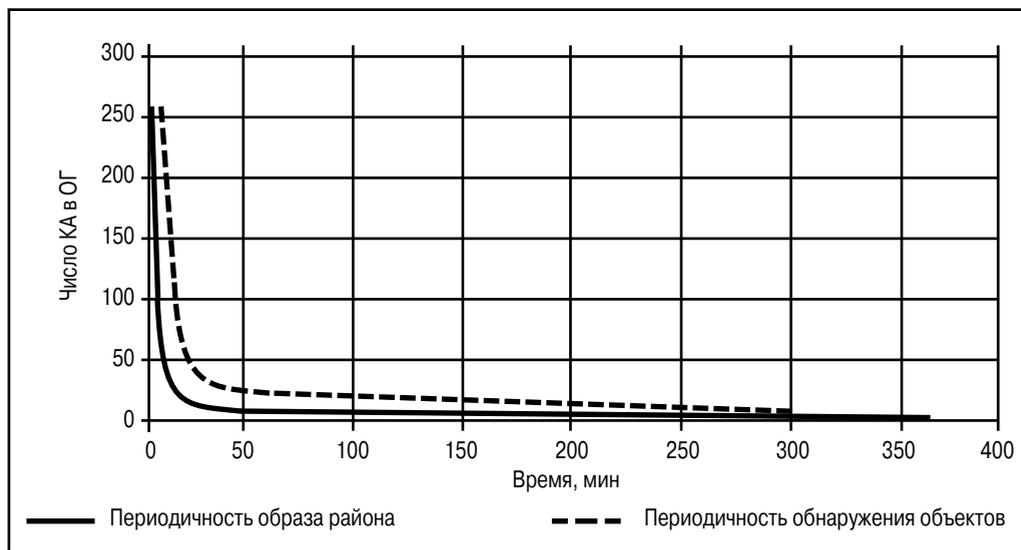
ОГ общего назначения, функционирующая в интересах военно-политического руководства государства, позволяет обеспечить этому государству глобальное превосходство над другими странами, как в космосе, так и на суше, в воздухе и на море.

В связи с этим возникает вопрос: насколько соответствует развернувшийся процесс создания ИУСО с использованием космических средств интересам мирового сообщества?

Целесообразно, чтобы этот вопрос решался путем международно-правового регулирования. Проблема заключается, однако, в том, что вышеперечисленные системы практически не определяются существующим международно-правовым ограничительным режимом космических вооружений. Очевидно, что без принятия дополнительных между-

народно-правовых документов космическое пространство в перспективе может выделиться в самостоятельную сферу подготовки и ведения военных операций. Особенно важно то, что новая инфраструктура в области космоса и систем управления, связи и разведки является фундаментом для преобразования вооруженных сил и оснований, на котором они стоят.

График 1. Возможности ОГ систем радиолокационной разведки по периодичности обнаружения объектов¹⁷

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА США

Ярким примером возможности достижения глобального информационно-ударного превосходства в скором времени может послужить Национальная система противоракетной обороны (НПРО) США.

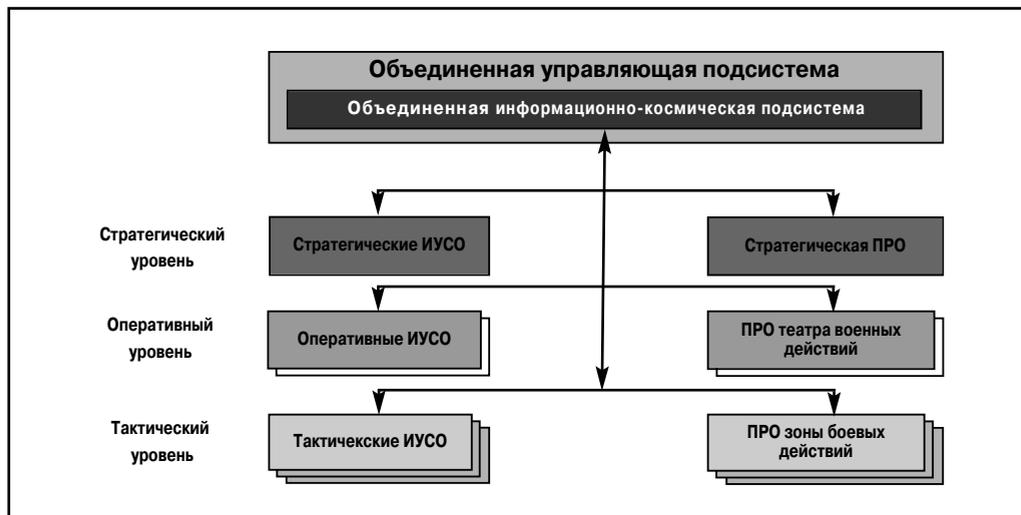
Представляется, что данная система при ее окончательном развертывании превратится в систему систем оружия (Рисунок 3), способную в соответствии с замыслом решать две взаимосвязанные задачи: 1) эффективного слежения и последующего поражения всего спектра носителей тактических, оперативно-тактических и стратегических баллистических средств ведения вооруженной борьбы до проведения ими пусков; 2) поражения стартовавших баллистических средств, ушедших из-под удара, на всех участках полета к цели¹⁹.

В структуру НПРО США на первоначальном этапе ее развертывания будут входить: КС обнаружения пусков баллистических ракет; КС сопровождения космических и баллистических целей; обновленные радиолокационные станции (РЛС) раннего предупреждения о ракетном нападении; ракеты-перехватчики наземного базирования; станции связи с перехватчиком в полете; центральный пункт командования, управления и связи.

Наибольший интерес в рассматриваемом контексте имеет информационная подсистема НПРО США, в состав которой будут входить: КС начального обнаружения пуска межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и слежения с шестью КА на стационарной и высокоэллиптической орбитах; низкоорбитальная КС сопровождения МБР и баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) в полете в составе 24 КА; пять усовер-

шенствованных РЛС дальнего обнаружения, работающих в сантиметровом диапазоне длинных волн; до девяти РЛС X-диапазона (8...12,5 ГГц) для уточнения характеристик цели, точного ее сопровождения, отслеживания и распознавания.

Рисунок 3. Структура системы систем оружия¹⁸

Такая информационная подсистема позволяет обеспечить НПРО США:

- Глобальность действия – способность осуществлять уничтожение баллистических и аэродинамических стратегических средств до старта и стартующих из любой точки земного шара.
- Способность вести борьбу со средствами поражения на всех участках траектории их полета к цели.
- Глубокоэшелонированное построение системы ПРО, реализуемое применительно ко всем ее информационным, управляющим и ударным компонентам.
- Достижение в рамках системы ПРО такого системотехнического и конструктивного совершенства, которое обеспечивало бы решение задачи перехвата ударных средств противника прежде всего над его территорией на активном участке их траектории.

В этом случае система НПРО будет обеспечивать глобальное превосходство и максимальную защищенность США, одновременно вызывая нарушение достигнутого военно-стратегического паритета.

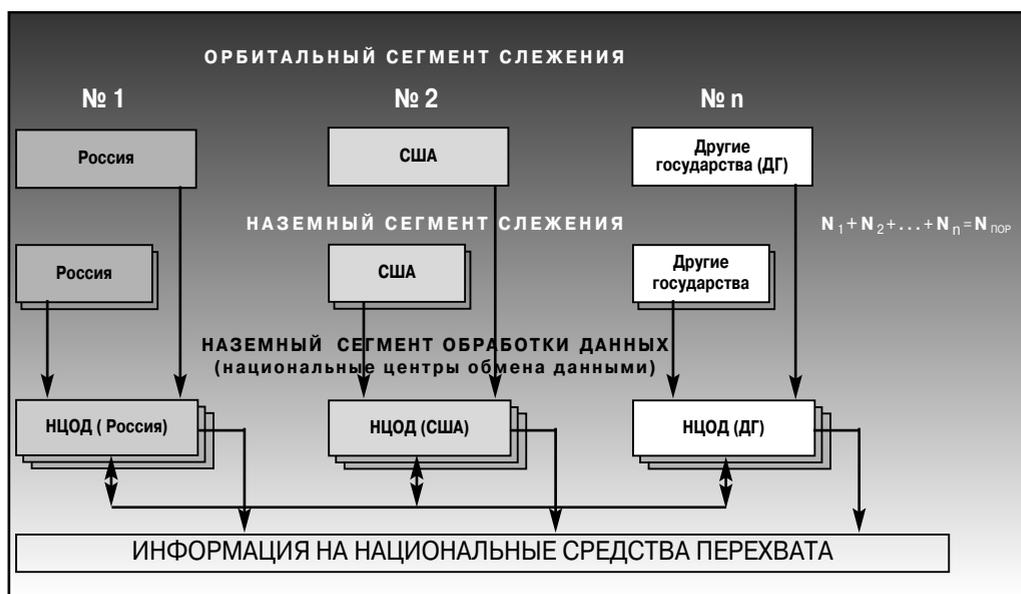
Детальное рассмотрение процессов функционирования данной системы систем показывает, что основным интегрирующим и системообразующим ее элементом является объединенная информационно-космическая подсистема.

Вместе с тем создание подобной системы оружия не позволяет в полной мере решить проблему защиты от применения оперативно-тактических ракет на территории европейских государств в условиях увеличения числа стран, владеющих баллистическими средствами вооруженной борьбы.

Как создать систему защиты от баллистических ракет, не вызывающую подозрений о намерениях у различных государств и не инициирующую гонку вооружений?

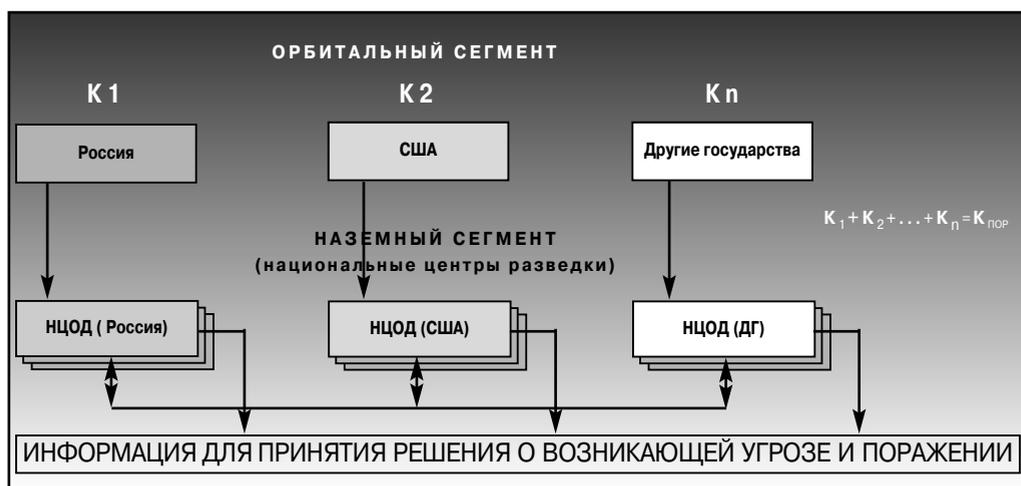
По мнению авторов, выявленный в ходе анализа перспективных систем ПРО информационно-интеграционный подход может быть использован для ускоренного формирования коллективной системы защиты от ракетной угрозы. В этом случае в создании наземного и орбитального информационных компонентов будут участвовать несколько государств, способных развернуть сегментированную наземно-орбитальную инфраструктуру, обеспечивающую эффективное функционирование коллективной системы ПРО²⁰ (Рисунки 4 и 5).

Рисунок 4. Наземно-орбитальный сегмент слежения за пусками ракет и их сопровождения на траектории полета к цели²¹

А
Н
А
Л
И
З

Рисунок 5. Наземно-орбитальный сегмент слежения за носителями баллистических ударных средств²²

Представляется, что в таком случае системное пороговое значение числа КА ($N_{\text{пор}}$, $K_{\text{пор}}$) в информационных орбитальных группировках обеспечивается на основе численного суммирования КА отдельных сегментов, поэтому каждое отдельное государство не получает односторонних преимуществ в достижении скачкообразного повышения через космос эффективности национальных систем ПРО и национальных стратегических ИУСО.

Естественно, данное предложение носит концептуальный характер и для своей реализации потребует разработки развернутой программы по обеспечению его внедрения, что позволит создать условия по превращению космического пространства не в поле противоборства, а в арену сотрудничества.

ЗАПРЕТИТЬ НЕЛЬЗЯ ОДОБРИТЬ

На сегодняшний день усилия международного сообщества направлены на международно-правовое запрещение испытаний и развертывания в космическом пространстве противоспутникового оружия. Использование подобного рода систем квалифицировалось бы с точки зрения международного права как вооруженное нападение на суверенное государство со всеми вытекающими из этого последствиями. В настоящий момент по действующим международно-правовым нормам государствам в космическом пространстве запрещено размещать отдельные виды оружия. Однако лишь после запрета противоспутникового оружия можно будет говорить об установлении в космическом пространстве международно-правового режима полной демилитаризации, исключаяющего из этого пространства в мирное время любые виды оружия.

В настоящее время остается нерешенной важнейшая проблема ограничения порогового значения для ИКС и сопряжения этих систем со средствами поражения.

Какие же международные организации потенциально могли бы и должны заняться столь существенной проблемой для глобальной безопасности? В первую очередь, необходимо отметить, что такой организацией, безусловно, является Организация Объединенных Наций, которая выступает в качестве центра согласования действий государств в мирном освоении космоса и выполняет возложенные на нее функции через свои главные и вспомогательные органы и смежные международные организации. Среди них следует особо выделить²³:

- Комитет по использованию космического пространства в мирных целях (Комитет ООН по космосу);
- Управление по вопросам космического пространства (УКП);
- Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР);
- Международный союз электросвязи (МСЭ);
- Всемирная метрологическая организация (ВМО);
- Европейское космическое агентство (ЕКА);
- Европейская организация спутниковой связи (ЕВТЕЛСАТ);
- Международная организация подвижной спутниковой связи (ИНМАРСАТ);
- Комитет по исследованию космического пространства (КОСПАР);
- Ассоциация международного права;

- ❑ Международное общество фотограмметрии и дистанционного зондирования Земли (МОФДЗ).

Следует отметить, что в состав комитета ООН по космосу входят представители от 61 государства мира, что, безусловно, обеспечивает национальные интересы большей части государств мира. Для решения вышеуказанного спектра проблемных задач в системе регулирования военно-космической деятельности предлагается выделить новый важный элемент: *Комитет по ограничению и контролю за количественными характеристиками космических систем, способных быть включенными в контур боевого управления оружием, и недопущению использования в системах оружия космических аппаратов социально-экономического, научного и коммерческого назначения.* Указанный комитет в рамках развития существующей международно-договорной базы по использованию космического пространства был бы в состоянии рассмотреть вопрос по установлению такого международно-правового режима, который запрещал бы размещение в нем боевых средств и военного персонала. Данный режим предполагает:

- ❑ разработку международно-правовых норм по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве;
- ❑ разработку таких мер укрепления доверия, которые позволят исключить превращение космического пространства в театр военных действий и плацдарм для вооруженного нападения на другие государства.

Существующий сегодня международно-правовой режим, регламентирующий решение в космосе вопросов военно-космической деятельности (ВКД), не успевает за развитием ракетно-космической техники и технологий. Принимаемые политические меры также не в полной мере способны обеспечить эффективный контроль за развитием космических вооружений.

В этих условиях необходимо решить ряд задач международного сотрудничества, без которых немислима всеобщая и устойчивая безопасность:

- ❑ укрепление и развитие существующих международно-правовых механизмов, обеспечивающих снижение уровня противостояния сторон и предупреждающих риск возрастания конфликтов в космическом пространстве;
- ❑ создание международно-правового режима по контролю над распространением технологий производства принципиально новых вооружений на основе сопряжения информационных систем с существующими ударными средствами.
- ❑ совершенствование международной системы обеспечения коллективной безопасности.

...И СТАТИСТИКА

Существует еще одна серьезная проблема. Статистика показывает²⁴, что в годы Второй мировой войны для уничтожения такой типовой цели, как крупный железнодорожный мост через широкую реку, требовалось совершить 4,5 тыс. самолето-вылетов и сбросить около 9 тыс. авиабомб. В то же время за счет повышения точности поражения в войне во Вьетнаме подобная цель уничтожалась 190 авиабомбами, сброшенными 95 самолетами. В войне в Югославии эту же боевую задачу решали 1–3 высокоточные крылатые ракеты, запущенные с подводной лодки, находящейся в Средиземном море. Такое повышение точности возможно лишь при сопряжении ударных средств с космическими. Это сопряжение, безусловно, дает глобальное одностороннее преимущество стороне, которая обладает такими средствами поражения. Необходимо установить международно-правовые ограничения на количественные характеристики ударных средств, сопряженных с космическими средствами. Конкретные данные по существующему арсеналу такого оружия и планам его производства указаны в *Таблице 1*²⁵.

Таблица 1. Арсенал высокоточного оружия ВВС и ВМС США и планы производства на 1 января 2007 г.²⁶

Тип	Существующий арсенал	Планы производства	Планируемые затраты (млн долл.)
<i>Управляемые авиабомбы (УАБ)</i>			
GBU-10	11 300		
GBU-12	32 600		
GBU-24/27	16 300		
GBU-28/GBU-37	125	225	36
<i>JDAM*</i>			
Navi*		25 496	641
AF*		61 063	1 366
JDAM-PIP*		5 000	
WCMD		40 000	508
SFW		3 413	1 150
<i>Кассетные бомбы</i>			
CBU-87 (Gator)	10 000		
CBU-89 (CEM)	100 000		
CBU-97 (SFW)	150	5 000	
<i>Планирующие УАБ и управляемые ракеты</i>			
CBU-15	2 800		
Maverick	27 800		
Walleye	3 200		
AGM-142	130		
<i>JSOW (AGM-154)*</i>			
Baseline/BLU-108*		4 496	1 356
Baseline/BLU-108(N)*		6 536	1 639
Unitary*		3 194	1 692
AGM-130	500	30	26
<i>Крылатые ракеты средней дальности</i>			
SLAM*	770		
SLAM-ER/ SLAM-ER* PLUS		423	256
JASSM*		2 245	1 278
<i>Крылатые ракеты большой дальности</i>			
TLAM*	2 000		421
Tact Tomahawk*		1 253	1 278
CALCM+	90		

* Средства поражения, сопряженные с ИКС.

Анализ существующего арсенала высокоточного оружия и перспектив его производства показывает, что США в достижении глобального превосходства основную ставку делают на создание средств поражения, сопряженных с ИКС, а это не что иное, как ИУСО.

КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ

Принятие и выполнение соответствующего международно-правового акта в этой области при разработке соответствующего механизма контроля за его выполнением позволило бы не так остро ставить вопрос о глобальном превосходстве отдельных государств в космическом пространстве, что могло бы существенно снизить глобальную военную угрозу. Такой контроль может достигаться на основе комплексной оценки общей численности функционирующих КА и их технических возможностей (с учетом наличия на орбитах КА как военного, так и двойного назначения).

Кроме того, в целях дальнейшего недопущения милитаризации космического пространства представляется целесообразным проведение следующих мероприятий:

- Заключение многосторонних международно-правовых соглашений, запрещающих испытание и развертывание в космическом пространстве любых видов оружия.
- Заключение международного соглашения об *иммунитете* искусственных спутников Земли.
- Определение и контроль пороговых значений количества КА в информационных ОГ, потенциально используемых в контуре боевого управления оружием.
- Создание международного космического инспектората и арбитражных органов космической инспекции.
- Разработка *кодекса поведения* в космическом пространстве (в том числе запрет опасных маневров, запрет маневров преследования, запрет опасных сближений, соблюдение минимальных дистанций между космическими объектами и т.д.).

Усилия ООН, других международных организаций в области международно-правового регулирования космической деятельности необходимо сосредоточить на создание такой нормативно-правовой базы, которая накладывала бы ограничения на количественные и качественные характеристики существующих и разрабатываемых космических систем военного и двойного назначения, способных быть включенными в контур боевого управления системами оружия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что распространение гонки вооружений на космос не может укрепить чью-либо безопасность. Создание систем оружия на основе широкого использования в их составе космических средств может привести к увеличению масштабов и числа участников военных конфликтов, так как космос является умножителем возможностей вооруженных сил государств мира. При этом государства, имеющие значительный космический потенциал, будут обладать серьезными стратегическими преимуществами. Для решения этих проблем необходимо плодотворное конструктивное сотрудничество всего мирового сообщества под эгидой ООН. 🗨️

Примечания

¹ Актуальные задачи развития ВС РФ. М.: МО, 2003. С.19–21.

² Слипченко В.И. Войны шестого поколения. М.: ВЕЧЕ, 2002. С.70, 121–123, 245–247, 303–303; Юзвизин И.И. Основы информатиологии. М.: Международное издательство «Информатиология», 2000. 517 с.

³ См. подробнее: Гриняев С.Н. «Сетевая война» по-американски. *Независимое Военное Обзорение*. 2002, № 5; Слипченко В.И. Бесконтактное истребление. *Независимое Военное Обзорение*. 2002, № 21; Монтгомери Мейгз. Эпоха стратегической асимметричности. *Независимое Военное Обзорение*. 2002, № 37; Золотарев В.А. Сражение грядущего. *Независимое Военное Обзорение*. 2002, № 31. Гриняев С.Н. Война в четвертой сфере. *Независимое Военное Обзорение*. 2000, № 42; Козлов Д. Мир без мира, война без правил. *Независимое Военное Обзорение*. 2003, – 5 мая; Баранов М., Тарасов О., Мухин Ю. Пушечное мясо для иракской войны. *Независимое Военное Обзорение*. – 2003, 12 декабря; Кошкин А. Обещание мирового масштаба. *Независимое Военное Обзорение*. 2003. – 5 декабря; Новичков Н. Ночное видение – ключ к успеху в современной войне. *Независимое Военное Обзорение*. 2003, 14 января.

⁴ Слипченко В.И. Там же.

⁵ Васильев В., Лата В., Мальцев В. Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. *Ядерный Контроль*. 2002, № 2, том 8. С. 48–55.

⁶ Под информационно-ударными системами оружия будем понимать системы и комплексы оружия, включающие в свой состав информационные (разведки, связи и ретрансляции данных, навигации), управляющие, ударные и обеспечивающие компоненты различного базирования, способные формировать пространственно-временные (согласованные с планируемыми параметрами удара) многослойные информационно-управляющие и боевые поля, определяющие качественно новые оперативные и боевые возможности ИУСО. Указанные ИУСО отличаются от известных систем высокоточного оружия тем, что в них командно-управляющая информация, циркулирующая в рамках системы, замыкается не только на носитель, а, прежде всего, на средства поражения на всех участках их полета к цели. В результате этого ИУСО реализует уже не концепцию «выстрел–поражение» ($P_{\text{пор}} \geq 0,5$), а концепцию оружия *прецизионного наведения* ($P_{\text{пор}} \geq 0,9$).

⁷ Таким образом, для ведения войн шестого поколения требуется создание принципиально новой материальной базы, которая будет базироваться теперь уже не на чисто ударной, а на информационно-ударной техносфере. Основу информационно-ударной техносферы будут составлять информационно-ударные системы оружия, имеющие одинаковую структуру, одинаковые принципы построения, одинаковые принципы применения, но различные масштабы применения. Простейшие расчеты показывают, что по сравнению с системами высокоточного оружия с вероятностью поражения объекта с одного выстрела (пуска) $P_{\text{пор}} \geq 0,5$ в системах оружия *прецизионного наведения* $P_{\text{пор}} \geq 0,9$ экономия может составлять 3–4 боеприпаса на каждый объект.

⁸ Мальцев В., Савыкин А. От СОИ и ЕВРОСОИ к широкомасштабной системе ПРО и ЕВРОПРО. *Ракеты и Космос*. 2002, № 3–4. С. 30–41.

⁹ National Missile Defence. What does it all mean? *CDI Issue Brief*. 2000, September, Washington. D.C. P. 10–16.

¹⁰ Мальцев В., Савыкин А. От СОИ и ЕВРОСОИ к широкомасштабной системе ПРО и ЕВРОПРО. *Ракеты и Космос*. 2002, № 3–4. С. 30–41.

¹¹ Киселев А.И., Медведев А.А., Меньшиков В.А. Космонавтика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. М.: Машиностроение. Машиностроение / Полет, 2001. С.27.

¹² Необходимо отметить, что существующие тенденции развития форм и способов ведения вооруженной борьбы в ходе конфликтов различной степени интенсивности свидетельствуют о возрастании значимости задач глубокого неядерного поражения противника на всю глубину построения его войск с высокой оперативностью. Это определяет необходимость создания таких систем оружия, которые позволяли бы быстро реагировать на складывающуюся обстановку, осуществлять оптимальный выбор средств поражения для воздействия на объекты различного класса, а также имели бы высокую готовность к применению в любых условиях обстановки.

¹³ Его формирование будет производиться в рамках не завуалированной и явно просматривающейся структуры – космических сил с четко определенным составом решаемых задач. Так, директивой Министерства обороны США 3100.10 от 9 августа 1999 г. «Космическая политика» для главнокомандующего Объединенным космическим командованием (ОКК) определено, что он координирует и осуществляет планирование космической кампании в процессе общего планирования применения вооруженных сил в соответствии с национальной военной стратегией.

¹⁴ Киселев А.И и др. Там же. С. 672.

¹⁵ Мальцев В., Савыкин А. От СОИ и ЕВРОСОИ к широкомасштабной системе ПРО и ЕВРОПРО. *Ракеты и Космос*. 2002, № 3–4. С. 30–41.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Пудовкин О.Л., Андриянов Н.И., Ермак С.Н., Куликов С.В. Космическая деятельность ООН и международных организаций. ЦИПК РВСН. 2001. С. 433.

²⁴ Слипченко В.И. Там же.

²⁵ Мясников Е. Высокоточное оружие и стратегический баланс. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 2000. С. 43.

²⁶ На основе данных авторов.

РАССКАЗЫ О БЫЛОМ. ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕГОВОРАХ ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ И РАЗОРУЖЕНИЮ И МНОГОМ ДРУГОМ

В сентябре 2007 г. Председатель совета ПИР-Центра Роланд Михайлович **Тимербаев** отметил свое 80-летие. Чрезвычайный и Полномочный Посол Тимербаев – крупный специалист в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями, известный мировому экспертному сообществу прежде всего как один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия – краеугольного камня режима нераспространения и многолетний участник Конференций по рассмотрению действия Договора.

К юбилею Р.М. Тимербаева в издательстве *РОССПЭН* при содействии ПИР-Центра изданы его мемуары «*Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и многом другом*», отдельные главы из которых были ранее опубликованы на страницах журнала *Индекс Безопасности*.

Мемуары известного российского дипломата рассказывают о судьбоносных событиях и международных переговорах в области глобальной безопасности, в которых он принимал участие, работая в системе МИД СССР/РФ в Москве и представляя страну в ООН и других международных организациях. В основу книги легли дневниковые записи автора. Среди *персонажей* воспоминаний Чрезвычайного и Полномочного Посла Р.М. Тимербаева советские и иностранные политические деятели, деятели культуры и искусства, в том числе министры иностранных дел СССР и России разных лет А.Я. **Вышинский**, В.М. **Молотов**, А.А. **Громыко**, Э.А. **Шеварднадзе**, Е.М. **Примаков**, дирижер Герберт **Караян** и многие др.

Подробную информацию о Р.М. Тимербаеве и его новой книге смотрите на сайте ПИР-Центра по адресу: <http://pircenter.org/timerbaev>

Мемуары можно приобрести в книжных магазинах г. Москвы Библио-Глобус, Москва, Библион, Московский дом книги, Русское зарубежье, а также в Интернет-магазинах E-house (<http://www.ehouse.ru>), My-shop.ru (<http://my-shop.ru>), Книги-почтой (<http://magazin-knigi.ru>), МегаБукс (<http://www.mega-books.ru>) и др.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАСПИИ

3 октября 2007 г. состоялся *круглый стол* на тему: «Энергетическая политика России в Центральной Азии и на Каспии». Организаторами *круглого стола* выступили Центр политических исследований России и посольство Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации¹. Свои доклады представили старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. Евстафьев, профессор Международного института исследования проблем мира (Осло, Норвегия) П.К. Баев, руководитель Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН Т.А. Митрова, заместитель главного редактора газеты *Коммерсантъ* А.А. Мурсалиев, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности* Н.В. Перфильев. В ходе состоявшейся дискуссии участники обсудили ряд вопросов, касающихся энергетического измерения международных отношений в Центральной Азии (ЦА) и регионе Каспийского моря, а также интересы ключевых региональных и нерегиональных игроков и линии возможного сотрудничества и противостояния. В качестве основных игроков, помимо России и стран региона, были выделены ЕС, США и Китай².

Ниже приводим выдержки из обсуждения.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Цели энергетической политики России заключаются в укреплении позиций страны на мировых энергетических рынках; максимально эффективной реализации экспортных возможностей отечественного топливно-энергетического комплекса (ТЭК), росте его конкурентоспособности на мировом рынке; установлении недискриминационного режима внешнеэкономической деятельности; доступности для российских энергетических компаний зарубежных рынков энергоресурсов, финансовых рынков и передовых технологий добычи и транспортировки энергетического сырья; содействию привлечению в рациональных масштабах и на взаимовыгодных условиях зарубежных инвестиций. Я бы хотел, чтобы через эту призму мы видели очень многие плюсы и минусы российской энергетической политики.

Мы все находимся в одной лодке. Но некоторые в этой лодке постоянно передвигаются и могут ее опрокинуть, пытаясь добиться наиболее выгодной для себя позиции на скамейках этой лодки, и даже свешиваются на один борт. Этого допустить нельзя, это крайне опасная ситуация.

Должны преобладать экономические факторы при проведении энергетической политики. Мы видим поведение наших эстонских соседей, которые в ущерб своим интересам не хотят участвовать в международном разделении труда по созданию Северо-Европейского газопровода (СЕГ). Это как раз нарушение всех возможных принципов оправданных экономических стандартов.

Мне бы хотелось остановиться на нескольких важных вопросах. Возможна ли в принципе *гармонизация* интересов всех участников политического и энергетического процесса в ЦА и что для этого нужно сделать на этом важнейшем пространстве? Или нас ждут соперничество, жесткая борьба за преобладающий доступ к энергетическим ресурсам, и зачастую для России с нулевым результатом?

Второй вопрос. Мы находимся в непосредственной преддверии смены политических элит в странах ЦА. 17 лет прошло, они протянут еще три-четыре года. Придут новые элиты. Это не те советские элиты, которым удалось вопреки многим разговорам удержать ЦА от кровавых потрясений, которые постигли Югославию. Но элиты, *завязанные* на Москву, уходят. России надо думать, как избежать утраты своих позиций, как можно построить отношения, особенно учитывая энергетическую сферу.

Третий вопрос. Каким образом избежать острого столкновения интересов России и Китая в этом пространстве в будущем? Сейчас существует Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), и вроде все получается. А как дальше, в перспективе? Позволит ли ШОС нам это делать долго? Я сомневаюсь. Должна ли Россия правильно оценить свои возможности в ЦА в энергетической сфере и сделать ставку на что-то другое? Это большой вопрос.

Еще один вопрос: Россия – крупнейший поставщик углеводородов. А это не возобновляемые, а уходящие ресурсы. Так ли нужно горячиться с наращиванием этих поставок в тот же Китай? Пусть поставляют в Китай, у них скоро все кончится, а у нас это будет. Нам нужно очень четко определиться с вопросами объемов и направлений поставок углеводородного сырья. Мы должны думать о своих поколениях.

Т.А. МИТРОВА (ИНСТИТУТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН): Хотелось бы рассмотреть роль Европейского Союза (ЕС) в центральноазиатском регионе исключительно с позиций газовой отрасли, без учета геополитических факторов, которые, безусловно, имеют большое значение, но являются темой отдельного исследования.

В последние десятилетия спрос на газ в ЕС устойчиво увеличивается – в среднем на 2,5% в год. При этом, поскольку собственные запасы газа и возможности добычи исчерпываются, неуклонно растет зависимость стран ЕС от импорта. Очевидно, особенно с учетом либерализации, что Сообщество в первую очередь заинтересовано в увеличении предложения газа на своем рынке – это является главным условием снижения или хотя бы стабилизации цен на этот энергоноситель в условиях конкуренции.

Второй важнейшей задачей ЕС является обеспечение надежности импортных поставок. И если прежде в основном речь шла только о расширении круга поставщиков сетевого газа и сжиженного природного газа, то после событий зим 2005/2006 и 2006/2007 гг. все более четко анонсируется другая цель – снижение зависимости от поставок из России, обеспечивающей в настоящий момент около 45% всего европейского импорта природного газа. Надежность поставок, помимо диверсификации источников, подразумевает также безопасность транспортировки и – желательное, но сложно выполнимое условие – доступ непосредственно к добыче углеводородов, что является наилучшей гарантией поставок на европейский рынок.

Все эти причины объясняют особый интерес ЕС к странам ЦА, который возник фактически сразу после распада СССР и с тех пор только усиливается по мере нарастания озабоченности ЕС вопросами энергобезопасности и импорта газа. Дело в том, что возникновение самостоятельных государств на постсоветском пространстве привело к резкому усилению роли газовой промышленности в ЦА. В настоящее время газ, пожалуй, – главный приз в борьбе за этот регион. По данным Статистического обзора мировой энергетики 2006 *British Petroleum (BP)*, здесь добывается всего 5% газа в мире, да и доказанные запасы газа составляют всего около 4,7% мировых. Тем не менее географическое расположение этих запасов в центре Евразии, относительная дешевизна добычи (по сравнению с месторождениями Ямала и российского шельфа), а также воз-

возможность использовать этот газ в качестве альтернативы поставкам из России делают его чрезвычайно привлекательным для многочисленных заинтересованных сторон.

Оценки экспортного потенциала региона существенно разнятся. Институт энергетических исследований РАН на основании доступных данных полагает, что можно говорить о возможности поставок от 80 до 210 млрд м³ из ЦА к 2020 г. в зависимости от сценария развития инвестиционного климата и добычи газа в регионе.

В идеале наиболее привлекательным вариантом для Европы было бы подписание Россией Договора к Энергетической Хартии (ДЭХ) и Транзитного протокола, которые не только позволили бы европейским компаниям добывать газ в Центральной Азии, но и гарантировали его транзит по существующим, наиболее коротким и дешевым маршрутам (через систему магистральных газопроводов Средняя Азия–Центр в Россию и затем – транзитом через Украину в ЕС). Однако многочисленные жесткие заявления России о неприемлемости ДЭХ в ее современной редакции делают такой исход маловероятным.

Менее привлекательный, но все же довольно интересный вариант для ЕС – это строительство альтернативного газопровода, нацеленного на Европу, в обход России. Успешная реализация такого проекта означала бы снижение зависимости от импорта из России, прямые поставки газа в ЕС без транзита по российской территории и более благоприятные условия доступа европейских компаний к разработке ресурсов Прикаспия. Этот вариант также обсуждается давно и зафиксирован во многих документах Евросоюза, в том числе – в Зеленой книге ЕС и в планах программы ИНОГЕЙТ (Международная транспортировка нефти и газа в Европу).

Рассмотрю подробнее проекты из ЦА, поддерживаемые ЕС. Вообще говоря, это, скорее, один основной проект – Набукко и два связанных проекта, обеспечивающих его подпитку газом, – Транскаспийский газопровод (ТКГ), обеспечивающий поставку центральноазиатского газа в Азербайджан, и Южно-Кавказский газопровод (ЮКГ), доставляющий этот газ из Азербайджана в Турцию.

Первое. ТКГ для поставок центральноазиатского газа с шельфа Каспийского моря в Турцию. Предполагалось, что газопровод подключится к активно продвигавшемуся США ЮКГ из Азербайджана в Турцию «Баку–Тбилиси–Эрзурум» мощностью 8 млрд м³, который был пущен в самом конце 2006 г. Проект ТКГ крайне важен для Казахстана, стремящегося выйти на европейские рынки, минуя Россию. Туркменистан по традиции рассматривает этот проект скорее как способ давления на Россию в переговорах по ценам.

Противоречия между Туркменистаном и Азербайджаном, неясные перспективы добычи газа на азербайджанском Шах-Денизе и, соответственно, неясный объем свободных мощностей в газопроводе препятствуют реализации проекта ТКГ. Усугубляют ситуацию политическая нестабильность на Кавказе и неурегулированность вопроса о прохождении секторального раздела Каспия. Безусловно, и Россия, и Иран будут выступать против его реализации. Кроме того, дно Каспия – это чрезвычайно сложный по рельефу и сейсмоактивный участок, рискованный с точки зрения прокладки газопровода. Несмотря на это, ЕС в последний год активно склоняет Туркменистан к возрождению проекта строительства ТКГ. Пока этот проект не имеет реальных источников финансирования, характеризуется высокими рисками, прежде всего политическими, поэтому его реализация в ближайшей перспективе маловероятна.

Второе. Трубопровод Набукко, по замыслу участников проекта, должен заработать в 2011 г., он ориентирован на поступление трубопроводного газа в Европу в обход России. Газопровод длиной 3300 км планируют построить для доставки среднеазиатского и каспийского газа в Европу. Газопровод должен начаться от турецко-иранской границы и, пройдя через Турцию, Болгарию и Румынию, достичь Австрии. Стоимость проекта оценивается в 5 млрд евро, мощность трубы – 30 млрд м³ газа в год.

Еврокомиссия выделяет 1,5–2 млрд евро за счет средств программы ИНОГЕЙТ на проведение технико-экономического обоснования данного проекта.

Однако гарантировать загрузку трубы консорциуму, который состоит из австрийской *OMV*, венгерской *MOL*, румынской *Transgaz*, болгарской *Bulgargaz* и турецкой *Botas*, пока не удалось. Рассчитывать на газ из Ирана, как это было изначально задумано, по политическим причинам уже не приходится. Азербайджан не обладает необходимыми объемами газа. Единственный возможный источник газа – ЦА, тем не менее, пока никаких решений о строительстве по дну Каспия газопровода из Казахстана в Азербайджан не принято. Азербайджан заявил, что он не видит смысла в присоединении к Набукко, пока не выяснится позиция ключевых поставщиков – Туркмении и Казахстана. Вообще, вопрос с ресурсной базой – ключевой для всех альтернативных проектов поставок из региона. Скорее всего, инвестиционные и ресурсные прогнозы Казахстана, Узбекистана и Туркменистана не будут выполнены в полной мере. Все инвесторы, действующие там, уже столкнулись с производственными трудностями, некоторые – с неудачами в разведке на шельфе. Основной прирост добычи в Казахстане идет за счет попутного газа, который компании предпочитают закачивать в пласт.

Существуют также серьезные сомнения в экономической эффективности проектов. Необходимо учитывать, что основные инвестиции в этот проект должны осуществлять частные компании, поэтому он будет реализован только при условии его коммерческой эффективности.

Третье. Южно-Кавказский трубопровод «Баку–Тбилиси–Эрзурум», протяженностью 690 км, который идет параллельно нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) большую часть пути. ЮКГ имеет пропускную способность 7–8 млрд м³ в год, пущен в 2007 г. В случае строительства ТКГ этот газопровод может быть расширен для транзита центральноазиатского газа.

Эти три проекта – звенья одной цепочки поставок. И поскольку слабо ее первое звено – ТКГ, слаба вся цепь. ЕС отдает себе отчет, насколько сложны перспективы этих проектов. Этим объясняются и довольно скромные инвестиции Евросоюза в них. Пока все-таки это – декларация, а не реальный план действий. Особенно ярко это видно по сравнению с другими реализующимися в регионе проектами – американскими и китайскими.

Европа, США, Китай, Индия и другие страны предлагают центральноазиатским странам новые маршруты экспорта. Хотя пока эти планы выглядят сложными для осуществления, обилие новых вариантов ведет к усилению роли производителей, которые начинают диктовать свои условия импортерам. Они добиваются инвестиций в разработку запасов, строительства новых трубопроводов и, главное, заметного роста цен и тарифов на транзит газа. Разговоры о новом *Шелковом пути* выгодны в первую очередь странам ЦА.

П. К. БАЕВ (НОРВЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МИРА): Российская внешняя политика представляется излишне заикленной на обыкновенной торговле нефтью и газом, которую политологи пытаются поднять на уровень *энергетической безопасности*. Уверенность в том, что вся мировая политика вращается вокруг контроля над энергоресурсами, имеет корни более глубокие, чем нынешняя интоксикация сырьевыми сверхдоходами. Мне памятли авторитетные суждения советского Генштаба о том, что главной движущей силой Фолклендского конфликта являлась, вне всякого сомнения, нефть. Взошли новые поколения стратегов, но установка *cherchez la pétrole* лишь выкристаллизовалась в абсолютную истину.

ЦА, где нефтегазовые богатства распределены крайне неравномерно, дает целый набор примеров того, как превратно истолкованные энергетические интересы задают курс на бескомпромиссное противоборство с США. Самый наглядный пример показывает география, с точки зрения которой расхожие представления о стремлении США установить контроль над Каспийскими ресурсами, опираясь на военную силу, не выдерживают первого взгляда на карту. Афганский театр контртеррористических операций

отстоит от Баку, являющегося главным фокусом *большой каспийской игры*, на добрых 1500 км, что означает практическую неосуществимость маневра сил и средств.

С материалами по энергетической безопасности в Центральной Азии Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Центральная Азия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/centralasia>

Другой пример связан с сугубой абстрактностью понятия «энергетические интересы». На деле нефть и газ хотя и являются субстанциями углеводородно близкими, остаются экономически мало взаимозаменяемыми и политически весьма разнородными. Не требует доказательства аксиома, что для России газ – всема голова, но стоит, возможно, напомнить, что для США единственным энергоносителем, имеющим стратегическое значение, остается нефть, тогда как газ важен лишь постольку, поскольку от него могут зависеть некоторые ключевые союзники, в первую очередь по НАТО. Эта асимметрия приоритетов усугубляется тем часто ускользающим от внимания обстоятельством, что каспийская нефть в планах Вашингтона по диверсификации источников снабжения не фигурирует вовсе. Даже *стратегический* нефтепровод БТД, вокруг которого столько лет кипели высокие геополитические страсти, качает нефть исключительно на европейские рынки, да и контролируется консорциумом европейских компаний во главе с *BP*.

Ключевым параметром нефтяных интересов США на самом деле является не контроль и даже не доступ к нефти, а ее цена, которая достигла запредельного плато и угрожает взлететь еще выше, несмотря на надвигающийся и вполне созревший экономический кризис. Снижение цены на нефть до *разумного* уровня в 50 долл. США за баррель способствовало бы смягчению кризисного спазма, но добиться этого можно, лишь создав устойчивое превышение предложения над спросом. Каспийская нефть может стать главным источником этого превышения, который подорвет эффективность квот ОПЕК, и таким образом расширяющиеся поставки нефти из Казахстана в Китай по новому трубопроводу полностью соответствуют интересам США.

С российскими нефтяными интересами на Каспии разобраться сложнее, несмотря на их, казалось бы, самоочевидный характер. Осваивать богатые месторождения в собственном северо-западном секторе шельфа *ЛУКойл* явно не спешит, а *Роснефть* даже не планирует вкладывать средства в гигантский совместный проект, который В.В. Путин и Н.А. Назарбаев с большой помпой презентовали в июле 2005 г. Транзит казахстанской нефти мог бы приносить России неплохой доход, но дело в том, что он приносит одни убытки. Тарифы на прокачку по *частному* нефтепроводу Тенгиз–Новороссийск установлены на уровне ниже операционных расходов, и все попытки *Транснефти* добиться рентабельности упираются в нежелание партнеров повышать стоимость транспортировки принадлежащей им нефти. В этой ситуации *политическое* решение о прокладке второй трубы Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), связанной с вновь заложённым нефтепроводом Бургас–Александрополис, выглядит сугубым расточительством, так как эти инвестиции приведут лишь к росту *негатива*. Уже к концу текущей декады неотвратимый дефицит госбюджета заставит считать деньги всерьез, но даже в нынешние времена немереных трат настойчивое желание удвоить и утроить убыточный транзит вызывает вопрос о подлинных мотивах.

Перспектива оставить без нефти глубоко антипатичный *геополитический* трубопровод БТД, может, и приятно воображению, но все же не настолько, чтобы угрожать на нее немалые сотни миллионов нефтедолларов без всякой надежды их вернуть. Не составляет большого труда выстроить вполне достоверную *конспиративную* версию: снижение мировых цен на нефть, пусть даже плавное, потребует снижения госрасходов и поставит под угрозу стабильность постпутинского режима; если ОПЕК не сможет эффективно урезать квоты, Москве необходимо будет найти способ сократить превышение предложения нефти над спросом. *Внеплановая* авария и длительный ремонт Тенгизской трубы где-нибудь за Волгой могут быть одним элементом решения этой задачи, а серия тер-

рористических атак на Джейханскую трубу – другим. Еще пару лет назад такие *риски* серьезные эксперты смело относили к категории домыслов, но после резонансных нефтяных и газовых войн, новые раунды которых видны невооруженным глазом, их приходится аттестовывать как *весьма вероятные*. Нефтяные интересы США требуют сведения этой вероятности к минимуму, и в этом они полностью совпадают с интересами Азербайджана и частично – Казахстана.

Другое объяснение готовности России нести тяготы убыточного нефтяного транзита связано как раз с меркантильными расчетами Казахстана, который ведет многостороннюю игру, добиваясь от всех заинтересованных сторон максимальных уступок. Для Н.А. Назарбаева не секрет, как отчаянно Россия будет в ближайшей перспективе нуждаться в поставках газа из ЦА для покрытия растущего дефицита своего энергетического баланса. Принимая на себя роль гаранта этих поставок, во всяком случае, в той мере, в какой Москва сумеет их законтрактовать в Туркменистане, он получает взамен дешевый канал для экспорта нефти, а существенно более дорогой маршрут до Джейхана, до тех пор пока Баку не предложит реальный дисконт, остается вспомогательным и резервным. Если интересы США в таком варианте и страдают, то только от задержек в разработке Кашагана, которые Н.А. Назарбаева, играющего в длинную игру, вполне устраивают.

Если российские *жизненно важные* газовые интересы в ЦА переплетаются с помощью Н.А. Назарбаева с куда менее значимыми нефтяными интересами, то у США, строго говоря, газовых интересов нет здесь вовсе. Проект газопровода из Туркменистана до Пакистана через Афганистан, который в принципе мог бы решить проблему энергоснабжения этой зоны бедствия, никогда всерьез не рассматривался, а при нынешней эскалации масштаба этих бедствий и вовсе становится утопией. В Вашингтоне есть группа экспертов, которые, воодушевляясь примером успеха в строительстве нефтепровода БТД, пытаются *раскрутить* до такого же *стратегического* значения проект ТКГ. Их усилиями выделены небольшие гранты на разработку технического обоснования этого проекта, но без конкретных обязательств со стороны Туркменистана, подобных железным гарантиям, выданным в свое время Г.А. Алиевым, дальше этого дело вряд ли продвинется.

Вопрос, по большому счету, заключается не в особой злокозненности американских *ястребов*, которые стремятся лишить Россию доступа к дефицитному газу, а в том, что интересы *Газпрома*, серьезно расходящиеся с интересами страны его базирования, идут вразрез с интересами не только Европы, которая много выиграла бы от закупок каспийского газа без посредников, но и центральноазиатских государств, для которых диверсификация – не роскошь, а средство существования. Любой президент Казахстана или Туркменистана должен добиваться максимальной эффективности экспорта энергоресурсов и сводить к минимуму возможность ценового и, тем более, политического диктата со стороны безальтернативного перекупщика, доверительные отношения с которым не сложились ни у одного из *партнеров* по энергетической квазибезопасности.

Н.В. ПЕРФИЛЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): О возможном политическом и экономическом доминировании Китая в ЦА заговорили чуть ли не с момента распада Советского Союза. Сейчас уже говорят о мощной китайской экспансии. Выход Китая в основные игроки меняет соотношение сил, а усилия китайских компаний по закреплению в нефтегазовом секторе Казахстана, Туркмении и Узбекистана бросают вызов России в центральноазиатском регионе.

Экспансия объяснима. Для устойчивого развития Поднебесной, как и любой стране, необходимы ресурсы. Рост ВВП находится в тесной зависимости от потребления энергоресурсов, поэтому основной стратегической целью китайского правительства является установление прочных внешнеторговых отношений со странами, которые могут обеспечить Китай углеводородами.

Потребление нефти в КНР за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% мирового. В 2003 г. Китай обеспечил 18% роста мирового спроса

на нефть и стал вторым после США потребителем энергии, обойдя Японию. В 2006 г. потребность Китая в нефти составила почти 7 млн баррелей в день. Собственных ресурсов Китаю не хватает. Если в 1998 г. зависимость Китая составила 23%, в 2003 г. – 37%, то сейчас более половины потребности в нефти покрывается за счет импорта. В 2006 г. Китай импортировал 138,84 млн т нефти. По долгосрочным прогнозам Международного энергетического агентства, в 2030 г. Китай будет потреблять 13,3 млн баррелей ежедневно, из них придется импортировать порядка 10 млн. Таким образом, зависимость возрастет до 74%.

Сейчас более половины китайского импорта нефти приходится на Ближний и Средний Восток: Саудовская Аравия, Оман и Иран. По прогнозам такая зависимость может возрасти до 80% к 2020 г. Судан, Ангола и Венесуэла также поставляют значительный объем нефти. Для того чтобы диверсифицировать источники импорта, китайские национальные нефтяные компании инвестируют в поиск и разработку месторождений в России, ЦА, Индонезии, Африке и Латинской Америке.

Регион ЦА занимает одно из приоритетных мест в китайской энергетической стратегии. КНР очень активна в Казахстане: помимо активной скупки китайскими компаниями нефтегазовых месторождений, самым крупным проектом в нефтяной сфере между двумя странами является нефтепровод Атасу–Алашанькоу, который был запущен в эксплуатацию 25 мая 2006 г. Он впервые связал Китай с зарубежными нефтяными месторождениями. Его протяженность составляет более 960 км. Пропускная способность – 10 млн т нефти в год – это примерно столько же, сколько Россия поставляет в Китай по железной дороге.

При всей значимости проекта как для Китая, так и для Казахстана основной наполнитель нефтепровода – *PetroKazakhstan* – не вышел на достаточный уровень производства. На 2007 г. по нефтепроводу Атасу–Алашанькоу планируется перекачка 5–6 млн т нефти. Однако источник, близкий к китайской *CNPC*, считает, что «в 2007 г. объем поставок по трубе составит около 4 млн т, если к транспортировке нефти активно не подключатся российские компании». Для этого существуют все предпосылки. Сейчас *ТНК-ВР* поставляет в Китай около 1 млн т нефти в год, используя этот нефтепровод. Представители *Транснефти* говорили о том, что до 7 млн т может поступать из России.

Применительно к Туркменистану ключевой вопрос: куда пойдет туркменский газ? И китайская альтернатива здесь довольно реальна. Покойный Туркменбаши и председатель КНР Ху Цзиньтао в апреле 2006 г. в Пекине подписали генеральное соглашение о реализации к 2009 г. проекта газопровода Туркмения–Китай. Согласно договору, Китай будет закупать у Туркмении природный газ в объеме 30 млрд м³ в год в течение 30 лет, начиная с начала эксплуатации газопровода Туркменистан–Китай в 2009 г.

Новое руководство Туркмении не намерено серьезно пересматривать это соглашение, учитывая реальную экономическую выгоду от реализации проекта: газопровод и соответствующая инфраструктура будут строиться за счет китайских партнеров, что и было подтверждено 17 июля 2007 г., когда *CNPC* и государственная компания *Туркменгаз* подписали соглашение о строительстве газопровода через территорию Казахстана, куда также вошло положение о создании совместного предприятия по разработке газовых месторождений в Туркменистане.

В случае успешной реализации китайского проекта и при сохранении существующих темпов роста добычи газа в Туркмении топлива на всех не хватит. А соглашение между Туркменистаном и КНР неявно выражает, что поставка туркменского газа в Китай станет приоритетом для руководства страны.

Для Китая этот газопровод может стать гарантом бесперебойного поступления энергоносителей. Для Туркмении данный трубопровод дает дополнительный козырь на переговорах с *Газпромом*, который в последнее время все больше зависит от поставок газа из Туркмении для выполнения взятых на себя обязательств перед его европейскими партнерами.

Данное соглашение может привести к серьезному столкновению интересов Китая и России в ЦА. *Газпром* для выполнения своих обязательств перед Европой может задействовать политические рычаги для оказания давления на туркменское руководство и защиты своих интересов в жизненно важном для него регионе. И в случае если Китай сделает все для претворения соглашения с Туркменистаном в жизнь, то будущее российско-китайского сотрудничества в регионе может быть подвергнуто серьезным испытаниям.

Сейчас создается новая ситуация, дающая Туркменистану более обширное поле для маневра. Это отражается и в подходе руководства Туркмении к вопросу о заключении контрактов: как правило, речь идет о долгосрочных, но юридически не обязывающих деклараций принципов сотрудничества в сочетании с краткосрочными контрактами с фиксированной ценой, по истечении которых происходят корректировка и заключение нового соглашения. При этом Ашхабад повторяет, что российское направление экспорта туркменского газа было и остается стратегическим, а строительство нового газопровода в Китай никогда не нанесет ущерб сотрудничеству с Москвой.

В таком контексте можно рассматривать заявление президента Туркмении во время встречи с президентами России и Казахстана в Ашхабаде 12 мая 2007 г. о намерении участвовать в строительстве Прикаспийского газопровода и модернизации уже существующих газопроводов. Но соглашение с Москвой пока остается на уровне декларации, к заданному сроку 1 сентября 2007 г. межправительственная комиссия не выработала никаких конкретных решений о реализации проекта строительства Прикаспийского трубопровода.

Тем не менее в российско-китайском взаимодействии можно отметить и положительные моменты. Например, налаживание сотрудничества между российскими и китайскими компаниями на территории Казахстана и Узбекистана: *Роснефть*, *ЛУКОЙЛ* с российской стороны и *CNPC*, *Sinopet* с китайской создают совместные предприятия и инвестируют в разработку нефтегазовых месторождений в этих странах.

В целом, Китай показывает себя достаточно успешным игроком, пользуясь желанием стран ЦА уйти из-под контроля России. Он умеет находить подходы и договариваться с местной элитой, российские же инициативы пока не уходят дальше декларации намерений.

Очевидно, что Россия при всем желании не в состоянии обеспечить контроль над энергетическими ресурсами региона, поэтому следует проводить политику поиска баланса с ключевыми игроками. Если следовать логике российского руководства, то взаимодействие с Китаем кажется более предпочтительным, чем взаимодействие с США. Поэтому России и Китаю предстоит найти механизм согласования интересов в экономической сфере, доказать, что стратегическое партнерство существует не только на декларативном уровне. В этом контексте интересна эволюция повестки дня ШОС и активизация экономического фактора во взаимоотношениях стран-участниц.

Тем не менее при всей перспективности отношения России и Китая в нефтегазовой сфере носят характер *соперничества-сотрудничества*, и то, в какую сторону сдвинется баланс, зависит от гибкости сторон и желания идти на взаимовыгодное сотрудничество. Пока же имеют место обе тенденции.

А.А. МУРСАЛИЕВ (КОММЕРСАНТЪ): На долю стран ЦА, а точнее Каспийского бассейна, приходится порядка 10% мировых запасов нефти и газа. Это не так уж и много. Но в ситуации, когда окружают их страны и регионы, импортирующие от 50 до 70% потребляемых ими энергоресурсов (Китай – 50%, Европа и Индия – по 70%), и доля эта постоянно растет, востребованность этих 10% резко повышается.

Война за каспийские энергоресурсы началась буквально сразу после распада СССР и появления новых независимых стран. Специфика этого региона заключается в том, что он не имеет самостоятельного выхода на мировой рынок. Почти по всему перимет-

ру он окружен тремя странами – Россией, Китаем и Ираном, каждая из которых имеет свои виды на ресурсы этого региона.

Россия, не претендуя, во всяком случае пока, на восстановление империи, тем не менее намерена восстановить и упрочить свое влияние в регионе, став если не владельцем, то как минимум диспетчером потоков энергоносителей на внешний рынок. Китай, испытывающий отчаянную нужду в стабильных поставках нефти и газа, хотел бы *пристроить* Прикаспий к себе в качестве надежного резервного бензобака. Иран, для которого эти страны – прежде всего конкуренты, стремится не допустить их на те рынки, на которые он сам имеет виды. Кроме того, не следует забывать, что все три эти державы весьма амбициозны, не склонны мириться с существующим положением и рассматривают этот регион (или значительную его часть) как свои утраченные исторические территории.

Именно эти страны являются основными игроками на центральноазиатской арене, пытающимися оспорить претензии на ресурсы региона со стороны Запада – США и Европы. Несколько особняком стоит Индия, также имеющая здесь интересы, но пока не наладившая самостоятельной игры. Она, скорее, выполняет вспомогательную роль, призывая то к одному лагерю, то к другому.

Между тремя крупными геополитическими плитами, то есть Россией, Китаем и Ираном, есть всего два зазора, две калитки – Кавказ и Афганистан. И неслучайно, что первые же проекты альтернативных коммуникаций, связывающих ЦА и внешний мир, должны были пройти через эти узкие коридоры. Так же как вряд ли случайно, что именно вдоль этих коридоров и возникли очаги напряжения – межэтнические конфликты, сепаратистские выступления, гражданские войны и перевороты.

Коммуникационная война в этом регионе прошла через несколько этапов. Первый – *брутальный* начался буквально сразу после распада СССР. В начале 1990-х гг. новые независимые страны, оказавшиеся в состоянии экономического коллапса, отчаянно нуждающиеся в валюте, предприняли первые попытки в этом направлении.

Туркмения вела переговоры в конце января 1992 г. с *Газпромом* о выходе на внешние рынки, но получила грубый отказ. Последовала *первая газовая война* с Украиной, и через две недели самая слабая республика СССР праздновала победу над второй по мощи. Но тогда победителем на самом деле оказался *Газпром*. Борьба все еще продолжается.

К этому же периоду относятся и первые крупные нефтяные контракты – *Шеврон* на Тенгизе и консорциум во главе с *BP* в Баку. Но у *Шеврона* с Казахстаном тут же появились проблемы с прокачкой нефти – более-менее завершившиеся после строительства КТК (впрочем, и с КТК все еще не так просто). Азербайджанскому консорциуму пришлось сложнее. На этом маршруте произошло пять политических переворотов (один в Азербайджане, по два в Грузии и Армении), несколько неудачных попыток, шесть или семь военных конфликтов, в большинстве своем не завершившихся до сих пор. Однако узкий участок от каспийских месторождений до черноморских и средиземноморских портов оказался свободным и защищенным, и по нему проложен первый независимый от *Транснефти* трубопровод от месторождения до порта. Теперь параллельно прокладывается газопровод.

Афганскому коридору не повезло. В середине 1990-х гг. появился проект трансафганского трубопровода. Но военные успехи талибов разрушили эту идею.

Второй этап – *война трубопроводов*. Российские контракты в ЦА скупили всю ресурсную базу для Набукко (из 80 млрд м³ туркменского газа 50 предназначено России, 30 – Китаю).

В ответ продвигается идея ТКГ. Ситуация напоминает начало-середину 1990-х гг: снова обострение на Кавказе. Но есть существенная разница: с одной стороны, режимы

в этих странах более стабильны и более устойчивы, с другой, после 11 сентября усилено присутствие Запада (США) в регионе.

Также следует отметить запредельную цену на энергоносители. Одно неосторожное движение, и цена на нефть легко проскочит планку в 100 долл. и помчится дальше. Расхлебывать придется всем. И потому стороны пытаются играть на обострение, провоцируя друг друга на необдуманный шаг.

Россия пытается заткнуть кавказский коридор грузинской пробкой, и тогда все проекты захлебнутся, а Западу придется вместо коридора пытаться пробивать ворота – Иран. Последствия военной операции в Персидском заливе для мировой энергетики очевидны и многократно описаны.

Запад, в свою очередь, пытается столкнуть в ЦА лбами Россию и Китай, направив активность последнего в ЦА и Сибирь. Не последнюю роль здесь играет *оранжевый бунт* в Мьянме – стратегическом энергокоридоре для Китая. Иран же, понимая цену вопроса для всех игроков, идет ва-банк.

А тем временем все лихорадочно обсуждают и разрабатывают крупные трансконтинентальные коммуникационные проекты – Набукко, Одесса–Броды–Гданьск, СЕГ, Голубой поток и т.д., и т.п. Потому что, когда все закончится, все равно откуда-то и куда-то придется прокачивать нефть и газ. И выиграет тот, у кого будет готовая инфраструктура.

Д.А. АХУНДОВ (ПОСОЛЬСТВО АЗЕРБАЙДЖАНА В РФ): Спасибо за интересные и содержательные доклады, но хотелось бы высказать и несколько замечаний.

Выступление г-жи Т.А. Митровой навеяло на меня воспоминания о конце 1990-х гг. по поводу строительства нефтепровода БТД. Тогда говорили: ничего не будет построено, экономически нерентабелен, с экологической точки зрения вреден и т.д. Будучи в Москве на одном из *круглых столов*, один из докладчиков сказал эмоционально: «Как вы думаете, Баку–Джейхан придушить или он сам умрет?» Я там выступил и сказал, что не для того строится, чтобы могли придушить. Сейчас мы слышим то же самое: ТКГ нерентабелен, с экономической точки зрения не выгоден и т.п.

Я бы хотел продекларировать официальную позицию Азербайджана. Первое, мы проводим многовекторную политику, и наше руководство об этом неоднократно заявляло. В отношении ТКГ позиция достаточно специфичная: есть продавец, есть покупатель. Если продавец захочет продать, а покупатель захочет купить, то тогда Азербайджан любезно предоставит свою инфраструктуру под этот проект. Больше мы ничего не можем дать.

Второе, расстояние между газовой инфраструктурой Азербайджана и газовой инфраструктурой Туркменистана всего 60 км. Это заявление президента нашей нефтяной компании. Я не думаю, что сейчас мы можем говорить о какой-то рентабельности или нерентабельности. Вопрос здесь шире: этот газопровод задействован на Набукко. А Набукко в большей мере связан с Ираном. То, в какой мере позиция Запада будет определена в отношении Ирана, станет определяющим фактором в этих проектах. Это очень важный вопрос, который стоит анализировать. Ситуация вокруг Ирана архисложная, ситуация внутри Ирана тоже непонятная. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы эти вопросы решались мирным путем, ибо на севере Ирана проживает 25 млн этнических азербайджанцев, да и не только азербайджанцев, у нас многосоткилометровая граница, и конфликт станет гуманитарной катастрофой.

Хотел бы отметить выступление президента Туркмении Г.М. Бердымухаммедова на Генассамблее ООН, о котором здесь никто не упомянул. Но когда с высокой трибуны президент говорит о готовности к большей открытости и выходу из изоляции, это наводит на определенные мысли, побуждает к определенному анализу.

По вопросу о ценах на нефть г-н Мурсалиев сказал, что цена запредельная. Я к этому вопросу отношусь со скептицизмом, потому что если мы проанализируем цены на нефть в 1970-х гг. и соотнесем с настоящим временем, то мы увидим, что цены тогда были даже более высокими, чем сейчас.

О.В. ПИЛИПЕЦ (ТРАНСНЕФТЬ): Я представитель легендарной компании. Легендарной потому, что вокруг нее очень много легенд, часть из которых не имеют реальных оснований, поэтому хотелось бы сделать несколько комментариев в качестве сугубо личного мнения.

Я согласен с г-ном Баевым, что напряжение между Соединенными Штатами и Советским Союзом, а теперь Россией наносит непоправимый ущерб как национальным интересам Америки, так и национальным интересам России. К сожалению, стереотипы довлеют очень сильно. И у нас, и у них есть люди, которые сделали себе капитал в США на антисоветизме, а сейчас, не зная российской специфики, проецируют свой антисоветский опыт.

Проблемы очень серьезные. Я с вами полностью согласен, что мы в одной лодке, что Америке и России, обладающим колоссальным опытом в вопросах энергетики, нужно следить за порядком в этой лодке. А сначала надо достичь максимального взаимопонимания. Момент уже уходит.

Я не могу согласиться, что Соединенные Штаты придали нефти первостепенное значение, а газ оставили на втором плане. У меня впечатление, что США сделали ставку на газ и в результате этого оказались в очень проблемной ситуации. Если сравнивать нефтяной бизнес и газовый бизнес, то нефтяной – дешевле. Нефтяное дело – проложили трубу и можете поставлять на международный рынок. Газ – нет. Если поставлять сетевой газ, то надо создавать тысячи километров труб. Если переходите на сжиженный газ, то это еще сложнее. Надо сжать газ, иметь колоссальный дорогостоящий танкерный флот, потом иметь систему для разжижения. Поскольку американцев очень беспокоило, что они теряли положение на нефтяном рынке, они сделали ставку на газ. Они убедили своих западноевропейских союзников: давайте перейдем на сжиженный газ и не позволим продавцу диктовать нам цены. Но здесь оказалась другая проблема. Основные источники газа: Россия, Иран и Катар. С Россией один уровень отношений, с Ираном это и отношениями трудно назвать, Катар в этой обстановке несколько сбавил темпы развития сотрудничества. Сейчас у меня складывается впечатление, что американский бизнес начинает спрашивать с Буша, почему газ оказался вне сферы их контроля.

Я согласен в отношении наличия американских интересов в этом регионе. Да, у них есть интересы, они специально сказали, что Каспий в зоне их интересов. Пусть говорят. Но и мы можем так сказать. Незачем поднимать по этому поводу крик: сказали и сказали. Нужно спокойно развивать сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами.

Также хотелось прояснить несколько мифов о *Транснефти*. Компания создавалась в рамках Советского Союза. Она обслуживала советскую экономику. В 1991 г. оказалось, что часть клиентуры отпала. Остались звенья трубопроводной системы Советского Союза, которые оказались на территории независимых государств. Это система трубопроводов и в Литве, и в Латвии, и в Белоруссии, и в Украине, и в Азербайджане, и в Казахстане, и маленькая часть в Туркмении. Ситуация, которая была в эти годы, показала, что эти страны оказались в очень тяжелом экономическом положении. Оказались пустые трубы. Для интересов российской экономики это не было жизненно важным. То, что касалось российской экономики, мы обеспечивали необходимый уровень прокачки, за исключением дефицита экспортных возможностей. А почему? Потому что в советское время так вопрос не стоял. Но для новых независимых государств основной вопрос был: как можно быстрее свою нефть поставить на международный рынок? Что важно, специалисты сохранили здравый смысл. Технологически мы работали и работаем до сих пор вместе. Хотя в разных странах это собственность разная, но технологичес-

кая основа одна. Мы работаем, у нас единый центр, друг с другом все согласовывается, имеется диспетчерская служба. Механизм взаимосвязан, как кровеносная система.

Что касается БТД, то действительно, по трубе Баку–Тихорецкая в один период советского времени нефть качали из Баку в сторону Грозного, потом, когда месторождения ушли на большую глубину и стало выгодно добывать в Сибири, стали гнать в Баку. После распада СССР труба оказалась пустой. В конце 1990-х гг. наши специалисты предложили на время, пока строится Баку–Джейхан, сделать реверс и пустить нефть на Новороссийск: и вам хорошо, и нам хорошо. Не знаю почему, но начались крики против строительства БТД: а зачем вы строите? Да это не надо. В эту дискуссию оказались вовлечены представители *Транснефти*, которые в пылу азарта на всех семинарах стали критиковать БТД. Это продолжалось несколько лет. Кончилось тем, что сказали: а какое наше дело, что они будут строить Баку–Джейхан? В итоге на протяжении многих лет сама *Транснефть* ни на каких мероприятиях его не критикует.

В отношении китайских мифов. Идея строительства трубопровода от Ангарска до Тихого океана родилась в советские времена. Готовили проект, но был выбор, что строить: БАМ или трубу. Благодаря настойчивости специалистов Министерства обороны, которые доказали, что БАМ нужен, выбрали железную дорогу. Потом с компанией *Транснефть* связался ЮКОС с предложением о поставках нефти в Китай. Предполагали построить трубу из Ангарска в Улан-Батор, а из Улан-Батора в Пекин. Но китайцы отказались строить через Монголию, чтобы избежать транзитных проблем. Они требовали, чтобы трубопровод обошел с юга Байкал и вышел на Забайкальск. Но возникли другие проблемы: обрывистый берег Байкала, на юг не отойти, там Монголия, экологические проблемы. Единственная возможность – обойти Байкал с севера. А дальше, раз доходим до половины пути между Ангарском и побережьем Тихого океана, какой смысл выходить только на китайский рынок, ведь это монопольный покупатель? И тогда мы предложили правительству проработать проект строительства от Ангарска до побережья Тихого океана. И государство заказало нам этот проект. Мы предполагали пустить его вдоль БАМа, чтобы использовать эту инфраструктуру. Но на севере БАМ проходит очень близко от Байкала. Начался шум. Тогда В.В. Путин сказал, что поскольку выше впереди находится Верхнечонское месторождение, то трубу нужно поднять на 400 км в сторону Верхнечонской системы, тем самым сокращается подход до магистрального нефтепровода, а потом уходите на Сковородино. Мы половину уже построили. Планируем в 2008 г. закончить эту трубу. Если Китай заключит соглашения с соответствующими российскими компаниями, то мы эту нефть им поставим. И дальше начинается вторая очередь от Сковородино до Тихого океана. Мы одновременно на Тихом океане строим нефтяной терминал на 50 млн т.

А.В. МУХИН (СТАТОЙЛ ГИДРО): Энергетическая политика России ориентируется на то, что Россия является нетто-экспортером энергоресурсов. В этом смысле мы всегда традиционно ориентировались на европейский рынок. Это европейский рынок газа, к которому мы были привязаны всей системой магистральных трубопроводов. Конечно, игнорировать диалог на энергетическом рынке Европы нельзя.

ЦА, по мысли *Газпрома*, могла выступать хорошей дешевой альтернативой другим источникам газа. Когда мы проводили расчеты у нас в компании, при цене поставок газа 40 долл. за 1 тыс. м³ ЦА была очень хорошей альтернативой. Когда цена перевалила за 100 долл., то это сомнительная альтернатива.

Роль ЦА и Каспийского региона тем не менее значительна. Со стороны наших европейских потребителей важны поставки из этого региона не только потому, что это альтернатива российским поставкам по политическим причинам, а в том числе и потому, что нет уверенности, что Россия способна в долгосрочной перспективе выполнить свои обязательства по поставке энергоресурсов с точки зрения ресурсной базы, с точки зрения объемов добычи, с точки зрения транспортной инфраструктуры.

Что касается восточных проектов, то для России в случае, если возникнут проблемы на европейском рынке, они представляют альтернативу.

А.Н. СИНЕВ (NAC INTERNATIONAL): В ходе дискуссии прозвучал вопрос: а надо ли рубить сук, на котором сидишь? Россия настолько энергозависимая страна, что беспредельно качать нефть и газ не получится. А чем длиннее трубопровод, чем больше его диаметр, тем раньше наши запасы иссякнут.

По многим исчислениям, Россия не должна существовать за Полярным кругом, а мы там развиваем энергетику. При таких накопленных стабилизационных финансовых ресурсах, может быть, просто попридержать нефтегазовые запасы?

П.К. БАЕВ: Заострю внимание на центральном вопросе. Последние 15 лет дискуссия идет о том, хватит ли ресурсов. Не иссякнет ли нефть, достаточно ли газа? Как ни считай эти ресурсы, то получается достаточно, в общем там, в земле, предостаточно всего этого. Проблема в том, что в течение 15 лет накопилось колоссальное недовложение в разработку этих ресурсов. Вы говорите, стоит ли горячиться? Мы настолько не горячились, настолько недовложили, не только мы в России, в Туркменистане, в Иране; произошло разрушение энергетического комплекса в Ираке. Этот накопившийся дефицит создает колоссальную проблему энергетической безопасности. Проблема возникнет не потому, что ресурс иссякнет, а потому, что мы в него недовложились.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ: Здесь много говорили об Афганистане. Но, помилуйте, разве можно, как некоторые, выдвигать концепцию *Большой Центральной Азии*, в которую не включают Иран, но включают Афганистан, который должен стать центром Большой ЦА, поскольку якобы Афганистан достиг наибольших результатов в демократизации страны.

Россия в ряде случаев отстала от тех тенденций, которые развивались в энергетической сфере. Может быть, потому что она была немножко самоуверенна. Тем не менее мы сейчас имеем достаточно интересную ситуацию, когда прекратилась монополия России на транспортировку углеводородного сырья из ЦА. Не надо никого винить. Хотя я не согласен с теми, кто здесь говорил, что у Соединенных Штатов нет интереса в ЦА. Надо прочитать работы американских политологов о роли региона, в том числе военно-политические планы. Вы увидите, люди занимаются ЦА не только, может быть, не столько с точки зрения нефти, которая им не нужна. Им нужны цены на эти ресурсы, им нужны пункты, с которых можно проецировать свою политическую и военную силу в различные регионы мира, в том числе и здесь.

Мы должны где-то согласиться с тем, что наша монополия на доступ к ресурсам ЦА и Каспия закончилась. Не нужно за нее биться. Надо найти *гармонизацию интересов и с интересами будущих элит, которые придут к власти в этом регионе*.

Соединенные Штаты вряд ли смирятся с ролью второстепенного игрока в энергетической сфере на этом пространстве. Они попробуют изменить ситуацию. Нам нужно понять, каким образом они сумеют вклиниться в эту ситуацию. На что они будут делать ставку. Можно ли с ними тоже договориться. Опыт Каспия показывает, Россия выдвинула план CASFOR, план обеспечения безопасности в Каспии. И параллельно Соединенные Штаты, не заявляя о том, что они собираются с нами сотрудничать, выдвигают концепцию *Caspian Guard*, причем узкую концепцию. Они готовы сотрудничать только с Азербайджаном и Казахстаном. Но это же нельзя. Зачем? Почему? Какой смысл? Присоединяйтесь. Нет, они не играют руководящей роли, и все остальное их не устраивает. Здесь они не будут определять направление потоков, направление движения финансовых ресурсов. Видимо, это их не устраивает. У Китая в регионе – своя энергетическая политика. И она строится на долгосрочной основе. В этом всем комплексе есть еще Казахстан, который хочет сыграть крупную роль, как страна-лидер ЦА.

Я задал четыре вопроса. К сожалению, я не получил достаточных ответов. В лодке-то мы в лодке, а гребем ли мы вместе? Можем ли мы найти *modus operandi*? А проблема-то крайне взрывоопасная. Непонимание образа действия партнеров приводит к большим проблемам. О.В. Пилипец нам какие-то моменты показал. Когда мы не вникаем в историю и не понимаем, почему, и говорим: давай, только сегодня. Наши западные

друзья только это и делают. А ведь есть предыстория, с которой надо считаться, надо учитывать. Я за то, чтобы мы с американцами тоже находили определенное взаимодействие; когда его нет, это вредит всему прогрессивному человечеству. Нам на все это нужны ответы. Их пока нет.

Примечания

¹ ПИР-Центр выражает признательность посольству Швейцарской Конфедерации в РФ и МИД Швейцарии за поддержку организации и проведения данного *круглого стола* и публикации материалов по его итогам.

² В заседании *круглого стола* также приняли участие: президент ПИР-Центра В.А. Орлов; Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарии в России Эрвин Хофер; директор Московского центра Карнеги Роуз Геттемюллер; советник-посланник посольства Азербайджана в Москве Д.А. Ахундов; исполнительный директор Всероссийского азербайджанского конгресса Э.Г. Кулиев; старший экономический советник московского представительства *СтатойлГидро* А.В. Мухин; советник президента компании *Транснефть* по международным связям и развитию О.В. Пилипец; директор московского представительства *NAC International* А.Н. Синев, президент компании *Нефтьгазремстрой* С.К. Садыков; советник аппарата Комитета Совета Федерации по международным делам М.Л. Токарев. Кроме того, в дискуссии приняли участие представители МГИМО (У) МИД РФ, Центра международной безопасности и Центра Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, Российского института стратегических исследований, Института проблем нефти и газа РАН, ОАО *Русский Алюминий*, *ТНК-ВР*, Высшей школы экономики, посольств Венгрии, Польши, Узбекистана и Швейцарии и др.

Линтон Ф. Брукс

НАДЕЖНЫЕ ЗАМЕЩАЮЩИЕ БОЕПРИПАСЫ – КАК ОНИ ПОМОГУТ ДЕЛУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ¹

В последнее время эксперты все чаще ставят вопрос о «надежных замещающих боеприпасах» (*Reliable Replacement Warhead – RRW*). И мне хотелось бы высказаться в этой связи, так как в Министерстве энергетики США я как раз и курировал вопрос *RRW*.

Вопросы финансирования этого проекта на сегодняшний день доминируют в дебатах Конгресса США по составлению части бюджета, выделяемой на ядерный арсенал. Если Конгресс даст программе *RRW* зеленый свет, она сможет в корне изменить то, как в ближайшие двадцать лет будут формироваться наши средства ядерного сдерживания. Следовательно, необходимо разобраться, каковы могут быть ее последствия – как для американской ядерной политики, так и для режима нераспространения в целом.

Термин «надежные замещающие боеприпасы» имеет два значения. Во-первых, он описывает конкретный тип боеголовки, способной заменить часть существующих боезарядов *W76* для баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) *Трайдент*. В более общих чертах этот термин характеризует новаторскую концепцию, которая могла бы преобразить американский оружейный арсенал и системы его обеспечения.

Начнем с более узкого определения. *W76* – наименьшая по размеру из двух боеголовок для БРПЛ *Трайдент* и представляет собой самый многочисленный тип ядерных боеприпасов в США. Ее создание пришлось на время холодной войны, когда отдельные виды боезарядов разрабатывались в первую очередь для того, чтобы обеспечить размещение на каждой ракете наибольшего количества боеголовок (и таким образом увеличить ее удельную мощность), а также максимально уменьшить использование плутония, который в то время считался дефицитным ресурсом. В результате боеголовка *W76*, как и многие современные американские боеголовки, является примером тщательно разработанной модели, но с достаточно низким запасом прочности, что делает ее особенно восприимчивой к непредвиденным последствиям старения.

Боеголовки *RRW* решают эту проблему с помощью увеличения срока службы. Они будут использовать дополнительный вес и объем, высвобожденные в результате сокращения числа боеголовок на каждой ракете с целью увеличения запаса прочности (и, таким образом, роста их надежности) и внесения ряда важных усовершенствований в плане безопасности. Так как у этих улучшенных боезарядов были бы характеристики, схожие с существующими боезарядами и, кроме того, помещались бы они на те же ракеты, нацеленные на те же цели, они не предполагают начало новой ядерной гонки. Наоборот, принятие их на вооружение имело бы важные и благотворные последствия для режима нераспространения.

И
А
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К

Вопреки опасениям отдельных специалистов действующее законодательство, различные заявления администрации США, технические заключения директоров американских оружейных лабораторий и анализ независимых групп экспертов ясно дают понять, что программа *RRW* может быть и будет разработана и передана на вооружение **без ядерных испытаний**. В то время как правительство США хотело бы сохранить за собой возможность возобновления испытаний с целью предотвращения непредвиденных проблем, связанных со старением материалов, оно явно ищет способ избежать таких испытаний, и маловероятно, что США когда-либо снова возобновят их. Единственный вероятный вариант развития событий – это диагностирование или исправление недостатков конкретного типа оружия, важного для существования средств сдерживания. Предполагается, что только *W76* соответствует этим требованиям. Таким образом, диверсификация вооружений на подводных лодках, оснащенных БРПЛ *Трайдент*, и увеличение запаса прочности боеголовок позволили бы еще больше снизить уже сейчас достаточно низкую вероятность возвращения к ядерным испытаниям.

Но нельзя забывать, что у термина «надежные замещающие боеприпасы» есть и второе, более широкое значение. Его сторонники ожидают появления усовершенствованного ядерного арсенала, основанного на принципах *RRW*. Увеличение запаса прочности снижает эти боеголовки значительно менее чувствительными к непредвиденным последствиям старения материалов и более простыми в плане модернизации, когда (и если) их старение потребует этого. Устранение многих опасных материалов поможет сберечь здоровье и сохранить безопасность персонала, в то время как внедрение производственных соображений в исходное проектное решение позволит упростить модификацию или устранить типовые неполадки.

Значительное увеличение безопасности боеголовок сможет стать ответом на вызовы безопасности после 11 сентября благодаря использованию новых технологий, а не численному увеличению сил безопасности. Модернизация моделей вооружений и инженерных возможностей национальных лабораторий пополнит американский интеллектуальный капитал, необходимый для того, чтобы с честью ответить на вызовы будущего.

Концепция *RRW* позволит преобразить сегодняшний перегруженный и устаревший ядерный комплекс в быстрореагирующую инфраструктуру ядерного оружия, необходимую в будущем, к которой призывал Обзор ядерной политики (Nuclear Posture Review) в 2001 г. Именно эти более широкие, трансформационные стороны проблемы больше всего вдохновляют ее сторонников.

Многие представители нераспространенческого сообщества смотрят на *RRW* со скептицизмом. Они опасаются, что создание замещающих боеголовок даст стимулы к распространению и что *RRW* неминуемо приведет к возобновлению ядерных испытаний. Кроме того, они боятся, что усовершенствованный оружейный запас и модернизированный оружейный комплекс повернут вспять снизившуюся роль ядерного оружия в системе безопасности США, что стало желанным побочным эффектом окончания холодной войны. **Страхи эти необоснованны**, а те, кто выражает их, поняли все с точностью до наоборот.

Нераспространенческое сообщество, если, конечно, оно осознает истинный смысл этой программы, должно выйти на улицы с требованиями переключения на *RRW* исключительно в силу принципов нераспространения!

Во-первых, если мы сможем усовершенствовать наши арсеналы, основываясь на концепции RRW, это еще на один шаг приблизит нас к прекращению ядерных испытаний. Оружие, разработанное по принципу RRW, не только будет меньше нуждаться в испытаниях с целью выявить или исправить недостатки (вследствие его более высокого уровня прочности), но широкое принятие этого факта устранил некоторые технические вопросы, которые заставили Сенат отвергнуть ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Нынешняя администрация США не поддерживает ратификацию ДВЗЯИ. Но вот команда, которая придет ей на смену, возможно, делает это. Камнем преткновения станет баланс между предполагаемой международной

выгодой от ратификации и техническим риском для военной программы. Концепция *RRW*, способствуя росту уверенности в исчезновении необходимости ядерных испытаний, могла бы *перевесить чашу весов* в этом споре и позволить сегодняшним скептикам уступить в вопросе о ратификации.

Во-вторых, RRW позволит и в дальнейшем значительно сокращать размер ядерного арсенала США. Хотя США предпочли и не следовать традиционной политике контроля над вооружениями, за последние несколько лет они заметно сократили свои запасы ядерного оружия. К 2012 г. число единиц боеготового оружия снизится до 1 700–2 200 стратегических боеголовок – уровень, который невозможно было себе представить во время разработки СНВ-1, – а суммарное число вооружений будет наименьшим со времен администрации Эйзенхауэра. Количество развернутого оружия в ближайшем десятилетии почти наверняка еще больше снизится, но при нынешнем ходе вещей США сохранит большое количество складированного оружия в качестве перестраховки от геополитических изменений (таких как, например, возникновение враждебной державы, ищущей возможность начать новую гонку вооружений) или же на случай возникновения технических проблем с развернутым оружием. Способствуя становлению поистине быстро реагирующего оружейного комплекса, *RRW* сделает значительную часть неразвернутого оружия излишним, что позволит приступить к его уничтожению. Если же, например, в оружии можно будет быстро исправлять недостатки, исчезнет смысл в хранении излишков старого оружия, которое приберегалось на случай проблем с эксплуатацией или надежностью развернутого. Это облегчит принятие политического курса, которому должны бы следовать США, да и вообще все ядерные державы, а именно снижение количества ядерного оружия и его роли до минимально возможного уровня в соответствии с принципами национальной безопасности как нашей страны, так и наших союзников, в то же время пытаясь добиться создания мира, в котором их существование будет неактуальным и, следовательно, ненужным.

В-третьих, RRW поможет убедить тех союзников, которые в данный момент полагаются на ядерный зонтик США, в том, что они могут делать это и им не нужно создавать собственные ядерные программы. Недавняя реакция среди японской общественности на северокорейское ядерное испытание четко показывает, что гарантирование безопасности союзников за счет ядерного сдерживания все еще играет немаловажную роль в международных отношениях. И *RRW* сможет это обеспечить.

Технические и политические предпосылки, которые могли бы позволить серьезно рассматривать полное уничтожение ядерного оружия, все еще остаются в далеком будущем. Пока такие предпосылки не появятся – если это вообще когда-нибудь случится – Соединенным Штатам и другим ядерным державам потребуется сохранять равновесие между своими обязанностями в области безопасности и поддержкой режима нераспространения. Программа *RRW* и преобразованный в ее результате оружейный комплекс совместно сдвинут чашу весов в пользу нераспространения.

Итак, эта концепция заслуживает решительной поддержки со стороны сообществ, работающих как в сферах безопасности, так и нераспространения.

Примечание

¹ В основе данного комментария лежит выступление Линтона Брукса на ежегодной конференции по нераспространению Фонда Карнеги за международный мир 25 июня 2007 г. Мы публикуем этот текст с любезного согласия автора, который передал его полный вариант редакции. Перевод – ПИР-Центр®, 2007.

ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Электронный новостной бюллетень *Ядерный Контроль* представляет собой еженедельную подборку материалов российских средств массовой информации по проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки. Формат бюллетеня позволяет *сконцентрироваться* в первую очередь на проблемах, связанных с мирным и военным использованием атома, а также с разоружением. Материалы бюллетеня публикуются в следующих разделах:

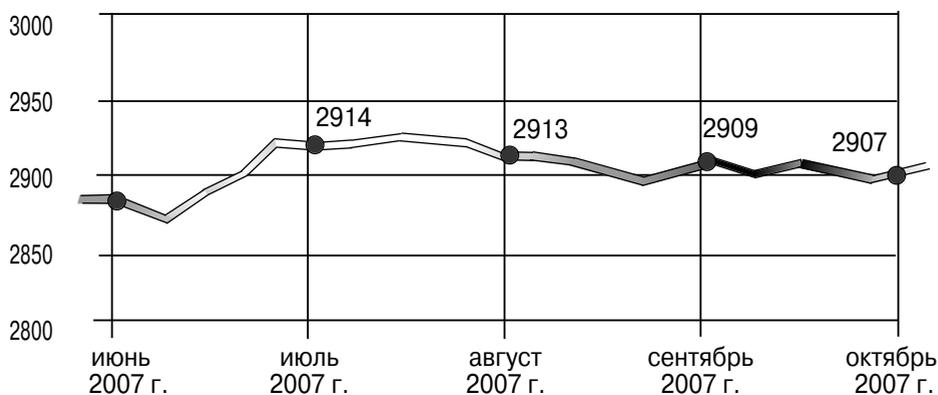
- ❑ **Календарь.** Обзор основных событий недели в области атомной энергетики, мирного и военного использования атома, ракетной техники.
- ❑ **Ракетное и ядерное досье.** Ключевые события в *зеркале* российских СМИ в ракетной и ядерной сферах. В разделе публикуются аналитические и информационные статьи, посвященные вопросам контроля над вооружениями, ОМУ-терроризма, экспортного контроля, ядерной энергетики и другим актуальным проблемам международной безопасности.
- ❑ **Мнение.** Интервью и выступления известных политиков и ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики и глобальной безопасности в преломлении к вопросам ядерной энергетики, ядерного оружия и средств его доставки, а также материалы эксклюзивного характера от агентства *ПИР-ПРЕСС*, которые представляют собой комментарии и оценки сотрудников ПИР-Центра по наиболее актуальным проблемам.
- ❑ **Информация ПИР-Центра.** Представляет собой *бортовой журнал* ПИР-Центра, в котором Вы найдете информацию о текущей деятельности и новых проектах Центра.

Бюллетень уделяет внимание проблемам создания и нераспространения ядерного оружия и предоставляет свою *трибуну* не только политикам, военным и экспертам по профильным вопросам, но также дает слово своим читателям. *Бюллетень выходит еженедельно по четвергам.*

Вы можете подписаться на электронный бюллетень на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**

По всем вопросам, связанным с электронным новостным бюллетенем Ядерный Контроль, следует обращаться к выпускающему редактору Никите Перфильеву по телефону +7-495-234-0525 или по электронной почте perfilyev@pircenter.org.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(июнь 2007 г. – октябрь 2007 г.)

➔ **ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: «АНАРХИЯ ГОСПОДСТВУЕТ НАД
МИРОМ»**

➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНЕРВАТОРА: СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ –
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

➔ **Мариан Абишева, Андрей Картунов, Рама Мани, Уильям Поттер, Абдулазиз
Сагер, Евгений Сатановский, Чжие Цзи, Константин Эггерт.
КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПИР-ЦЕНТРЕ**

ПИР-Центр продолжает вычисление количественного показателя состояния безопасности в мире – **универсального индекса международной безопасности *iSi***. Напомним, что *iSi* (*international Security index*) показывает, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от *идеальной* на каждый конкретный момент его определения. Идеальное состояние численно равно **4210** пунктам *iSi*. Чем ближе значение Индекса к этой цифре, тем безопаснее мир. И, наоборот, понижение Индекса говорит об ухудшении обстановки¹.

В *iSi* в концентрированной форме нашло свое отражение большое количество факторов, которые оказывают непосредственное влияние на международную безопасность. События в мире, которые, с нашей точки зрения, сказываются на состоянии международной безопасности, оцениваются по их масштабности, длительности воздействия на мировые процессы и пределам влияния на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Выход результатов ежемесячного расчета *iSi* сопровождается опросом Международной экспертной группы, в которой представлены специалисты из России, Индии, Казахстана, КНР, Саудовской Аравии, США, Франции и других стран. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину Индекса, позволяют проследить, как в различных регионах мира воспринимается изменение состояния безопасности.

Итак, в течение лета Индекс, несмотря на незначительные колебания (июнь – **2899**, июль – **2886**), в целом возрос до **2914** единиц к концу августа. Повышение было связано с традиционным летним затишьем в событиях международной политики; также появились некоторые позитивные моменты, такие как продвижение переговоров по корейской ядерной проблеме. Сентябрь продемонстрировал незначительное снижение до **2909** пунктов в конце месяца, в октябре тенденция сохранилась – **2907**, так как стало ясно, что часть ожиданий не оправдалась, и к существующим возрастающим угрозам добавились обострение конфликтов в Пакистане, на турецко-иракской границе, в Мьянме и других регионах.

Среди относительно новых факторов, оказавших существенное влияние на динамику Индекса, можно отметить следующие события.

- **Пакистан.** Продолжается обострившаяся в марте, после отстранения от должности верховного судьи Ифтихара Мухаммада Чаудри, политическая борьба между военными во главе с действующим президентом Первезом Мушаррафом, исламистами и оппозиционными *демократическими* силами бывших премьеров Беназир Бхутто и Наваза Шарифа. Кульминацией противостояния властей и исламистов стал штурм правительственными силами Красной мечети 10 июля. Прошедшие 6 октября выборы президента отнюдь не стабилизировали ситуацию. На фоне продолжающихся боев на границе с Афганистаном в стране регулярно происходят крупные теракты.
- **Иран.** Продолжает нагнетаться атмосфера вокруг ядерной программы Ирана, несмотря на его сотрудничество с МАГАТЭ. Ужесточилась позиция Франции, которая присоединилась к требованиям США и Великобритании о введении новых санкций. Встречи президента России В.В. Путина с лидерами Ирана во время визита на саммит глав прикаспийских государств еще раз подтвердили позицию России, придали большую уверенность Тегерану, но не повлияли на характер риторики Вашингтона, чьи представители несколько раз в середине октября назвали Иран основным источником угроз миру и безопасности.
- **Турция.** Внутриполитический кризис летом 2007 г., обострение вооруженного противостояния с курдскими боевиками на границе с Ираком в середине осени, а также охлаждение отношений Анкары и Вашингтона сделали ситуацию в Турции одним из основных факторов изменений Индекса. Летом нарастало противостоя-

ние между сторонниками светского государства и теми, кто настаивает на большей роли ислама в жизни страны. В конце сентября – начале октября накалилась обстановка на границе Турции и Ирака. Турецкая армия проводит операции по уничтожению курдских боевиков, регулярно нападающих на подразделения турецких солдат. Парламент Турции формально разрешил осуществление военных акций на севере Ирака.

- ❑ **Северная Корея.** Успешное завершение очередного раунда переговоров по ядерной программе КНДР и наметившийся прогресс в процессе межкорейского урегулирования стали основными *позитивными* факторами изменения Индекса: был разрешен вопрос о возврате Северной Корее ранее замороженных средств, в июле была приостановлена работа ядерного реактора в Йонбене; по результатам переговоров в Пекине в конце сентября Пхеньян пообещал до конца 2007 г. вывести из строя ядерные объекты.
- ❑ **Россия – США.** В начале лета Вашингтон и Москва попытались снизить накал риторики и вывести обсуждение вопросов размещения элементов системы ПРО в Чехии и Польше, а также других аспектов стратегической безопасности в более конструктивное русло. Хотя и без больших результатов, но российско-американский диалог продолжается на разных уровнях, в том числе в формате «два плюс два», что само по себе является фактором стабильности международной безопасности.
- ❑ Осложняется обстановка на **Ближнем Востоке**: не прекращается противостояние движений ФАТХ и ХАМАС. Знаком повышения военной опасности стал налет израильской авиации на объекты в Сирии. Несмотря на усилия Африканского Союза и ООН, продолжается война в **Дарфуре**. Безрезультатно идут переговоры по **Косово**. Выступления буддийских монахов и других групп населения против военной диктатуры в **Мьянме** пока не повлияли на безопасность в регионе, но в очередной раз продемонстрировали принципиальную разницу в подходах государств Запада, Китая и России к решению внутренних гуманитарных проблем отдельных стран. Не исключено, что события в Мьянме и реакция на них КНР, Индии, США и других игроков в регионе имеют и геополитический подтекст.
- ❑ Из процессов **на постсоветском пространстве** на Индексе положительно сказались укрепление структур безопасности в регионе (антитеррористические учения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), разработка механизмов миротворчества и развитие военно-технического сотрудничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)). Негативно на значении Индекса отразились очередной виток политической борьбы и возможная реконфигурация политических элит на Украине, а также продолжающееся ухудшение российско-грузинских отношений.

Подробную хронологию событий, повлиявших на значение Индекса *iSi*, см. в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: «АНАРХИЯ ГОСПОДСТВУЕТ НАД МИРОМ»

События середины 2007 г. еще раз подтвердили то, о чем уже несколько лет говорят и пишут аналитики: темпы и масштабы изменений, происходящих в системе международных отношений, нарастают. Формируется новая парадигма мировой политики, во многом отличная от той, что сложилась в первые годы после окончания холодной войны. Одни ее элементы обозначились достаточно ясно, характер и перспективы эволюции других определить пока трудно. Однако в целом глобальная неопределенность увеличивается, а способность *управлять* процессами, происходящими на мировой аре-

не, уменьшается. И международное сообщество как таковое, и наиболее мощные, ведущие державы оказываются не в состоянии остановить накопление негативных тенденций. Картина глобальной политики осенью 2007 г. вызывает в памяти строки ирландского поэта Уильяма Йитса: «Все рушится, у центра власти нет, анархия господствует над миром»².

УГРОЖАЮЩАЯ МУЛЬТИПОЛЯРНОСТЬ

Война в Ираке и последовавший за ней хаос в этой стране воспринимаются многими как своего рода конец однополярного мира. Предполагается также, что на смену ему приходит долгожданный многополярный мировой порядок, гораздо более стабильный, демократичный и безопасный. И действительно, сейчас нет ясности, в какой мере Соединенные Штаты готовы и далее играть роль глобального гаранта международной безопасности, которую Вашингтон взял на себя в начале прошлого десятилетия. В итоге возникают два вопроса: кто, кроме США, может взять на себя такого рода ответственность? И еще более важный: является ли многополярный мир безопасным и надежным?

Ни одна другая страна не обладает военным и военно-экономическим потенциалами, сопоставимыми с американскими. И, соответственно, если США (как, впрочем, любая иная держава) не в состоянии в одиночку пресечь опасные действия безответственных экстремистских сил и режимов, то совершенно естественным является обращение к международным институтам или к идее *концерта великих держав* как ключевым инструментам безопасности на мировой арене.

Надежды на ООН, появившиеся после холодной войны, не оправдались. Она оказалась неспособной выработать сколько-нибудь внятную и практически значимую позицию по наиболее острым вызовам международной безопасности, в частности, по иранской ядерной программе. «Группа восьми» выродилась в некое подобие Совета Безопасности ООН. Вместо формирования общих подходов к критическим экономическим и политическим проблемам, стоящим перед международным сообществом, ее саммиты сосредоточены на согласовании документов, не оказывающих сколько-нибудь заметного влияния на реальную политику.

На этом фоне тезис о необходимости формирования некоего *эффективного мультилатерализма*, нового *концерта*, иными словами, выработки и реализации ведущими державами единой стратегии обеспечения безопасности и содействия развитию стал расхожей банальностью. В принципе он совершенно обоснован. Не вызывает сомнений, что становящиеся все более острыми и опасными угрозы и вызовы международной безопасности требуют не только решительных, но и, что еще важнее, согласованных действий ведущих государств. Печально другое: призывы к такому сотрудничеству остаются благими пожеланиями.

В частности, сохраняются значительные расхождения между США и европейскими странами относительно источников угроз и, главное, методов противодействия им. Многие европейские политики и значительная часть общественного мнения убеждены в том, что готовность Соединенных Штатов применять военную силу оказывается главным источником если не всех, то большей части проблем и трудностей, с которыми сталкивается сегодня западный мир. *Мягкая сила*, стимулы вместо угроз, переговоры, взаимные компромиссы, вовлечение в совместные проекты, экономическая и гуманитарная помощь, содействие экономическим и политическим реформам, считают они, являются лучшим средством противодействия экстремистским силам.

Фактически европейское политическое мышление претерпело любопытную аберрацию: принципы и нормы, положенные в основу строительства объединенной Европы, были автоматически перенесены на всю систему международных отношений. «[...] Многие европейцы, – справедливо пишет Роберт Кейган, – в том числе находящиеся у власти, обычно применяют опыт Европы к остальному миру, причем подчас с евангельским рве-

нием неофитов»³. Иногда европейские подходы действительно срабатывают. Но мир в целом, к сожалению, мало похож на благополучную и политкорректную Европу. И нельзя забывать уроки истории. *Мягкая сила* оказывается беспомощной и бесполезной, когда цивилизованные и демократические страны сталкиваются с тоталитарными режимами или религиозными фанатиками, подобными тем, что правят сегодня Ираном или организуют террористические акты.

ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ

Международное сотрудничество, необходимое для эффективного противодействия угрозам и вызовам XXI в., серьезно осложняется растущей напряженностью в отношениях России с западными странами. И хотя говорить о новой холодной войне пока рано, ее возможность уже нельзя сбрасывать со счета. Во многом это следствие того, что в результате модернизационного отставания Россия находится между двух миров – *традиционного и постиндустриального*. Но в цивилизационном отношении Россия является неотъемлемой, хотя и весьма своеобразной частью иудео-христианской цивилизации, что предопределяет, но лишь в конечном итоге, ее место в назревающем противостоянии традиционализма и постмодерна.

Все острее встает и другой вопрос: является ли многополярный мир стабильным и безопасным? История дает на него ясный негативный ответ. Классическая многополярная система, ее часто именуют Вестфальской, существовала в Европе между серединой

Мариан Абишева (Казахстан), заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: *Говоря о Казахстане, необходимо отметить два региона: евразийский, включающий и Россию, и Казахстан, и центральноазиатский. В первом случае важным негативным фактором является фактический отказ США от предложения России о совместном использовании радиолокационной станции. В Центральной Азии сложно определить ключевое событие, негативно повлиявшее на Индекс, однако есть два события, которые стали важными факторами укрепления региональной безопасности – это саммит ШОС в Бишкеке 16 августа и парламентские выборы в Казахстане 18 августа. Выборы в нашей стране показали соседям, как проводить такие мероприятия активно, но без потрясений и сохраняя стабильность.*

XVII и серединой XX вв. И на протяжении всего этого периода Европа была ареной жесточайших войн. Строго говоря, именно ликвидация многополярности и формирование жесткой биполярной системы позволили стабилизировать стратегическую ситуацию на европейском континенте и предотвратить там региональные и мировые войны.

Сегодня многополярность воспроизводится на глобальном уровне. В частности, увеличивается роль Китая. Опираясь на возрастающую экономическую и военную мощь, Пекин настойчиво претендует на доминирующие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в перспективе – в глобальном масштабе. Фактически, это еще раз подтвердил прошедший в октябре 2007 г. XVII съезд компартии Китая, единогласно, как и можно было ожидать, поддержавший и одобрявший политику высшего руководителя страны Ху Цзиньтао. Нельзя, разумеется, исключать того, что по мере своего возвышения и вовлечения в глобальные экономические и политические структуры и институты Китай займет умеренную и конструктивную позицию. Но гораздо более вероятной является перспектива того, что накопление экономической и военной мощи Китая при-

ведет к нарушению стратегического баланса в Азии и, следовательно, к серии конфликтов и войн, глобальные последствия которых могут быть катастрофическими. Вместе с тем в Китае сохраняются предпосылки острого политического и экономического кризиса в результате глубоких различий между относительно процветающими приморскими регионами, с одной стороны, и центральными и западными провинциями – с другой, социального неравенства, деградации окружающей среды и ряда других факторов.

Важно и другое. Мультиполярность XXI в. намного сложнее и опаснее, чем в прошлом. Спектр субъектов международной политики расширяется. Наряду с государствами растущую роль играют негосударственные действующие лица, многие из которых объединяются в разветвленные сетевые структуры. Среди них особое место занимают экстремистские исламистские организации и движения, объявившие *священную войну* иудео-христианской цивилизации и так называемым *умеренным* режимам в самом мусульманском мире. Полем ключевой битвы этой войны сегодня является Афганистан. Ее *метагазы* в виде террористических актов появляются в огромной географической зоне, охватывающей Европу и практически весь исламский ареал. Укрепляется представление о том, что, как писал один из ведущих политиков последней четверти XX в., бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, «глобальное столкновение между исламским и западным миром стало вполне реальным. [...] В некоторых регионах исламского мира мы наблюдаем смесь протеста против бедности в сочетании с ненавистью и завистью к роскоши западных стран, сопровождаемого религиозным террором и стремлением к политической власти»⁴. Но, возможно, дело не только в бедности и зависти к процветающим странам Запада. Есть все больше оснований предполагать, что *джихад XXI в.* – наиболее острое, но далеко не единственное проявление фундаментального противостояния традиционного и *постмодернистского* или *постиндустриального* миров. Реалистических рецептов, как снять это противостояние, нет. Следовательно, оно может приобрести намного более опасные и жесткие формы, в том числе трансформироваться в ядерную конфронтацию, например, в результате продвижения Ирана к ядерному оружию, что, как заявил в октябре 2007 г. президент США Джордж Буш, может привести к третьей мировой войне.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОРОХОВАЯ БОЧКА

Влияние экстремистского ислама наиболее сильно в так называемом Большом Ближнем Востоке. Это – один из главных факторов глубоких изменений, на пороге которых находится сегодня его геополитическая карта. Их последствия трудно предсказуемы. На протяжении лета-осени 2007 г. он оставался, как и ранее, важнейшим и наиболее опасным средоточием мировой политики. В этом регионе, являющемся главным поставщиком нефти, географически близком к южной части Европы и связанным с ней многочисленными экономическими и политическими узами, продолжали накапливаться разнообразные конфликты и противоречия. Все они, так или иначе, концентрировались вокруг четырех основных проблем: Ирак, иранская ядерная программа и в более широком контексте усиливающее иранское влияние на Ближнем Востоке, палестино-израильский конфликт и Афганистан.

При этом и развитие событий в Ираке и Афганистане, и палестино-израильские проблемы оказываются все более вписаны в противостояние между Тегераном, с одной стороны, и Западом вкуче с *умеренными* арабскими режимами, с другой. Для того чтобы оказать эффективное политическое и экономическое или, если это не работает, военное давление на иранский режим и вынудить его остановить создание ядерного оружия, Западу, прежде всего США, важно сбросить с себя иракское бремя и снизить напряженность между Израилем и палестинцами. Тегеран, в свою очередь, стремится поддерживать остроту ситуации в Ливане и Афганистане, не допустить реального смягчения палестино-израильских отношений и вывода американских войск из Ирака.

ТРИ ИРАКА

К осени 2007 г. вполне ясно обозначилась перспектива распада Ирака на три государства – курдское, арабское суннитское и шиитское. США и другие государства-члены международной коалиции не могут сохранить военное присутствие в Ираке бесконечно долго. Но вывод американского контингента из Ирака практически неизбежно приведет к его фактическому расколу. Сегодня можно предположить: проблема заключается не в том, чтобы избежать такого раскола, – скорее всего, это попросту нереально – но в том, чтобы сделать процесс распада управляемым, не допустить эскалации кровопролития и усиления иранского влияния в населенных шиитами районах Ирака. Вопрос о том, удастся ли выработать соответствующий сценарий или нет, остается открытым.

Но у США другого более или менее приемлемого выхода из исключительно сложной иракской ситуации нет. При этом, если Вашингтон сумеет осуществить данный вариант относительно быстро, США смогут сосредоточить политические и военные ресурсы на решении иранской проблемы. Видимо, не случайно, объявляя в сентябре 2007 г. о выводе из Ирака к середине 2008 г. около 21 тыс. американских военнослужащих, президент Буш выразил неудовлетворение и темпами реформ в Ираке, и неспособностью иракских властей остановить межконфессиональные конфликты. Косвенным, но довольно весомым подтверждением неизбежности или, по крайней мере, высокой вероятности надвигающегося распада Ирака стало турецкое военное давление на Северный Ирак. Можно предположить, что таким образом турецкое руководство стремится предотвратить потенциальное присоединение к будущему курдскому государству населенных курдами районов Восточной Турции.

СРЕДИ ВРАГОВ СОГЛАСЬЯ НЕТ

Некоторые новые очертания приобрела проблема урегулирования палестино-израильского конфликта. Летом-осенью 2007 г. резко активизировались усилия американской дипломатии, направленные на его окончание. В частности, президент США Джордж Буш заявил, что урегулирование конфликта между Израилем и палестинцами является одной из основных внешнеполитических целей США, и предложил провести с этой целью международную конференцию, которая и состоялась 27 ноября 2007 г. в Аннаполисе (штат Мэриленд, США).

В последние месяцы имели место также контакты лидера Палестинской национальной администрации Махмуда Аббаса с премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом. В июле 2007 г. Ольмерт, как сообщала израильская пресса, дал согласие на создание палестинского государства на «большей части Западного берега и сектора Газа». Само по себе это не является сенсацией. Трудности урегулирования обусловлены не столько вопросом о том, должно ли быть создано палестинское государство, сколько глубокими противоречиями относительно границ этого государства, а также статуса Восточного Иерусалима и возможности возвращения палестинских беженцев в Израиль. Аббас и его сторонники пытаются в полной мере использовать заинтересованность США и европейских государств в урегулировании палестино-израильского конфликта и выторговать у Израиля принципиальные уступки. В конечном итоге, в результате настойчивых усилий со стороны США лидеры Палестинской администрации согласились участвовать в конференции практически без предварительных условий. ХАМАС, конечно же, ее проигнорировал.

Но это лишь одна сторона дела. Намного важнее, что летом 2007 г. фактически завершился распад палестинского движения на два глубоко враждебных друг другу лагеря. Во главе одного из них, захватившего в июне 2007 г. сектор Газа, стоит проиранское экстремистское движение ХАМАС. Другой, ведущей силой которого является ФАТХ, руководимый наследником Ясира Арафата Махмудом Аббасом, удерживает в своих руках власть над управляемыми палестинской администрацией территориями на западном берегу реки Иордан. С одной стороны, раскол палестинского движе-

ния вызван причинами политико-идеологического характера. ХАМАС, действующий во многом по инструкциям из Тегерана, отвергает идею примирения с Израилем. ФАТХ, в свою очередь, занимает более мягкие позиции и готов к мирному урегулированию с Израилем, разумеется, на своих позициях. С другой, – ФАТХ и ХАМАС конкурируют за контроль над немалыми финансовыми ресурсами, поступающими Палестинской национальной администрации в виде гуманитарной и иной помощи из-за рубежа, и другими доходами, часть которых имеет криминальное происхождение. Столкновение ФАТХ и ХАМАС, по сути дела, перекрывает перспективу урегулирования конфликта, что отвечает интересам Ирана и других экстремистских сил в исламском мире.

ЯДЕРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

При всей своей остроте ни ситуация в Ираке, ни палестино-израильское противостояние вряд ли могут привести к международному конфликту, выходящему за пределы Ближнего Востока. Иначе складывается обстановка вокруг иранской ядерной программы. Упорное стремление иранского режима приобрести ядерное оружие и неспособность международного сообщества остановить Тегеран политическими и экономическими мерами, в том числе ввести эффективные санкции, все яснее обозначает исключительно тяжелую дилемму: либо военное решение этой проблемы со всеми вытекающими из этого труднопредсказуемыми последствиями, либо смириться с тем, что экстремистский агрессивный режим будет располагать ядерным оружием. Последнее может оказаться еще более опасным, чем упреждающая военная акция против Ирана. Ядерный Иран представляет собой экзистенциальную угрозу для Израиля, с чем последний никогда не смирится. В итоге перспектива ядерной войны на Ближнем Востоке обретает зловещую реальность.

Андрей Кортунов (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: *Для нашего региона основным событием, негативно влияющим на климат безопасности, стали результаты прошедших выборов и изменение расстановки политических сил на Украине. Здесь можно говорить не только о геополитических вопросах, но и о транзите российского газа через территорию Украины в Европу. События на Украине могут затронуть процессы на территории СНГ в целом. К положительным факторам можно отнести последние внутривнутриполитические события в России. Президент Путин показал, что не собирается уходить из политики, что может стать гарантией преемственности и последовательности российской внешней политики.*

Летом-осенью 2007 г. Тегеран, как и ранее, самым вызывающим образом игнорировал требования международного сообщества. Президент Ахмадинежад предельно ясно продемонстрировал отношение иранского руководства к ООН, ее Совету Безопасности и его постоянным членам. «Ведущие мировые державы, – сказал он, – думали, что с каждой резолюцией [СБ ООН. – Ю.Ф.] иранский народ будет отступать. Но после каждой резолюции иранский народ добивался новых ядерных достижений». И действительно, по словам иранского лидера, Иран имеет более 3000 центрифуг, «и каждую неделю устанавливаются новые». Этого количества, если, разумеется, все они будут работать надлежащим образом, достаточно для того, чтобы в течение года произвести высокообогащенный уран для одного ядерного боеприпаса.

МАГАТЭ, впрочем, предполагает, что Махмуд Ахмадинежад несколько завысил количество имеющихся у Ирана центрифуг. Однако в опубликованном в конце августа 2007 г. докладе генерального директора этой организации

приводятся весьма тревожные сведения. Там, в частности, говорится: «По состоянию на 19 августа 2007 г., в эксплуатации находились одновременно 12 164-центрифужных каскадов, в которые подавался UF_6 , еще 1 каскад эксплуатировался без подачи UF_6 , 1 каскад проходил вакуумные испытания и еще 2 находились в стадии сооружения. [...] Спутниковые изображения указывают на то, что эксплуатация установки по производству тяжелой воды также продолжается. [...] Вопреки решениям Совета Безопасности Иран не приостановил деятельность, связанную с обогащением, продолжил эксплуатацию ЭУОТ [экспериментальной установки по обогащению топлива, – Ю.Ф.], а также сооружение и эксплуатацию УОТ [установки по обогащению топлива, – Ю.Ф.]. [...] Иран продолжает также сооружение реактора IR-40 и эксплуатацию установки по производству тяжелой воды»⁵.

ЛОГИКА СОБЫТИЙ

Дестабилизирующее влияние Ирана все сильнее проявляется в Афганистане. Наряду с Пакистаном Иран стал крупным каналом поставки талибам и другим экстремистским организациям оружия и взрывных устройств, используемых для террористических актов. Через Иран в Афганистан проникают исламские боевики из Ирака. Логика иранской позиции вполне прозрачна – чем глубже США и их основные союзники увязнут в Афганистане, тем меньше возможностей для осуществления Западом жесткой линии в отношении Ирана. В целом же ситуация в Афганистане оптимизма не вызывает. Летом 2007 г. произошла заметная активизация отрядов талибов. Зона боевых действий и массированных террористических актов расширяется, охватывая все новые районы на востоке страны. Выступления боевиков отмечались уже и в северных районах, которые всегда считались лояльными кабульским властям и Северному альянсу. Есть все больше оснований полагать, что стратегия талибов заключается в постепенном окружении Кабула и *выдавливании* из Афганистана войск международной коалиции. Последние могут предотвратить победу исламистов, но не в состоянии нанести им решающее поражение. Главный источник стратегической неопределенности в Афганистане состоит в том, что, подобно тому как это складывается в Ираке, западные вооруженные силы не могут находиться там бесконечно долго. Но в отличие от Ирака, вывод иностранных войск из Афганистана приведет не к расколу страны, а к приходу талибов к власти.

Ирак, Афганистан, иранская ядерная проблема и палестино-израильский конфликт – наиболее значимые, но далеко не единственные очаги напряженности и насилия в зоне Большого Ближнего Востока. Их дополняют фактический распад ливанской государственности под давлением террористической группировки «Хизбалла», рост исламского экстремизма в Пакистане, в том числе в армии и правоохранительных органах, перспективы нестабильности в Иордании в результате накопления там беженцев из Ирака и в государствах Персидского залива, где увеличивается численность шиитского населения. Скорее рано, чем поздно, весь этот клубок туго переплетенных проблем может привести к тяжелой дестабилизации всего региона, играющего хорошо известную роль в мировом энергетическом балансе. Особую тревогу вызывает неспособность ведущих держав выйти за пределы не оправдавших себя стратегических установок и тактических приемов, с тем чтобы переломить опасные тренды. Есть все основания считать, что ключевую роль в стабилизации ситуации в этом районе мира должно сыграть обуздание нынешнего экстремистского режима в Иране. Это практически сразу подорвет влияние ХАМАС, «Хизбаллы» и воинствующих шиитских группировок в Ираке, оставит Сирию один на один с Израилем, будет содействовать оздоровлению обстановки в Афганистане. И наконец, чем дольше международное сообщество будет заигрывать с Тегераном, тем больше вероятности, что Иран вплотную подойдет к обретению ядерного оружия, что практически неизбежно приведет к военной операции со всеми ее малоприятными последствиями.

РОССИЯ И ЗАПАД: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Середина 2007 г. ознаменовалась существенным осложнением отношений России с США и некоторыми другими ведущими западными странами. Мировые масс-медиа заговорили о наступлении *второй холодной войны*. Как представляется, пока для этого оснований нет, но если наметившаяся тенденция не будет остановлена, то новый период военно-политической конфронтации может оказаться неизбежным.

Действительно, острые противоречия возникли между Россией и США, которых поддерживали некоторые из их союзников, относительно развертывания третьего позиционного района ПРО в Польше и Чешской Республике. Возобновлены регулярные вылеты российской стратегической авиации на боевое дежурство. Москва объявила о *моратории* на выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Время от времени говорится о возможном выходе России из Договора по ракетам средней и меньшей дальности. Российский посол в Белоруссии весьма прозрачно намекнул на перспективу размещения российского ядерного оружия в Белоруссии. Поскольку после этого он остался на своей должности, то эта идея не была плодом его собственных изысканий в стратегической области. Россия заняла крайне жесткую негативную позицию относительно независимости Косово и не склонна поддержать ужесточение санкций против Тегерана, на которых настаивает большинство западных государств. Каждый из этих моментов может иметь и, скорее всего, имеет свое собственное объяснение. Но взятые в совокупности они обозначают определенную внешнеполитическую линию.

Это впечатление подкрепляется высказываниями высокопоставленных чиновников. Так, выступая в МГИМО в самом начале сентября 2007 г., министр иностранных дел Сергей Лавров провозгласил: «Как и на любом этапе своего развития, мир вновь нуждается в равновесии. В современных условиях равновесие является неотъемлемым элементом стратегической стабильности, которая исключает искушение у одной из сторон применить ядерное оружие для достижения своих внешнеполитических целей. Достаточно вспомнить, что, когда равновесие было нарушено в 1959 г. размещением американских ядерных ракет *Тор* на территории Турции, Москва ответила дислокацией своих ракет на Кубе. Найденная в итоге формула урегулирования Карибского кризиса убедительно говорит именно о такой причинно-следственной связи тех событий»⁶. Такого рода пассажи вызывают оторопь. Ведь, по сути дела, министр иностранных дел России во всеуслышание заявил, что опаснейшая внешнеполитическая авантюра Хрущева, поставившая, как это признано практически всеми специалистами, мир на самую грань ядерной войны, позволила-де *восстановить равновесие*. При этом руководитель МИДа, которому по должности полагается разбираться в истории международных отношений, не учел, что после вывода ракет средней дальности из Турции США резко увеличили темпы развертывания своих межконтинентальных ракет, и биполярное стратегическое равновесие было не восстановлено, но установлено только в конце 1960-х гг. Возникает вопрос: что именно и где конкретно г-н Лавров собирается развернуть, чтобы сегодня восстановить стратегическое равновесие?

Как представляется, нет необходимости здесь еще раз воспроизводить различные оценки того, нарушает ли развертывание американской ПРО в Польше и Чешской Республике военное равновесие между США и Россией. Хотелось бы отослать читателя к хорошо аргументированной и взвешенной статье В.З. Дворкина, Джорджа Льюиса, П.Л. Подвига и Теодора Постола, опубликованной в сентябре 2007 г. в *Независимом Военном Обзрении*⁷. Немало написано и о том, что адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе выгоден прежде всего России, поскольку он самым существенным образом ограничивает возможности развертывания крупных группировок войск на российских западных границах, а единственная причина, почему страны НАТО откладывают его ратификацию, – сохранение российского контингента на территории Молдовы. Главный вопрос все же в другом: как могут развиваться события, если нынешняя линия России не будет пересмотрена?

ПАРАМЕТРЫ ПОХОЛОДЕНИЯ

Пока ведущие государства Запада сравнительно спокойно реагируют на изменения во внешней политике России. Для этого есть свои причины. Запад заинтересован в российской поддержке в политическом урегулировании иранской ядерной проблемы, хотел бы сохранить позитивное взаимодействие с Россией по Афганистану и так далее. Да и в целом *новая холодная война* никоим образом не отвечает интересам США и государств-членов НАТО, озабоченных опасным развитием событий на Ближнем Востоке, трудностями в Афганистане и нарастанием экстремистских тенденций в исламском мире. Но рано или поздно развитие событий может выйти из-под контроля и в конечном итоге привести к военно-политической конфронтации. Ситуация осложняется тем, что главный и единственный военный ресурс России в потенциальном противостоянии с США и НАТО – ядерное оружие. Но усиление ядерной компоненты этого противостояния представляет собой экзистенциальную угрозу для европейских государств и даже для Соединенных Штатов. Соответственно, они будут реагировать на российские шаги в ядерной области, наращивая собственный ядерный и конвенциональный потенциал. А это, скорее всего, запустит гонку вооружений по принципу *действие–противодействие*, а значит, и политическую конфронтацию.

Результат *второй холодной войны* будет для России катастрофическим. Прежде всего, соотношение военных сил определяется сегодня и в еще большей степени будет определяться в будущем уровнем развития и освоения высоких технологий. Между тем уже в середине 1980-х гг. обозначилось серьезное отставание бывшего СССР от США по большинству ключевых военных технологий. С тех пор это отставание заметно увеличилось, в том числе в результате превращения России в *petro-state*. Огромный приток нефтедолларов в нынешнем десятилетии, позволивший преодолеть тяжелейший экономический кризис 1990-х гг., одновременно предопределил приоритетность инвестиций в нефтегазовый сектор (и другие экспортные предприятия), связанные с ними отрасли промышленности и сферу услуг. В то же время капиталовложения в высокотехнологичные производства, в том числе военного и двойного назначения, оказались в большинстве своем сравнительно нерентабельными. Изменение этой экономической парадигмы – крайне сложная задача, требующая длительного времени и, скорее всего, принципиального усиления государственного регулирования экономики. По сути дела, речь идет о переходе к экономике мобилизационного типа и соответствующим изменениям в политической системе. Излишне, видимо, говорить, что это вызовет серьезное сопротивление со стороны тех групп элиты и общества, которые связаны с экспортно-ориентированным сегментом экономики. Итогом будет внутривнутриполитический кризис, который, естественно, ослабит внешнеполитические потенции страны.

Первая холодная война имела глобальный характер. В результате, за исключением афганской войны, основные ее сражения разыгрывались на значительном удалении от советских границ: во Вьетнаме, в Африке, Центральной Америке. Советское участие в них ограничивалось, как правило, поставками вооружений и посылкой военных советников, тогда как от США локальные конфликты и войны требовали намного больших политических и в ряде случаев и военных ресурсов. *Вторая холодная война* будет вестись прежде всего на постсоветском пространстве, в непосредственной близости от российских границ. Уже одно это делает ее существенно более болезненной для России, чем для Запада. При этом подлинных союзников среди новых независимых государств у России нет и не будет. В частности, государства-члены ОДКБ, некоего слабого подобия военно-политического союза, заинтересованы, безусловно, в получении от России вооружений и военной техники по внутривнутрироссийским ценам и в российской военной поддержке для нейтрализации внешних угроз или подавлении волнений внутри соответствующих стран. Однако ни одно из них не окажет, да и не сможет, если паче чаяния захочет, оказать сколько-нибудь значимую поддержку России в случае серьезного обострения противоречий с Западом.

Наконец, Советский Союз проиграл *первую холодную войну* и распался в значительной мере потому, что не выдержал экономического бремени гонки вооружений. Российская экономика по своим масштабам значительно уступает советской, следовательно, на-

грузка на нее военных программ, предназначенных для противодействия Западу, будет значительно большей, чем это имело место в СССР. На практике это означает, что для ведения *второй холодной войны* России потребуется свернуть практически все социальные программы, заметно снизить уровень жизни населения и перенаправить основные ресурсы в военную промышленность и науку. Очевидным результатом будет резкий рост недовольства населения, в первую очередь нового среднего класса, успевшего после распада СССР привыкнуть к относительно обеспеченному и комфортабельному образу жизни.

И последнее, но, возможно, самое главное. *Первая холодная война* была не просто столкновением двух сверхдержав, конкурирующих за ресурсы или влияние на международной арене, но результатом утверждения в России и распространения в других странах тоталитарной марксистской идеологии, оказавшейся способной привлечь, хотя и на раннем этапе, миллионы сторонников, выдвинувшей привлекательную, хотя и эфемерную цель достижения всеобщего счастья и процветания. Особенностью левозкстремистской версии марксизма, как, впрочем, каждой идеологии тоталитарного толка, является убежденность в том, что она обладает абсолютной истиной, а конечная цель оправдывает любые средства ее достижения. В постсоветской России нет и, скорее всего, не возникнет идеологической системы, могущей заставить основную массу населения пожертвовать собственным благополучием во имя заманчивых, но глубоко иллюзорных идей. Это дает основания надеяться, что нынешняя напряженность между Россией и Западом имеет временный характер. Но оснований предполагать, что она завершится в ближайшее время, пока нет.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Вопрос о том, превратится ли Китай в фактор стабильности или трансформируется в крупнейшую угрозу международной безопасности, исключительно важен. Ответа на него пока нет, но некоторые небезынтересные выводы могут быть сделаны на основе анализа российско-китайских отношений.

Военные учения «Мирная миссия-2007», проведенные летом 2007 г. странами ШОС, и подписание Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ в октябре 2007 г. были интерпретированы российской и зарубежной прессой как практическое движение к формированию антизападного союза, сердцевиной которого является российско-китайское военно-политическое сотрудничество. Это в очередной раз привлекло внимание к перспективам российско-китайских отношений. Последние, в свою очередь, могут оказаться полезными для понимания долгосрочной китайской стратегии в целом.

В этой связи безусловный интерес вызывает опубликованная в прошлом номере *Индекса Безопасности* полемика двух ведущих российских экспертов – Дмитрия Тренина и Виталия Цигичко. И тот, и другой отвергли идею стратегического союза России и Китая как нереалистичную, но разошлись во мнениях по другому ключевому вопросу – представляет ли Китай стратегическую угрозу для России. В частности, Виталий Цигичко обратил особое внимание на недавно состоявшиеся крупномасштабные учения двух северных китайских военных округов – Шеньянского и Пекинского, предназначенных для ведения военных действий против бывшего СССР, а после 1991 г. – против России. По его мнению, «новая Срединная империя не гнушается никакими средствами для достижения своих гегемонистских целей и по мере усиления своей мощи действует все нахрапистей»⁸. Дмитрий Тренин, в свою очередь, убежден в том, что китайская экспансия «не будет носить преимущественно территориальный характер и не будет осуществляться в основном военно-политическими средствами»⁹.

Подход Цигичко к анализу долгосрочных целей и намерений Пекина представляется весьма плодотворным. Действительно, военное строительство в Китае, как в ряде других крупных стран, имеющих и реализующих долгосрочные стратегические концепции,

 Рама Мани (Индия), исполнительный директор Международного центра этнических исследований – по телефону из Коломбо: *Я согласна с уменьшением значения Индекса, однако снижение могло бы быть более существенным. Тенденции лета, угрожающие безопасности, проявились в сентябре, и такое положение сохранится в октябре. Ситуация в Мьянме имеет наибольшее воздействие на регион. Хотя выступления в Мьянме и являются фактором снижения безопасности, тот факт, что события в такой стране могут привлечь такое внимание и поддержку со стороны СМИ в регионе и во всем мире является очень хорошим знаком. В этом смысле ситуация в Мьянме дала положительный импульс всей Азии.*

отражает подлинные представления правящих кругов о характере будущих войн и конфликтов, соответственно, об угрозах национальной безопасности этих государств и тех целях, которые они собираются реализовать посредством применения военной силы.

В этой связи большой интерес представляет опубликованная китайским правительством в Пекине год назад так называемая Белая книга «Китайская национальная оборона в 2006 г.». В ней, в частности, были ясно обозначены направления развития и модернизации китайских сухопутных сил. Они, как отмечается в Белой книге, должны перейти от «региональной обороны к трансрегиональной мобильности, улучшить способность к проведению интегрированных воздушно-наземных операций, переброскам на дальние расстояния, быстрым наступательным действиям и специальными операциям»¹⁰. Фактически это означает, что китайское политическое руководство и военное командование готовятся к проведению в будущем крупных наступательных операций,

именно это, видимо, имеется в виду под переходом «от региональной обороны к трансрегиональной мобильности», и, следовательно, к крупным региональным войнам, помимо возможной войны за освобождение Тайваня. Последняя требует не столько мощных сухопутных сил, сколько способностей к осуществлению массированных десантных операций и завоевания господства на море и в воздухе.

Заинтересованность Пекина в создании, например, мощных военно-морских сил и морской авиации понятна. Зависимость китайской экономики от морских коммуникаций, прежде всего поставок нефти из Ближнего Востока и Африки, весьма велика и будет усиливаться. Следовательно, вполне разумно было бы иметь военный флот, способный обеспечить безопасность морских перевозок. Но крупные локальные и региональные войны и конфликты вдоль сухопутных границ Китая вряд ли могут быть инициированы соседними с Китаем государствами. Ни одно из них, включая Россию, не имеет реальных возможностей осуществить массированное вторжение на китайскую территорию. В одних случаях этому мешает отсутствие необходимых вооруженных сил, в других – горный пейзаж, характерный, например, для районов вдоль индийско-китайской границы, или тропические джунгли, мало подходящие для крупных операций сухопутных войск. Перспектива высадки американского или японского десанта в приморских районах Китая абсолютно фантастична. Поэтому подготовка к ведению региональных войн на континентальных театрах, а именно для этого Китаю нужны мощные сухопутные силы, свидетельствует, скорее всего, о долгосрочных экспансионистских намерениях китайского руководства в отношении России, Средней Азии или Корейского полуострова.

Этот вывод подкрепляется тем обстоятельством, что несмотря на нормализацию российско-китайских отношений и официально провозглашенное *стратегическое партнерство* двух стран, Китай сохраняет в двух северных военных округах – Пекинском и Шенянском, предназначенных для боевых действий против России, – мощные сухопутные войска, насчитывающие в общей сложности 550 тыс. солдат и офицеров, тогда как рос-

сийские вооруженные силы, развернутые в Дальневосточном и Сибирском военных округах, имеют, по западным оценкам, около 123 тыс. военнослужащих¹¹. Возникает вопрос – с какой целью китайское руководство сохраняет в северной части страны войска, более чем в четыре раза превосходящие по численности российские силы, тратя на это значительные средства военного бюджета, если оно не готовится к конфликтам и войнам в прилегающих к северным китайским границам регионам?

Примечательно также создание в китайских сухопутных войсках, в том числе в северо-западном Ланчжоуском военном округе, так называемых *тяжелых механизированных корпусов*¹², аналогичных по своим задачам оперативно-маневренным группам, создававшимся в 1980-е гг. в Группе советских войск в Германии для стремительного прорыва фронта и действий в тылу войск НАТО. По оценкам зарубежных военных специалистов, такие корпуса нацелены прежде всего на страны Центральной Азии. В частности, австралийский военный аналитик Мартин Эндрю пишет: «Будучи слишком тяжелыми для десантных операций против Тайваня или для действий в тропических районах, эти корпуса предназначены для обеспечения китайской энергетической безопасности. Эти силы, используя Синьцзян в качестве плацдарма для наступления, могут быстро преодолеть оборону любой центральноазиатской страны и захватить соответствующие нефтяные месторождения»¹³.

Такого рода намерения представляют собой очевидную угрозу российским интересам, особенно в свете весьма вероятного соперничества России и Китая за энергетические, прежде всего газовые, ресурсы Центральной Азии. В России, как считают многие специалисты, намечается существенное падение добычи газа. Причин тому несколько: истощение основных используемых сегодня месторождений Западной Сибири, недостаточное инвестирование в освоение новых, отсутствие технологий, необходимых для освоения ресурсов Ямала и морского шельфа, и некоторые другие. В итоге импорт газа из Центральной Азии, прежде всего из Туркмении, является одним из ключевых факторов выполнения Россией экспортных обязательств и удовлетворения внутреннего спроса.

Китай, в свою очередь, активно проникает в Центральную Азию, претендуя на значительную часть газовых ресурсов региона. Так, в начале осени 2007 г. началось строительство газопровода из Туркмении в Синьцзян, по которому к середине будущего десятилетия должно перекачиваться 30 млрд м³ газа в год. Недавно Китай заключил соглашение с Казахстаном о закупке газа в этой стране, причем в конечном итоге поставки казахстанского газа китайским потребителям должны также составить 30 млрд м³ в год. Появились сообщения о заключении или подготовке аналогичного соглашения между Китаем и Узбекистаном. Если эти проекты будут реализованы, то, как нетрудно подсчитать, Китай может импортировать из Центральной Азии от 60 до 90 млрд м³ газа ежегодно. Между тем Россия намерена получать только из Туркмении около 80 млрд м³ газа. Однако экспортный потенциал Центральной Азии, скорее всего, недостаточен для того, чтобы удовлетворить потребности России и Китая. При этом нужно учитывать, хотя и небольшие, поставки туркменского газа в Иран и растущий интерес к центральноазиатскому газу европейских государств.

Но дело не только в том, что Китай выступает соперником России в конкуренции за энергоресурсы Центральной Азии. Недовольство России может вызывать и тот факт, что, строя и планируя строить экспортные газопроводы, идущие из Центральной Азии, Китай подрывает монополию России на транзит центральноазиатского газа, которая является важнейшим, а в ряде случаев – единственным рычагом политического влияния Москвы в регионе.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА

Показательным для российско-китайских отношений моментом является Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ, подписанный в начале октября

2007 г. На протяжении длительного времени Москва добивалась установления более или менее эффективного сотрудничества этих двух организаций. Пекин, в свою очередь, всеми доступными способами тормозил подписание каких-либо соглашений такого рода. Причина состояла в том, что в Уставе ОДКБ есть статья о взаимопомощи в случае агрессии против какого-либо из членов ОДКБ, а ни в одном из документов ШОС таких обязательств нет. Китай категорически отвергает любой намек на собственную вовлеченность в конфликтные ситуации между Россией или другими членами ОДКБ, с одной стороны, и западными государствами, с другой.

Имея это в виду, многие российские, а за ними и некоторые западные средства массовой информации интерпретировали подписание указанного Меморандума как принципиальный сдвиг в отношениях между двумя организациями. Но оснований для этого нет. Во-первых, в нем речь идет об отношениях между секретариатами ШОС и ОДКБ, то есть во многом техническими органами, предназначенными обеспечивать функционирование этих организаций, но не определять их политическую стратегию. А во-вторых, фактически этот документ представляет собой декларацию о намерениях, в которой нет ни слова о каких-либо взаимных обязательствах. Действительно, удалось определить области сотрудничества двух секретариатов: обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности; противодействие терроризму; борьба с незаконным оборотом наркотиков; пресечение незаконного оборота оружия; противодействие организованной транснациональной преступности; другие направления, представляющие взаимный интерес. Это на самом деле исключительно важные проблемы. Но сотрудничество сводится к консультациям и обмену информацией, а также разработке «программ и мероприятий в целях развития сотрудничества в сферах, относящихся к их [то есть соответствующих секретариатов. – Ю.Ф.] компетенции». Последняя формулировка весьма важна, поскольку компетенция секретариатов ШОС и ОДКБ невелика.

Все это свидетельствует о том, что российско-китайское *стратегическое партнерство* имеет скорее тактический, чем стратегический характер, и может выродиться если не в вооруженное противостояние, то, как минимум, в существенную напряженность, спусковым механизмом которой может стать, например, соперничество в Центральной Азии. Но напрашивается и более существенный вывод. Стратегия Китая в отношении России – один из элементов глобальной стратегической линии Пекина. И если в отношении страны, являющейся пусть не союзником, но партнером, китайское руководство планирует наступательные операции и не склонно считаться с ее интересами, то какими могут быть действия Китая в отношении стран, считающихся его потенциальными противниками или, по крайней мере, соперниками?

НОВЫЙ ИГРОК НА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ СЦЕНЕ

На первый взгляд, южная окраина бывшего Советского Союза, Центральная Азия и Южный Кавказ, остается на дальней периферии мировой политики. На самом же деле стратегическая роль этих регионов заметно возрастает. Они примыкают к двум наиболее болезненным узлам нынешних международных отношений – иранскому и афганскому, вызывают все больший интерес как источники энергоресурсов и районы, по которым проходят или будут проходить коммуникации, связывающие запад и восток евразийского континента.

Летом и осенью 2007 г. события в Центральной Азии развивались в основной своей массе по привычным сценариям. Президент Узбекистана Ислам Каримов готовился к избранию на очередной срок подавляющим большинством голосов. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев благополучно утвердил себя пожизненным президентом и убрал с политической арены возможного преемника, собственного зятя, который, судя по всему, слишком активно начал готовиться к высшей власти. Продолжалась политическая неразбериха в Киргизии, завершившаяся в октябре 2007 г. роспуском парламента.

Главные заслуживающие внимания новости приходили прежде всего из Туркмении. К осени 2007 г. стало ясно, что на центральноазиатской политической сцене появился новый весьма интересный и все более влиятельный игрок – президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов. В одном из прошлых обзоров я писал о том, что, скорее всего, Бердымухаммедов во внешней политике будет придерживаться линии, выработанной в свое время Туркменбаши, до тех пор, пока не сложится более или менее стабильная расстановка сил внутри правящей верхушки Туркменистана. Весной 2007 г. можно было ожидать, что для этого потребуется значительное время и, кроме того, в роли президента Туркмении может оказаться иная фигура, обладающая, в отличие от Бердымухаммедова, собственной силовой опорой в виде армии, МВД или иного силового ведомства.

Однако события в Туркменистане развивались не по тому сценарию, который считался наиболее вероятным несколько месяцев тому назад. Во-первых, новый президент самым решительным образом утвердил свое лидерство внутри страны. В мае 2007 г. сначала в отставку, а потом и в тюрьму был отправлен *серый кардинал* прежнего режима, бывший начальник службы безопасности Туркменбаши генерал-лейтенант Акмурад Реджепов. Именно он, как можно предположить, помог Бердымухаммедову занять президентское кресло в критической ситуации, возникшей сразу после смерти бывшего туркменского лидера. Одновременно новый президент осуществил массированную смену кадров в высшем и среднем эшелоне власти, расставив на ключевые посты лояльных ему людей. Собственно говоря, ничего неожиданного в этом не было. Действия Бердымухаммедова полностью вписывались в нормальную схему поведения только что пришедшего к власти авторитарного правителя, создающего собственную силовую и политическую опору в бюрократической иерархии.

Несколько неожиданным было другое, а именно – масштабность перемен во внешней политике. Новый президент последовательно выводит Туркменистан из изоляции, в которую его погрузил бывший правитель, и расширяет спектр внешнеполитических связей с центральноазиатскими странами, Китаем, Россией и Западом. Можно с уверенностью утверждать, что стратегическая установка внешней политики Г.М. Бердымухаммедова состоит в том, чтобы открыть новые транспортные пути, в том числе на Восток, в Китай, и избавиться таким образом от односторонней экспортной зависимости от России, которая в середине прошлого десятилетия привела к практически полной остановке экспорта туркменского газа и, соответственно, к колоссальному снижению экспортных доходов и серьезной деградации газовой промышленности страны.

ДЛЯ РУЛЕВОГО

В заключение любой аналитической статьи или обзора полагается делать некие основополагающие выводы и формулировать рекомендации власть предержащим. Однако международная реальность слишком сложна, неоднозначна и подвижна, чтобы ее можно было вразумительно описать несколькими формулами. Но все же: надвигающаяся многополярность – не благо, а угроза; *абсолютная однополярность*, как и *концерт великих держав*, – иллюзии; возможный выход – система гибких *коалиций заинтересованных*, каждая из которых предназначена для той или иной конкретной цели; выживание евро-атлантической цивилизации, включая, естественно, Россию, требует гармоничного сочетания *мягкой и жесткой* силы. И последнее: *вторая холодная война* будет для России более губительной, чем *первая* оказалась для бывшего СССР.

Юрий Федоров

Принято считать, и небеспочвенно, что исторические аналогии вредны, ибо навязывают политическим игрокам заведомо устаревшие модели поведения. Меняются технологии, экономические модели, политические системы и идеологические установки системы коммуникаций. Наконец, меняются даже люди, хотя это и самый консервативный элемент системы международных отношений. Поэтому попытка приложить к сегодняшней ситуации лекала даже 50-летней давности, как правило, обречена если не на провал, то на умозрительность. Конечно, исторические аналогии имеют право на существование, однако, к примеру, тот факт, что к власти во Франции вновь пришел неэтнический француз невысокого роста и с неудовлетворенными амбициями, вряд ли должен приводить к созданию новых стратегических концепций, даже если новый лидер *прекрасной Франции* и мнит себя новым Наполеоном. Хотя как знать...

О ВРЕДЕ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

Исторические аналогии опасны тем, что создают иллюзию применимости прежних рецептов и технологий к решению сегодняшних проблем. Исторические аналогии опасны и тем, что политик или государство, действующий в тисках исторических аналогий, одобренных порой неправильным их пониманием, обречен *играть вторым номером*, отдавая инициативу, отказываясь от осмысления прошлого и понимания новых тенденций и поиска своего места в новом мире. Порой такой политик становится просто смешон, как смешон был Б.Н. Ельцин, пытавшийся в 1998 г. на *саммите* с европейскими лидерами хрустальным ключиком воспроизвести *союз трех императоров* (другими двумя *императорами* были *друг Жак* и *друг Гельмут*, естественно). Уроки прошлого существуют, чтобы их учить, но не для того, чтобы действовать по их рецептам. Именно поэтому вряд ли стоит серьезно воспринимать и разговоры о *новой* холодной войне, и призывы к новому *сдерживанию* российского империализма. Равно как и появление идей противопоставить блоку НАТО какой-то новый антиимпериалистический альянс. В этих идеях чувствуется желание переиграть прошлое, а это ни до чего хорошего никогда не доводит.

Но если мы видим, что история повторяется, если мы уверены в этом, то это очень тревожный сигнал, ибо он означает, что в системе международных отношений произошел какой-то сбой и развитие пошло *по кругу*. Движение *по кругу*, ориентация на исторические аналогии почти всегда и везде есть деградация. Иного не дано. А это значит, что те, кто попал в этот замкнутый круг и как бы выпали из процесса мирового развития, становятся глобально неконкурентоспособны и с этой точки зрения обречены на стратегическое поражение.

В насыщенном, но одновременно фрагментированном рассматриваемом периоде в развитии системы международных отношений как раз есть это настораживающее ощущение если не *дежавю*, чего-то очень знакомого. Хаотичность прошедшего квартала также объясняется весьма просто: система международных отношений находится в стадии активной перестройки, а основные игроки на мировой арене в ожидании нового контекста решают преимущественно тактические задачи. Время стратегии еще не пришло, а может быть, мы просто еще не способны уловить стратегические ходы *великих держав* современности за пеленой многочисленных событий последнего времени. Но вот ощущение *дежавю*, которое сформировалось в последние три-четыре месяца, вполне устойчиво, и вряд ли это просто аллюзия.

О КОСОВО И НЕ ТОЛЬКО

Пожалуй, ситуация вокруг Косово действительно является сердцевинной сегодняшних мировых отношений. Ведь в ней сфокусировались едва ли не все основные проблемы

современного мира, едва ли не все основные прецеденты и тенденции, а главное – все основные уроки современной мировой политики и нашей недавней истории.

Так в чем же главный урок, который надо извлечь из ситуации вокруг Косово?

Что международное право мертво? Нет. Пока еще нет. Хотя пациент, безусловно, находится в коматозном состоянии. Будь международное право мертво, независимость Косово была бы давно провозглашена, а Белград и тем более ООН даже не подумали бы спрашивать. Ведь в очень схожей типологически ситуации 1937–1938 гг. вокруг Чехословакии делегацию из Праги даже не подумали позвать в зал переговоров в Мюнхене, и она смиренно дожидалась в прихожей, когда властители мира решили, что можно отнять у этого вроде бы независимого государства. Вот это была действительно смерть международного права, за которой уже совершенно очевидно маячила большая война. Теперь согласитесь, властители мира или, как минимум, считающие себя таковыми соблюдают хотя бы внешние приличия, что уже неплохо.

Что военная сила вновь стала одним из наиболее значимых инструментов мировой политики, позволяющей кроить государства и континенты *по праву сильного*? Да она никогда и не переставала быть таковой, что бы там ни сообщали политики и политологи.

Что принцип нерушимости границ государств не является теперь *священной коровой*? Это было ясно еще в начале 1990-х гг., и только близорукие люди считали и продолжают считать, что результаты Хельсинкского совещания имеют хотя бы какое-то значение. Ведь значительной части государств, которые подписали в Хельсинки пресловутый Заключительный акт, уже не существует, а другая часть – например, Бельгия, а может быть, и Испания – вероятно, скоро исчезнут. Вот только некоторые считают, что можно обеспечивать единство и территориальную целостность своих союзников, расчлняя те государства, которые по каким-то причинам им не нравятся. Но так не бывает – тенденция, если она действительно тенденция, управляет всеми: и союзниками, и противниками, и нейтралами.

Что НАТО (а, вернее, США в окружении сателлитов, борющихся за симпатии Вашингтона) присвоило себе функции и судьи, и прокурора в международных отношениях? Это было ясно задолго до Косово. Более того, неизбежно обусловлено превращением НАТО из структуры, занимающейся территориальной обороной своих стран-членов, в организацию, декларирующую *проецирование демократии* как главную цель. НАТО было обречено – особенно после первой волны расширения – на то, чтобы претендовать на роль верховного арбитра глобального значения, поскольку это единственная миссия, которая достойна этой огромной по количественным параметрам и по – отчасти искусственно надутому – политическому значению. В противном случае не было смысла ни в том, чтобы сохранять НАТО после окончания холодной войны, ни в том, чтобы идти на рискованный процесс расширения.

Что двойные стандарты определяют поведение ЕС и что мнение России будет демонстративно игнорироваться, более того – Европа в лице Марти Ахтисаари будет откровенно бравировать этим? И снова – нет. ЕС стал игнорировать мнение России задолго до Косово и по вопросам, в которых Россия имела намного больше прав и возможностей требовать учета своих интересов. Например, в вопросе о транзите энергоносителей в начале нынешнего столетия. И тогда же выяснилось, извините за каламбур, что игнорировать Москву ЕС может, а проигнорировать – нет. А то, что уроженец города Выборга Марти Ахтисаари вел себя в отношении России так *отвязно*, – не беда. Просто он воплотил в своем поведении все долго скрываемые комплексы, полученные еще в юности, и принял желаемое за действительное. Бывает.

Главный урок Косово в том, что за свою землю в современном мире надо драться. Драться до последнего, в самой безнадежной, казалось бы, ситуации. Драться и побеждать. А не позорно сдаться и потом выклянчивать у победителей уступки, прикрываясь то Россией, то международным правом и заявляя о своем стремлении стать частью *цивилизованного мира* и еще более цивилизованной Европы. И это не урок для сербов, которые, кажется, патологически не умеют, да и не хотят учить уроки. Это урок для нас.

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АКТИВИЗМ: В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ?

Одним из главных факторов в развитии военно-политической обстановки в мире в последнее время был нарастающий военный активизм России. Фактически если отрешиться от тенденций и заниматься только реальными событиями, то именно начало Россией активной военной политики в форме различных по сути и форме военных демонстраций было сердцевиной военно-политических процессов в мире в последние три-четыре месяца.

Действительно, новый российский военный активизм России можно считать значимым геополитическим фактором. Ведь если решение России о приостановлении действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе было лишь политической демонстрацией глубокой неудовлетворенности Москвы, то последние действия показали ее готовность, помимо политических заявлений, подкрепить свое неудовлетворение западными партнерами определенными вполне ощутимыми военными действиями. Случилось то, что рано или поздно должно было случиться, то, о чем зарвавшихся западных политиков неоднократно предупреждали: Россия начинает понимать, что без постоянного,

настойчивого и реалистического поддавливания наших западных партнеров военными инструментами диалог с ними напоминает лекцию о пользе демократии и вреде суверенитета.

 Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований – по электронной почте из Монтерей: *Неопределенность вокруг иранской ядерной программы продолжает оставаться одним из наиболее серьезных вызовов. Очень много обвинений звучит от основных игроков. Самая большая опасность, которая не уменьшилась за последний месяц, это вероятность того, что Иран и Соединенные Штаты находятся на пути к столкновению, и некоторые ведущие фигуры в обеих странах приветствуют такой вариант развития событий. Долгожданным и позитивным событием в общей холодной атмосфере международной безопасности стало продвижение в денуклеаризации КНДР, большее, чем полагали многие эксперты.*

И оказывается, что, несмотря на все разговоры о *нафталиновости* наших бомбардировщиков, их появление позволяет нашим западным партнерам по-новому взглянуть на перспективы партнерства между Россией и НАТО. Так что говорить о том, что последние действия Москвы полностью лишены смысла, нельзя, да и российская авиация оказывается не такой уж *нафталиновой*, если вынуждает наших партнеров тратить свои *хайтековские* усилия не на экспорт демократии, а на перехват российских бомбардировщиков. Которые, кстати, не более *нафталиновые*, нежели разработанные за несколько лет до Ту-95 американские В-52, в последние годы исправно перепихивающие бомбами и ракетами одно государство за другим.

Другой вопрос, что для решения реальных геополитических задач России принятые меры и проводимые вблизи границ государств НАТО полеты мало что дают, поскольку решение таких задач России требует несколько других военных и военно-политических ин-

струментов, да и большей, нежели силовые демонстрации, жесткости и решимости добиваться своих целей. Но, думается, нервозность наших западных партнеров объясняется крайне прозаично: а что будет, если Россия, наигравшись в демонстрацию силы, начнет действительно использовать военный фактор рационально и жестко – для решения задач собственного развития и обеспечения экономических и политических интересов. И вот это уже будет для наших западных партнеров очень неприятно, поскольку заставит не только поднимать истребители на перехват российских бомбардировщиков, что, конечно, неприятно, но терпимо. Придется по-настоящему перестраивать

свою оборонную стратегию, сформированную еще в первой половине 1990-х гг. на базе казавшегося тогда абсолютной истиной тезиса, что Россия больше никогда не станет значимой военной силой.

Только вот для того, чтобы эффективно использовать военную силу для решения реальных геополитических и геоэкономических задач, нужна существенно другая армия, нужна существенно другая боевая техника, нужны существенно другие военная доктрина и оперативное искусство. Нужны немного другие генералы, которые не будут мыслить категориями холодной войны или даже конфликта в Чечне. Так что полеты стратегических бомбардировщиков в сторону Великобритании и проведение дивизионных военных учений – это всего лишь начало пути.

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА: ИГРА ДВУХ

Ситуация в области противоракетной обороны (ПРО) развивается предсказуемо. Соединенные Штаты с последовательностью дорожного катка (управление которым сводится лишь к регулированию скорости движения, но никак не его направления), не обращая принципиального внимания на инициативы и предложения, строят ПРО в Европе. Так и удачное по форме и сути предложение России о совместном использовании Габалинской РЛС и создании на этой базе основ глобальной системы ПРО было фактически проигнорировано, если не считать появления у Вашингтона беспокойства на тему того, как объяснить отказ от предложений Москвы. А ведь создание такой системы во многом решало бы заявленные нашими американскими партнерами цели создания системы ПРО.

Это подтверждает две ранее высказанные принципиальные гипотезы. Во-первых, под ширмой ПРО скрывается более глубокий геополитический проект. Но прямо называть истинные цели и содержание этого проекта невозможно даже в условиях нынешней атлантической солидарности. А во-вторых, к пороговым странам этот проект имеет крайне отдаленное отношение. Так что вне зависимости от развития международной обстановки (даже если в Иране к власти придет руководство, которое объявит Америку главным союзником) и новых предложений с российской или какой-либо иной стороны, вне зависимости от критики специалистов и брюзжания европейских политиков американская система ПРО в Европе будет построена. И будет построена в том и только том виде, в котором она нужна США. И тогда, когда они смогут ее построить в нужной для США конфигурации и технологическом наполнении. У нас почему-то упускают из вида, что нынешние **колебания** США по вопросу о сроках и формате размещения ПРО США, проявлением которых считают идею не размещать пока в Восточной Европе ударные компоненты системы, могут быть не результатом политических проблем, а следствием технологической неготовности системы. И США просто нужно выиграть год–полтора, заодно продемонстрировав свою полную кооперативность и готовность к диалогу с Россией.

Казалось бы, этот эпизод современной мировой истории следует занести России в пассив. Но это только на первый взгляд. При внимательном рассмотрении (особенно если принять как данность то, что американская система ПРО хотя бы отчасти сориентирована против России, в чем уже мало кто сомневается) это означает возникновение между Россией и США впервые в постсоветской истории элемента прямого военно-политического взаимодействия. Что в свою очередь предполагает определенную взаимозависимость. Ведь, нравится нам это или нет, диалог по ПРО в Европе – а это был именно диалог, что бы там ни говорили критики двух президентов – стал первым по-настоящему практически наполненным вопросом в российско-американских отношениях за последние несколько лет. И это особенно ценно на фоне пустых дискуссий о правах человека и судьбах демократии в России. И этот возникший диалог надо ценить и развивать вне зависимости от того, какие действия осуществляют США в восточноевропейских странах.

В конечном счете, набор мер противодействия строительству американской ПРО в Восточной Европе уже понятен. Это, конечно, потребует определенных затрат, однако стратегические наступательные вооружения России и так надо было обновлять. И надо поблагодарить наших американских партнеров за то, что они подтолкнули нас к этому важному и, безусловно, правильному решению.

Хотя нельзя не отметить мастерство Вашингтона, который в процессе дискуссии о судьбе ПРО в Европе изящно сделал именно Москву ответственной за введение ядерной программы Ирана в рамки, предусмотренные Договором о нераспространении ядерного оружия. А главное – смог представить свои действия как вынужденные и связанные с тем, что у Москвы не получилось умиротворить Тегеран.

Но важно и другое. Создавая хотя бы частично ориентированную против России систему ПРО, США признают уже не косвенно, а прямо Россию в качестве военного фактора глобального значения. Вашингтон признает, что Россия становится таким военным фактором, который уже невозможно сдерживать, опираясь на Польшу, Украину и прибалтийские лимитрофы. Приходится действовать самим американцам. И теперь только от нас, от России зависит, сможем ли мы трансформировать это – вероятно, очень неохотно – признание Вашингтона в прямые военно-политические дивиденды. В конечном счете, быть военным соперником США – вполне достойный статус для государства, про которое еще шесть-семь лет назад в Вашингтоне шла дискуссия, выживет оно или распадется на множество мелких государств. Но статус военного соперника США не только почетен и исключительно геополитически выгоден, но и чудовищно геополитически ответственен, так что российской политической элите пора избавляться от привычек, выработанных за годы *творческого простоя* и разборок *по мелочам* с нашими сварливыми прибалтийскими соседями. Тогда и не будем попадать в то неловкое положение, которое испытала российская дипломатия, оказавшись между молотом США и иранской наковальней.

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Одним из наиболее значимых военно-политических факторов последних трех-четырёх месяцев стало принятие решения об операции турецких войск в курдских районах Ирака против боевиков Курдской рабочей партии. Исключительно интересное событие, которое при внешне тактическом характере вскрывает многие стратегические механизмы в развитии сегодняшней системы международных отношений.

Зададимся вопросом: а имела ли Турция право на проведение такой операции с учетом того, что напряженность на ее границах действительно была очень значительной? Безусловно, имела. Более того, стоит позавидовать крепости нервов турецкого руководства, которое оттягивало принятие решений о начале операции до последнего. Мотивы турецкого руководства прозрачны: оно прекрасно понимает, что зачистка боевиков в иракском Курдистане сделает еще более непростыми переговоры о вступлении Турции в ЕС. Однако, хотя сейчас турецкое руководство достаточно сильно, чтобы пойти против собственного общественного мнения, требовавшего начала операции, делать это до бесконечности невозможно.

Вопрос не в том, что курды борются за свою национальную независимость. И не в том, что возникновение курдского государства будет означать долгосрочную дестабилизацию ситуации на всем Ближнем Востоке. Вопрос в том, что военная активность курдов в Северном Ираке есть фактор исключительно управляемый. Ибо маловероятно, чтобы в условиях прямой американской оккупации Ирака курды, которые, напомним, являются главным союзником американцев, могли бы действовать столь агрессивно против – формально – другого американского союзника без, как минимум, нейтрального отношения к их действиям со стороны Вашингтона. Если говорить прямо, нельзя исключать, что Вашингтон поощрял действия курдских боевиков, возможно, создавая у них иллюзию того, что ответа со стороны Турции удастся избежать.

Тогда встает вопрос, а зачем США это надо? Зачем США **подставлять** одного из своих ключевых союзников? И, заодно, почему чем более проамерикански настроен политик в Европе, – классические примеры: Николя Саркози и Ангела Меркель, – тем более враждебно он настроен в отношении Турции и ее возможного членства в ЕС?

И ответ на это вопрос достаточно прост: объединенная Европа с Турцией – это нечто иное, нежели ЕС без Турции. Ведь Турция – это не просто государство, которое обладает уникальным геополитическим положением и дает ЕС прямой и не контролируемый США выход на рынки Ближнего и Среднего Востока. Это государство, которое обладает промышленной базой и людскими ресурсами для того, чтобы эту базу использовать. Это государство, которое обладает реальным военным потенциалом, в отличие от большинства нынешних государств ЕС. Это государство, которое весьма прозорливо обеспечило себе прямой доступ к энергетическим ресурсам постсоветского пространства. Турция в намного большей степени, нежели Польша, имеет потенциал для того, чтобы предъявлять претензии на лидерство в Европе.

Поэтому для США принципиально важным является сохранение Турции в собственной орбите, не дав возможности Европе и Турции взаимно дополнить потенциалы друг друга. Что интересно, в планах формирования *нового Ближнего Востока* или *Большого Ближнего Востока*, которые периодически просачиваются из вашингтонских коридоров, Турция оказывается государством, которое не благоденствует в единой Европе, а вынуждено своими вооруженными силами и политическими возможностями вмешиваться в силовые процессы в регионе, чтобы (в том числе и в силу необходимости обеспечить безопасность собственных границ) навести в сопредельных регионах минимальный порядок. Понятно, что в таких условиях Турция окажется под градом критики со стороны европейских структур и будет вынуждена вновь вернуться под крыло США, забыв на много лет о возможности самостоятельной политики и влияния в Европе.

А курдов жалко – они просто оказались пешкой в чужой игре. Пешкой, которой скоро пожертвуют без всяких сожалений.

ИРАК: ПОСМЕРТНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Говоря о ситуации в Ираке, надо признать, что действия американцев с точки зрения тактики были не то чтоб успешны, но, как минимум, эффективны. Введя дополнительный контингент в зону *большого Багдада*, они добились того, что боевики если и не были оттуда выдвинуты полностью, то существенно сократили свою активность. Конечно, они *перетекли* на север, в Кербеллу, в Басру, однако их деятельность в этих регионах имеет существенно меньшую опасность для США: там объектами нападений становятся шииты и курды, а главное – там меньше иностранных корреспондентов и камер американских телеканалов. В результате становится меньше телерепортажей с горящей в кадре американской бронетехникой, что создает иллюзию относительной стабилизации обстановки, что так льстит американской администрации. Так что вроде бы циничное предположение о том, что ход современных войн определяется новостными каналами, находит свое подтверждение.

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), директор Исследовательского Центра Залива – по телефону из Дубай: *Из событий, повлиявших наиболее негативно на климат региональной безопасности, я могу назвать появление видеозаписи выступления Усамы бен Ладена и Аймана Аль-Завхири 11 сентября. Другой отрицательный фактор – это сохранение угрозы возможного взрыва со стороны Ирана в случае нападения на эту страну в связи с подозрениями относительно ее ядерной программы. Положительно на атмосферу в регионе влияет сближение между Катаром и Саудовской Аравией.*

Проблема только в том, что тактические успехи никак не могут изменить факт стратегического поражения США. И дело – не в Ираке. Дело в том, что, начиная кампанию против Саддама Хусейна, которого они изучили досконально, изолировали даже от самых близких союзников, окружение которого попросту купили, армию которого разложили, США никак не могли себе представить, что победоносное шествие превратится в хотя и слабое, но все же подобие вьетнамской войны. А США – единственная сверхдержава современного мира, имеющая глобальные интересы, – окажутся втянутыми в истощающий военные и политические ресурсы конфликт в не самом важном для интересов США районе мира.

Ведь в результате войны в Ираке выяснилось, что военные ресурсы США, мягко говоря, исчерпаемы, и даже при той сравнительно невысокой интенсивности боевых действий и потерь, которая есть в Ираке, Пентагон начал испытывать сложности с поддержанием боеспособности группировки уже в конце 2005 г., а к 2007 г. эти сложности приобрели хронический и системный характер. Именно поэтому *усиленная* группировка американских войск продержалась в Ираке меньше восьми месяцев – на большее просто не хватило сил и ресурсов. Рискну сделать вывод: система военного планирования и поддержания мобилизационной готовности в США продемонстрировала высочайшую систему эффективности в краткосрочных военных конфликтах, но оказалась крайне уязвимой при затягивании конфликта.

К тому же, встает вопрос о том, что теперь делать с войсками, которые прошли несколько туров пребывания в Ираке. Дело тут не в каком-то *синдроме*. Дело в управляемости и подконтрольности данных подразделений, которых война в Ираке с учетом вседозволенности и коррупции разложила. Ведь даже просачивающиеся из района боевых действий сведения дают почву для очень серьезных выводов о боевом и психологическом состоянии американского контингента. И вряд ли эти подразделения сейчас можно воспринимать как безусловно боеготовые, особенно для реального военного конфликта с серьезным противником, к примеру, где-то в Северо-Восточной Азии. Так что получается, что Саддам Хусейн все же нанес посмертное поражение американским войскам.

С этой точки зрения необходимо серьезно отнестись к мельком прозвучавшему предложению кандидата-республиканца Рудольфа Джулиани о том, чтобы принять в НАТО страны, не относящиеся к евро-атлантическому региону, прежде всего, Израиль и государство Азиатско-Тихоокеанского региона. Ясно, что эта идея идет не от Джулиани, познания которого в мировой политике, как известно, экзотичны – явно она подсказана теми в Республиканской партии, кто еще надеется на победу на президентских выборах. Это свидетельствует о том, что в американской элите зреет понимание серьезного кризиса в системе военно-политических обязательств США и необходимости существенного их изменения. Вряд ли это связано с ситуацией в НАТО, которая для американцев сейчас самая благоприятная за последние 25 лет. Однако проблема в том, что нарастающе лояльные европейские союзники Вашингтона столь же нарастающе бесполезны – за исключением Польши, естественно – в военном плане. А США уже не готовы декларировать способность монополично обеспечивать стабильность дружественных режимов и нуждаются в том, чтобы быть поддержанными военной мощью своих союзников. Это, кстати, говорит о том, что в США многие уверены в том, что роль военной силы в обозримой перспективе будет только возрастать. Однако думается, что речь идет не столько о создании *расширенного НАТО*, сколько о некоей новой структуре с формализованными военно-политическими обязательствами. И базой для такой организации, вероятно, будет уже не столько НАТО, сколько *повязанная кровью* антииракская коалиция, сплоченная на базе общей ненависти к ней со стороны воинствующего ислама.

ЕС: ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Говоря о ситуации в Европе, ловишь себя на интересной мысли: Россия впервые со времен Петра Великого практически не имеет влияния на европейскую политику. Россия может что-то говорить европейцам, но они уже не утруждают себя имитированием внимания к тому, что говорится из Москвы, и оживляются только тогда, когда Россия на-

чинает очередной раунд газовой дипломатии. Европа как в формате ЕС, так и в формате отдельных государств также имеет все меньше и меньше влияния на политику Москвы, хотя Кремль деликатно выслушивает европейских политиков. Это так отличается от того внимания, которое и в Москве, и в европейских столицах уделяют тому, что говорят в Вашингтоне, даже если там говорят откровенную чушь. Так что казавшаяся еще два года назад страшной ересью мысль о том, что отношения с ЕС Россия должна выстраивать через Вашингтон, становится все более и более актуальной.

Конечно, мы наблюдаем разворот новой плеяды европейских лидеров к более тесным отношениям с США, наиболее разительным примером которого было заискивающее поедание гамбургеров президентом Франции Николя Саркози на семейной вилле Бушей (в чувстве юмора, хотя и своеобразного, Бушу-старшему отказать нельзя), но подобное же происходит и с другими лидерами *единой Европы*. Было бы искушением назвать это все *зигзагом*, связанным с личностями пришедших в последнее время к власти и их личными симпатиями к США. Но дело, вероятно, не в этом. Дело в том, что разворот в сторону сближения с США даже в таких в общем-то унижительных для европейцев формах, как это произошло с Саркози, является признанием того, что Европе рано пока играть самостоятельную роль и без стратегического альянса с США ЕС не так уж много и значит в глобальном масштабе. И тот факт, что президент Франции согласился есть гамбургеры и хот-доги для того, чтобы доказать свою лояльность Вашингтону, говорит очень о многом, ибо голлизм, похороны которого состоялись в семейном поместье Бушей, был достаточно стойкой идеологией европейской самостоятельности.

Но есть и другой аспект проблемы – бюрократия ЕС, которая уже свыклась с мыслью о своей глобальной роли и вряд ли согласится так быстро отказаться от ощущения близости мирового господства. Период, когда в Брюсселе занимались в основном тем, что определяли стандартную длину европейского огурца, прошел, и возвращаться туда евробюрократам уже не хочется. Но то, как будут сочетаться стремление европейской бюрократии сохранить за собой глобальный статус и желание значительной части европейских элит вернуться под американское крыло, является открытым вопросом, ответа на который не знает никто.

Однако главное, вероятно, не это. У А. Блока в период модного в начале XX в. декадентства, когда он еще и в страшном сне не мог представить, что скоро будет призывать *слушать революцию*, вышел сборник «Пузыри земли», начинавшийся с жутковатого эпитафия из шекспировского «Макбета»: «Земля, как и вода, содержит газы; И это были пузыри земли». Пророческий, надо сказать, оказался эпитаф для начала XX в. Европейская земля в тот раз выдавила из себя коммунизм, а заодно и русский бунт, не то чтобы очень бессмысленный, но вполне беспощадный. Вот нечто подобное происходит и в современной Европе. Из современной Европы, как из подернувшегося травой-росянкой торфяного болота, начинают выходить газы. Попытка консолидации ЕС выдавливает ближе к поверхности различные маргинальные силы, которые, в принципе, неплохо ощущали себя в рамках национальных государств, но не стремились *высовываться*. Теперь, под воздействием общеевропейских процессов унификации, стандартизации и введения почти тоталитарной идеологической регламентированности, их выталкивает на поверхность европейской политической жизни. В *единой Европе*, которая становится все более зарегулированной, политического и экономического места на всех не хватит, а значит, за него надо бороться всеми доступными средствами. Так значит, тот всплеск политического экстремизма, а порой – и откровенного фашизма, национализм, буйство национальных и сексуальных меньшинств, периодически возникающие то в одной, то в другой стране благополучной Европы погромы, – все это является не краткосрочным зигзагом, а среднесрочной тенденцией.

Если посмотреть на ситуацию в Европе в динамике, то европейский континент сегодня отличается от благополучной Европы конца 1970-х гг. (до того момента, когда США в попытке *добить* застойный СССР начали грандиозную операцию по размещению ракет средней дальности в Европе) в не меньшей, если не большей степени, нежели Россия октября 1993 г. от России октября 2007 г. Это уже не та благообразная Европа, которую показывали постперестроечным россиянам по телевизору. Это уже Европа, где

прямо говорится, что Сталин хуже Гитлера, а скоро выяснится, что Гитлер вообще-то не был так уж плох, поскольку давал народам Европы свободу от коммунизма. Где не зазорно – особенно в Восточной Европе – кричать *хайль*, где количество экстремистских группировок правого и левого толка растет как на дрожжах, где почти официальной идеологией становится антихристианское мракобесие, прикрываемое разговорами о светском характере государства. Но, что самое главное, современная Европа – это некая аморфная масса, из которой вынули идеологический стержень и заменили его социальным пакетом и всесильной национальной и наднациональной бюрократией. И эта масса уже не способна произвести на свет никакой вменяемой политической идеологии, которая могла бы конкурировать с *пузырьками*.

Ситуация в Европе была бы абсолютно внутренним делом европейцев и мало бы касалась проблем оборонной политики России и вообще военно-политической ситуации в современном мире, если бы не одно досадное обстоятельство. Во второй половине 1920–1930-х гг. из Европы – правда, под воздействием несколько иных факторов – также *выходили газы* политического экстремизма. И именно из этих *газов* сформировался европейский фашизм, замешанный в том числе на все той же привычной русофобии, которую в политических целях называли антикоммунизмом. Так что надо смотреть правде в глаза: фашизирующийся и политически маргинализирующийся под воздействием *пузырей* Европейский Союз станет военно-политической **проблемой** для России, а затем – и **военной угрозой** для нашей страны. Ибо путь его будет лежать на Восток – к природным ресурсам нашей страны, которые надо будет взять любой ценой. И к этому, вероятно, пора готовиться уже сейчас, тем более что разговоры о том, что природные богатства России должны принадлежать всему человечеству, сейчас в Европе сильны как никогда.

О ПОЛЬСКОМ ГУСАРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

О Польше – либо хорошо, либо ничего. Такое поведение диктует нам пресловутая европейская политическая корректность. И это не случайно. Польша превращается в некую *фигуру умолчания*, которой европейские политики как-то стесняются, но которая ведет себя столь активно в последнее время, что не говорить о ней нельзя. Так ведет себя ставший крупным политиком отличник в отношении двоюродного брата-хулигана. Так ведут себя в отношении родственника, отбывающего длительный срок за изнасилование. Действительно, а как еще относиться к члену Евросоюза, который стал источником всех (!) кризисов в ЕС последних двух лет и с предельной нахрапистостью выжимает из европейцев политические и экономические уступки, руководство которого открыто оскорбляет даже Германию, от благоденствия которой, в сущности, зависит, а главное – демонстрирует откровенное презрение ко всем основам современной общеевропейской политики: от изгнания религии из общественной жизни до отказа от смертной казни как меры наказания.

Современная Польша, ее внешняя и оборонная политика, а главное – то, как европейские страны относятся к *польскому ренессансу*, – это тот все-таки не частый случай в современной мировой политике, когда нельзя отделаться от мысли, что развитие пошло по кругу, то есть вошло в период деградации. Ведь, по сути, современная Польша делает сейчас ровно то, что она делала в период между 1925 и 1939 гг. То есть пытается играть роль *великой* европейской державы. В тот период Польша (надо признать, зачастую умело) маневрировала между основными игроками европейской политики, в том числе и натравливая их друг на друга, стремясь выторговать себе место под солнцем. И преуспела – к 1937 г. без Польши не решался ни один серьезный европейский вопрос, Польша сама выбирала себе партнеров, а договора о ненападении (!) с «уродливым детищем Версальского договора», как скажет чуть позже В.М. Молотов, добивались и Гитлер, и Сталин, причем Гитлер (об этом в современных учебниках европейской истории, разумеется, ничего нет) оказался более удачливым.

В конце 1930-х гг. закончилось это все печально: меньше чем через полтора года после того, как Варшава вместе с Гитлером рвала на куски Чехословакию (мы как-то забываем, что в ходе печально знаменитого Мюнхенского сговора, с которого и началась Вто-

рая мировая война, Польша была союзником нацистов), она сама была растоптана бывшим соратником по борьбе за *место под солнцем*. Растоптана легко, ибо роль Польши как европейской великой державы 1930-х гг. не базировалась ни на чем: ни на военном потенциале, ни на экономическом, ни на монолитности и целеустремленности элиты. Точно так же нынешняя роль Польши как государства, которое претендует на то, чтобы вершить судьбы ЕС, не основана ни на чем, если не считать иллюзий Варшавы о собственном величии и поддержке со стороны США. Правда, американцы хорошо известны тем, что в определенных обстоятельствах легко *сдавали* всех своих союзников: от южновьетнамских генералов и восточноевропейских антисоветчиков до Эдуарда Шеварднадзе и талибов.

Не нам критиковать Польшу. Слишком много всякого в нашей взаимной истории, да и это суверенное право Польши и поляков – мечтать о своей стране как о великой державе *от моря до моря*. В конечном счете, сегодня Польша является единственной страной в Европе, кроме России, которая имеет независимую от ЕС внешнюю политику, не говоря уже о внутренней. За это Варшаву стоит только уважать, тем более что современная Польша – один из примеров реального воплощения принципов *суверенной демократии*. Только всегда надо помнить, что борьба Польши за *место под солнцем* в конце 1930-х гг. закончилась возникновением общеевропейской напряженности, а затем и войны с известными последствиями. А Польша, во многом став одной из виновниц конфликта в Европе, оказалась неспособной даже в минимальной степени справиться с военными результатами своих политических действий. Поскольку польская элита тридцатых годов, равно как и нынешняя польская элита, в своей откровенной безответственности никогда не задумывалась о последствиях своей заносчивости и агрессивности. Так что обвальное нарастание политической активности Польши означает только одно: впереди в Европе период политической, а затем – и военной нестабильности, который почти неизбежно затронет и Россию.

В действительности европейский или неевропейский выбор Польши есть выбор между Польшей как нормальным европейским государством, играющим *по правилам* (вне зависимости от того, нравятся ли России эти правила или нет), и Польшей как источником нестабильности в Европе. В этом смысле победа умеренных правых на недавних выборах имеет ободряющее значение и для Европы, и для России. Ибо это не только и не столько надежда на возобновление нормального диалога между Варшавой и Москвой, сколько укрепление базиса европейской стабильности. Вопрос только в том, насколько нынешние выборы отражают стратегические изменения в общественном мнении Польши, а насколько являются свидетельством испуга польского общества перед изоляцией и на Востоке, и на Западе. Вопрос также состоит в том, насколько Брюсселю, а по сути – Берлину, удастся интегрировать Польшу в систему политических приоритетов Европы; насколько европейским институтам удастся убедить Польшу, что она должна стать такой же страной, *как все*. Как Греция, как Португалия, как Кипр. Хотя то, насколько долгим и фундаментальным окажется нынешний разворот польской политики, покажет только время. И, боюсь, дело тут не только в близнецах Качиньских, на которых и в Европе, и в России готовы *свалить* все проблемы, которые создала Польша для европейских государств.

США И ИРАН: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Про современную ситуацию в американо-иранских отношениях написаны горы литературы.

И уже, кажется, неважно, нанесут США удар или не нанесут. Само ожидание вооруженной акции США против Ирана становится одним из наиболее значимых факторов современных международных отношений. Ожидание столкновения управляет ценами на нефть и газ, транспортными потоками, инвестициями, контрактами, наконец, жизнью многих, возможно, миллионов простых людей. И тот, кто управляет этими ожиданиями, получает в свое распоряжение исключительно важный рычаг управления мировой политикой и экономикой. А управляют этим, очевидно, из Вашингтона, поскольку именно от-

туда исходят все или почти все утечки о том, когда и как Америка собирается бомбить Иран, сколько целей будет поражено, какие варианты рассматриваются с точки зрения наземных действий.

Хотя, конечно, не заметить определенных колебаний относительно того, как и когда проводить вооруженную операцию против Ирана, у Вашингтона нельзя. Ведь главная проблема заключается в том, что США сами превратили акцию против Ирана в один из крупнейших глобальных приоритетов, хотя можно было бы еще полгода назад ограничиться *малой кровью* – разбомбить несколько объектов и объявить угрозу нераспространению со стороны Ирана ликвидированной под аплодисменты мировой *прогрессивной общественности*. Но теперь уже не получится ограничиться кратковременной акцией с воздуха, а главная – эта акция должна закончиться чем-то значимым, например, сменой режима в Иране или, как минимум, уничтожением большей части военной и ядерной

инфраструктуры этого государства. То есть речь идет о долговременной воздушной кампании против Ирана, сравнимой по масштабам с военной операцией против Югославии. Вот только при всей экзотичности президент Ирана Ахмадинежад слабо напоминает и Милошевича, и Саддама Хусейна, которые наивно верили, что США от них *отстанут* после кратковременной войны. Верили – и просчитались. Ахмадинежад обречен на то, чтобы ответить американцам, а вернее – их союзникам в регионе. Обречен хотя бы для того, чтобы обеспечить собственное выживание, ибо отказаться от ответа будет означать *потерю лица*, а на Востоке, и особенно в современном Иране *потеря лица* будет означать потерю власти, а затем – и жизни.

Глядя на то, как американцы разыгрывают ситуацию вокруг Ирана, невольно приходит на ум следующее: американцы во многом добились своих целей, сформировав вокруг возможного конфликта состояние стратегической неопределенности, когда вроде бы понятно, что США будут бомбить Иран и уничтожать его ядерные и военные объекты, но не ясно, когда, как, в каких масштабах и какими средствами. То есть понятно, что некое действие со стороны США будет, однако только США по только им одним известным соображениям будут определять, каким оно будет. США, создавая стратегическую неопределенность, превратили свою слабость в силу. Если бы Россия вела себя так же мудро в отношении и стран бывшего СССР, и в особенности ЕС, создавая у них пугающее ощущение неизбежности ответа на некие враждебные Москве действия при полной неясности, какими эти действия могут быть, то внешнеполитические успехи нашей страны были бы куда более значимы.

РОССИЯ И КИТАЙ: ПРЕДЕЛЫ ПАРТНЕРСТВА

Крупномасштабные совместные российско-китайские учения начала августа 2007 г. в Челябинской области стали одним из важнейших событий мировой политики. Они достаточно очевидно доказали, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) превращается из политического клуба, участники которого более озабочены приграничными проблемами, в военно-политическую структуру, которая вполне может осу-

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по телефону из Москвы: *Негативно влиять на климат международной безопасности продолжают ситуация вокруг иранской ядерной программы и обстановка в Ираке. Неформальное объединение Запада, Израиля и арабских стран, кроме Сирии, по иранскому вопросу может позитивно сказаться на состоянии безопасности. Положительным фактором стал также разгром палестинских исламистов в Ливане. В октябре я ожидаю дальнейшего ухудшения по всем направлениям (суданский Дарфур, радикальные исламисты – по всему региону, Сомали, Иран, Ливан, Афганистан, Пакистан).*

Константин Эггерт (Россия), главный редактор московского бюро Русской службы Би-Би-Си – по телефону из Москвы: *Я думаю, что показатель Индекса мог бы быть выше, потому что начало ядерного разоружения Северной Кореи оказало большое позитивное влияние на уровень безопасности. Среди событий, оказавших негативное воздействие в сентябре, отмечу новый виток напряженности вокруг Грузии, неопределенность с дальнейшими планами Путина и смену кабинета в России.*

ществлять стабилизационные мероприятия на территории своих стран-членов. А от этого всего лишь шаг к превращению ШОС в военно-политическую структуру, сориентированную на территориальную оборону своих стран-членов. То есть, в сущности, на ту же задачу, ради которой в 1949 г. создавалось НАТО. Но для того чтобы организация с такой, прямо скажем, ответственной повесткой дня существовала и выполняла свои функции, необходимо нечто большее, нежели просто желание координировать военно-политическую деятельность и меры по борьбе с терроризмом в Центральноазиатском регионе и на словах конкурировать с блоком НАТО, пребывающим в нарастающем застое. Для того чтобы существовала и эффективно развивалась организация с целями,

масштабом и геополитическим значением, которые заявляются лидерами ШОС, прежде всего, нашими китайскими партнерами, необходимо единство идеологии и единство врага. А уверены ли мы, что у нас с КНР единые цели, единая идеология и, что самое главное, единый враг?

Думается, следует констатировать, что, выйдя на уровень прямого военного партнерства с КНР, Россия почти исчерпала возможности для дальнейшего сближения с Поднебесной. И надо признать, что сближение это пошло России на пользу и с точки зрения обеспечения ее безопасности, и с точки зрения укрепления международного влияния нашей страны. Однако дальнейшее движение в том же направлении может вывести Россию на очень зыбкую почву превращения нашей страны в сателлита КНР. А этот статус уже не просто неприятен. Он, если учесть исторический опыт Китая за последние несколько тысяч лет, просто опасен. Он вдвойне опасен, если учесть разницу экономических потенциалов (особенно непосредственно на Дальнем Востоке) между современной Россией и современным Китаем и постепенное втягивание КНР в конкуренцию с США, в которой уже откровенно проглядывает силовой компонент.

Поэтому самым оптимальным для России было бы, высоко ценя современный уровень сотрудничества с Китаем и используя стабилизационный потенциал ШОС для решения весьма актуальных для безопасности России задач в Центральноазиатском регионе, продумать сценарий, как, не нанося моральной травмы нашим китайским партнерам, все же сохранить максимальную *свободу рук*. Она нам еще понадобится и в Центральной Азии, где динамика событий не дает оснований для благодушия, и особенно – в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где наступило подозрительное затишье и почти полное, можно сказать – пугающее умиротворение.

НА ДАЛЕКОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Становится все более очевидно, что ситуация на Ближнем Востоке, если отбросить мишуру мирных инициатив и встреч *ближневосточных квартетов*, которые кого-то к чему-то призывают, сдвигается все ближе и ближе к серьезному кризису. И это связано далеко не только с ситуацией вокруг Ирана. Даже если отбросить разговоры о том, что Ричард Чейни был готов попросить Израиль в буквальном смысле слова пожертвовать собой, чтобы дать возможность США легитимно напасть на Иран (которым почему-то веришь; действительно, магия личности – страшная сила), за последние четыре месяца в регионе произошла масса событий, каждое из которых еще больше обостряло ситуацию. И налет Израиля на территорию Сирии, и активное взаимодействие сирийцев

с северокорейцами, которое имеет военно-прикладной характер, и показательная бойня, устроенная ливанским премьером-демократом Фуадом Сеньорой в лагере палестинских беженцев Нахр-эль-Баридж, превращающийся в сериал *отстрел ливанских депутатов от правящей коалиции*, захват ХАМАСом власти в Газе и зачистка фатховцами при поддержке израильян хамасовцев на западном берегу реки Иордан. Все эти события имели одностороннюю направленность, приближая регион к крупномасштабному конфликту. Причем все это происходило под аккомпанемент миротворческих инициатив и заявлений.

Такое впечатление, что регион и те, кто претендует на роль посредника-миротворца, живут в разных измерениях. Только вот какой из миров ближе к реальности: мир *посредников* или мир непосредственных участников развития ближневосточной драмы? Боюсь, что ответ очевиден, а *посредники* делают хорошую мину при очень неважной игре, поскольку в противном случае придется признать, что все усилия мировой дипломатии, начиная с «Программы Буша» по Ближнему Востоку (Буша-старшего, разумеется), могут пойти прахом.

Но откуда взялось это почти не скрываемое желание *поиграть мускулами* у региональных игроков? Конечно, с одной стороны, все региональные силы хотят *под шумок* военной операции США против Ирана попытаться решить собственные военно-политические задачи. Прежде всего, Израиль, которому (причем в данном случае речь не о правительстве Ольмерта, а о стране в целом) надо смыть с себя негатив неудачной войны в Ливане. Но точно так же действуют и другие игроки, к примеру, Сирия, которая, вероятно, рассчитывая, что США увязнут в Иране, затягивая за собой и Израиль, рассматривает вариант возвращения в Ливан. Однако вопрос еще глубже: незаконченная, вернее, завершившаяся ничем война Израиля в Ливане мало того что привела в движение очень серьезные внутрирегиональные силы, которые увидели в настоящем вооруженном конфликте возможность для своего укрепления. Эта война, а вместе с ней и серия *лугливых* по сути операций Израиля в Газе и на Западном берегу, оставила после себя самое страшное для региональной стабильности: поколение недовоевавших политиков и военных, которым надо как-то реализовать себя.

Нестабильность и желание *двоевать*, а главное – восприятие военных средств как способ собственноручного выживания и политического укрепления – вот источник сегодняшнего *скатывания* региона к серьезному вооруженному конфликту. И это особенно опасно с учетом того, что, как показали война в Ливане, война в Ираке, военные приготовления вокруг Ирана, да и межпалестинские войны, на Ближнем Востоке остается все меньше людей, которые реально знают, как воевать. Это, действительно, очень ценное знание, и включает оно в себя знание того, когда начать войну, где ее начать, а главное – как ее закончить. Так вот, если на Ближнем Востоке начнется война, вести ее будут люди, которые не имеют ни малейшего понятия о том, как ее нужно будет заканчивать. И вот это уже будет проблема не регионального, а глобального масштаба.

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

А мне нравится термин *суверенная демократия*. Нравится хотя бы потому, что как бы официально признает то, что и так всем было в принципе понятно: демократия в любой стране должна развиваться в соответствии с традициями, культурой и интересами народа этой страны, а не на базе того, что говорят в Вашингтоне или других мировых столицах при безусловном уважении национального суверенитета того или иного государства. Нравится хотя бы потому, что антонимом *суверенной демократии* является понятие *колониальная демократия*.

Беда в том, что *в принципе* понимая это, российская политическая элита – вероятно, чтобы не обидеть наших западных партнеров – долгое время боялась сказать это вслух. Теперь эта ключевая формула произнесена, и уже не так важно, что стало причиной такой геополитической смелости: цены на нефть или возникновение у российской элиты государственнической идеологии. Что до разгоревшейся вокруг формулы *суверенная демократия* дискуссии, то порой создается впечатление, что иным ее критикам не нравится

 Чжие **Цзи (КНР)**, директор Института исследования России – по электронной почте из Пекина: *Лето – время отдыха лидеров великих держав и снижения политической активности. Но основным фактором относительного повышения значения Индекса и сохранения показателя примерно на одном уровне стало продвижение в процессе решения северокорейской ядерной проблемы. Повышению индекса препятствует особенно острый иранский вопрос. Волнения в Мьянме, несмотря на бурную реакцию в СМИ, не представляют серьезной угрозы для региона и не оказывают существенного влияния на динамику международной безопасности. С приходом нового правительства в Японии связываются и новые надежды, что также позитивно сказывается на атмосфере в регионе. Успешно продвигаются российско-китайские экономические отношения и общее сближение между нашими странами.*

не столько термин или его идеологическое наполнение, сколько автор.

В конечном счете, правота концепции суверенной демократии в глобальном контексте заключается в том, что она признает множественность форм демократии и примат международного права в качестве отправных точек развития современного мира. То есть оставляет за народами право на самостоятельный выбор и самостоятельное развитие, которое почти отобрали у них идеологи западного либерализма.

Главная проблема суверенной демократии, которая, собственно, и определяет успех или провал подобных проектов, – необходимость обеспечения конкурентоспособности. Суверенная демократия будет суверенной, только если будет конкурентоспособной. Причем конкурентоспособной во всем: от экономики до образования. Но главный элемент – конкурентоспособность элиты, которая складывается из трех принципиальных компонентов: эффективность, ориентация на развитие и устойчивость в случае возникновения кризиса. Но если оценить конкурентоспособность российской элиты по этим трем параметрам, то выводы будут очень неутешительны. Особенно с точки зрения устойчивости элиты в случае кризиса. Вспом-

ним, как позорно разбежалась российская элита, когда случился Беслан, оставив президента один на один с этой бедой.

Но мы не должны забывать и то, что суверенная демократия только тогда суверенна, когда может себя защищать, что наглядно подтверждается на примере Сербии. И хотя военный активизм России внушает оптимизм, фактический провал авиасалона «МАКС-2007» с военной точки зрения, когда в качестве самолета *почти пятого поколения* пытались пропигарить самолет, созданный десять лет назад для экспорта в Латинскую Америку, оставляет тревожное ощущение. С пиарами в военно-политической сфере пора заканчивать, особенно если Россия действительно решила восстановить свой статус реальной военной силы в глобальном масштабе.

И еще – *суверенная демократия* для того, чтобы оставаться суверенной, должна быть привлекательной для других государств и народов, а значит, Россия должна иметь союзников. А вот с этим, как уже говорилось выше, ощущаются большие проблемы. И вряд ли это является следствием только *газовой дипломатии*, хотя надо признать, что она внесла существенный вклад в то, что к осени 2007 г. Россия оказалась в ситуации, близкой к полной внешнеполитической изоляции, во всяком случае, к западу от Уральского хребта. Да и к востоку от него ситуация не слишком благоприятна: очертания знаковой комбинации из трех пальцев все отчетливее просматриваются сквозь дорогого английского сукна брюки казахстанского президента. И односторонние действия Казахстана в сфере добычи и экспорта природного урана – всего лишь *первая ласточка*.

Ситуацию в мире последних трех-четырех месяцев уже всюю называют периодом застоя. Это и так, и не так. Так в том смысле, что никаких прорывных событий или же, на-

оборот, ничего ужасающего за это время не произошло. Однако вряд ли мы вспомним за последние годы сходный по хронологическим параметрам период, который был бы сравним с летом и осенью 2007 г. по активности маневрирования основных участников системы международных отношений. Так что застой застою рознь. А потом, главное в застое не то, что в такой период жить просто, но противно. Главное в застое то, что он рано или поздно кончается, причем, как правило, он кончается внезапно.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Индекс *iSi* рассчитывается по следующей формуле:

$$iSi = \sum k_{G_i} \times \text{Глоб.ф.} + \sum k_{R_i} \times \text{Регион.ф.} + \sum k_{L_i} \times \Delta_j \times \text{Лок.ф.}$$

Где

k_{G_i} – коэффициенты *взвешивания* глобальных факторов;

k_{R_i} – коэффициенты *взвешивания* региональных факторов;

k_{L_i} – коэффициенты *взвешивания* локальных факторов;

Δ_j – коэффициенты значимости региона.

Более подробно методология *iSi* раскрывается в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pir-center.org>

² Yeats W.B. The second coming. "Things fall apart; the centre cannot hold; mere anarchy is loosed upon the world".

³ Кейган Роберт. О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке. Москва, 2004. С. 62.

⁴ Шмидт Гельмут. Перед лицом новых кризисов США несут особую ответственность и за свои действия. *Независимая Газета*. 2007, 8 октября. http://www.ng.ru/courier/2007-10-08/13_krizis.html (последнее посещение – 24 октября 2007 г.).

⁵ Совет управляющих. МАГАТЭ. Осуществление соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО в Исламской Республике Иран. GOV/2007/48. 2007, 30 августа.

⁶ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) по случаю начала нового учебного года 3 сентября 2007 года. – [Http://www.mid.ru](http://www.mid.ru)

⁷ Дворкин Владимир, Льюис Джордж, Подвиг Павел, Постол Теодор. ПРО яблоко раздора. *Независимое Военное Обозрение*. 2007, 28 сентября.

⁸ Тренин Дмитрий, Цыгичко Виталий. Китай для России: товарищ или господин? *Индекс Безопасности*. 2007, № 2 (82). С. 147.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ National Defense Policy. China's National Defense in 2006. Renmin Ribao Online. [http://english.peopledaily.com.cn/whitepaper/defense2006/defense2006\(2\).html](http://english.peopledaily.com.cn/whitepaper/defense2006/defense2006(2).html) (последнее посещение – 24 октября 2007 г.).

¹¹ "The Military Balance, 2007". – IISS. – 2007. – P. 203, 347.

¹² Armour heavy mechanized corps.

¹³ Andrew Martin. PLA Doctrine on Securing Energy Resources of Central Asia. The Jamestown Foundation. China brief. Volume 6. Issue 11. 2006, May 24. P. 5, 6.

Международный клуб *Триалог* – традиционное место встречи крупных и перспективных политиков, дипломатов, представителей бизнес-сообщества, ученых и журналистов

Международный клуб *Триалог* – это:

- эксклюзивные информация и анализ, предоставляемые ведущими государственными и неправительственными экспертами из России и зарубежных стран;
- оперативный и профессиональный комментарий по широкому спектру фактов, позиций и мнений в области актуальных проблем международной безопасности;
- независимые, непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом.

Стремясь предоставить членам Клуба факты из *первых рук*, на заседания Клуба приглашаются ведущие зарубежные и российские эксперты, политики и представители бизнес-сообщества.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **Подпиской** на журнал *Индекс Безопасности/Security Index*, монографиями и докладами серии «Библиотека ПИР-Центра», а также на все электронные издания ПИР-Центра, включая: *Новости ПИР-Пресс* (на русском и английском языках); информационный бюллетень *Ядерный Контроль* (на русском языке);
- **Доступом** к информационно-справочным ресурсам ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека, научные архивы); к специально созданному для членов Клуба разделу в сети Интернет (www.pircenter.org/club);
- **Приглашениями** на ежеквартальные заседания Международного клуба *Триалог*;
- **Приглашениями** на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром (семинары, конференции, презентации, пресс-конференции).

Членство в Международном клубе *Триалог* делится на индивидуальное и корпоративное. В рамках корпоративного членства действует схема «1+1», когда в работе Клуба участвуют два представителя от одной организации. Более подробную информацию о том, как войти в состав Клуба, можно найти на сайте ПИР-Центра: <http://membership.pircenter.org>

Тел.: +7-985-764-9896, +7-495-234-0525

Факс: +7-495-234-9558

e-mail: trialogue@pircenter.org

Владимир Верховцев

О ГЛАВНОМ ЯДЕРНОМ УПРАВЛЕНИИ

12-е Главное управление Министерства обороны (ГУМО) было основано в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 сентября 1993 г. № 68 «Об установлении даты образования 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации». Однако история 12-го ГУМО начинается с 4 сентября 1947 г. – с даты образования Специального отдела Генерального штаба – первого структурного подразделения в вооруженных силах, созданного в целях реализации советского атомного проекта, поэтому 2007 г. стал юбилейной 60-й годовщиной управления.

К работам по созданию атомной бомбы были привлечены два ведомства – военное и атомной промышленности. Задачей Специального отдела Генерального штаба были подготовка и проведение испытаний атомной бомбы. Основным итогом его деятельности явилось создание в короткие сроки Семипалатинского ядерного полигона, на котором 29 августа 1949 г. было осуществлено первое ядерное испытание в СССР, положившее конец ядерной монополии США.

ЯДЕРНЫЙ ЩИТ

Реализация советского атомного проекта осуществлялась в условиях реальной опасности перерастания холодной войны в третью мировую. Для организации обороны страны от атомного нападения по личному распоряжению И.В. Сталина в 1949–1950 гг. в военном ведомстве была создана целая система, включавшая в себя специальные отделы видов вооруженных сил и родов войск, специальные факультеты и кафедры при военных академиях, Центральный научно-исследовательский институт Военного министерства. Преемником Специального отдела Генерального штаба стало 6-е управление Министерства обороны, на которое была возложена координация научно-исследовательских работ, проводимых военными институтами и академиями, а также разработка специальных требований по боевому использованию войск в условиях применения атомного оружия. Кроме того, 6-е управление осуществляло организацию и проведение испытаний ядерных зарядов, контроль деятельности специальных отделов в видах вооруженных сил.

В дальнейшем по мере реализации советской военной атомной программы функции 6-го управления Министерства обороны СССР усложнялись и расширялись.

В сентябре 1953 г. руководством страны было принято решение об организации подготовки вооруженных сил к действиям в условиях применения ядерного оружия. На 6-е управление Министерства обороны СССР совместно со специальными отделами видов вооруженных сил были возложены непосредственная разработка оперативно-тактичес-

Ы
Ц
И
Р
Н
О
Т
С
И

ких и технических вопросов применения ядерного оружия, организация и контроль подготовки вооруженных сил к отражению ядерной агрессии.

Одним из наиболее значимых событий, определивших повышение обороноспособности государства и боевой мощи вооруженных сил, явилось первое в СССР крупномасштабное опытно-показательное учение с применением атомной бомбы, проведенное на Тоцком учебно-артиллерийском полигоне Южно-Уральского военного округа 14 сентября 1954 г. Специально-техническое обеспечение этого учения было осуществлено 6-м управлением Министерства обороны СССР совместно с Минсредмашем.

Первоначально ядерные боеприпасы разрабатывались атомной промышленностью по заданиям Минсредмаша. Лишь с марта 1956 г. разработка новых образцов ядерных боеприпасов начала проводиться по тактико-техническим требованиям, согласованным Минобороны и Минсредмаша СССР. В этой связи роль 6-го управления Министерства обороны СССР как связующего звена между атомной промышленностью и военным ведомством значительно возросла.

С ноября 1957 г. функция по заказам ядерного оружия была полностью передана из Минсредмаша в Министерство обороны. 6-е управление Министерства обороны СССР совместно с видами вооруженных сил и Генеральным штабом разрабатывало предложения по производству различных образцов ядерного оружия, участвовало в подготовке и согласовании тактико-технических требований к ядерным боеприпасам, размещало заказы на их изготовление. Тактико-технические требования к разрабатываемым ядерным зарядам утверждались Министерством обороны СССР.

Специальный отдел Генерального штаба, а затем и 6-е управление Министерства обороны СССР возглавлял генерал В.А. Болятко – первый организатор освоения ядерного оружия Вооруженными силами, сыгравший большую роль в совершенствовании практики ядерных испытаний и качественных характеристик ядерного оружия, развитии инфраструктуры эксплуатации ядерных боеприпасов, организации ядерного обеспечения Вооруженных сил.

Успешное испытание в сентябре-октябре 1951 г. на Семипалатинском полигоне первых отечественных авиационных ядерных бомб *РДС-2* и *РДС-3* и начало серийного производства ядерного оружия обусловили необходимость создания инфраструктуры хранения и эксплуатации ядерных боеприпасов. Выполнение этой задачи было возложено на 1-е Главное управление при Совете Министров СССР.

Помимо обеспечения высокого качества серийно изготавливаемых ядерных боеприпасов, организации их надежного и безопасного хранения и эксплуатации, требовалась подготовка соответствующих специалистов и налаживание системы обеспечения ядерными боеприпасами воинских частей боевого применения ядерного оружия. Для решения комплекса перечисленных проблем в 1951 г. в 1-м Главном управлении при Совете Министров СССР были созданы специальные подразделения, которые осуществляли приемку деталей, узлов, механизмов и материалов для ядерных боеприпасов, организацию строительства специальных объектов для хранения ядерного оружия, а также были созданы специальные представительства при конструкторских организациях и на предприятиях-разработчиках, сформированы учебные центры.

В 1953 г. произошла существенная реорганизация органов управления атомной программой СССР. 1-е Главное управление при Совете Министров СССР и Специальный комитет были упразднены. Вместо них был создан Минсредмаш. В июле 1953 г. в Министерстве среднего машиностроения СССР создается Главное управление приборостроения, на которое было возложено руководство серийным производством ядерных боеприпасов. В это управление также вошли созданные в 1951 г. структурные подразделения атомной промышленности, занимавшиеся вопросами приемки, учета, хранения и эксплуатации ядерных боеприпасов.

ПО ПУТИ УСЛОЖНЕНИЯ

Дальнейшее увеличение количества и номенклатуры ядерных боеприпасов, строительство и ввод в строй центральных и войсковых баз хранения, организация проверки ядерного оружия с целью обеспечения его постоянной готовности к применению, организация и контроль транспортных перевозок ядерных боеприпасов – решение этих и других актуальных задач потребовало обеспечения единства и большей согласованности в действиях отдельных структурных подразделений, что обусловило создание 14 марта 1955 г. единого органа управления – Главного управления комплектации. Возглавил Главное управление генерал-майор инженерно-технической службы Н.П. Егоров, внесший большой вклад в создание и развитие инфраструктуры эксплуатации ядерных боеприпасов и обеспечения ими видов Вооруженных сил, совершенствование боевых и эксплуатационных характеристик ядерных боеприпасов, обеспечение надежности и безопасности ядерного оружия.

В структуру Главного управления комплектации входили: центральные базы хранения ядерного оружия, специальные военные приемки на заводах, разрабатывающих и изготавливающих ядерные боеприпасы, учебные центры подготовки специалистов.

И.В. Сталин требовал от руководителей атомного проекта и Вооруженных сил ускорения работ, связанных с созданием и освоением ядерного оружия.

В августе 1951 г., в то время, когда на Семипалатинском полигоне завершалась подготовка к испытаниям первой серийной атомной бомбы *РДС-3* бомбометанием с самолета-носителя *Ту-4*, Совет Министров СССР принял решение о подготовке военно-воздушных сил к применению атомных бомб. В этой связи на военное министерство была возложена задача формирования первого авиационного бомбардировочного полка с условным наименованием «Учебно-тренировочная часть № 8» в составе 22 боевых самолетов-носителей *Ту-4*. Спустя два года в соответствии с решением Правительства СССР от 19 сентября 1953 г. эта авиационная часть была реформирована в авиационную дивизию, укомплектованную более современными самолетами *Ту-16*.

Одновременно с формированием и подготовкой авиационного полка при четырех аэродромах дальней авиации началось строительство первых войсковых баз, предназначенных для хранения и подготовки к применению атомных бомб. Эти базы располагались в Крыму, в Западной Украине, Белоруссии и в Северо-Западном регионе России. В том же году было развернуто строительство центральных баз хранения, где предполагалось размещение основного запаса ядерных боеприпасов.

В 1954 г. началось серийное производство атомных бомб *РДС-3* и *РДС-4*, а в феврале 1955 г. была осуществлена их первая закладка в хранилища войсковых баз (всего 16 бомб – по 4 в каждом).

До завершения создания войсковых и центральных баз хранения ядерного оружия произведенные ядерные боеприпасы находились в хранилищах КБ-11 в Арзамасе-16. Хранение атомных бомб и их обслуживание осуществляли специальные подразделения – сборочные бригады, созданные из прикомандированных военнослужащих. Первые две такие сборочные бригады № 1 и № 2 были созданы в КБ-11 в 1953 г. Возглавили их полковники Г.Г. Нырков и В.И. Капустин. В особый период эти сборочные бригады должны были осуществить подготовку к боевому применению хранившихся в КБ-11 атомных бомб и доставить их в части дальней авиации.

В этот период ядерное оружие находилось в ведении различных ведомств: носители – самолеты *Ту-4*, *Ту-16* – в Минобороны, а атомные бомбы – на хранении в Минсредмаше. Атомная промышленность отвечала за разработку, производство, хранение и своевременную подготовку ядерных боеприпасов к использованию по назначению, а военное ведомство – за боевое применение атомных бомб. Такой порядок носил временный характер и был вызван рядом объективных обстоятельств: отсутствием в военном ведомстве опыта хранения и эксплуатации нового оружия, подготовленных инже-

нерно-технических кадров, необходимой оснастки, технологического оборудования, отработанной эксплуатационно-технической документации.

Во второй половине 1950-х гг. с развитием инфраструктуры хранения и эксплуатации ядерных боеприпасов весь ядерный боезапас, сборочные бригады, базы хранения ядерных боеприпасов и учебные центры были переданы в военное ведомство. В этой связи Главное управление комплектации было переформировано в Главное управление специального Вооружения Министерства обороны. Несколько позже в соответствии с директивой Генерального штаба от 29 апреля 1958 г. это управление было переименовано в 12-е Главное управление Министерства обороны СССР.

Логическим завершением процесса централизации руководства военной ядерно-технической политикой в Министерстве обороны явилось включение в состав 12-го ГУМО 6-го управления Министерства обороны СССР. Вновь созданная 14 февраля 1959 г. организационная структура стала нести полную ответственность за реализацию ядерно-технической политики в Вооруженных силах СССР. Начальником 12-го ГУМО приказом министра обороны СССР от 12 марта 1959 г. был назначен генерал-лейтенант В.А. Болятко, а его первым заместителем – генерал-майор инженерно-технической службы Н.П. Егоров.

В состав 12-го ГУМО вошли Семипалатинский полигон, различные научно-исследовательские учреждения, Служба специального контроля за ядерными взрывами, центральные базы хранения ядерных боеприпасов и другие слагаемые инфраструктуры эксплуатации ядерных боеприпасов.

ЯДЕРНЫЙ МЕЧ

Существенное влияние на развитие 12-го ГУМО и расширение круга решаемых им задач оказал факт создания нового вида Вооруженных сил – ракетных войск стратегического назначения (РВСН), ядерное обеспечение которых было возложено на Главное управление.

На этапе наращивания ядерного потенциала СССР и масштабной гонки ядерных Вооружений значительно расширилась инфраструктура хранения и эксплуатации ядерного оружия, существенно повысилась производительность объектов Главного управления по переводу ядерных боеприпасов в максимальную готовность к боевому применению.

В 1960-е гг. были существенно улучшены эксплуатационные характеристики ядерных боеприпасов. Так, их вес был снижен в 2–3 раза, габариты уменьшены в 1,5–2 раза при одновременном повышении мощности примерно в 2 раза. Параллельно развивались технические средства эксплуатации.

Реальная готовность 12-го ГУМО к практическому осуществлению задач ядерного обеспечения была успешно подтверждена в стратегической операции «Анадырь» по доставке ядерного оружия на Кубу. Ядерные боеприпасы находились на *острове Свободы* 59 суток – с 4 октября по 1 декабря 1962 г. Развернутая в реальных условиях система ядерного обеспечения показала свою управляемость, эффективность, способность поддерживать боеготовность, гарантировать высокий уровень безопасности.

Как вспоминал генерал-лейтенант в отставке Н.К. Белобородов, который в дни Карибского кризиса возглавлял военных ядерщиков Главного управления на Кубе, в ходе ядерного обеспечения операции «Анадырь» десятки единиц ядерных боеприпасов шести типов, находившихся в 1962 г. на Вооружении РВСН, сухопутных войск, ВВС и ВМФ, прошли все этапы обслуживания. Весь боезапас трижды подвергался глубоким проверкам, результаты которых подтвердили отсутствие недостатков и стабильность параметров. Созданные и обученные в мирных условиях ядерно-технические части Советской Армии прошли в операции «Анадырь» проверку действием и показали сплоченность, организованность, дисциплинированность, первоклассную профессиональную подготовку.

В начале 1960-х гг. была осуществлена реорганизация Центрального научно-исследовательского института Минобороны СССР и его Морского филиала. Если в 1950-е гг. деятельность научных учреждений Главного управления в основном была посвящена изучению боевых свойств ядерного оружия и выработке рекомендаций по защите от него, то с начала 1960-х гг. приоритетными становятся вопросы *Вооруженческой* тематики, совершенствования системы эксплуатации ядерных боеприпасов, разработки методик и аппаратуры обеспечения измерений при подземных ядерных взрывах.

Реалии холодной войны выдвинули на первый план вопросы определения направлений совершенствования ядерного оружия и разработки требований по созданию качественно новых образцов ядерных боеприпасов, обладающих высокой степенью эффективности, боеготовности, безопасности.

Решение этих задач потребовало проведения большого количества ядерных испытаний. После моратория 1958–1961 гг. в СССР была достигнута наивысшая интенсивность периода атмосферных ядерных испытаний. Так, в 1961–1962 гг. было проведено 138 испытаний.

В ходе них на Семипалатинском и Новоземельском полигонах были отработаны не только новые физические схемы ядерных боеприпасов, но все виды Вооруженных сил получили возможность практического освоения ядерного оружия. Именно в 1961–1962 гг. была заложена основа достигнутого в 1980-е гг. ядерного паритета с США.

В августе 1963 г. СССР, США и Великобритания заключили договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе. К моменту вступления в действие этого договора США провели 116 подземных ядерных испытаний, а СССР – всего лишь два. Таким образом, США имели более богатый опыт проведения подземных ядерных испытаний и были существенно лучше подготовлены к отработке ядерного оружия в условиях запрета на проведение ядерных испытаний в трех средах.

Обеспечение проведения подземных ядерных испытаний на Семипалатинском и Новоземельском полигонах потребовало решения многих новых сложных проблем. Необходимо было подготовить рекомендации по устройству забивок и герметизирующих элементов при взрывах, разработать методики и аппаратуру для получения достоверных экспериментальных данных о параметрах и характеристиках испытываемых ядерных зарядов. Кроме того, новый, еще мало изученный вид испытаний потребовал тщательной проработки вопросов обеспечения безопасности участников испытаний и населения окружающих районов от воздействия сейсмических волн и радиоактивных веществ, вероятность прорыва которых из полости взрыва полностью не исключалась.

Большинство подземных ядерных испытаний (более двух третей их общего количества) осуществлялось на Семипалатинском ядерном полигоне. Все мощные подземные ядерные испытания СССР проводились на Новой Земле.

Значительным научно-техническим достижением периода подземных ядерных испытаний 1960 – начала 1970-х гг. явилось создание технологии групповых ядерных взрывов, которая позволила не только сократить стоимость и время подготовки ядерных испытаний, но и уменьшить отставание от США по числу испытанных ядерных зарядов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1974 г. Семипалатинский и Новоземельский полигоны были награждены высшей правительственной наградой – Орденом Ленина.

Основные усилия в совершенствовании Службы специального контроля за ядерными взрывами в этот период были направлены на техническое переоснащение лабораторий, внедрение в практику контроля сейсмического метода обнаружения ядерных взрывов, дальнейшее расширение сети контроля, улучшение процесса сбора и обработки данных в научном вычислительно-обрабатывающем центре Службы. С 1966 г. Служба стала осуществлять постоянный круглосуточный контроль испытаний ядерного оружия за рубежом.

1970-е гг. были периодом самых интенсивных работ в СССР по созданию арсеналов всех видов Вооружений. Именно в это время СССР добился примерного равновесия с США и в объеме своего стратегического потенциала.

Безопасность сверхдержав в ядерном противостоянии стала определяться устойчивостью ядерных сил по отношению к возможностям средств первого удара и обеспечением гарантированного ответного удара. Исходя из этого, необходимо было, с одной стороны, в любых условиях быть готовыми к доставке в войска в установленные сроки ядерных боеприпасов, а с другой – обеспечить их сохранность.

Практическое решение этих задач связано с именем Героя Социалистического Труда маршала артиллерии Е.В. Бойчука, назначенного начальником 12-го ГУМО СССР в феврале 1974 г.

Маршал Е.В. Бойчук – инициатор реорганизации ядерного обеспечения Вооруженных сил, приведшей, с одной стороны, к значительному увеличению объема, масштабов и сложности решаемых задач, а с другой – к повышению роли, места и готовности объектов Главного управления к действиям по прямому предназначению. По сути, был создан новый род войск, основной задачей которого была доставка и выдача ядерных боеприпасов войскам и силам флота в любых условиях складывающейся обстановки.

Изменившаяся практика ядерного обеспечения предъявила новые требования к эксплуатации ядерных боеприпасов, деятельности органов военного управления, содержанию боевой подготовки, обусловила уточнение тематики военно-научных исследований, существенные организационные преобразования.

Огромный объем экспериментальных работ и расчетно-теоретических исследований, выполненный научно-исследовательскими учреждениями и полигонами Главного управления, способствовал созданию современных высокоэффективных комплексов Вооружений для всех видов Вооруженных сил и родов войск, принятию организационных, технических мер, значительно повысивших стойкость Вооружения к поражающим факторам ядерного взрыва.

В разработке новых образцов ядерного оружия, обеспечении его надежности и живучести по-прежнему была велика роль ядерных испытаний.

НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ

В 1970–1980-х гг. на Семипалатинском и Новоземельском полигонах, помимо ядерных испытаний, проводились физические опыты по оценке радиационной стойкости как самих ядерных зарядов, так и различных новых образцов Вооружения и военной техники; осуществлялись крупномасштабные эксперименты по оценке защищенности ракетных комплексов, различных командных пунктов и специальных фортификационных сооружений к механическому действию наземного ядерного взрыва.

Реалии второй половины 1980-х гг., ознаменовавшие начало разрушения советской государственности, поставили перед военными атомщиками новые задачи.

Чернобыльская трагедия заставила пересмотреть привычные стереотипы, в первую очередь, в вопросах ядерной безопасности. В связи с необходимостью ужесточения контроля соблюдения ее требований в Минобороны СССР создается новая организационная структура – Инспекция ядерной безопасности ядерных боеприпасов. В контексте уроков Чернобыля следует рассматривать и создание профессиональной аварийно-спасательной службы Главного управления.

8 ноября 1985 г. начальником 12-го ГУМО СССР был назначен генерал-полковник В.И. Герасимов. Он возглавлял Главное управление в сложный период перехода от пика ядерного противостояния СССР и США к процессу ограничения и сокращения ядер-

ного оружия. В.И. Герасимов был одним из организаторов вывода ядерных боеприпасов из стран социалистического содружества на территорию СССР, а в преддверии разрушения советской государственности – перемещения ядерных боеприпасов с Кавказа и среднеазиатских республик в места их более безопасного хранения на территории Российской Федерации.

В.И. Герасимов уделял много внимания дальнейшему совершенствованию ядерного оружия, повышению уровня взрывобезопасности ядерных боеприпасов на всех этапах их жизненного цикла, заложил организационные основы функционирования аварийно-спасательной службы Главного управления, а также централизованного и систематического контроля обеспечения ядерной безопасности.

На крутом повороте отечественной истории, связанном с распадом СССР и изменением социально-экономического и политического устройства Отечества, Российская Федерация стала единственным и полноправным преемником СССР как ядерной державы. Безъядерный статус республик бывшего СССР предполагал демонтаж ядерного оружия в Белоруссии, Казахстане, на Украине, транспортировку ядерных боеприпасов из этих государств в Россию. Выполнение этой задачи осложнялось тяжелейшим экономическим кризисом, ухудшившейся социальной и криминальной обстановкой. Однако высокая ответственность, компетентность, профессионализм военнослужащих 12-го ГУМО позволили им в непростой ситуации обеспечить безопасность ядерного оружия, своевременно и качественно выполнить поставленные задачи.

В 1992–1997 гг. Главное управление возглавлял генерал-полковник Е.П. Маслин. Под его руководством были решены сложные проблемы, связанные с сохранением ядерного потенциала после распада СССР, обеспечением безопасности эксплуатации ядерных боеприпасов и недопущением разрушения инфраструктуры их хранения в условиях системного кризиса в России. Завершено перемещение ядерных боеприпасов из бывших союзных республик в Российскую Федерацию. Особенно большая работа была проделана по решению сложных проблем вывода тактического и стратегического ядерного оружия с территории Украины.

Е.П. Маслин внес большой личный вклад в налаживание международного сотрудничества России с Соединенными Штатами и другими странами Запада по программе совместного уменьшения ядерной угрозы, интеграции национальной системы контроля за ядерными взрывами в Международную систему мониторинга.

С сентября 1997 г. по декабрь 2005 г. начальником Главного управления был генерал-полковник И.Н. Валынкин.

Основные усилия И.Н. Валынкина были направлены на оптимизацию ядерного обеспечения Вооруженных сил, содержание ядерного боезапаса государства на уровне гарантированной безопасности и высокой готовности к использованию по предназначению, оснащение ядерно-опасных объектов современными охранными системами, сохранение Главного управления как целостной организационной структуры центрального подчинения.

Благодаря целенаправленной деятельности И.Н. Валынкина наполнилось новым содержанием международное сотрудничество Главного управления в вопросах обеспечения ядерной безопасности и совместного противостояния в этой сфере международному терроризму.

Ситуация 1990-х гг., логика оптимальной организации деятельности потребовали реорганизации системы ядерного обеспечения Вооруженных сил. Осуществленные в 1997 г. организационные мероприятия позволили успешно решить эту задачу. Концентрация ядерного боезапаса в Главном управлении открыла новые возможности в проведении единой технической политики эксплуатации ядерных боеприпасов, обеспечении ядерной безопасности, совершенствовании профессионального мастерства военных ядерщиков. Ядерные боеприпасы содержатся в защищенных хранилищах соединений и час-

тей ядерного обеспечения в готовности к передаче в воинские части боевого применения ядерного оружия.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

На современном этапе развития приоритетными задачами Главного управления, помимо собственно ядерного обеспечения, являются обеспечение безопасной эксплуатации и сохранности ядерных боеприпасов, организация противодействия ядерному терроризму.

Более широкий круг решаемых 12-м ГУМО задач, направленных на обеспечение национальной безопасности России, возрастание их роли и значимости в современных условиях повысили статус Главного управления как внутри Министерства обороны России, так и в масштабах государства. Подтверждением этого факта является то, что профессиональный праздник специалистов ядерного обеспечения, который ежегодно отмечается 4 сентября, установлен указом президента Российской Федерации в 2006 г.

На совещании президента Российской Федерации с руководителями ядерного оружейного комплекса, состоявшемся в мае 2006 г. в Ново-Огарево, было еще раз подтверждено, что обладание ядерным оружием, сохранение Россией статуса ядерной державы является одним из высших национальных приоритетов нашего государства. На совещании также были определены перспективы развития ядерного оружейного комплекса России, которые нашли свое отражение в федеральной целевой программе «Развитие ядерного оружейного комплекса Российской Федерации на 2007–2010 гг. и на период до 2015 г.».

В состав ядерного оружейного комплекса Российской Федерации входят предприятия и организации Росатома, а также воинские части ядерного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, непосредственно осуществляющие эксплуатацию ядерного арсенала.

Несмотря на то что эти организации представляют разные федеральные органы исполнительной власти, они тесно связаны друг с другой общей историей, общими целями и задачами, которые решались двумя ведомствами в интересах создания ядерного оружия России.

Важнейшую роль в решении этих задач играло и играет 12-е ГУМО, которое утверждено уполномоченным органом Министерства обороны России по вопросам поддержания, развития и эксплуатации ядерного боезапаса Вооруженных сил России, обеспечения его ядерной безопасности, физической защиты и антитеррористической устойчивости, а также контроля за проведением ядерных испытаний за рубежом.

Оно, по существу, является связующим и координирующим звеном между Росатомом и Вооруженными силами, обеспечивает эксплуатацию всего ядерного боезапаса, изготавливаемого на предприятиях Росатома.

Сегодня развитие ядерного оружейного комплекса России осуществляется в рамках Государственной программы Вооружения, федеральных целевых программ (ФЦП), в первую очередь, ФЦП «Развитие ядерного оружейного комплекса Российской Федерации на 2007–2010 гг. и на период до 2015 г.». Реализация мероприятий, предусмотренных этими документами, обеспечит сохранение ключевых базовых ядерных технологий, кадрового и научно-технического потенциала организаций Росатома и 12-го ГУМО, обеспечит дальнейшее развитие и укрепление ядерного щита нашего Отечества.

ООО «ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ»

Ayesha Siddiq. Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy. London: Pluto Press, 2007. 304 p.

Рецензия – Геннадий Евстафьев

В 2007 г. при поддержке Международного центра ученых им. Вудро Вильсона пакистанский политолог доктор Айеша Сиддика опубликовала фундаментальное исследование¹, посвященное истории возникновения, развития и нынешнего состояния и функционирования в Пакистане своеобразного феномена, присущего ряду стран *третьего мира*, – **возрастающего участия в деловой и экономической жизни отдельных стран их вооруженных сил** или сокращенно по-английски *Milbus* (читается *милбиз*).

Хотя анализ г-жи Сиддики проводится на основе детального изучения богатого фактического материала ситуации в ее родном Пакистане, практически все основные выявленные ею тенденции и методы внедрения в экономическую жизнь государства характерны также и для деятельности военных в Индонезии, Таиланде, Мьянме и особенно в Турции, а также в разной степени и ряде других государств, в том числе латиноамериканских и даже таких, как Китай (до 1988 г.).

Степень проникновения военных в экономику и вообще их влияние в обществе зависит напрямую от и пропорционально степени доступа их к рычагам политической власти и взаимоотношений с другими главными политическими игроками в той или иной стране. Методы, которыми оперируют военные круги, естественно зависят от исторических особенностей возникновения и развития конкретных стран, характера отношений гражданского общества с военной верхушкой, силы и влияния соответствующих, особенно демократических, политических институтов в отдельных государствах.

Вывод, который сделала г-жа Сиддика, весьма обоснован и может стать полезным подспорьем при проведении аналитических исследований относительно роли военных на современном этапе в развивающихся странах, предрасположенных по разным историческим, экономическим и политическим причинам к периодам длительной нестабильности и неустойчивости политических систем.

Автор выделяет шесть типологических вариантов отношений военных с гражданским обществом. В каждом из них способность военного истеблишмента развивать и охранять свои узкие корпоративные интересы зависит от силы гражданского общества в государстве. Мы не собираемся здесь подробно разбирать вышеупомянутые шесть типов (они подробно описаны на стр. 41–57 книги). Заметим лишь, что дробление военных диктатур на три типа – тоталитарные, партнерские и гегемонистские – выглядит несколько искусственным и, возможно, утяжеляет и даже запутывает предмет анализа.

Но прежде всего важно понять, что имеется в виду под *милбизом*. Это очень специфичный, не зависимый ни от чего вид военного капитала, который изначально отличается от того, что мы определяем как *военный бюджет*. *Милбиз*, как правило, скрыт от глаз общественности, и часто его называют *внутренней экономикой военного истеблиш-*

Б
И
Б
Л
И
О
Т
Е
К
А

мента. Не следует думать, что это какие-то незначительные владения. Российский журнал *Смысл* сообщил, что в Турции «турецкие военные – это корпоративная экономическая структура, контролирующая 17% экономики страны»².

Милбиз – это капитал, принадлежащий военным, который используется целиком и полностью для обеспечения личных выгод и благ так называемого *военного братства*, особенно офицерского корпуса, но никоим образом не отражается в военном бюджете и не упоминается в нем. Наиболее весомым его компонентом является предпринимательская и другая коммерческая деятельность, которая не подпадает под охват процедур обычной отчетности, принятой в государстве, и используется как средство вознаграждения военного персонала и их ставленников. Однако совершенно очевидно, что львиную часть дивидендов от этого получает офицерский корпус и прежде всего высшие круги военных. При этом *милбиз* или напрямую контролируется военными, или находится под их скрытым, а иногда даже открытым патронажем. Финансовая автономия дает вооруженным силам ощущение власти и уверенность в том, что они могут быть независимы от *некомпетентных гражданских властей*.

Милбиз существует во многих странах: в таких государствах, как США, Великобритания, Франция, Израиль и некоторых других, он существует исторически давно, но действует через устоявшиеся механизмы партнерства с гражданским корпоративным сектором и правительством. В других случаях, он проявляется через партнерство с доминирующей политической партией. Но в *чистом виде*, например в Турции, Индонезии, Пакистане, Таиланде и других государствах, сами военные и их осознанные действия являются основным источником могущества *милбиз*.

Как показано г-жой Сиддикой на примере пакистанского военного истеблишмента, генералитет и вообще офицерский корпус постепенно, в течение десятков лет, наращивали свои усилия по повышению роли и влияния в политической жизни страны и прямого участия, вплоть до решающего, в процессе принятия политико-государственных решений, что все более широко открывало двери для мощного внедрения в экономическую составляющую пакистанского общества. Автор обращает внимание, что при этом деятельность военных и созданных ими экономических организаций в Пакистане (в этой стране они группируются вокруг двух мощных бизнес-конгломератов – *Фауджи фаундейшн* и *Армейский благотворительный траст*) носит крайне эгоистический и достаточно хищнический характер. Достаточно сказать, что первая из упомянутых группировок контролирует как минимум 17 крупных компаний, начиная от производства минеральных удобрений, включая добывающую компанию в Марокко, цемента, добычи газа и распределения нефти и заканчивая университетским фондом. Руководители этого военного конгломерата утверждают, что оказывают благотворительную помощь 8,5 млн бывших военнослужащих и членам их семей. В свою очередь, созданный в 1971 г. *Армейский благотворительный траст* контролирует 26 крупных промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятий, в том числе в банковской сфере, лизинге и страховом бизнесе, и в целом участвует как держатель акций еще в 13 проектах. Этот конгломерат имеет только в своем аппарате около пяти тысяч бывших военнослужащих и имеет авуары в размере свыше 862 млн долл. США, что в условиях Пакистана является значительным капиталом. А ведь началось с Акта № 1860 и мизерного первоначального взноса в 12 тыс. долл. США для узкой задачи сбора средств для «сирот, вдов павших героев, солдат-инвалидов и для реабилитации бывших военнослужащих», так сказать, *детямкам на молочишко*.

В свою очередь, военные из ВВС Пакистана создали свой благотворительный фонд под названием *Шахин*, который, также начав со скромных сумм, довел свои активы до 35 млн долл. США и достиг ежегодного оборота более 10 млн долл. США. Естественно, большинство коммерческих операций *Шахин* связано с авиационным бизнесом. Пакистанские моряки тоже не отстают и создали свою бизнес-структуру под названием *Бахриа фаундейшн*, которую, естественно, как и в предыдущих случаях, возглавляют бывшие и ныне действующие адмиралы и офицеры ВМФ. Моряки реализуют 19 крупных проектов и имеют даже большие активы, чем летчики, – 69 млн долл.

Для характеристики организации деятельности упомянутых выше организаций пакистанского *милбиз* следует отметить несколько важных организационных и внеюрídических моментов, которые объясняют их коммерческий успех. Приведенные выше цифры ярко свидетельствуют, что политически мощные военные группы, обладающие финансовой автономией в государстве, используют и политическую власть, и экономическую автономию для создания коммерческой империи, которая фактически бесконтрольно в своих узких корпоративных интересах оперирует теперь миллиардами долларов. В подтверждение этого эксперт приводит практически полное отсутствие транспарентности в деятельности контролируемых военными компаниями, а также отсутствие государственного финансового контроля и льготное налогообложение военных корпораций, которые долгое время прикрывались якобы благотворительным характером своих структур. Удивительно, что *Фауджи фаундейшн* и *Армейский благотворительный траст* и сейчас платят только 20% налога на доходы своих компаний, что несравненно ниже, чем обычные гражданские корпорации. Еще более удивителен тот факт, что пользующиеся меньшим влиянием в стране *Шахин* и *Бахриа фаундейшн* платят с доходов контролируемых ими корпораций 30% налогов. В Пакистане все знают, что правят все-таки сухопутные силы.

Но ни в одной другой сфере военные не достигли таких коммерческих преимуществ, каких они достигли в присвоении себе земельных владений. С формальной точки зрения благодаря своему политическому влиянию *милбиз* обставил все основательно. Вся задача земли соответствует лучшим английским феодальным традициям на основе так называемого Акта о колонизации земли от 1912 г. и за мизерную плату от 40 центов за 1 акр в 1960-е гг. до 1 долл. 20 центов за акр в середине 1990-х гг. На сегодняшний день средняя цена этой земли за 1 акр составляет свыше 4 тыс. долл. и общая стоимость земельных владений *милбиз*, по подсчетам г-жи Сиддика, достигает в Пакистане почти 12 млрд долл. США. В ряде случаев за крупные участки до сих пор не уплачивается вообще никакого налога. Всего таким образом военным роздано более 11,5 млн акров (то есть около 5 млн гектаров). Надо иметь в виду, что это 12% всей государственной земли (стр. 174).

Проводившаяся земельная реформа никоим образом не затронула интересы генералов и высших офицеров, которые превратились за время господства в стране различных военных администраций (то есть военных диктатур) в крупнейших земельных баронов и при этом изловчились в 1950–1960-х гг. в виде скрытых субсидий направить на укрепление своих позиций в сельском хозяйстве существенную часть иностранной экономической помощи. Один крупный государственный деятель договорился даже до того, что «иностранная помощь предназначалась для армии». А может быть, так оно и было? Любопытно, что, как свидетельствует Айша Сиддика, и сейчас такие генералы, как сам Первез Мушарраф, адмирал Абдул Азиз Мирза и другие, используют для охраны и проведения сельхозработ на своих участках, например в Бахавальпуре, даже действующих военнослужащих пакистанской армии.

Не менее показательным является проникновение *милбиз* и в городскую земельную собственность и недвижимость, причем наибольший размах это получило после 1999 г., то есть после прихода к власти нынешнего режима. Но самым разоблачающим фактом является то обстоятельство, что из 46 программ жилищного строительства, напрямую осуществлявшихся *милбиз*, ни одна не предусматривает участие в них рядовых военнослужащих. Все было *оприходовано* высшим офицерством и связанными с ним деловыми кругами. И это при том, что в стране не хватает 6,3 млн жилых домов, поэтому даже среди военных имеется прослойка, которая выступает против этой *институализированной коррупции* (стр. 198).

Становится очевидным, что в Пакистане мы имеем дело с таким типом *милбиз*, который ведет себя как государство в государстве и преследует свои узкокорпоративные и крайне эгоистические интересы за счет остального населения страны. Отсюда очевидно также и то, что военные режимы, четыре раза за 60 лет независимого существования страны приходившие к власти в этом государстве, сильно деформировали пред-

С материалами о Пакистане Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Пакистан» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/pakistan>

ставления населения о демократии, справедливости и возможности что-либо изменить. Немудрено также и то, что ставший неотъемлемой частью современного государственного, экономического и политического устройства Пакистана *милбиз* будет отчаянно бороться за сохранение своего привилегированного положения *фактического хозяина страны* и всячески

препятствовать демократическим изменениям.

Возникает и другой вопрос. На протяжении десятков лет Пакистан является одним из главных стратегических партнеров США в Азии, и на их глазах, а можно сказать, и при их непосредственном участии, методично осуществлялась *кастрация* пакистанской демократии, и вопрос, который поставлен в Вашингтоне, о некоей *демократизации Большого Ближнего Востока* никогда не возникал у американцев относительно Пакистана. Это и понятно – по стечению политических обстоятельств эта страна остается ключевым стратегическим партнером США.

Для аналитиков-специалистов по Южной Азии, пожалуй, наибольший интерес представляют те 50 страниц (стр. 129–179) из книги Айеши Сиддика, которые посвящены описанию того, как происходило становление *милбиза* в Пакистане. Практически начало этому было положено в 1954 г., когда высшее командование армии показало свое намерение выкроить себе в структуре пакистанского общества нишу существенно большую, чем только защита безопасности и границ государства. В отличие от соседней Индии, где средства, полученные от Великобритании из *Фонда послевоенной реконструкции*, были распределены между участниками боевых действий во Второй мировой войне, пакистанские генералы выбрали путь создания на эти средства крупных индустриальных проектов. И тогдашний главнокомандующий армией и будущий военный администратор (диктатор) страны генерал Айюб Хан сделал очень многое для быстрого развития *милбиза*. Но в тот период (1954–1969 гг.) этот военный диктатор дал ход не только военным: он немало поспособствовал тем теперь хорошо известным 22 семействам в стране, которые стали хозяевами 68% всей промышленной инфраструктуры и 87% банковских активов государства.

В отношении недовольных и оппозиции был придуман ловкий политический ход – так называемый закон EBDO (Elective Bodies Disqualification Ordinance, 1959 г.), который удалил, как оказалось, навсегда, из политической жизни группу весьма известных в свое время политических деятелей, обвиненных в коррупции и подрыве безопасности государства. Появился глагол *эбдоировать*, и этой экзекуции были подвержены несколько сот человек. Само по себе это оказало длительное устрашающее воздействие на пакистанскую правящую элиту, которая предпочла *не высовываться*. Все стали называть Пакистан системой *контролируемой демократии*.

Как и в кемалистской Турции, действия военного режима в Пакистане рассматривались как необходимая мера по обеспечению обороны и экономической безопасности в условиях постоянной угрозы со стороны Индии. Но именно в этот период, время так называемой *великой революции Айюб Хана*, высший генералитет пришел к выводу о том, что в сравнении с гражданской бюрократией военные офицеры обладают «большими аналитическими способностями, а также имеют интеллектуальное и моральное превосходство». Таким образом, за 15 лет, указанных выше, когда влияние военных, находившихся у власти, было на своем пике, *милбиз* получил мощный толчок к своему развитию. Однако в период острого политического кризиса (1969–1972 гг.) и последующего достаточно короткого периода гражданского правления Зульфикара Али Бхутто *милбиз* находился в явной стагнации, что и предрешило в конечном итоге трагическую судьбу выдающегося, хотя и крайне непоследовательного, гражданского премьер-министра. Наступил период сдержанности, когда рост военной внутренней экономики замедлился, и во время диктаторства генерала Яхья Хана больших прорывов в этом деле не было,

за исключением, пожалуй, создания в конце 1971 г. ранее упоминавшегося *Армейского благотворительного траста*, который был организован конкурирующей с *Фауджи фаундейшн* группой армейских генералов.

Конец эры Бхутто в 1977 г. и возвращение военной верхушки к высшей власти в государстве стал и концом эры сдержанности в отношении политической и финансовой автономии военных. Началась эпоха, в которой военные, уверовавшие в свою роль *спасителей нации*, пришли к окончательному убеждению, что они имеют неписаное право на почти неограниченное присвоение части национальных ресурсов для укрепления своей профессиональной корпорации. Как пишет Айеша Сиддика, начался период *экономического хищничества*.

В 1977–2005 гг. происходит процесс непрерывного расширенного проникновения *милбиз* в политическую и экономическую жизнь пакистанского общества. В эти годы окончательно материализовалась линия армии на присвоение себе постоянной роли в структуре принятия решений по управлению государством. За десять лет диктаторства Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.) и в период диктаторства ныне действующего главы государства генерала Первеза Мушаррафа были приняты десятки различных юридических и конституционных норм, в том числе создание могущественного Совета национальной безопасности (СНБ), принимающего ключевые государственные решения (из десяти членов СНБ четыре члена, не считая президента Мушаррафа, – главы родов войск). Такого рода нормы превратили военных, по крайней мере, в равных партнеров всех слоев политической элиты в разработке внешнеполитического курса страны и ее внутренней политики.

В экономике это выразилось в принятии специальных решений, которые привели к повышению доли военных в деловой жизни. В частных беседах представители военных упорно отрицают наличие связи между их политическим контролем над страной и усилением их роли в экономической эксплуатации страны, но аргументы и фактические данные, приводимые А. Сиддикой, убедительно опровергают эти попытки. Один только факт существования разрешенных еще диктатором Зия секретных *полковых фондов*, за которые никто не отчитывается и которые никто никогда не проверял, говорит сам за себя и подтверждает заявления о многих финансовых злоупотреблениях, творимых в высшей офицерской среде.

Мы не будем углубляться в многочисленные примеры злоупотреблений военными всех мастей своими возможностями, многие из которых подробно описаны на стр. 142–151. От себя скажем, что только в условиях подобной скрытности и секретности даже от глаз государственных контролирующих органов страны и полной бесконтрольности от самого *милбиза* могла возникнуть тайная сеть международного *черного рынка* торговли ядерными и другими стратегическими технологиям д-ра Абдул Кадыр Хана, *отца пакистанской ядерной бомбы*, долгие годы тесно связанного с высшим военным руководством страны. Это – тот же прием привычного применения концепций *милбиза* по-пакистански, только в весьма специфичной и опасной сфере. Мы не будем в этой рецензии развивать эту тему, скажем только, что А.К. Хан – не единственный пример бесконтрольности. Тем, кто хотел бы получить дополнительные подтверждения опасных действий пакистанского *милбиз*, можно посоветовать прочитать в только что вышедшей книге бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета о некоей пакистанской некоммерческой организации под названием *Umma Tameer-e-Nau* (UTN), которая состояла из отставных военных и ученых-ядерщиков, с ними связанных, и которая консультировала *Аль-Каиду* по проблемам создания оружия массового уничтожения (ОМУ)³.

Думается, привычка присваивать себе финансовые ресурсы, в том числе и, прежде всего, поступающие из-за рубежа, окончательно испортила мораль и нравы пакистанских военных еще во времена печальной памяти афганской войны. Да и сейчас в ходе *глобальной войны США с терроризмом* под руководством наших американских партнеров некоторые важные пакистанские военные чины и гражданские бюрократы нет-нет да и демонстрируют наличие необъясненных крупных личных состояний. Усиление во-

енных и их роли в управлении государством выразилось и в активном *хождении во власть*. При диктаторе Зия, например, из 42 послов страны за рубежом 18 были генералами. О госаппарате мы уже не говорим.

Последовавший за ликвидацией диктатора Зия период сменявших друг друга гражданских правительств не внес серьезных изменений и зачастую характеризовался стремлением их лидеров в острой политической борьбе за власть предоставлять военным дополнительные поощрения с целью удерживать их на своей стороне. Но эти надежды были тщетны: *милбиз* уже набрал такую мощь в стране, что ждал только случая вернуться к высшей власти и к еще большей доле *экономического пирога*, что и свершилось с отстранением премьер-министра Наваза Шарифа и приходом в стране к власти очередного генерала – Первеза Мушаррафа, и все повторилось.

Как показано А. Сиддикой, деятельность *милбиз* в основном скрыта от широкой общественности. Кроме того, она служит интересам весьма узкой группы лиц. Эффективность осуществляемых военными коммерческих операций вызывает большие сомнения, и зачастую они накладывают тяжелое бремя как на военный, так и на общенациональный бюджет, поскольку именно за счет этих источников *милбиз* покрывает постоянно образующийся дефицит. Все это препятствует росту экономики свободного рынка. На стр. 219–225 книги это убедительно показано.

Есть еще один аргумент Айеши Сиддики, на который следует обратить самое пристальное внимание: военный режим утверждает, что он стремится ограничить религиозный экстремизм и воинственность, однако даже пакистанская печать утверждает, что в этом деле имеют место *двойные стандарты*. А. Сиддика ставит целый ряд резонных вопросов. Каким образом *милбиз* способствует перестройке социальных отношений в обществе? Следует ли всплеск религиозного экстремизма и ксенофобии рассматривать как неизбежные издержки этого самого *милбиз*? На эти ключевые вопросы она не дает ответа, предлагая читателям самим на них ответить. Но вряд ли пакистанский читатель сможет ознакомиться с книгой А. Сиддики и тем более дать ответ. Нет сомнения в том, что военный режим не даст ходу этой книге в Пакистане.

И все-таки хочется закончить словами великого современного пакистанского поэта-демократа Фаиз Ахмад Фаиза:

«Мы, отверженные земли,
Будем подняты на достойное место...
И правда зазвонит в ушах каждого.
Эта правда ты и я...
Мы доживем до того дня,
Который был обещан и предначертан,
Когда горы насилия будут унесены, как клочки хлопка,
И земля будет праздновать»⁴.

Примечания

¹ *Индекс Безопасности* в одном из ближайших номеров готовит статью Айеши Сиддики. Эта статья будет основана на основных разделах рецензируемой книги; перевод этих разделов осуществляется нами с любезного согласия автора.

² *Смысл*. 2007, №7, 16–31 мая. С. 52.

³ Tenet George. *At the Center of the Storm: My Years at the CIA*. HarperCollins Publishers, 2007. P. 262–263.

⁴ Перевод автора.

ПОЛИТИКА МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 352 с.

Albright M. The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs. Harper Collins Publishers: 2006, 352 p.

Рецензия – Михаил Агапов

Одним из основополагающих принципов вестфальского миропорядка было отделение религии от дипломатии. Вестфальский конгресс 1648 г. подвел черту под международными отношениями эпохи средневековья, в которых церковь играла едва ли не ведущую роль, и ознаменовал открытие новой главы в истории международных отношений, построенных исключительно на основе государственных интересов. «Государство имеет реальные потребности, – говорил Ришелье, – тогда как потребности церкви воображаемые и иллюзорные». Кому, как не кардиналу и одновременно первому министру могущественнейшего в тот период европейского государства, было это знать. В итоге, целью внешней политики европейских держав стало удовлетворение государственных (реальных) потребностей, тогда как религиозные (воображаемые и иллюзорные) – были отодвинуты на второй, а то и третий план. Конечно, религия продолжала играть определенную роль в международных отношениях нового времени – достаточно вспомнить Священный союз европейских монархов, однако ее значение неизменно шло на убыль. В XX в. труды классиков теории международных отношений носили уже исключительно секулярный характер – религиозный фактор совершенно не принимался ими во внимание. Стремительное возрождение роли конфессий в мировой политике после окончания холодной войны заставило лидеров государств и экспертов обратить на религию самое пристальное внимание.

Действительно ли религиозный фактор вновь стал одним из определяющих в международных отношениях или религиозная риторика служит всего лишь прикрытием вполне земных устремлений? Как лучше контролировать события в мире, в котором существует множество религий, если их основные положения по многим ключевым вопросам не только не совпадают, но даже противоречат друг другу? Как отразить угрозу, исходящую от экстремистов, многие из которых, действуя от имени Бога, пытаются навязать свою волю другим людям? Эти и другие вопросы ставит г-жа Мадлен Олбрайт в своей новой книге «Религия и мировая политика».

Среди прочих публикаций, посвященных данной тематике, книга М. Олбрайт занимает особое место. Это, пожалуй, единственный на сегодняшний день пример столь прямого обращения к проблеме религии в современных международных отношениях политика такого высокого ранга¹. «До сих пор никто из государственных секретарей не написал настолько откровенной книги», – заметил в предисловии к американскому изданию 42-й президент США Билл Клинтон.

М. Олбрайт призывает своих читателей «собрать все силы, чтобы лучше понять наш сегодняшний мир, в котором преданность религии может играть как позитивную роль, так и выступать в качестве разрушительной силы». Феномен возрастания роли религии в современной мировой политике автор рассматривает с трех основных позиций:

- религия и мораль,
- религия и демократия,
- религия и международные отношения.

Свои взгляды по вопросам морали М. Олбрайт формулирует следующим образом: «Для меня степень моральности или аморальности предпринимаемых действий измеряется прежде всего тем, как они влияют на жизнь людей». Очевидно, что автор книги стоит на позициях гуманистической морали. Мораль верующего человека подчинена другому принципу – воле Господа Бога. В первом номере журнала *Индекс Безопасности* за 2007 г. заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата В.А. Чаплин четко высказался по этому поводу: «Для христианина есть более важные цели, чем сохранение земной жизни, – это, в первую очередь, достижение вечного блаженства, а это зависит от веры в Бога»².

Для М. Олбрайт, как и для многих других гуманистов, соотносящих себя с той или иной конфессией³ и полагающих одним из важнейших источников своих убеждений религиозные ценности, последние в действительности являются производными гуманистических идеалов. Бог М. Олбрайт – это скорее Бог философов и ученых, чем Бог Авраама, Исаака и Иакова. Не случайно она посвящает свою книгу «религиям, которые защищают свободу, укрепляют мир, борются с нищетой и невежеством и выступают за справедливость», тогда как религиозно мотивированный экстремизм, по ее мнению, порождает «искаженные представления о наших обязанностях перед Господом».

Такой подход к пониманию конфликтов, возникающих на религиозной почве, уже давно получил широкое распространение в мировых научных и политических кругах. На этом основании в современной России, например, проводится политика противопоставления *традиционного* и *нетрадиционного* ислама. Однако ни в сфере международной, ни в сфере внутренней политики этот подход себя не оправдал. Напротив, втягивание светского государства – будь то Россия на Кавказе или США в Ираке – в богословские по сути споры, поддержка им определенных конфессий приводят к росту протестных, в том числе и экстремистских, движений на религиозном поле.

Обращаясь к вопросу о положении религиозных институтов в условиях демократии, одним из основополагающих принципов последней г-жа Олбрайт называет *разделение церкви и государства*. При этом подчеркивается, что цель такого разделения – не ограничить деятельность конфессий, но «защитить религию от тяжелой руки политиков». В духе либеральной традиции М. Олбрайт четко разделяет понятия «свобода», которая есть «дар Божий человеку», и «демократия», которая есть «творение человека, создавшего ее для того, чтобы направить свободу в русло уважения всех прав граждан». Наиболее полное воплощение либеральных свобод достигнуто, по мнению автора, в США. «Тем, кто утверждает, будто Америка – такая же страна, как все остальные, я скажу: «Чушь это!»», – заявляет М. Олбрайт. Высказывая глубокую убежденность в призвании США играть роль мирового лидера, она в то же время не разделяет точку зрения, согласно которой миссия США состоит в том, чтобы утвердить демократию во всем мире. Бывший госсекретарь решительно отвергает миссионеризм как политический курс: «США должны помогать тем народам, которые желают развивать демократию. Но продвижение демократии – это политика, а не миссия... Мы можем только просить Бога благословить США, но мы не можем быть уверены, что такое благословение нам уже дано».

Возрастание роли религии в современном мире для М. Олбрайт неоспоримый факт. Поэтому для того, чтобы успешно играть роль мирового лидера, американским политикам необходимо не только знать как можно больше о религии, но и учитывать религиозный фактор при формировании внешнеполитической стратегии. «Сейчас, когда в мире все больше разгораются религиозные страсти, невозможно правильно построить переговоры, не принимая во внимание религиозные доктрины и определяемую ими мотивацию поведения», – замечает г-жа Олбрайт.

Начиная с XIX в. в американском обществе росло убеждение в том, что Господь Бог внимательно следит за всем происходящим в Америке, направляя развитие страны в определенное русло и определяя ее судьбу. На рубеже XIX–XX вв. идея богоизбранности американского народа проявилась в целом ряде внешнеполитических доктрин (например, «доктрина предопределения») и проектов (самый известный из них – проект Лиги наций, в котором его создатель, Вудро Вильсон, видел Священный союз народов – новый Ковенант⁴). Не следует забывать и о том, что тогда же именно в США группа протестантских пасторов сформулировала концепцию религиозного фундаментализма⁵.

В последней четверти XX–начале XXI вв. М. Олбрайт отмечает рост влияния правых христианских организаций во внутренней и внешней политике США. Как и в других странах, американские фундаменталисты и ура-патриоты зачастую выступают единым фронтом. «Их представители характеризуются крайне узким кругозором и смотрят на мир сквозь призму американизма, – она пишет в этой связи. – И те и другие хотели бы получить четкие и вразумительные ответы на все волнующие их вопросы, чтобы иметь совершенно ясную и полностью понятную картину мира». Наиболее простое объяснение дают различные конспирологические и апокалипсические теории, руководствуясь которыми представители американских фундаменталистско-патриотических кругов добиваются выхода США из ООН и упразднения самой организации (*заговорщического всемирного правительства*), срыва ближневосточного мирного процесса как противоречащего *божественному замыслу* относительно Израиля и объявления *крестового похода* против всех врагов Америки. Хотя М. Олбрайт и не считает президента Джорджа Буша-мл. выразителем подобных взглядов, она указывает на несомненную духовную близость нынешнего хозяина Белого дома и деятелей правого христианского блока.

Давно замечено, что выступления Дж. Буша-мл. звучат как миссионерские проповеди, пропитанные религиозным благочестием. Однако суть проблемы, по мнению Мадлен Олбрайт, заключается не в том, что администрация Буша старается обосновать свое право на лидерство моральными критериями. Фактически это делали все президенты. Беда в том, что используемая при этом риторика слишком уж смахивает на попытку оправдать политику США с помощью исключительно религиозной терминологии. М. Олбрайт обращает внимание на то, что это очень напоминает тактику *Аль-Каиды*, которая тоже предпочитает вести идейное противоборство в форме защиты моральных ценностей. «США способны сплотить мир и поднять его на борьбу против убийства невинных людей, – делает вывод автор. – Но мы никогда не сможем никого объединить, утверждая, что любое несогласие с президентом США означает выступление против воли Божьей».

Мессианская риторика и необоснованные международным правом и принципами *справедливой войны* действия США в Ираке привели, по мнению М. Олбрайт, к углублению противоречий между США и исламским миром, дали новый дополнительный шанс *Аль-Каиде* и сделали более трудной борьбу с международным терроризмом. Вопросам развития исламского мира и международным отношениям на Ближнем Востоке автор уделяет особое внимание.

По свидетельству самой М. Олбрайт, укрепление связей Вашингтона с исламским миром она, будучи госсекретарем, считала важнейшей задачей внешней политики США. Проблемы исламского мира – прежде всего это не завершившаяся, а в целом ряде случаев и не начавшаяся модернизация – не имеют легкого решения, но в условиях глобализации Запад не может позволить себе не заниматься ими. Задача реформирования арабского мира признана в качестве первоочередной практически всеми его лидерами. Анализируя развернувшиеся в этой связи в арабских странах дискуссии, автор приходит к заключению, что по сути своей они представляют «столкновение двух глубочайших представлений о мире. Согласно одному из них, единственным источником силы и могущества является Бог, согласно второму – только народ вправе предоставить кому-либо властные полномочия». Выбор того или иного пути развития арабского мира, как представляется М. Олбрайт, в значительной степени зависит от того, какие тенденции –

консервативные или реформаторские – превозобладают на родине ислама – в Саудовской Аравии. Здесь – в духовном и экономическом центре исламского мира – противостояние охранителей и сторонников модернизации достигло наивысшего накала.

Хотя сближение позиций США и арабского мира и представляется М. Олбрайт предрешенным – «в конечном счете США не в состоянии победить терроризм без помощи арабов, точно так же как арабские страны не смогут обеспечить экономическое развитие без западных инвестиций», стороны сталкиваются на этом пути с серьезными препятствиями. К таковым автор относит палестино-израильский конфликт, оккупацию Ирака и неясность намерений США в отношении мусульманского мира.

Бывший госсекретарь убеждена в том, что «ни у Израиля, ни у Палестины нет ни малейших шансов надеяться на более выгодное соглашение, чем то, которое они могли бы заключить на основе предложений Клинтона [в 2000 г. – М.А.]. Однако эта возможность была упущена из-за упрямства Арафата, который «предпочел сорвать аплодисменты своих сторонников, прославлявших его за отказ уступить хотя бы кусочек *арабских земель* и нежелание признать суверенитет Израиля над Стеной Плача». В то же время М. Олбрайт не снимает ответственность за срыв мирного процесса с Израиля и США, которые после прихода к власти в Палестинской Национальной Администрации Махмуда Аббаса «не поняли, что в их же интересах было срочно прийти к нему на помощь». В итоге победа ХАМАС отбросила мирный процесс на Ближнем Востоке к точке, с которой он начался примерно 15 лет назад. Пока, заключает она, ясно только одно: возросшее влияние ХАМАС отложило на неопределенный срок признание Израилем независимого палестинского государства, а следовательно, в ближайшей перспективе палестинская проблема будет оставаться камнем преткновения в отношениях между Западом и Востоком.

Войну в Ираке, точнее, совокупность ее *непредвиденных последствий*, М. Олбрайт называет *историческим сдвигом* в масштабах всего ближневосточного региона. Действительно, впервые в истории в одной из крупнейших арабских стран к власти пришло правительство мусульман-шиитов. В столицах главных суннитских государств – Саудовской Аравии, Иордании и Египта – высказываются опасения в связи с появлением шиитского *полумесяца*, влияние которого распространилось сначала на Бахрейн, а потом и на другие страны – Иран, Ирак, Сирию и Ливан. В этой связи Мадлен Олбрайт приводит высказывание короля Иордании Абдуллы II, заметившего, что столкновение интересов суннитов и шиитов может оказаться настолько острым, что затмит собой арабо-израильский конфликт. «В течение тысячелетий сунниты играли ведущую роль в исламе, – сказал король Абдулла. – Теперь баланс сил несколько уравнился, и никто не возьмется предсказать, чем все это закончится». Разделяя озабоченность правителя Иордании, М. Олбрайт обращает внимание и на возможность гонки между суннитами и шиитами за обладание ядерным оружием.

До 11 сентября 2001 г. ближневосточная политика США опиралась на прочные отношения с умеренными арабскими правительствами, выражавшими готовность поддерживать мирный процесс. Вашингтон предпринимал необходимые меры, чтобы сдерживать режим Саддама Хусейна и в то же время не позволить Ирану реализовать его региональные амбиции. «Мы надеялись, – пишет М. Олбрайт, – что в конечном счете прагматизм возьмет верх». Вторжение в Ирак привело к распаду традиционных механизмов поддержания региональной стабильности, ситуация на Ближнем Востоке кардинально изменилась: «Президент уничтожил пусть ненадежную, но все-таки как-то действовавшую структуру безопасности, не создав взамен ничего другого».

Таким образом, попытка администрации Дж. Буша-мл. ускорить модернизацию арабских стран посредством использования военной силы, – первоначально речь шла о том, что *освобожденный* Ирак станет моделью арабской демократии – мягко говоря, не принесла желаемого результата. Более того, прежние достижения американской дипломатии на этом направлении были дискредитированы. В условиях американского военного присутствия в Ираке все действия США, направленные на то, чтобы убедить арабские

элиты в дружественном расположении к ним Вашингтона, будут обречены на провал. Несомненный выигрыш от этого получает главный противник США – *Аль-Каида*.

При том что военные средства, несомненно, должны сыграть важную роль в победе над терроризмом, решающим фактором на поле боя будут идеи, а не оружие. Самым сильным аргументом *Аль-Каиды* автор считает утверждение ее лидеров о том, что верующих мусульман повсюду преследуют и что каждый правоверный должен дать отпор врагам ислама. Действительно, не только одни экстремисты верят в то, что Запад развернул настоящее наступление на ислам. *Аль-Каида* рекрутирует своих сторонников под лозунгом защиты ислама от *новых крестоносцев*. Насколько этот лозунг соответствует действительности?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, М. Олбрайт предлагает взглянуть на современный мир глазами самих мусульман. Хотя «постоянные жалобы мусульман на преследования их веры кажутся многим жителям западных стран какой-то паранойей, – пишет она, – приходится признать, что за последние столетия территория мусульманского мира значительно сократилась. [...] В процессе колонизации арабских стран западные державы сознательно культивировали создание светских элит, которые впоследствии и захватили всю власть, раннее принадлежавшую религиозным лидерам». В годы холодной войны Советский Союз оказывал поддержку таким борцам с религией, как Гамаль Абдель Насер, Соединенные Штаты в то же время способствовали укреплению Израиля. «В наши дни бен Ладен паразитирует на накопившейся ненависти, культивируя старые и разжигая новые обиды [...] Бен Ладен и те, кто мыслит, как этот фанатик, заикнулись на несправедливостях, совершенных в прошлом, и не хотят думать о будущем [...] Они не могут предложить ничего такого, что могло бы улучшить жизнь людей сегодня и здесь на нашей земле. Их волнует только то, что их ждет в потустороннем мире, и они уверены, что там их ожидает слава. Они ни на минуту не сомневаются в своей высокой и безупречной нравственности, полагая, что сам Господь Бог выдал им мандат на убийство людей».

Что можно противопоставить этой уверенности? Как «достучаться до людских сердец, чтобы разрушить базовые устои врага»? Прежде всего М. Олбрайт призывает сбалансировать американскую внешнюю политику. Как справедливо замечает автор, «*Аль-Каиду* многие ценят не за то, что она собой представляет, а за то, против кого и против чего она борется». В подтверждение данного тезиса она приводит выводы комиссии экспертов Министерства обороны США 2004 г.: «Мусульмане ненавидят не нашу свободу, а нашу политику». Одерживая победы на поле боя, Вашингтон терпит поражение в сфере идеологического противостояния, что, с одной стороны, позволяет *Аль-Каиде* восполнять свои потери, а с другой – вносит разлад в ряды союзников США. «Администрация [Дж. Буша-мл. – М.А.], хотя и ненамеренно, переключила внимание мировой общественности с вопроса о том, что сделали и еще сделают террористы, к вопросу о том, что могут сделать США».

Причина такой непредсказуемости американской внешней политики кроется, по мнению М. Олбрайт, в том, что «мы сами так и не разобрались, с кем же, в конце концов, ведем борьбу». В самом деле, борьба со злом в несовершенном мире очень быстро превращается в борьбу если не со всем миром, то по крайней мере с большей его частью⁶. М. Олбрайт призывает отказаться от широких терминов, обозначающих врагов США, таких как *приверженцы политического ислама*, *исламофашисты* и прочей сомнительной экзотики, например, *исламоленинизма*, поскольку «чем более широкое мы дадим толкование того, кого считаем своим противником, тем больше наживем себе врагов». Думается, что к этому совету – всегда четко и однозначно определять своего врага – стоит прислушаться не только американскому руководству. «Наш противник – не ислам и не те мусульмане, которые не согласны с нашей политикой на Ближнем Востоке». Этот тезис М. Олбрайт последовательно разворачивает на протяжении всей книги. «Наш враг – это те, кто хотят нас уничтожить, – пишет она, – *Аль-Каида* и ее союзники».

Ислам вместе с двумя другими авраамистическими религиями – иудаизмом и христианством – образует культурный фундамент современного мира. Конфликт между исламскими и иудео-христианскими ценностями, провоцируемый исламскими, равно как и иудейскими и христианскими экстремистами, способен ввергнуть наш мир в хаос. «В последние годы напряженность в отношениях между различными религиями возросла, и это порождает ощущение того, что события выходят из-под контроля», – замечает М. Олбрайт. Каким образом разрешится эта напряженность зависит, по ее мнению, во многом от того, смогут ли деятели различных религий отказаться от глубоко укоренившихся предрассудков друг о друге, смогут ли «христиане, мусульмане и евреи... наконец осознать, как много у них общего». М. Олбрайт призывает вести постоянные дискуссии с участием представителей всех авраамистических религий. Автор прекрасно понимает ограниченность этого метода – «вряд ли мы сможем посредством дискуссий повлиять на мировоззрение экстремистов», и все же она уверена, что диалог лучше, чем нынешний *статус-кво*, при котором его участники заняты лишь одним – сохранением слепой приверженности давно уже устаревшим догмам и преследованием тех, кто предлагает отказаться от вековых предрассудков.

Особое внимание в этой связи уделяется исламу. М. Олбрайт формулирует задачу модернизации ислама – его *осовременивание*, придание ему *умеренности*, раскрытие исламского вероучения с точки зрения *общечеловеческих ценностей и толерантности*. «Победить терроризм, – пишет она, – можно только в том случае, если истинные мусульмане объединятся, чтобы защитить ислам от убийц, пытающихся монополизировать веру в Аллаха». Задача Вашингтона, таким образом, заключается в том, чтобы «активизировать, сплотить и придать уверенность тем [мусульманам. – М.А.], кто придерживается умеренных взглядов». Самое главное сегодня, по мнению М. Олбрайт, завоевать сердце и душу каждого мусульманина, и сделать это необходимо на всех уровнях, включая семью, местную общину, диаспору и нацию в целом. «Подлинная победа над терроризмом будет одержана не тогда, когда мы заставим замолчать каждого несогласного с нами, а тогда, когда получат самое широкое распространение умеренные и разумные взгляды». По сути дела, речь идет о консолидации умеренных исламских деятелей и привлечении их Западом на свою сторону, а в более широкой перспективе – об интеграции в единую систему иудейско-христианско-мусульманских ценностей и традиций. Важно отметить в этой связи, что М. Олбрайт не является сторонником планов построения универсальной религии: «Я вовсе не призываю к созданию *духовного плавильного котла*, в котором идеи различных религий превращались бы в сентиментальный вздор», – обозначает она свою позицию.

Главная задача сегодня, уверена М. Олбрайт, состоит в том, чтобы избежать возможного столкновения цивилизаций. Но как разрешить религиозные конфликты, как развернуть религии к тесному сотрудничеству друг с другом? Прежде всего, М. Олбрайт призывает использовать потенциал самих религий. Однако предлагаемые ею методы увещания участников конфликта – обращение к их чувству ответственности по отношению к ближнему – и ведения переговоров *с учетом религиозного фактора* (в этом случае автор предлагает использовать такие инструменты, как молитва, пост, всепрощение, покаяние и обращение к священным писаниям) мало оправдывают себя на практике. Так, обращения папы Иоанна Павла II, александрийского патриарха Петра VII и других религиозных деятелей к набожному Дж. Бушу-мл. не помешали последнему начать военные действия против Ирака; призывы мусульманских духовных лидеров не остановили суннитских и шиитских радикалов; наконец, сама М. Олбрайт, опираясь на свой опыт ближневосточного урегулирования, совершенно справедливо утверждает, что если защитники мира могут легко отыскать в Коране или в Библии заповеди, призывающие к человеколюбию, то сторонники жесткой линии столь же легко могут найти там же оправдания насилия и жестокости. В определенном смысле, опровергая собственные теоретические построения, М. Олбрайт пишет: «Любые переговоры немедленно заходят в тупик, как только стороны начинают доказывать правоту своих позиций не на основе человеческих законов и прецедентов, а ссылаясь на обещания, которые дал им сам Господь Бог». Со свойственной ей эмоциональностью и прямоотой М. Олбрайт вспоминает о своем участии в палестино-израильских переговорах: «Много раз мне хо-

телось схватить палестинского и израильского участников переговоров за уши и столкнуть лбами, чтобы пробудить в них хоть каплю здравого смысла».

Призыв к здравому смыслу содержится в приводимом М. Олбрайт высказывании ее бывшего патрона Билла Клинтона о проблеме взаимопонимания верующими разных конфессий и сторонниками сугубо светского пути развития друг друга: «Все зависит от того, готовы ли мы признать, что никто из нас не обладает истиной в последней инстанции. Вот и все. В этом все и дело. Вы, конечно, вправе считать, что истинна только ваша религия, и даже то, что она более истинна, чем другие вероисповедания. Но вы не можете быть уверены в том, что в этой жизни кто-нибудь способен полностью познать всю истину мира». М. Олбрайт поддерживает этот принцип. Действительно, если у Бога есть план, он будет выполнен – но это небесная сфера полномочий, а не земная. «Нельзя оправдать внешнюю политику, которая готовит почву для Армагеддона», – пишет М. Олбрайт. Проблема, однако, заключается в том, что постмодернистский по своей сути подход *Клинтона–Олбрайт* совершенно неприемлем для *истинно верующих*. Не может верующий человек признать, что он не сопричастен *истине в последней инстанции*. Если для целого ряда светских философов и религиозных интеллектуалов модернистского толка такой подход вполне допустим, то для адептов он тождественен вероотступничеству.

В идеале выходом из состояния *религиозной войны* могло бы стать четкое разделение религии и политики. Именно таким путем, проигнорировав осуждения папы Иннокентия X, и пошли участники Вестфальского конгресса в 1648 г. Сегодня отделить религию от политики становится все труднее. В этой ситуации ответственные за американскую внешнюю политику деятели стремятся, по свидетельству М. Олбрайт, к такой интерпретации религиозных доктрин, которая свела бы к минимуму опасность возникновения международных конфликтов. Однако их старания, как замечает сам автор, «скорее всего... напрасны». Два обстоятельства, с точки зрения М. Олбрайт, вызывают особую тревогу: во-первых, религиозные экстремисты разных вероисповеданий действуют заодно (например, протестантские фундаменталисты, поддерживая радикальных религиозных сионистов, утверждают, что Бог разрешил последним игнорировать права палестинцев); и, во-вторых, история знает не слишком много примеров смягчения религиозных конфликтов.

И все же М. Олбрайт глубоко убеждена, что межрелигиозные противоречия могут быть преодолены. Альтернативой *столкновению цивилизаций* должна стать консолидация мирового гражданского общества на основе таких общечеловеческих ценностей, как «права человека и забота о благополучии каждого индивида». При этом речь не идет о противопоставлении светского и религиозного мировоззрений, напротив, защита свобод и прав человека есть, по мнению М. Олбрайт, именно та сфера, в которой «легче всего сочетать религиозные верования с приверженностью к политической свободе». Но можно ли всерьез надеяться, что мир удастся объединить на основе такого типично западного принципа, как уважение прав личности? «Ответ очень прост, – заявляет М. Олбрайт. – Он, этот принцип, хорошо известен и уважаем не только в культуре западных стран». В подтверждение данного тезиса автор приводит целый ряд соответствующих цитат из священных, философских и законодательных текстов разных времен и народов. Так, например, М. Олбрайт ссылается на юридический кодекс, провозглашающий гарантии справедливости для каждого и запрет сильному угнетать слабого. «Вы, наверное, подумали, что это цитата из свода законов, которые мировое сообщество должно подарить народу Ирака. Вовсе нет. Это судебник царя Хаммурапи – жившего в XVIII в. до н.э. правителя древнего Вавилона».

Итак, если религию невозможно отделить от политики, то необходимо приложить все силы для того, чтобы, используя гуманистический потенциал основных мировых религий, реформировать их на основе общечеловеческих ценностей и превратить из источника враждебности в источник терпимости и взаимопонимания.

Примечания

¹ С 1997 по 2001 гг. М. Олбрайт занимала пост государственного секретаря США, до этого была членом Совета национальной безопасности и постоянным представителем США при ООН. Сейчас госпожа М. Олбрайт возглавляет Национальный демократический институт международных отношений, преподает в Школе дипломатической службы при Джорджтаунском университете.

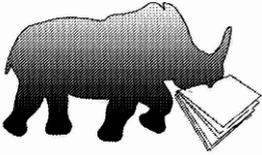
² Чаплин В.А. Исток конфликта не в ядерном оружии, а в грехе властолюбия. *Индекс Безопасности*. 2007, № 1 (81). С. 203.

³ М. Олбрайт родилась в еврейской семье, однако ее родители приняли католичество и воспитали дочь в католической вере. Сама М. Олбрайт рассказывает, что узнала о своем еврейском происхождении и о том, что ее дедушка и бабушки погибли в нацистских концлагерях только в возрасте пятидесяти лет. См.: Albright M. *Madam Secretary: A Memoir*. Miramax, 2003. P. 235–249. Впоследствии Мадлен перешла в епископальную церковь (англиканская церковь в США).

⁴ Теория ковенанта (от лат. conventum – соглашение) получила распространение в протестантской теологии XVII в. и выражала идею договорных отношений Бога с человеком (ковенант благодати) и обществом (социальный ковенант). Вудро Вильсон, родившийся в семье пресвитерианского пастора, был хорошо знаком с этой теорией и затем положил ее в основу проекта Лиги наций, придав идеи ковенанта новое значение – Священного союза народов.

⁵ Dobson E., Hindson E. *The Fundamentalist Phenomenon. The Resurgence of Conservative Christianity*. N.-Y., 1981. P. 3–10.

⁶ В этой связи невольно вспоминается Рейнхольд Нибур (1893–1971) – известный американский богослов и теоретик международных отношений, постоянно напоминавший своим слушателям, что политические противостояния – это конфликты не между безгрешными и грешниками, а между разного рода грешниками.

Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past. Ed. by Robert Legvold. NY: Columbia University Press, 2007. 544 p.

Новая книга коллектива американских авторов является прекрасным примером того, как историки и политологи могут отложить в сторону взаимные упреки в излишней щепетильности или упрощении действительности, творчески объединить подходы обеих дисциплин и предложить глубокий анализ современной внешней политики России.

Ведущие специалисты, посвятившие многие годы своей жизни пониманию отношений России с внешним миром (Роберт Легвольд, Рональд Суни, Альфред Рибер и др.), исходят из того, что стандартные рамки политического анализа не способны объяснить всю сложность эволюции российской внешней политики двух последних десятилетий. Отталкиваясь от замечания французского историка XIX в. Жюлья Мишле о том, что те, кто ограничивают себя настоящим временем, не поймут настоящей реальности, авторы работы предлагают отойти от перипетий текущей политики и обратиться к истории. Однако работа не предполагает реконструкции событий прошлого, а использует историю для осмысления современного поведения российских лидеров на международной арене. Авторы отказываются от детерминированных подходов и схем, определяющих некие постоянные черты и движущие силы и создающих мифы о *врожденном* российском экспансионизме, мессианизме и жесткой зависимости внешней политики от *приущего* России внутреннего авторитаризма. История, по мнению редактора исследования Роберта Легвольда, не предопределение, а ее изучение далеко не всегда позволяет предсказать будущее, но помогает отделить временное от более или менее постоянного, новое от устоявшегося и увидеть более глубокие основы политики.

Что же извлекают исследователи из изучения истории для анализа современных процессов? Авторы работы пытаются определить повторяющиеся в разные эпохи модели (*patterns*) поведения российских политических элит в отношениях с окружающим миром, складывающиеся под влиянием внешних и внутренних факторов, набор и значение которых меняется. Осмысление эволюции этих факторов и является одним из ключей к пониманию того, что такое внешняя политика России сегодня и каковы ее глубинные структуры, насколько принципы и механизмы ее формирования преемственны по отношению к подходам предшествующих эпох, как глубоко изменились восприятие соседей и всего мира и представления о безопасности тех, кто сегодня принимает решения по сравнению со взглядами их предшественников. Профессор Рибер выделяет четыре фактора формирования внешней политики России, которые он специально называет *устойчивыми* (*persistent*), а не *постоянными* (*permanent*), так как сила их влияния непостоянна и во многом зависит от международной обстановки и внутривнутриполитической ситуации в России. Такими устойчивыми факторами Рибер считает относительное экономическое и технологическое отставание России от стран Запада, уязвимость

Е
И
Ы
К
Н
Н
Ж
И
И
В
Н
О
К
Н

пористых границ-фронтиров, многонациональный характер общества и культурное отчуждение России от Европы и Азии. Остальные авторы коллективного труда в той или иной мере подтверждают существование этих факторов в исследованиях отдельных аспектов формирования современной внешней политики. Рональд Суни рассматривает влияние наследия Российской и Советской империй на отношения России с ближайшими соседями, Роберт Легвольд и Дэвид Макдональд прослеживают взаимосвязь между внутренними и внешнеполитическими трансформациями, глава Лоуренса Колдуэла посвящена эволюции концепций национальной безопасности, Ангела Стент и Гилберт Розман рассматривают участие России в европейских и азиатских процессах, а Селест Волландер показывает, как администрация В.В. Путина реагирует на вызовы глобализации.

Далеко не со всеми выводами авторов можно согласиться. К примеру, эксперты чрезмерно противопоставляют внешнеполитический курс России при президентах Б.Н. Ельцине и В.В. Путине, недооценивая элементы преемственности между ними. Но надо признать, что коллективный труд высокопрофессиональных американских историков и политологов предложил новые ориентиры анализа внешней политики России, поэтому книга будет интересна как западным, так и российским читателям.

Альберт Зульхарнеев

Фененко А.В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 248 с.

Перед мировым сообществом стоит серьезно обеспокоено за будущее режима нераспространения и его основополагающего договора. Считать, что наступит его крах – преувеличение, но, тем не менее, режим находится в серьезном кризисе. Кризис подспудно созрел долгое время, и события 1998 г. в Индии и Пакистане продемонстрировали его. Перед мировым сообществом теперь же стоит задача не допустить еще большего ухудшения. Одним из выходов может служить политика контрраспространения, *принятая на вооружение* Соединенными Штатами, которой посвящена книга молодого и плодовитого российского исследователя А.В. Фененко.

Понимаемое как наступательное, контрраспространение своей целью ставит *агрессивную профилактику* распространения расщепляющихся материалов и ядерных технологий. Ее составляющими компонентами выступают также концепции *односторонних и превентивных* (даже *упреждающих*) действий.

Автор подробно анализирует взгляды различных экспертов в сфере нераспространения оружия массового поражения, а также документы администрации США. Далее он подробно рассматривает конкретные примеры политики контрраспространения: события вокруг ЮАР, Алжира, Ливии, Ирана, Пакистана, Израиля, Индии, Ирака и КНДР.

Исследователь выделяет пять вариантов воздействия на потенциальных нарушителей: *выкуп* ядерной программы (успех в случае с ливийской программой), дозированное внешнее участие в контроле над ядерными объектами (в случае с американо-пакистанскими отношениями), признание права на ведение ядерной деятельности в обмен на международные обязательства (американо-индийская ядерная сделка), силовой вариант (война против Ирака в 2003 г.), но самое главное, на наш взгляд, – это усиленная работа с ведущими поставщиками урана и компонентов ядерного топливного цикла.

В свете многочисленных дискуссий о ренессансе атомной энергетики заслуживает внимание вывод автора, что «развитие всего цикла производства ядерного профиля (от добычи сырья до вторичной переработки атомных отходов и выделения в ее результате плутония) объективно работает на ядерное распространение». К тому же, «адекватных механизмов контроля над расщепляющимися материалами нет», констатирует исследователь.

Главный вопрос, который ставит автор по отношению к эволюции понятия «контрраспространения», – стала ли стратегия контрраспространения США средством укрепления режима нераспространения или нет? И однозначного ответа не дает. Контрраспространение стало составной частью обновленной американской концепции сдерживания, сдерживания не государств, а *неблагоприятных процессов*. И, к сожалению, контролировать, бороться с транснациональными структурами (не только криминальными, но и вполне законно действующими коммерческими и производственными) пока этой стратегии не удастся. Более того, под воздействием произвольного применения силы со стороны США некоторые страны начинают видеть в создании ядерного оружия единственное средство защиты.

Павел Мансуров

Велихов Е.Ю., Гагаринский А.Ю., Субботин С.А., Цибульский В.Ф. Россия в мировой энергетике XXI века. М.: ИздАТ, 2006. 136 с.

Многочисленные прогнозы и попытки определить контуры современных и будущих глобальных угроз все чаще сводятся к выделению энергетического фактора как определяющего в международных отношениях. Неотъемлемой частью современного политического дискурса стал термин *энергетическая безопасность*. Следуя этой логике, группа сотрудников Курчатовского института провела исследование перспектив развития мировой энергетики, *с точки зрения физиков*, и описала вариант энергетической стратегии России.

Авторы констатируют, что эпоха дешевых энергетических ресурсов заканчивается и предстоит сложный период адаптации к дорогим энергоресурсам. Более того, говоря об общем состоянии развития энергетического рынка, преимущественно нефтяного, исследователи отмечают неизбежность его кризиса в среднесрочной перспективе, что обусловлено не столько исчерпанием запасов, сколько региональной неравномерностью распределения доступных ресурсов.

Ответ на извечный вопрос *что делать?* представляется очевидным, стоит только взглянуть на обложку книги с изображением работающей атомной станции – развитие атомной энергетики является ключом для решения широкого круга энергетических и экологических проблем. Применительно к безопасности России авторы делают вывод, что ресурсные ограничения создадут серьезные проблемы для развития страны, если не рассматривать ядерную энергию. Данный ответ не является чем-то неожиданным, если учесть, что коллектив авторов работает в одном из ведущих исследовательских ядерных центров России.

Несмотря на то, что «пока нет экологически приемлемых методов крупномасштабного использования энергии без провоцирования в природе непредсказуемых и, главное, управляемых процессов», что относится и к атомной энергетике, авторы перечисляют все достоинства этого пути развития, уделяя минимум внимания возможным экологическим, политическим и военным последствиям распространения ядерных технологий. Так, они незаслуженно обходят стороной концепции энергосберегающих технологий и альтернативные источники энергии, называя их *полумерами*.

Тем не менее они отмечают, что атомной энергетике предстоит значительный путь, чтобы занять место *легитимного* источника энергии в представлении населения, и очень позитивно оценивают возможности технического совершенствования ядерных и термоядерных технологий в сторону большей экологичности и безопасности. В целом, книга является полезным источником и дает описание текущей ситуации и перспектив энергетического развития человечества.

Никита Перфильев

Е И

Ы К

Н Н

Ж И

И В

Н О

К Н

Некрасов В.Ф. НКВД-МВД и Атом. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. 560 с.

В книге, подготовленной генерал-майором МВД в отставке, долгое время проработавшим в различных закрытых административно-территориальных образованиях СССР, рассматривается проблема создания атомного комплекса СССР через призму ведомственной деятельности Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), а затем Министерства внутренних дел (МВД) СССР.

Логически работу можно разделить на две основные части: описание самого процесса формирования ядерного комплекса, включая проводившуюся разведывательную деятельность, и организация охраны ядерных производств и различных предприятий атомной отрасли. Автор уделяет отдельное внимание работе специальных органов МВД (специальная милиция) на ядерных объектах, главная задача которых состояла в поддержании общественного порядка при проведении испытательных мероприятий, а также участие в ликвидации последствий промышленных аварий.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра Вы можете ознакомиться в разделе "Библиотечные новинки" интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

Выстраивая логическую цепочку повествования, автор начинает с агентурной и разведывательной деятельности, активно проводившейся на первых этапах реализации атомного проекта СССР. Далее, в книге описана деятельность НКВД-МВД СССР в непосредственной практической деятельности по созданию ядерного комплек-

са, а также в последующих мероприятиях по обеспечению охраны и организации контрразведывательной деятельности на ядерных объектах. Автор доходит до описания сегодняшнего состояния Специальных частей по охране ядерных производств.

В основу книги положены ранее публиковавшиеся архивные документы, включая разведывательные и агентурные сведения. Автор также приводит воспоминания участников и выдержки из своих бесед с ними.

С методологической и исторической точки зрения наибольший интерес представляет подробное описание организации охранных работ на ядерных объектах. Этот гигантский и представляющий огромное значение пласт развития атомного комплекса зачастую ускользает от внимания исследователей.

Роман Устинов

ОТ СДЕРЖИВАНИЯ К ДОМИНИРОВАНИЮ

Главному редактору:

С интересом ознакомился со статьей Андрея Фролова «Иран: для чего ему ракеты?», опубликованной в *Индексе Безопасности* № 2 (2007). Мне как человеку, практически занимавшемуся вопросами противоракетной обороны Израиля, хотелось бы поделиться своими мыслями насчет ракетной программы Исламской Республики.

Иранская ракетная программа восходит корнями ко времени шаха, и по пришествии аятолл она была временно приостановлена. Однако основа современной ракетной программы Ирана была заложена во время ирано-иракской войны. Операция «Буря в пустыне» нанесла поражение Саддаму Хусейну и сняла иракскую угрозу. С этого момента в качестве потенциального противника на первый план выходят Соединенные Штаты. А вместе с ними и Израиль, который в Тегеране иначе как 51-м штатом не называют.

Иран действительно опасается нападения со стороны США, чувствует угрозу, поэтому на данном этапе ракетная программа носит скорее оборонительный характер, а не наступательный, и не предназначена для создания потенциала нападения. Сегодня это средство сдерживания, а не агрессии. Цель сдерживания – сохранение у власти в Иране радикального клерикального режима.

Иран *вкачивает* в ракетную программу столько средств, что можно сделать вывод о приоритетности ракет перед любым другим оружием. Ни одна другая страна, включая развитие, не приближается к Ирану по количеству разрабатываемых или уже развернутых типов ракет. Иранцы ведут исследования по всем направлениям: от стандартных жидкотопливных ракет до твердотопливных образцов. Есть основания предполагать, что Тегеран намерен добавить крылатые ракеты к своему стратегическому арсеналу.

Радиус действия иранских ракет неуклонно растет: от 600 км в конце 1980-х гг. до 1300 км к началу 1990-х гг. и от 2000 км в начале 2000-х гг. до 2500–3500 км сейчас. Ракеты превратились из локального фактора в региональный. При существующих темпах развития уже в ближайшем будущем ракетная программа может стать средством политического и военного доминирования Тегерана на Ближнем и Среднем Востоке и угрозой безопасности Европы. А как только Иран научится запускать ракеты с подводных лодок, их охват станет поистине глобальным.

О глобальных намерениях Ирана говорит и неафишируемая Тегераном активизация космической программы, в частности, разработка собственных средств выведения

С материалами по иранской ракетной программе Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Иран» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

спутников на орбиту. А вот в отношении ракет *Шехаб 3* Иран проявляет поразительную открытость, информируя об испытаниях и предоставляя фотографии пусков. Отдельной строкой идет показ ракет на военных парадах в Тегеране, еще раз подтверждающий, что сегодня ракеты используются как средство психологическо-

го давления на вероятных противников.

В то же время Иран показал три различных варианта этой ракеты на четырех различных передвижных платформах, далеко не все испытания которых были успешными, поэтому говорить о форсировании ракетной или космической программы пока нельзя. Очевидно, что в Иране нет и доморощенного Сергея Королева, способного устранить имеющиеся недостатки конструкции ракет.

Тем не менее ракетная и космическая программы Ирана отнюдь не *бумажные тигры*. Они являются элементами более широкой политики безопасности, нацеленной на нейтрализацию усилий США и их союзников по предотвращению становления Ирана как регионального гегемона. Но оружие устрашения сегодня может превратиться в средство доминирования завтра. Если Иран пойдет до конца по пути укрощения военного атома, то на финальном этапе он будет обладать несколькими типами баллистических и крылатых ракет, способных нести ядерную боеголовку. Конечно, нельзя не отметить, что сейчас развитие ядерной и ракетной программ Ирана не скоординировано и не синхронизировано, что, однако, не снимает возможные опасения.

Узи Рубин

независимый консультант,
президент компании *Rubincon Ltd.*

Institute of National Security Studies
40 Haim Levanon st., POB 39950
Ramat Aviv, Tel Aviv, 61398, Israel

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПСИХОЛОГИЯ

Главному редактору:

Пронаблюдав изменения Индекса международной безопасности (*iSi*) и комментарии к нему в двух первых номерах журнала *Индекс Безопасности*, хотел бы высказать свое мнение.

Сразу бросается в глаза несколько поразительных фактов. Например, ситуация в декабре-январе 2006 г. (в сравнении с октябрём 2006 г., когда было проведено ядерное испытание в КНДР) ещё более ухудшилась. Когда КНДР выразила готовность отказаться от программы в обмен на экономическую помощь в феврале 2007 г., повышения Индекса не последовало, более того, апрель 2007 г. был опаснее, чем октябрь 2006 г. Интересно, почему? Проблемы Ирана, Ирака, Афганистана, Судана – не новы, они были и в октябре 2006 г., и в апреле 2007 г. Новыми событиями стали выступления иранских представителей, заявления США о размещении элементов противоракетной обороны (ПРО) в Европе и выступления В.В. Путина в Мюнхене, послание президента России Федеральному Собранию, где он предложил приостановить действие Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ).

Получается, что новые, подчеркиваю, новые (на фоне продолжающихся столкновений на Ближнем Востоке, Афганистане, Ираке) угрозы жизни людей вследствие войны в Ливане и ядерных испытаний вызывают меньшую угрозу безопасности, чем заявления *высших чиновников*. Новых угроз не появилось, наоборот, прежние – исчезли, а Индекс почему-то упал. Из чего можно сделать вывод об измерении психологической безопасности, нежели безопасности *real politik*.

Хотелось бы вернуться в прошлое и вспомнить ситуацию конца 1930-х гг., к этому времени проблемы на Дальнем Востоке имели ту же перманентную (региональную) опасность, что сейчас исходит из Ирака и Афганистана. Приход к власти Муссолини и Гитлера в пацифистской Европе не оказал бы существенного влияния на Индекс, так же как не оказывают влияние на безопасность Уго Чавес, Фидель Кастро, А.Г. Лукашенко, чьи заявления имеют сугубо региональное измерение. Германская проблема на протяжении нескольких лет стала бы столь же перманентной проблемой, что и КНДР или Иран. Вторжение в Чехословакию психологически сравнимо с вторжением в Ирак. Мюнхенское соглашение, советско-германский пакт о ненападении августа 1939 г. и последующее молчание Великобритании и Франции на вхождение германских войск в Польшу вряд ли привели бы к снижению Индекса.

Но того же нельзя сказать о ситуации 1962 г. Неудачная попытка свержения Фиделя Кастро, размещение ракет с ядерным оружием на Кубе, морская блокада, блеф об оборонительном характере вооружений и требования Н.С. Хрущева не нападать на Кубу

и вывести американские ракеты из Турции. И все это на фоне холодной войны и возможности ее перехода в третью мировую, но уже ядерную войну.

Очевидно, новая угроза безопасности понизила бы цифры Индекса. Прежде всего, из-за психологически большей опасности, нежели в конце 1930-х гг., так как война с обычными вооружениями была не нова и психологически страны мира надеялись и были настроены на умиротворение Германии. При всей напряженности конца 1930-х гг. в Европе и мире не было ощущения угрозы, которая могла бы разрушить целый регион, а тем более мир. В 1962 г. психологическая опасность была большей, а реальная опасность оказалась меньшей. Таким образом, *определение-измерение* психологической безопасности не определяет реальную безопасность или опасность.

Убежден, на Индекс оказывают влияние прежде всего новые, до этого не имевшие место факторы. Отсюда можно понять, почему Индекс в мае повысился, а не упал – как ожидало большинство экспертов.

Что же произошло, из-за чего *iSi* поднялся? Индекс реагирует не на *окончание войны* или ее начало, а на ожидание – на психологическое ожидание разрешения кризиса, *окончания войны*. Новым и до этого не имеющим место быть событием стали в мае 2007 г. (первые с 1979 г.) прямые официальные дипломатические контакты между Вашингтоном и Тегераном. Именно они произвели мощный психологический эффект и повлияли на майское повышение *iSi*.

Индекс больше реагирует на выступление высших должностных лиц государств, и в мае 2007 г. это как раз подтверждается. Реальные действия, вызывающие угрозу жизни людей, – теракты в Ираке, Турции, обстрелы в Цхинвали и Израиле – не оказали решающего воздействия на показания Индекса. *Старые события* способны оказать видимое влияние на Индекс только в случае обратных действий, то есть улучшения или разрешения проблем.

Нивелировать *новые события* способны только *контрсобытия*. В июне 2007 г. таким событием должно было стать предложение В.В. Путина о совместном использовании радиолокационной станции (РЛС) в Габале. В связи с тем, что Индекс в июне упал, а не продолжал расти, можно сделать вывод о том, что в мире не было положительных ожиданий от предложения В.В. Путина о совместном использовании РЛС в Габале и готовности Джорджа Буша обсудить это в Кеннебанкпорте. Неготовность США отказаться от громко разрекламированных проектов – элементов ПРО в Польше и Чехии – была настолько очевидна, что не оказала влияния на динамику *iSi*.

Предугадать движение Индекса невозможно. Это так же сложно, как предсказать психологию человека. Тем не менее при расчете Индекс показывает именно *психологическую безопасность*, выявляет угрозы так, как они оказывают влияние на психологию человека, передает положительные или негативные ожидания от тех или иных событий.

Измерение политики – это и измерение психологии политиков. Вся мировая история как войн, так и конфликтов связана с человеческой психологией. Но в то же время оценка психологических ожиданий от каких-либо событий международной жизни не выявляет реальной опасности или безопасности. Необходимо стремиться к измерению реальной безопасности без психологии, но можно ли это сделать?

Максим Старчак

вице-президент Молодежного отделения
Российской ассоциации политической науки (МО РАПН),
руководитель группы по проблемам международной безопасности
и конфликтов МО РАПН

ИНИОН РАН, Российская ассоциация политической науки
Нахимовский пр., д.51/21
Москва, 117997, Россия

ЭКСПЕРТНАЯ ОПОРА

Главному редактору:

Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить за регулярно присылаемые Вами материалы, которые всегда с интересом изучаю.

Высоко оцениваю научно-исследовательскую, информационную и издательскую деятельность ПИР-Центра в сфере современной международной безопасности.

Первый проект и предшественник *Индекса Безопасности* – журнал *Ядерный Контроль* – благодаря объективной и высокопрофессиональной подаче информации стал одним из ведущих изданий в области нераспространения и контроля над вооружениями.

Убежден, новый формат журнала привлечет немало новых читателей, а анонсируемые аналитические материалы, открытый на его страницах диалог станут серьезной экспертной опорой конкретных практических шагов во внешней политике России.

С пожеланиями успехов,

Сергей Приходько

помощник президента Российской Федерации

Администрация президента Российской Федерации

ул. Ильинка, д. 23

Москва, 103132, Россия

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://www.pircenter.org>**, а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности, Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

*По всем вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
а также по вопросам комментариев экспертов ПИР-Центра
обращайтесь по тел.: +7 (495) 234-0525*

FROM THE EDITOR

- 7 **Needed: An Architect.** «The main result of the December 2, 2007 Duma elections: a long transition period in Russia is finally over. A new stage in Russia's development when has been open since then means that current national projects – designed mainly to address purely domestic issues – should be strengthened by the new ones, with even more grandeur. The key new project, it seems, should be restoration of linkage between Russia and her neighbors from the former common home – most of the former Soviet Union states,» – writes *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir Orlov. «There are few people better equipped to play the role of the architect of this new Eurasian common market and of the leader of real re-integration than Mr. Putin». In his Editorial, **Vladimir Orlov** also discusses Iranian nuclear program and Russian-Iranian relations.

INTERVIEWS

- 15 **Andrey Denisov: «The CIS is not a dead organization by any stretch of the imagination, and there is no question of breaking up the Commonwealth.»** In an interview with *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir Orlov, Russian First Deputy Minister of Foreign Affairs Andrey Denisov comments on the prospects for integrated projects in the post-Soviet space, Russia's cooperation with China, and the role of international organizations. Kosovo is another hot topic covered in the interview.
- 21 **Mikhail Margelov: «Russia and the United States need a marriage of convenience.»** Chairman of the Federation Council's International Affairs Committee shares his vision of U.S.-Russian relations, noting the key areas where the countries have something in common and where their interests diverge.

ANALYSIS

- 25 **Yuri Yudin, «The Future U.S. Nuclear Arsenal.»** The U.S. Reliable Replacement Warhead program has been controversial both in the United States and abroad. But it is already clear that the realization of this program will affect the interests of both states. The production of technologically new warheads is not the only issue. In the opinion of the expert from Sarov, the program will influence the entire system of strategic stability.
- 41 **Vadim Kozyulin, «The Central Asian States: Military Force Developments and the Prospects for Military Cooperation with Russia.»** Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan... Today the interests of the major powers are clashing in this region. PIR Center's Conventional Arms Project Director believes that thanks to its historic ties and institutionalized channels of cooperation, Russia still has a chance to play a leading role in the Central Asian arms market.

- 61 **Anastasia Ponamareva, «The Muslims of Europe: Increasing Fears.»** Determining the European Union's development strategy is impossible without a rethinking of *internal* European Islam and the way to integrate Muslims into the European socioeconomic system. Who are the European Muslims? What are the children and grandchildren of the Muslims who came to the old world several decades ago bringing to it today? Are they and the other citizens of Europe ready to live together in a multicultural society? PIR Center's former Research Associate, PhD student of Moscow State University proposes answers to these questions as well as her vision of the integration of Muslims into European social systems.
- 81 **Graeme P. Herd and Gagik Sargsyan, «Debating Russian Demographic Security: Current Trends and Future Trajectories.»** Russia's demographic crisis poses political, economic, societal, and military security challenges. What are the policy implications of population decline, particularly as the changes are proceeding unevenly, with an increase in the *ethnic* (non-Russian) population and a decreasing population in the Russian Far East? The authors from the Geneva Centre for Security Policy examine the problems and the fears, noting that Chinese immigration has not been as problematic as some would believe. Finally, they look at the policies that could be part of the next electoral campaign.
- 101 **Vasily Lata and Vladimir Maltsev, «The System of Systems: Information Weapons.»** Integrated weapons systems based on high-precision technologies and space-based navigation will become the weapons that provide for global security, through their combination of information and strike characteristics. However, space-based systems also contain the potential for cooperation that, if directed in the right way, could ensure global security, former senior Russian military officials suggest.

R O U N D T A B L E

- 121 **Javanshir Akhundov, Pavel Baev, Gennady Evstafiev, Tatiana Mitrova, Azer Mursaliev, Andrey Mukhin, Nikita Perfilyev, Oleg Pilipets, and Andrey Sinev, «Russia's Energy Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region.»** The expanding realm of issues tackled by the PIR Center, both in this journal and in its other activities, has led to more and more attention to the problem of energy security and Russia's role in the post-Soviet space. These materials from a round table organized by the PIR Center with the support of the Swiss Embassy in Moscow contain the experts' opinions on the aims of Russia's energy policy, and identify the main areas where interests clash as well as where cooperation is possible in the region's oil and gas sector.

C O M M E N T A R Y

- 135 **Linton Brooks, «The Reliable Replacement Warhead and Nonproliferation.»** In his written commentary, Ambassador and former Director of the U.S. National Nuclear Security Administration Linton Brooks emphasizes the advantages of the Reliable Replacement Warhead program. In his opinion, it will have significant benefits for the nonproliferation regime by making it possible to forego nuclear testing and to decrease the size of the U.S. nuclear arsenal.

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S : J U N E – O C T O B E R 2 0 0 7

- 139 **The *iSi* index – a comprehensive index of international security.** The summer and fall of 2007 was a time of alarming uncertainty in the area of international security, a fact directly reflected in the fluctuations of the *iSi* index. Where will the equilibrium move? Members of the PIR Center International Expert Group Marian **Abisheva**, Andrey **Kortunov**, Rama **Mani**, William **Potter**, Abdulaziz **Sager**, Yevgeny **Satanovsky**, Zhiye **Ji**, and Konstantin **Eggert** provide their assessments and forecasts.
- 141 **Yury Fedorov, A View by a Russian Liberal: «Mere Anarchy is Loosed upon the World.»** «Global uncertainty is increasing, while the ability to *direct* the processes

taking place in the global arena is decreasing. And it turns out that the global community as such, as well as the most powerful, leading states are incapable of stopping the accumulation of negative trends.»

- 155 **Dmitry Evstafiev. A View by a Russian Conservative: «Sovereign Democracy: the Global Context.»** «There is a disquieting sense in the world if not of *déjà vu*, then of something very familiar. The international system is going through a stage of active change, and the main players in the global arena, in expectation of the new context, mainly are concentrating on tactical missions.»

H I S T O R I C A L P A G E S

- 171 **Vladimir Verkhovtsev, «On the Main Nuclear Directorate.»** In 2007, the 12th Main Directorate of the Russian Ministry of Defense will celebrate its 60th anniversary. Its current director tells of the history, tasks, and roles of the main nuclear directorate in ensuring Russian security.

L I B R A R Y

- 179 **«Military Inc.»**, **Gennady Evstafiev.** This book by Pakistani researcher Ayesha Siddiqa on the increasing participation of the military in the business and economic life of various countries is based on rich factual material, particularly where her native Pakistan is concerned. The effectiveness of the commercial operations undertaken by the military raises great doubt, and often imposes a heavy burden both on military servicemen and on the national budget.
- 185 **«Politics between the Sky and the Earth,» Mikhail Agapov.** Madeline Albright's book may well be the only current example of a direct examination of the problem of religion in contemporary international affairs by a politician of such high rank. The author calls for a rejection of inaccurate terms to designate the enemies of the United States, such as «the adherents of political Islam» and «Islamofascists.» because «when we use more inclusive terms, we run the risk of creating a more inclusive adversary.»

N E W B O O K S

- 193 **Pavel Mansurov, Nikita Perfilyev, Roman Ustinov, and Albert Zulkharneev.** PIR Center research associates and interns provide reviews of new receipts by our library.

L E T T E R S T O T H E E D I T O R

- 197 **Sergei Prikhodko.** The Dialogue on the Pages of the Journal Will Help in Shaping Russia's Foreign Policy.
- 199 **Uzi Rubin.** From Deterrence to Domination.
- 201 **Maxim Starchak.** *iSi*: Reality or Psychology?

S U M M A R Y

A B O U T T H E A U T H O R S

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

Cov. III F I N A L Q U O T E S

«On Geography»

Агапов Михаил Геннадьевич – к.и.н., доцент кафедры новой истории и международных отношений Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. Родился в 1974 г. В 1999 г. с отличием окончил исторический факультет Тюменского государственного университета. В 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «СССР и палестинская проблема в 1920–1943 гг.». Состоит в научных сообществах: Российская ассоциация международных исследований (РАМИ), Научно-образовательный форум по международным отношениям (НОФМО), Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российское объединение исследователей религии (РОИР), Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Выпускник образовательной программы ПИР-Центра 2006 г. Адрес электронной почты: *magapov@mail.ru*

Ахундов Джаваншир Ашраф оглы – советник-посланник посольства Азербайджанской Республики в Российской Федерации, к.и.н. Родился в 1955 г. в Баку. В 1978 г. закончил факультет востоковедения Бакинского государственного университета по специальности «ирановедение». В советский период работал в системе Академии Наук Азербайджана в качестве специалиста в Иране и Афганистане. С 1992 г. является сотрудником МИДа Азербайджана. С 1995 по 1999 гг. работал в посольстве Азербайджана в Тегеране. С 2003 г. – в посольстве Азербайджана в Москве.

Баев Павел Кимович – к.и.н., проф. Международного института исследований проблем мира, Осло (Норвегия). В 1979 г. окончил географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «экономическая география зарубежных стран». Работал научным сотрудником в научно-исследовательском институте Министерства обороны СССР, в 1988 г. защитил диссертацию на степень к.и.н. в Институте США и Канады, с 1988 по 1992 гг. работал заведующим сектором в Институте Европы РАН. С октября 1992 г. работает в Международном институте исследований проблем мира. В 1995–2002 гг. был редактором журнала *Security Dialogue*. Специалист по проблемам военной реформы в России, урегулирования конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии, энергетической безопасности. Автор многих статей в ведущих международных журналах, еженедельно выступает с комментариями в *Eurasia Daily Monitor*, книга *Russian Energy Policy and Military Power* готовится к печати издательством “Routledge”. Адрес электронной почты: *pavel@prio.no*

Верховцев Владимир Николаевич – начальник 12-го Главного управления Министерства обороны РФ, генерал-полковник. Родился в 1955 г. В 1972 г. поступил в Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. После окончания академии проходил службу на различных должностях в воинских частях 12-го Главного управления Министерства обороны СССР Сибирского и Московского военных округов. С 1989 г. проходит службу в Генеральном штабе ВС СССР/РФ. Окончил Военную академию Генерального штаба ВС РФ в 1999 г. В августе 1997 г. назначен заместителем начальника 12-го Главного управле-

ния Министерства обороны РФ, с декабря 2005 г. – начальником 12-го Главного управления Министерства обороны РФ. Является одним из главных специалистов Министерства обороны РФ по вопросам учета, контроля и физической защиты ядерного оружия и ядерных материалов. Неоднократно принимал участие в международных переговорах по решению проблемных вопросов в области обеспечения безопасности ядерного оружия и его нераспространения. За время службы в Вооруженных силах награжден многими орденами и медалями.

Денисов Андрей Иванович – первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1952 г. В 1974 г. окончил МГИМО МИД СССР. Владеет китайским и английским языками. В 1973–1981 гг. работал переводчиком и экономическим и торговым представителем СССР в КНР. В 1981–1991 гг. – эксперт Международного отдела ЦК КПСС по Китаю. В 1992–1997 гг. занимал должности советника, старшего советника при посольстве России в Китае. В 1997–2000 гг. – директор департамента экономического сотрудничества МИД России. В 2000–2001 гг. – посол Российской Федерации в Арабской Республике Египет. С 2001 по 2004 гг. – заместитель министра иностранных дел России. В 2004–2006 гг. – Постоянный представитель Российской Федерации при ООН. С 2006 г. – первый заместитель министра иностранных дел России.

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 1), «Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 2), «Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии» (*Ядерный Контроль*, 2006, № 1), «Разоружение возвращается» (*Индекс Безопасности*, 2007, № 2). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – Заместитель генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Родился в 1966 г. С отличием закончив в 1989 г. исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ, работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. получил степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в Компании развития общественных связей (КРОС), в том числе в должности вице-президента КРОС, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Козюлин Вадим Борисович – директор Специальных проектов ПИР-Центра. Родился в 1965 г. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г., к. п. н. (защитил диссертацию по теме: «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центральноазиатском регионе»), проф. Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 2002 г. окончил Всерос-

сийскую академию внешней торговли по специальности «Управление военно-техническим сотрудничеством». Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП «Казспецэкспорт» в России. Сотрудничает с компаниями-спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Сфера научных интересов – военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Лата Василий Филиппович – консультант ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке), д. в. н., проф., действительный член Академии военных наук. Родился в 1944 г. В 1976 г. окончил командный факультет Военной академии им Ф.Э. Дзержинского. Затем служил на должности начальника штаба ракетного полка. С 1981 по 1999 гг. служил в Центральном аппарате Главного штаба РВСН на должностях научного сотрудника, старшего офицера отдела, затем старшего офицера Управления оперативной подготовки Генштаба. Был слушателем Академии Генштаба (1987–1989 гг.) и снова начальником отдела Главного штаба РВСН. В последующем – начальник направления и первый заместитель начальника Управления военной политики МО РФ, затем начальник Оперативного управления Главного штаба РВСН и первый заместитель начальника Главного штаба РВСН (до июля 1999 г.). Уволился по достижении предельного возраста службы. Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Национальная система ПРО США: возможности и перспективы» (*Ядерный Контроль*, 2002, № 2), «Иран: ракетно-ядерная загадка для России» (*Ядерный Контроль*, 2003, № 2), «Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности» (*Ядерный Контроль*, 2003, № 4) и д. р. В настоящий момент – генеральный директор «Научно-инновационного центра ракетно-космических технологий». Член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: lata@pircenter.org

Мальцев Владимир Васильевич – начальник кафедры Военной академии РВСН им. Петра Великого. Родился в 1952 г. на Украине. В 1982 г. окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1985 г. получил степень к. в. н., с 1992 г. – доцент, с 2007 г. – проф. С 1980 г. работает в Военной академии РВСН им. Петра Великого, в настоящее время – начальник кафедры. Сферой научных интересов является космическая системотехника.

Маргелов Михаил Витальевич – представитель в Совете Федерации Федерального Собрания РФ от администрации Псковской области, председатель Комитета Совета Федерации по международным делам, член Комиссии по Регламенту и организации парламентской деятельности, член Комиссии по контролю за обеспечением деятельности Совета Федерации. Родился в 1964 г. В 1986 г. окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальностям «историк-востоковед» и «референт-переводчик»; 1984–1986 гг. – переводчик Международного отдела ЦК КПСС; 1986–1989 гг. – преподаватель арабского языка в Высшей школе КГБ СССР; в 1990 г. – ведущий редактор арабской редакции ИТАР-ТАСС; с 1990 г. работал в американских консалтинговых компаниях, занимался проектами, связанными с инвестициями в СНГ; с 1995 г. – в компании *Video International*, где в 1995 г. являлся координатором предвыборной кампании Б.Н. Ельцина; с марта 1997 г. по апрель 1998 г. – начальник Управления по связям с общественностью администрации президента РФ; с апреля по октябрь 1998 г. – руководитель группы советников и аппарата председателя Государственного таможенного комитета РФ; с ноября 1998 г. по сентябрь 1999 г. – руководитель группы политических обозревателей РИА *Новости*; с октября 1999 г. занимал должность руководителя Российского информационного центра; член президиума Национального гражданского комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Митрова Татьяна Алексеевна – к.э.н., руководитель Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований Российской Академии Наук (ИНЭИ РАН). После окончания МГУ им. М.В. Ломоносова (экономический факультет) в 1994 г. работала в фирмах, занимающихся консалтингом в сфере энергетики – «Энеко» и «Энерго21». С 1998 г. работает в ИНЭИ РАН. С 2006 г. возглавляет Центр изучения

мировых энергетических рынков, созданный в этом институте. Имеет двенадцатилетний опыт работы по анализу энергетических рынков России, стран СНГ и Европы. Является членом региональной рабочей группы по энергетическим сценариям Мирового энергетического совета, Программного комитета «Б» («Регулирование») Международного газового союза и принимает участие в работе группы по внешнеэкономической деятельности и международному сотрудничеству Российского газового общества. В 2006 г. была членом группы по энергетической безопасности Организационного комитета по проведению саммита «Группы Восьми» в Санкт-Петербурге. Автор более 30 статей в научных и деловых журналах и сборниках по энергетической проблематике. Основные сферы деятельности – анализ развития глобальных энергетических рынков и экспортно-импортной политики России в энергетической сфере.

Мурсалиев Азер Ариф оглы – заместитель главного редактора газеты *Коммерсантъ*. В 1980 г. закончил Ленинградский госуниверситет, факультет журналистики. Работал в различных газетах, в том числе в *Комсомольской Правде* (собственный корреспондент, корреспондент отдела политики, обозреватель) и *Московских Новостях* (редактор отдела). С 1996 г. – в Издательском доме *Коммерсантъ* (обозреватель, заведующий отделом внешней политики). Член совета директоров ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом». Автор публикаций по проблематике международных отношений, в том числе «Россия и энергетические потоки на Евразийском континенте» (*Ядерный Контроль*, 2006, № 1). Член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: mursa@kommersant.ru

Перфильев Никита Вячеславович – заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*. Аспирант кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ. В 2007 г. с отличием окончил Томский государственный университет по специальности «международные отношения». В 2006 г. проходил стажировку в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон, США). В 2004–2005 гг. проходил обучение в Университете г. Илон (Северная Каролина, США). С 2007 г. выпускающий редактор электронного бюллетеня ПИР-Центра *Ядерный Контроль*. Сфера научных интересов: политика Китая в области нераспространения, ядерная доктрина Китая, энергетическая политика России. Адрес электронной почты: perfiljev@pircenter.org

Пилипец Олег Владимирович – советник президента компании *Транснефть*. Родился в 1939 г. в Баку. В 1961 г. окончил нефтяной факультет Куйбышевского индустриального института по специальности «инженер по разработке нефтяных и газовых месторождений». В 1961–1963 гг. работал в объединении *Куйбышевнефть*. С 1963 по 2001 г. работал в КГБ СССР – СВР России; полковник в отставке. С 2001 г. советник президента компании *Транснефть*.

Понамарева (Лагута) Анастасия Михайловна – аспирантка факультета социологии МГУ им. М.В. Ломоносова по направлению «этносоциология». Тема кандидатской диссертации – «Социокультурная адаптация мусульманских общин в западноевропейские общества». Родилась в 1982 г. С отличием окончила факультет социологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тема дипломной работы «Проблемы социокультурной адаптации вынужденных мигрантов на примере России». В 2004–2005 гг. – автор публикаций в газете *Московская Правда*. В 2005–2007 гг. работала в ПИР-Центре координатором Программы по обычным вооружениям, младшим научным сотрудником. Автор ряда публикаций, включая «Россия: новые миграционные тренды и реакция общества»; «Историческая память как фактор этнокультурной идентичности». Сфера научных интересов – этнополитические конфликты, проблемы международной безопасности. Адрес электронной почты: lagutaa@mail.ru

Приходько Сергей Эдуардович – помощник президента РФ по вопросам внешней политики и международных отношений. Координирует деятельность Управления президента по внешней политике. Ранее – начальник Управления по внешней политике администрации президента РФ, заместитель руководителя администрации президента Российской Федерации. В 1997–1998 гг. – помощник президента Б.Н. Ельцина по международным вопросам. Государственный советник второго класса. Кавалер золотого почетного знака

«Общественное признание» (1999). Член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Рубин Узи – независимый консультант, глава компании *Rubincon Ltd*. Прошел карьерный путь от помощника инженера до главы департамента в Министерстве обороны Израиля. С 1989 по 1990 г. возглавлял программу по распространению ракетных технологий в Центре по международной безопасности и контролю над вооружениями в Стэнфордском университете (США). Основатель Организации противоракетной обороны Израиля, которой он руководил с 1991 по 1999 г. Создатель израильской системы противоракетной обороны *Эрроу*. В 1999 г. работал старшим директором Совета по национальной безопасности Израиля. С 2001 г. до выхода на пенсию в 2002 г. работал специальным помощником по НИОКР при Министерстве обороны Израиля. Автор многочисленных публикаций по ракетной тематике. Имеет множество правительственных наград.

Саргсян Гагик – сотрудник Женевского центра политики безопасности. В 2006 г. получил степень магистра в Женевском институте международных отношений по специальности «международные отношения». Вскоре начал работать в Женевском центре политики безопасности. В круг научных и профессиональных интересов входят Россия и страны бывшего Советского Союза, история и историография Кавказского региона, миграция, демография, диаспоры, этнические конфликты и национализм. Адрес электронной почты: gagik_sargsyan@yahoo.com

Синев Андрей Николаевич – директор московского представительства компании *NAC International Inc*. Родился в 1947 г. В 1971 г. окончил Московский инженерно-физический институт по специальности «физика твердого тела» и «металлургия». В 1979 г. получил второе высшее образование во Всесоюзной академии внешней торговли по специальности «международная экономика». Начинал карьеру во Всероссийском научно-исследовательском институте неорганических материалов им. А.А. Бочвара в качестве научного сотрудника. В 1979–1983 гг. работал в штаб-квартире МАГАТЭ научным секретарем Международной рабочей группы по вопросам надежности компонентов реакторов под давлением. С 1983 по 1993 г. – заведующий лабораторией, начальник отдела, а затем – заместитель директора общественного информационного центра по атомной энергии в Центральном научно-исследовательском институте управления, экономики и информации в Москве. С 1993 по 2003 г. директор департамента атомной энергии и топливно-го цикла компании *International Business Relations Corporation*. С 2003 г. – директор московского представительства компании *NAC International Inc*.

Старчак Максим Владимирович – вице-президент Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки (МО РАПН), руководитель группы по проблемам международной безопасности и конфликтов МО РАПН, координатор регионального отделения Российской молодежной ассоциации евро-атлантического сотрудничества. Аспирант факультета международных отношений Нижегородского госуниверситета. В 2005 г. окончил Иркутский госуниверситет по специализации «международная безопасность и интеграция». Сферы исследовательских интересов: вызовы безопасности в Центральной Азии, отношения Россия–ЕС, Россия–НАТО, проблемы урегулирования конфликтов в Европе и Азии, новые подходы к ядерному нераспространению. Адрес электронной почты: MStarchak_MORAPN@mail.ru

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. К. и. н. , проф. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности,

в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*, 2001, № 16), «Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 4), «Корейский ядерный кризис и Россия» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 4) и д. р. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Херд Грэм П. – содиректор Программы по европейской безопасности Женевского центра политики безопасности (ЖЦПБ), ассоциированный сотрудник Программы по международной безопасности в Чатэм Хаус (Лондон) и почетный научный сотрудник факультета политики и международных отношений университета г. Абердина (Шотландия). С 2002–2005 гг. занимал должности профессора по военно-гражданским отношениям, ассоциированного директора семинаров для руководителей высшего ранга и директора по научной части в Центре по изучению политики безопасности им. Дж. Маршалла (Гармиш-Партенкирхен, Германия), где по приглашению читал лекции в школе НАТО в Обераммергау. До этого преподавал в Абердинском (1997–2002) и Стэнфордском (1994–1997) университетах. С 1993 по 1994 г. являлся руководителем проектов в департаменте военных исследований Королевского колледжа в Лондоне. Его докторская диссертация была посвящена роли шотландских наемников в России в XVII в. Адрес электронной почты: g.herd@gcsp.ch

Юдин Юрий Александрович – директор Аналитического центра по проблемам нераспространения. Родился в 1964 г. В 1988 г. окончил Московский инженерно-физический институт по специальности «теоретическая физика». К. т. н. Лауреат премии правительства Российской Федерации (1999 г.). Сфера научных интересов – ядерное нераспространение, проблемы стратегической стабильности, контроль ядерных вооружений, атомная энергетика. Соавтор и редактор ряда книг по истории ядерного оружейного комплекса СССР, в том числе книг «Ядерные испытания СССР», тома 3 и 4, «Укрощение ядра», «Ядерное разоружение, нераспространение и национальная безопасность», «Ядерный центр России – Саров». Адрес электронной почты: npc@sarov.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 30 ноября 2007 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник, Программа международной безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, администрация президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., заместитель генерального директора Национальной лаборатории внешней политики, Москва, Россия

Елеуменов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в Великобритании, Лондон, Великобритания

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., заместитель начальника инспекции, Счетная палата РФ, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., проф., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиаационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Людекинг Рюдигер, заместитель уполномоченного федерального правительства по вопросам контроля над вооружениями и разоружения, Министерство иностранных дел Германии, Берлин, Германия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружением, посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий, отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, старший вице-президент по национальной безопасности и международной политике, Центр американского прогресса, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Соков Николай Николаевич, д.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель Проекта по вооруженным конфликтам и регулированию конфликтов Стокгольмского международного института проблем мира (СИПРИ), Стокгольм, Швеция; руководитель Группы по нетрадиционным угрозам Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы ВВС, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор по правовым и корпоративным вопросам, Майкрософт Россия/СНГ, Москва, Россия

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2008 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКАна газету
журнал

80666

(индекс издания)

ПВ	место	литер

Индекс безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:	
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------	--

на 2008 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)